Библіотека Свободной Россіи № 17.

Л. А. Кроль.

ЗА ТРИ ГОДА

(ВОСПОМИНАНІЯ, ВПЕЧАТЛѢНІЯ И ВСТРѢЧИ).

ВЛАДИВОСТОК.
Типо-литографія Т-ва Изд. „Свободная Россія".
1922

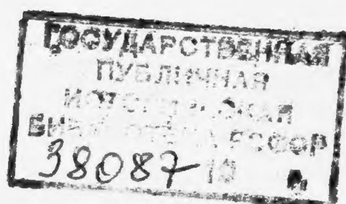
Л. А. Кроль.

ЗА ТРИ ГОДА

(Воспоминанія, впечатлѣнія и встрѣчи).

ВЛАДИВОСТОК.
Типографія Т-ва Изд. «Свободная Россія»
1921.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
38087-19

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я пишу не исторію, не лѣтопись, а личныя воспоминанія и впечатлѣнія, отнюдь не претендуя на объективность. Я забочусь при этом лишь об одном: чтобы воспроизвести свои впечатлѣнія такими, какими они были в свое время, хотя в настоящее время я, вѣроятно, ко многому отнесся бы иначе, чѣм тогда. Путь от Всероссійскаго Учредительнаго Собранія до Приамурскаго Народнаго Собранія не мог для меня пройти даром. Жизнь показала полную негодность в борьбѣ с коммунистами тѣх планов и построеній, которые казались правильными и разумно расчитанными в свое время.

Хотя я пишу для современников, а не для историка, но послѣднему, может быть, мои очерки пригодятся для уясненія психологіи общественных и политических дѣятелей в тѣ моменты, которых касаются мои очерки.

Условія переѣзда моего от Москвы до Владивостока были таковы, что мнѣ нельзя было сохранить документы и записи. Мнѣ приходится писать почти исключительно по памяти, с трудом возстанавливая тѣ или другія даты. Поэтому в части, касающейся дат, вполнѣ возможны небольшія ошибки, за которыя заранѣе приношу извиненія перед читателем.

Владивосток
1921 г.

ЧАСТЬ I.

В МОСКВѢ

(ЯНВАРЬ—ІЮНЬ 1918 ГОДА).

ГЛАВА I.

Переѣзд в Москву.— Центральный Комитет к.-д. в подпольѣ. — Открытіе и разгон Всероссійскаго Учредительнаго Собранія.— Убійство Кокошкина и Шингарева.— Большевизм на Уралѣ.

1.

Будучи выбран во всероссійское Учредительное Собраніе, я в декабрѣ 1917 года собирался выѣхать туда.

С выѣздом я ждал извѣстій от Ц. К. партіи к.-д., предложившаго мнѣ не выѣзжать до полученія от него извѣщенія. Прибывшій в это время в Екатеринбург член ц. к. К. К. Черносвитов (впослѣдствіи разстрѣлянный большевиками в Москвѣ), передавал мнѣ, что в ц. к. весьма сомнѣваются в том, чтобы Учредительное Собраніе могло функціонировать, а потому он не думает, чтобы я получил от ц. к. обѣщанный вызов. 27 декабря я, однако, этот вызов получил с предложеніем пріѣхать предварительно в Москву. В тот же день я выѣхал, успѣв выступить с прощальной рѣчью перед избирателями, для чего использовал лекцію К. К. Черносвитова «о необходимости борьбы с коммунистами и защиты Учредительнаго Собранія», лекцію по какой-то оплошности, допущен[illegible]стями предержащими. Внѣ оче[illegible] я торопился на вокзал, [illegible] рѣшили выступить в перерывѣ [illegible] объявленном Черносвитовым, и [illegible]сказал избирателям тѣ чувства, [illegible]ми я ѣду в Учредительное Собраніе. Я указал, что депутат — то же, что кредитный рубль. Он полноцѣнен, если позади его имѣется обезпеченіе; и ничего не стоит, если этого обезпеченія нѣт. Практика разгона первых двух Государственных Дум показала, что наше населеніе очень равнодушно относится к судьбѣ своих представительных органов, а потому я и на этот раз мало вѣрю в то, чтобы Учредительное Собраніе было поддержано настолько, чтобы большевики не осмѣлились в случаѣ надобности его разогнать. Это в достаточной мѣрѣ рисует тѣ чувства, с которыми я ѣхал. Их мало разсѣяло и то, что, как оказалось на вокзалѣ, власти дали распоряженіе о выдачѣ проѣздных билетов членам Учредительнаго Собранія внѣ всякой очереди и о содѣйствіи их удобному проѣзду.

Вмѣсто трех суток я проѣхал до Москвы чуть не недѣлю. Уже в Вологдѣ я расчитал, что прибуду в Москву 3 января. 5 января открывалось Учредительное Собраніе. Поэтому я телеграфировал московскому отдѣлу ц. к., чтобы мнѣ оставили инструкцію и обезпечили проѣзд в Петроград, в случаѣ отъѣзда всѣх туда.

Но от Вологды, — откуда до Москвы сутки ѣзды, — мы еще умудрились опоздать на сутки. Мы долго стояли на каком то полустанкѣ, потому что впереди нас застрял в снѣгу поѣзд. Кто то предложил пустить наш поѣзд на перегон по лѣвому пути. Начальник полустанка отвѣтил, что это вполнѣ мыслимо, но практических результатов не даст. В идущем впереди нас поѣздѣ много солдат и они нас несомнѣнно выбросят, пересядут в наш поѣзд, а нам предоставят свой, так что мы ровно ничего не выиграем. Оказавшіеся в большом числѣ солдаты и в нашем поѣздѣ заявили, что они готовы принять бой. Тогда был произведен учет реальных сил. Оказалось, что перевѣс на сторонѣ того поѣзда, а потому мы остались на мѣстѣ. Как штрих, рисующій эпоху, момент не безынтересен. Еще рѣзче

полная расхлябанность государственнаго механизма сказалась при въѣздѣ в Москву. Мы пріѣхали до разсвѣта и нам на вокзалѣ посовѣтовали дождаться утра. Улицы не освѣщались в видах экономіи топлива, и в центрѣ города убивали и грабили. Мы послушались совѣта, и хорошо сдѣлали. Бандитизм в Москвѣ процвѣтал во всю, и только путем драконовских мѣр, безконечными разстрѣлами «при попыткѣ к бѣгству» и «на мѣстѣ преступленія» удалось большевистской власти в теченіе первых двух мѣсяцев 1918 года установить полусомнительную безопасность по ночам на улицах.

2.

В конечном счетѣ, я пріѣхал в Москву 4 января, т. е. наканунѣ открытія Учредительнаго Собранія. В квартирѣ, куда я заѣхал, меня ждала записка от секретаря ц. к. с просьбой не уходить и дожидаться личной бесѣды, а спустя час секретарь пришел навѣдаться, не пріѣхал ли я.

Вѣсти его были печальны. Центральный комитет в Петроградѣ был разгромлен. Партія к.-д. объявлена *врагом народа*. В Петроградѣ работать немыслимо. Члены ц. к. перебираются в Москву. Но и здѣсь приходится работать конспиративно. О пользованіи своим помѣщеніем и думать не приходится. Члены Учредительнаго Собранія к.-д. Кокошкин, Шингарев, Кишкин, кн. Долгоруков, Набоков — в тюрьмѣ; остальные, находящіеся в Петроградѣ, а равно члены ц. к. вынуждены скрываться. При таком положеніи дѣл ц. к. наканунѣ постановил, чтобы партійные члены Учредительнаго Собранія в первое засѣданіе его не являлись, а в дальнѣйшем поставить вопрос в зависимость от освобожденія арестованных членов Учредительнаго Собранія. Сюда же как второстепенный, входил вопрос о недопустимости регистраціи у большевика Урицкаго. Рѣшеніе ц. к. о неявкѣ в первое засѣданіе Учредительнаго Собранія было принято единогласно, при неучастіи в голосованіи членов ц. к., выбранных в Учредительное Собраніе. Сообщив мнѣ эти свѣдѣнія, секретарь передал мнѣ, что засѣданіе ц. к. состоится в частной квартирѣ в тот же день через нѣсколько часов.

Впервые пришлось мнѣ участвовать в конспиративном засѣданіи нашего ц. к.. Даже во время царизма и послѣ того, как мы были «разъяснены» в 1907 году сенатом, мы не собирались конспиративно и не только ц. к., но и любой съѣзд. Они не были офиціальны, но они и не были конспиративны. Говорить о «конспиративном» съѣздѣ кадетов, продолжающемся нѣсколько дней в столицѣ в одном и том же помѣщеніи, *было бы*, конечно, смѣшно. Власти, конечно, знали, но, что называется, смотрѣли *сквозь пальцы*. Теперь мы были «враги народа» и приходилось засѣдать и собираться дѣйствительно конспиративно.

В сборѣ были почти исключительно москвичи. Предсѣдательствовал профессор Новгородцев. Вопрос, вполнѣ естественно, вертѣлся вокруг Учредительнаго Собранія. Завтра его открытіе; завтра — манифестація, организованная комитетом защиты Учредительнаго Собранія. Какое участіе *принять в этом дѣлѣ?* — Оказывается, что мы, как партія, в состав комитета *не входим*. Почему? Очень просто. Иниціаторы комитета эсеры и другіе соціалисты установили, что в состав комитета могут входить соціалистическія партіи и демократическія «организаціи». А так как к.-д. партія не соціалистическая, а хоть она и демократическая, но не организаціи, а партія, то большинство комитета по этому формальному признаку нашло, что *партіи* к.-д. нѣт мѣста в дѣлѣ защиты Учр. Собранія. *Волей-неволей*, раз мы отстранены, пришлось отказаться от какого-либо офиціальнаго участія партіи в организуемой демонстраціи, предоставив отдѣльным членам партіи, за исключеніем членов ц. к., принимать участіе в демонстраціи по их усмотрѣнію. Из других вопросов, поднятых в этом засѣданіи, я помню вопрос о том, чтобы поручить одному из членов Учредительнаго Собранія к. д. огласить в первом его засѣданіи декларацію от имени фракціи к.-д. о мотивах ея неявки в засѣданіе с протестом против содержанія под стражей членов Учредительнаго Собранія. Эта мысль была однако отклонена, ибо счи-

тали, что будет одно из двух: или наших сотоварищей освободят к моменту открытія Учредительнаго Собранія, тогда они и другіе, находящіеся в Петроградѣ к.-д., члены Учредительнаго Собранія явятся в засѣданіе; или заключенных не освободят — тогда явно безцѣльно подвергать риску кого-либо из наших членов Учредительнаго Собранія для декларированія чего бы то ни было перед людьми, способными держать в тюрьмѣ народных избранников.

Наши предположенія насчет того, с кѣм мы имѣем дѣло, нас не обманули. 7 января, утром, мы уже могли читать в газетах про ту гнусную картину издѣвательства, которую создали большевики из перваго и вмѣстѣ с тѣм послѣдняго засѣданія Учредительнаго Собранія. Так как эс-эры, как и мы, считали невозможным регистрироваться у Урицкаго, то вопрос был обойден тѣм, что им прислали членскіе билеты во фракцію. О «врагах же народа» в таком порядкѣ не заботились. Кресла в залѣ были оставлены строго по числу зарегистрированных, а остальныя вынесены из зала. Нам мѣста не было. За нас и без нас рѣшали. Очевидно, если бы кто-либо из нас явился, то для него было уготовано другое мѣсто, а не курульное кресло.

Через пару дней мы это почувствовали. Пробрался из Петрогрда Винавер. Дѣлились впечатлѣніями. При выѣздѣ он захватил какую то газетку, которая сообщала, что среди коммунистов большіе дебаты по поводу содержанія под стражей без предъявленія обвиненія членов Учредительнаго Собранія, включая к.-д., и что, повидимому, их освободят. Тут же было оглашено только что полученное от гр. Паниной письмо, в котором она сообщала, что благодаря связям в медицинском мірѣ сестры Шингарева, кажется, удастся добиться, чтобы Шингарева и Кокошкина перевели из Петропавловской крѣпости в частную лечебницу; что, так как все-таки все может случиться, то, опасаясь возможнаго разочарованія, от Шингарева и Кокошкина это скрывают.

В том положеніи, в котором мы были, когда мы весьма мало считали обезпеченной жизнь «врагов народа», даже находящихся на свободѣ, а тѣм болѣе опасались за жизнь находящихся в тюрьмѣ, по адресу которых шли угрозы со стороны их стражи, полученныя вѣсти нас весьма обрадовали.

В этом хорошем настроеніи мы открыли засѣданіе, приступили к разсмотрѣнію дѣл, но... тут мы были прерваны звонком. По телефону из «Русских Вѣдомостей» нам передали ужасную вѣсть об убійствѣ Шингарева и Кокошкина. Засѣданіе пришлось прервать...

Трагическая обстановка убійства во снѣ этих двух больных, именами которых гордилась по праву вся Россія, потеря этих двух выдающихся своих членов вполнѣ естественно заставили ц. к. отвлечься на время от всего остального. Почтить память покойных, демонстрировать протест общества—стало очередной задачей.

Всѣ усилія получить разрѣшеніе на перевозку тѣл покойных в Москву оказались безрезультатными. Власти боялись, как бы это не вызвало слишком опасной демонстраціи. Рѣшено было ограничиться устройством панихиды в храмѣ Христа Спасителя, обратиться с просьбой отслужить ее к патріарху и широко оповѣстить о предстоящей панихидѣ населеніе.
В вопросѣ о патріаршем служеніи встрѣтился ряд обстоятельств, по которым это оказалось невозможным. Но панихиды в храмѣ Христа Спасителя все таки добились. Она состоялась при невѣроятном стеченіи народа. Присутствовал весь наличный в Москвѣ состав ц. к. По окончаніи панихиды, при выходѣ, как-то невольно всѣ остановились. Получилась весьма импозантная живая картина. Вся монументальная лѣстница храма была усѣяна публикой, а наверху ея рѣзко выдѣлялась знакомая москвичам фигура проф. Новгородцева. Импровизированный молчаливый митинг протеста говорил сильнѣе всяких слов. Очевидно, это дѣйствовало даже на большевиков. Несомнѣнно, что их шпиков тут было вполнѣ достаточно. Но арестовать членов ц. к. тут же не рисковали, хотя через нѣсколько часов на их квартиры являлись.

3.

Не успѣли мы придти в себя от убійства Кокошкина и Шингарева, как я получил извѣстіе о разстрѣлѣ двух выдаю-

щихся дѣятелей партіи к.-д. в Пермской губерніи, супругов Агѣевых, пользовавшихся особенной популярностью в Кунгурском уѣздѣ, гдѣ они отдавали в теченіе ряда лѣт и свое большое состояніе и свои личныя силы дѣлу просвѣщенія народа. Этот разстрѣл был прямым актом власти и объясняется особенностями Урала.

На Уралѣ большевизм свил себѣ гнѣздо почти с первых дней своего появленія (1904 год) и стал там, если можно так выразиться, одним из коренных мѣсторожденій. Не даром он дал коммунистам таких видных дѣятелей, как Свердлов (первый предсѣдатель Цика), Крестинскій (нарком финансов), Чуцкаев (его товарищ, введшій натуральное обложеніе и разверстки), Сосновскій, Спунде и др.

1917 году застал на Уралѣ большевиков вполнѣ организованными, и ими в «столицѣ Урала», Екатеринбургѣ, был образован для управленія Уралом свой автономный совнарком, дѣйствовавшій, как он выражался, «в контактѣ» с Московским совнаркомом. Москва сильно боролась с таким сепаратизмом и только в началѣ мая 1918 года одолѣла его, когда уральскій совнарком стал сильно нуждаться в денежных знаках, не успѣвая изготовлять их и будучи вынужден обратиться за помощью к Москвѣ. По моим свѣдѣніям Москва отправила тогда поѣзд с кредитками и с... сильным отрядом, чтобы предложить уральскому совнаркому на выбор то или другое в зависимости от подчиненія или неподчиненія. На этой почвѣ произошел крайне трагическій случай. Уральскій совнарком, очевидно, знал о характерѣ этого отряда, который для охраны должен был сопровождать поѣзд с кредитками. Получив извѣстіе о приближеніи к Екатеринбургу какого-то поѣзда из Перми с отрядом, совнарком распорядился приготовиться встрѣтить его с оружіем в руках. По городу раскинулись цѣпи, красноармейцы залегли по улицам и кое-гдѣ, поддавшись по неизвѣстной причинѣ паникѣ, бѣжали, бросив оружіе. Этого было достаточно, чтобы бывшіе в городѣ крестьяне Березовскаго завода (17 верст от Екатеринбурга) немедленно поскакали туда с вѣстью, что в Екатеринбургѣ совѣтская власть свергнута. Тогда там немедленно свергли Березовскій исполком. Тревога в Екатеринбургѣ оказалась ложной. Отряд оказался ничего общаго не имѣющим с тѣм, котораго ожидали. Березовское «возстаніе» было подавлено с необычайной жестокостью, а уральскій совнарком, повидимому, убѣдившись на мало удачной «репетиціи», чего стоят его красноармейцы, больше попыток к единоборству с Москвой не дѣлал и подчинился.

Но это, как я указал, было только в началѣ мая. До этого же Уральскій совнарком дѣйствовал совершенно самостоятельно и шел впереди Москвы. Так, уже в теченіе января-февраля на Уралѣ были національзированы всѣ фабрики и заводы, а в это время в Москвѣ Ленин на митингѣ на требованія національзировать промышленныя предпріятія отвѣчал: «Бланки отпечатаны, за *моей подписью* дѣло не станет. А управляющіе, руководители у вас есть? Когда они у вас будут, тогда *подпишу*». То же было и с политическим террором. Урал шел впереди Москвы. За Агѣевыми послѣдовали другіе «враги народа». В Екатеринбургѣ был разстрѣлян «при попыткѣ к бѣгству» доставленный из Верхотурья предсѣдатель Верхотурскаго комитета к.-д. Ардашев (двоюродный брат Ленина), в Осѣ предсѣдатель комитета Насонов и в Н. Тагилѣ — предсѣдатель мѣстнаго комитета Кларк. Не знаю, какова была бы моя участь, как предсѣдателя губернскаго комитета, не могу судить об этом и по участи сочленов по комитету, т. к. всѣ вліятельные из них скрылись. Я же, получив в Москвѣ в январѣ извѣстіе о полученном в Екатеринбургѣ приказѣ из Петрограда о моем арестѣ, предпочел остаться в Москвѣ.

Я дѣлаю это отступленіе, чтобы не возвращаться к Уралу в связи с событіями в Москвѣ.

ГЛАВА II.

Увѣренность в непрочности совѣтской власти — Учредительное Собраніе или возстановленіе монархіи? - Битыя ставки.

1.

Разгон Учредительнаго Собранія естественно поставил перед политическими дѣятелями вопрос о власти. О том, чтобы у власти могли надолго оставаться коммунисты, никто и не думал. Забастовка служащих или «саботаж интеллигенціи», по номенклатурѣ коммунистов, была в полном разгарѣ: у коммунистов служить не хотѣли и считали возможным выдержать это положеніе, учитывая его временность. Сами коммунисты далеко не вѣрили в прочность своей власти. Так один из очень видных московских коммунистов С. урезонивал своего друга, оставившаго пост управляющаго крупным муниципіальным предпріятіем, вернуться обратно слѣдующим образом: «Что вы дѣлаете? Сколько мы пробудем у власти? Ну два, три мѣсяца. Вѣдь веревки, на которой меня повѣсят, даже готовить не приходится, она уже лежит готовая. А вы губите серьезное предпріятіе». Так на власть коммунистов, как на временную, смотрѣли обѣ стороны.

Каков выход из положенія? Их было предложено два. С одной стороны эс-эрами-собрать Учредительное Собраніе и открыть борьбу с коммунистами во имя Учредительнаго Собранія; с другой стороны правыми (националистами и октябристами) — возстановить монархію. Одни составляли большинство печальнаго «хозяина земли русской», другіе базировались на накопившейся реальной силѣ в области войска Донского и на весьма крупной военной организаціи в Москвѣ. Эта организація, по словам правых, была вполнѣ достаточна, чтобы захватить в Москвѣ власть.

И этому можно было тѣм болѣе вѣрить, что в началѣ 1918 года «красноармейцы» в Москвѣ представляли собой зрѣлище болѣе, чѣм печальное. Это была большей частью молодежь, пугавшаяся на уличных постах в темнотѣ малѣйшаго шороха и с перепугу открывавшая стрѣльбу, вызывавшую отвѣтную с других постов. С такой «арміей» справиться было, конечно, не трудно. Правые учитывали, что захват власти в Москвѣ не дал бы ее им на продолжительное время: Петроград со своими латышскими и мадьярскими полками оказался-бы сильнѣе. Поэтому расчет их основывался на подходѣ арміи Корнилова с юга и переворотѣ в надлежащій момент в Москвѣ. Свой план правые выдвигали перед к.-д. в своеобразной формѣ: «или вы с нами, тогда монархія будет хорошая, конституціонная, или вы не с нами, мы остаемся одни, тогда мы возродим в полной мѣрѣ самодержавіе».

Так стали перед нами два пути. Один — Учредительное Собраніе, путь народоправческій; другой — путь монархическій.

О третьем пути, об измѣненіи отношенія к власти коммунистов никто из нас, как я уже говорил, и не мыслил. Какой путь избрать, таков был вопрос, ставшій перед нами. Вопрос был тѣм болѣе сложен, что, стоя на точкѣ зрѣнія необходимости избавиться от власти коммунистов во что-бы то ни стало, какой-нибудь из путей необходимо было выбрать, и путь реальный, могущій дать результаты, а не

только красивый жест. Наше положеніе было тѣм болѣе трудно, что в Учредительном Собраніи нас было всего 15 членов (при общем числѣ, превышавшем тысячу). Значит, там мы были без вліянія даже при исключеніи из него коммунистов, «самоустранившихся актом разгона», как говорили эс-эры. С другой стороны реальной силой располагали не мы, а правые, чуть не нас винившіе в революціи. Для эс-эров мы были контр-революціонерами; для правых мы были революціонерами; ни силой голосов, ни силой штыков мы не располагали; и тѣм не менѣе и тѣ и другіе усиленно тянули нас в свою сторону.

Принципіальному республиканцу может показаться странным вопрос, о чем тут задумывались к.-д. Раз они заявляли себя республиканцами, то всякая мысль о монархіи должна была быть ими отброшена. Но такіе принципіальные республиканцы, кажется, только в Россіи и водятся. В других мѣстах считают, что форма правленія—вопрос цѣлесообразности, а не принципа. Так, русскіе журналисты-соціалисты были в свое время очень поражены, когда встрѣтили на границѣ французскаго министра-соціалиста Тома и выслушали с его стороны по нѣкоторым вопросам довольно рѣзкое заявленіе: «сейчас я гость русскаго императора и мнѣ неудобно об этом говорить».

Если подходить к вопросу с принципіальной стороны, то, несомнѣнно, к.-д. послѣ революціи настолько-же плохіе республиканцы, как они были плохими монархистами до революціи. К.-д. твердо стоят за власть народа, выявляемую парламентаризмом, за отвѣтственность исполнительной власти и за ничтожную роль главы государства. Что касается вопроса о наслѣдственном или выборном главѣ, то к.-д. считают этот вопрос принципіально совершенно второстепенным; для них это вопрос только цѣлесообразности. Вот почему на первом же съѣздѣ послѣ революціи предложеніе о замѣнѣ требованія парламентарной монархіи парламентарной республикой не вызвало даже возраженій.

Ставшій перед Ц. К. вопрос, вопрос дѣлового характера, надо было разрѣшить.

2.

Что такое Учредительное Собраніе, что оно представляет собою без коммунистов и лѣвых эсеров, какую роль оно может сыграть? Таковы были вопросы, ставшіе перед ц. к.

В оцѣнкѣ Учредительнаго Собранія мнѣнія в ц. к. мало расходились. Всѣ были согласны с мѣткой характеристикой одного из членов ц. к. (не помню сейчас, кого именно): «Учредительное Собраніе, предсѣдателем котораго может быть на выбор Спиридонова или, в лучшем случаѣ, Чернов — не Учредительное Собраніе».

Привыкшіе к чрезвычайно серьезному отношенію к законодательству, мы просто были неспособны психологически воспринять то, что под видом и именем «земельнаго закона» было принято в первом и единственном засѣданіи Учредительнаго Собранія. Было и больно и смѣшно.

Не было у нас разногласій и в том, что разогнанное Учредительное Собраніе не может дальше играть своей прямой роли. Историческій опыт показал, что только рѣдкія из Учредительных Собраній выполнили свою миссію. Обыкновенно их разгоняла исполнительная власть, располагавшая вооруженной силой, раз они по своему составу ей не подходили. Участь нашего Учредительнаго Собранія была из обычных. Тот же историческій опыт говорил нам, что разогнанный орган народнаго представительства теряет свой моральный авторитет. Мы это видѣли и в Россіи на примѣрѣ первых двух государственных дум. Орган народнаго представительства силен, покуда его не осмѣливаются трогать. А раз тронули, а народ не возстал, то его пѣсня спѣта.

Не было у нас разногласій и в том, что без коммунистов и лѣвых эсеров Учредительное Собраніе, как выразитель воли всего населенія, перестает существовать. К этому заключенію мы приходили не потому, чтобы коммунисты нам очень нужны были, а потому, что без них почти половина населенія остается без представительства, а уж этого никуда не дѣваешь.

Одним словом, все вело к тому, что Учредительнаго Собранія, как таковаго, болѣе не существует, и, максимум, что оно могло бы даже теоретически сдѣлать, это — выбрать временную власть, назначить

новые выборы и самораспуститься. Но в реальную возможность и этого мы всѣ мало вѣрили.

Будучи солидарны во всем предыдущем, мы весьма сильно расходились в оцѣнкѣ того, может - ли или нѣт разогнанное Учредительное собраніе послужить знаменем, вокруг котораго могло бы быть достигнуто объединеніе для борьбы с коммунистами. Одни находили, что Учредительное Собраніе — труп, а потому не стоит с ним и возиться. Другіе полагали, что так относиться к вопросу не слѣдует. Пусть Учредительное Собраніе — труп, но бывают покойники, за которыми идет толпа, и, если возможно, то надо испытать, не пойдет ли толпа за Учредительным Собраніем против коммунистов.

Мало - по - малу члены Учредительнаго Собранія стали съѣзжаться в Москву; подавляющее большинство их составляли, конечно, эсеры. Нас, к.-д., в тот момент было в Москвѣ всего трое — П. И. Новгородцев, Н. И. Астров и я. Из нас троих я один стоял на точкѣ зрѣнія возможности использовать Учредительное Собраніе, как знамя для борьбы с большевиками.

Прибывшіе из Петрограда в Москву эсеры выдвигали в первую голову вопрос о созывѣ Учредительнаго Собранія без большевиков. Гдѣ? — О Петроградѣ или Москвѣ нечего было и думать, о провинціальном каком-нибудь городкѣ — тѣм менѣе. Оставалось на выбор — или за границей или в области войска Донскаго. Первое не выдерживало никакой критики; второе пугало эсеров. Выдвигали также Кіев, но почему-то и это казалось неподходящим.

У нас еще окончательной точки зрѣнія в отношеніи Учредительнаго Собранія не было установлено, как неожиданно по окончаніи одного из засѣданій ц. к., когда большинство уже разошлось, мы получили приглашеніе немедленно прислать представителей на Собраніе членов Учредительнаго Собранія. Посовѣтовавшись с оставшимися нѣсколькими членами ц. к., я совмѣстно с другим членом ц. к. отправился на собраніе исключительно с информаціонными цѣлями.

На собраніи мы застали человѣк 60 — 70. Оно происходило в отдаленной комнатѣ кооперативнаго учрежденія. Было тѣсно и душно. «Учредительное Собраніе» в подпольѣ мало импонировало. Выступали с рѣчами далеко не приподнятыми; чувствовалась вялость, отсутствіе увѣренности в чем бы то ни было. Послѣ нѣскольких первых ораторов, началось то, чего я опасался: один за другим ораторы стали отмѣчать, что необходимо было - бы выяснить точку зрѣнія на Учредительное Собраніе Партіи Народной Свободы. Молчать дальше становилось совершенно невозможным.

Мнѣ пришлось выступать, и я рискнул идти напролом. Объяснив, что я выступаю не по порученію ц. к., который еще не установил окончательно своей точки зрѣнія, и излагаю только свой личный взгляд, как член Учредительн. Собранія, я выдвинул свое главное положеніе: «Я считаю, что для Учредительнаго Собранія — счастье, что его разогнали. По составу и характеру своему Учредительное Собраніе могло - бы только скомпрометировать себя, а вмѣстѣ с собой и самую идею Учредительнаго Собранія. Разгон - же Учредительнаго Собранія по крайней мѣрѣ не скомпрометировал идеи». Вывод был ясен: говорить о данном составѣ нечего. Если о чем - либо еще можно говорить, то лишь о том, как использовать разогнанное Учредительное Собраніе для созданія новаго.

Произнося такія еретическія слова, как то, что разгон Учредительнаго Собранія счастье, в Собраніи почти сплошь из эсеров, я, откровенно говоря, ожидал по своему адресу бури, ожидал всей привычной словесности о буржуазности, о контр - революціонности к.-д. и т. п. Велико-же было мое изумленіе, когда от перваго - же оратора, выступившаго вслѣд за мной, я услышал, что в том, что говорил «товарищ от Народной Свободы» кроется много правды. Как далеко подвинулись вперед, когда за какой - нибудь мѣсяц назад нас не пускали в комитет по защитѣ Учредительнаго Собранія!

Ярко вырисовывалась полная безпомощность эсеров, недавно только бывших большинством в Учредительном Собраніи. Из дебатов выяснилось, что путей никаких не намѣчается. Было рѣшено устроить взаимную информацію и попытаться что нибудь намѣтить общими усиліями в бо-

лѣе тѣсном небольшом кругѣ представителей антибольшевиков - демократов.

Чувствовалось, хотя и не провозглашалось, что карта Учредительнаго Собранія бита.

3.

Вопрос о созданіи монархіи, выдвинутый правыми, вызвал в ц. к. гораздо больше дебатов, чѣм вопрос об отношеніи к Учредительному Собранію и использованіи его.

К вопросу подходили не с точки зрѣнія принципіальной, а с точки зрѣнія цѣлесообразности, при чем прежде всего ставился вопрос, пріемлема ли монархія для населенія или нѣт.

Как оцѣнить, чего хочет населеніе? Если оцѣнивать настроеніе населенія по результатам выборов в Учредительное Собраніе, то выбором в большинствѣ эс-эров оно как будто манифестировало свои республиканскія чувства. Но, с другой стороны, было несомнѣнно, что эсеры привлекали крестьян главным образом обѣщаніем: земля «даром». Когда же большевики предложили землю не только даром, но и немедленно, то населеніе очень охотно воспользовалось предложеніем и отнюдь не оказало сопротивленія разгону органа народоправства во имя диктатуры.

Чувствует - ли населеніе истинную потребность в народоправствѣ если оно охотно подчинится любой власти, готовой дать крестьянину землю и дать порядок?

На вопросѣ об оцѣнкѣ народных масс мнѣнія сильно разошлись. Тут огромную роль играла личная психологія отдѣльных членов ц. к. В особенности сильно сказывалась метаморфоза в членах ц. к. с народническими взглядами. Как всѣ народники, они идеализировали народ, и для них революція и печальный ход войны были невѣроятным ударом. Они так вѣрили в особенно высокія качества «народа», и вдруг они видѣли дезертирство с фронта, безчеловѣчныя расправы с офицерством, прекращеніе работы на заводах, разнузданность, одним словом все то, что является изнанкой революціи. Ярые сторонники «побѣды до конца» и «Дарданелл» исключительно в интересах крестьянства, они убѣдились, что крестьянин не дорос, чтобы понимать свои интересы.

Чтобы понять, насколько такое положеніе удручало нѣкоторых членов ц. к., укажу на то, что один из них, старик Р., еще лѣтом 1917 года, буквально рыдал при мнѣ, говоря: «неужели я 25 лѣт моей молодости провел в тюрьмах за народ только для того, чтобы этот народ вмѣстѣ с царским режимом разрушил и внѣшнее величіе Россіи, созданное этим режимом».

Это разочарованіе кадетов - народников сильно сказывалось. Большинство из них было обычно в лѣвом крылѣ. Теперь разочарованіе вызывало в них реакцію, и нѣкоторые из них сильно метнулись вправо. У них стала развиваться мысль, что, если широкая народная масса не понимает необходимости в ея собственных интересах довести войну до конца, то это надо сдѣлать, не считаясь с ея волей, не останавливаясь перед возстановленіем монархіи, если это возможно. Монархію, конечно, они считали возможной только парламентарную, ибо банкротство монархіи с безотвѣтственным перед думой правительством было еще слишком свѣжо в памяти.

Гораздо устойчивѣе оказались члены ц. к., не зараженные ранѣе народничеством. Они, не дѣлая себѣ ранѣе иллюзій относительно особенно высоких качеств народных масс, не потерпѣли разочарованія. Революція была для них тѣм, чего они ожидали, чего опасались, во избѣжаніе чего они настаивали на проведеніи программы партіи. Привыкшіе подходить к оцѣнкѣ вещей с холодным анализом, они видѣли, что населеніе связывало с царизмом всѣ бѣдствія, войну, разруху и что возстановленіе монархіи не встрѣчало-бы ничего, кромѣ отпора со стороны населенія.

Экономическая разруха не могла не вызывать больших опасеній за будущее, и это оставило перед ц. к. вопрос о путях для выхода из нея. Выдвинулось поэтому особенно ярко теченіе за необходимость усиленнаго развитія частной инициативы и покровительства ей. Во главѣ этого теченія был П. И. Новгородцев. В связи с этим стал вопрос, что же мы, к.-д., за партія: либеральная или демократическая. П. И. Новгородцев доказывал, что англійскіе либералы давно отошли от абсолютнаго принципа невмѣшательства государства в

отношенія между капиталом и трудом, что мы — партія либеральная и на этот путь мы должны твердо стать, стать партіей с болѣе широким діапазоном, на подобіе англійской либеральной партіи. В нашей средѣ ясно вырисовывалось новое отвѣтвленіе — національ-либералов. Это либеральное теченіе естественно легко мирилось с монархіей.

Вопрос начинал выходить далеко за рамки основного, как быть с дѣловым вопросом, с предложеніями справа о возстановленіи монархіи. Дебаты развертывались, переносились из засѣданія в засѣданіе. Тут, между прочим, впервые возник вопрос о диктатурѣ, имѣвшей впослѣдствіи роковое значеніе в Омскѣ. Диктатор будет, утверждали одни. Откуда возьмется он, спрашивали другіе — Из под земли, да явится, отвѣчали им.

Правые ждали отвѣта. Надо было его им дать. Нужно было рѣшить прежде всего вопрос, остаемся мы на почвѣ программы, то есть республиканцами, или нѣт в случаѣ возстановленія правыми монархіи. *Рѣшила вопрос* очень удачная постановка его профессором К.

«Мы — партія реальной политики, признающая необходимость своего участія в органической государственной работѣ. Если правые создадут «приличную» монархію, то мы будем имѣть возможность работать, оставаясь республиканцами. Если же они создадут монархію «неприличную», то она безнадежна, вредна, а потому мы тѣм болѣе, в противовѣс ей, должны оставаться республиканцами. Предоставим поэтому *все это дѣло правым*».

Момент, в который это происходило, был очень острый. Накопившееся в Москвѣ офицерство, которое правые держали все время наготовѣ, начинало терять терпѣніе, да у нѣкоторых и нервы не выдерживали напряженія. Ибо среди офицерства стали производиться аресты.

Посѣтив по порученію ц. к. одного из ветеранов эсеров г. М. для переговоров в связи с вопросом об Учредительном Собраніи, я, к моему изумленію, услышал от него нѣчто совершенно неожиданное. Он сообщил мнѣ, что к нему явилась группа офицеров и заявила, что дальше она выдерживать не может и произведет переворот. Им совершенно безразлично, кто возьмет власть, и, если группы, готовой взять власть, не будет, то тѣм хуже. Об этом М. просил меня передать ц. к., замѣтив, что он кадетов не понимает. «Вы обязаны, говорил он, помочь правым создать монархію. Иначе ее создадут они одни и повѣсят не только нас, но и вас».

Рецепт созданія монархіи оказался, однако, и для правых далеко не так прост. Для монархіи нужен опредѣленный кандидат. На этом они и споткнулись. По доходившим до нас свѣдѣніям они послѣдовательно отвергли кандидатуры Николая Второго и великаго князя Николая Николаевича и, получив отказ Михаила Александровича, остановились на кандидатурѣ цесаревича Алексѣя с регентством при нем. Эта идея оказалась для правых наиболѣе пріемлемой, но, когда подошли к вопросу, кому быть регентами, рознь у них пошла такая, что и от этого им пришлось отказаться.

Много позднѣе было запрошено справа, как отнесся бы ц. к. к тому, если - бы Михаил Александрович издал манифест о том, что он в свое время отказался от власти впредь до рѣшенія вопроса Учредительным Собраніем, что он передал власть временному правительству с тѣм, чтобы оно созвало Учредительное Собраніе; так как Учредительное Собраніе разогнано и временнаго правительства нѣт, то он берет обратно власть в свои руки в качествѣ Верховнаго Правителя с тѣм, чтобы созвать Учредительное Собраніе и ему предоставить окончательно рѣшить всѣ вопросы. Но не успѣл ц. к. не только отвѣтить, но даже обсудить вопрос, как надвигавшаяся с юга армія начала отступать, и ставка на монархію оказалась не болѣе основательной, чѣм ставка на Учредительное Собраніе.

ГЛАВА III.

Брестскій мир. — Нѣмцы в погонѣ за русской общественностью -- Выигрыш нѣмцев от отсрочки подписанія мира.—Москва в ожиданіи прихода нѣмцев.— Обывательскія настроенія.—Положеніе обывателей.—Внѣшній характер совѣтской власти.—Возвращеніе петроградских узников и их впечатлѣнія.

1.

Начавшіеся с прибытіем 7-го января большевистской мирной делегаціи в Брест мирные переговоры с Германіей не могли не остановить на себѣ вниманіе Ц. К. Начинался новый, чрезвычайно опасный для Россіи момент. Мир Россіи с Германіей означал предательство по отношенію к союзникам, и Ц. К. учитывал всѣ могущія быть от этого послѣдствія. Необходимо было установить во что бы то ни стало, что правительство Ленина далеко еще не Россія. Отмежевать в глазах союзников Россію національную от ея большевистскаго правительства стало задачей дня.

Этот вопрос не мог не поставить в свою очередь на обсужденіе Ц. К. нашего международнаго положенія во всю ширь. Какой мы держимся оріентаціи? Тверды мы в оріентаціи на союзников, или нѣт?

Не мало горьких истин пришлось тут выслушать по адресу наших союзников. Они нас утилизировали, что называется, во всю. Они совершенно не хотѣли учитывать происходившей у нас революціи, нажимали на временное правительство требованіями наступленія в то время, как психологически не слѣдовало бы этого дѣлать, учитывая усиленіе этим вліянія коммунистов на усталую армію. Вообще говоря, отношеніе союзников к нам рисовалось весьма далеким от каких бы то ни было признаков альтруизма.

Несмотря на все это, совершенно ясно вырисовывалось, что всѣ интересы Россіи связаны только с союзниками и противоположны интересам Германіи. Оріентація на союзников казалась единственно пріемлемой. Сочли необходимым так или иначе установить контакт с ними и выяснить, что можно сдѣлать при наличіи современных условій.

Выясненіе отношенія союзников было поручено отдѣльным членам Ц. К., которые должны были войти в контакт с представителями тѣх или других государств.

10-го февраля большевистская делегація в Брестѣ отказалась подписать мирный договор, и тогда же было объявлено о прекращеніи состоянія войны с Германіей и всѣми ея союзниками и о демобилизаціи арміи.

«Ни мир, ни война» — такова была новая формула, изобрѣтенная большевиками! Это ставило всѣх в тупик. С одной стороны мир заключен не был. Это было отрадным явленіем. С другой стороны война была фактически прекращена. Как будут реагировать нѣмцы? С их стороны отвѣта ждать пришлось недолго. 18 февраля они заявили о прекращеніи перемирія, быстро двинулись вперед и, заняв полосу до Орши, остановились. Нѣмцы были в 500 верстах от Москвы и от Петрограда и могли появиться в них в любой день, когда бы им было угодно, не встрѣчая никакого сопротивленія. Почему они этого не дѣлают, ежедневно задавали себѣ москвичи вопрос, ожидая каждое утро проснуться и увидѣть на улицѣ нѣмецкаго шуцмана. Одни ждали этого с величайшим нетерпѣніем, другіе с большим трепетом. Но факт был нали-

цо. Нѣмцы остановились и чего-то ждали.

Тѣм временем в Петроград пріѣхала нѣмецкая «торговая» делегація. По ея составу, по обстановкѣ, характеру дѣйствій по ея пріему властями, по всему мы уже чувствовали в Москвѣ, что тут имѣется налицо германская миссія, которая ведет фактически мирные переговоры с коммунистами, хотя и не оффиціально.

Наши догадки не замедлили подтвердиться. Прибывшій из Петрограда член Ц. К. разсказал нам о бесѣдѣ главы «торговой» делегаціи с одним из видных представителей общественности. На вопрос послѣдняго, как можно ставить такія драконовскія условія мира, как поставленныя в Брестѣ, глава делегаціи отвѣтил: «Мы — коммерсанты. Возьмите любой банк. Развѣ он одинаковые проценты взимает со всѣх кліентов? — С солиднаго он берет 3 годовых, а с сомнительнаго он берет и 6, и 8. Согласитесь вы — некоммунисты — дать вашу подпись на мирном договорѣ, и вы увидите, что вам мы предложим совершенно другія условія и что подпишете договор вы, а не коммунисты».

Если сопоставить с этим имѣвшіяся свѣдѣнія, что в Петроградѣ, на островах, германскіе военноплѣнные были вполнѣ организованы под начальством своих офицеров, и могли поддерживать свою «торговую» делегацію, а «армія» Ленина была довольно малой, то, повидимому, возможность для нѣмцев заключить договор с тѣми, с кѣм им было угодно, была полная. Им очень хотѣлось заключить договор за «солидными» подписями с русской стороны, но русская общественность на это не шла. «Союзники» также цѣнили ее и, за исключеніем американскаго представителя и китайскаго, который ссылался на полную оторванность от Пекина, дѣлали ей всякіе авансы.

Попытки нѣмцев, дѣлавшіяся, повидимому, ими к привлеченію в Петроградѣ русской общественности, ни к чему не привели, и 3-го марта большевистская делегація подписала в Брестѣ мир, «не читая его». Это был новый большевистскій ход, не имѣющій прецедентов в исторіи.

Между отказом от подписанія договора в первый раз и подписью его, «не читая», прошло всего 22 дня, но Россіи это обошлось не дешево.

Как выяснилось позднѣе на съѣздѣ военно-промышленных комитетов, нѣмцы, продвинувшись от Бреста до Орши, забрали в занятой полосѣ военнаго имущества на скромную сумму... всего на 30 милліардов! Если принять во вниманіе, что коммунисты отказались 10 февраля подписать мирный договор, потому что в нем были «аннексіи», то спрашивается, не были ли первоначальный отказ и затѣм подписаніе просто игрой, позволявшей нѣмцам получить в скрытом видѣ «контрибуцію», контрибуцію в 30 милліардов, и не деньгами, а гораздо болѣе цѣнным — готовым военным имуществом, в том числѣ, насколько я помню теперь, на 3 милліарда рублей колючей проволоки, на 5 милліардов рублей автомобилей и (что хорошо помню) 16 десятин (!) повозок.

Как бы то ни было, мир был заключен. Вѣрили ли в его прочность? — Нѣт. Нѣмцы еще долго послѣ этого стояли в Оршѣ, легко пропускали в Москву пассажиров со всякими, весьма цѣнными для Москвы, съѣстными припасами. Пріѣзжіе пропагандировали райское житье под нѣмцем. А московскій обыватель слушал, вздыхал и засыпал с надеждой увидѣть утром на улицѣ шуцмана. Нѣмцы тоже, очевидно, ждали измѣненія отношенія к ним со стороны общественности. Ц. К. твердо стоял на своей увѣренности в том, что в конечном счетѣ побѣда будет на сторонѣ союзников.

2.

Обыватель, как я уже сказал, ждал с надеждой прихода нѣмцев. И со тороны обывателя это было вполнѣ естественно. Жилось ему далеко не сладко, хотя, вѣроятно, по нынѣшним временам и то житье показалось бы ему раем.

Лучше всего жилось крупной буржуазіи. Хотя она и получала, как и вся буржуазія, всего одну восьмую фунта чернаго хлѣба (с примѣсью соломы) в день, но она не нуждалась в этом пайкѣ, так как совершенно свободно покупала из-под полы крупчатку, которую ей доставляли на дом. Всѣ остальные продукты совершенно

свободно продавались в частных магазинах. Надо было только имѣть деньги. А деньгами крупная буржуазія располагала.

Правда, на текущіе счета в банках власть наложила руку. Но нужно платить жалованье служащим и рабочим, платить за сырье и матеріалы, пріобрѣтаемые для промышленнаго предпріятія, значит приходится разрѣшать получать деньги с текущих счетов. А раз уже какой то путь для разрѣшенія есть, то является на помощь старое средство — взятка. Установилась такса: 10% с суммы, получаемой с текущаго счета.

С закрытіем частных банков все дѣлопроизводство их было передано в одно мѣсто — в Народный банк. При сходствѣ наименованій нѣкоторых банков и тысячах Ивановых и Петровых в Москвѣ, нѣт ничего удивительнаго, что счета отдѣльных лиц совершенно перепутывались. Вмѣсто того, чтобы записать выдачу с текущаго счета одному лицу, ее записывали другому, очень часто даже не за счет того банка, кліентом котораго лицо состояло.

В теченіе нѣскольких мѣсяцев все настолько запуталось, настолько перестало поддаваться контролю, (в котором, кстати, никто не был заинтересован), что, по слухам, стали выдавать суммы свыше числящихся на текущем счету, взимая за это уже не 10, а 20%. Выдавались такія суммы, как говорили, крупным, в нормальное время кредитоспособным, промышленникам. Служащіе Народнаго банка, как и всѣ, мало вѣрили в прочность большевистской власти, и таким промышленникам не боялись выдавать свыше причитающихся им сумм.

Дѣйствія же свои служащіе всегда могли объяснить естественной путаницей.

Такая постановка банковскаго «дѣла» создала для нѣкоторых крупных промышленников новую прибыльную отрасль. Вѣдавшіе выдачей с текущих счетов не любили мараться по мелочам и имѣть дѣло с слишком обширной кліентурой. Это увеличивало бы их риск. Поэтому обладателю небольшого текущаго счета получить деньги с него было весьма трудно. Его чеки и «учитывал» обладатель крупнаго текущаго счета, взимая «за операцію» 20 — 25%. Внося такой чек, как якобы полученный «за товар» на свой текущій счет, он получал потом по своему чеку деньги, уплачивая мзду в 10%. В результатѣ он оставался в барышѣ в размѣрѣ 10 — 15%.

Так же, как с текущими счетами, обстояло дѣло и с сейфами. Тут вѣдающіе этим дѣлом «работали», по слухам, из 50%, но при условіи, если рѣчь шла о крупных суммах. С «мелкотой» не хотѣли возиться.

Не особенно плохо с матеріальной стороны были поставлены владѣльцы крупных промышленных предпріятій. Производительность была чрезвычайно низка, ничего, кромѣ убытков предпріятія давать не могли. Оставалось одно из двух: или закрывать предпріятія, или казнѣ возмѣщать убытки. Так как о закрытіи и думать нельзя было, то казна шла на убытки. Фабриканты возбуждали ходатайства о субсидіях или о «ссудах».

При оглашеніи каким нибудь «товарищем-швейцаром» перед «товарищами-управляющими» результата сужденій по ходатайствам, почти всегда неизмѣнно оказывалось, что в стотысячных суммах отказывали, а в милліонных удовлетворяли. И тут 10% играли существенную роль. А так как 10% с большей суммы — больше, то, вѣроятно, не особенно точно провѣряли, вполнѣ ли правильно подсчитан убыток, требующій компенсаціи в видѣ субсидіи или «ссуды». Оставалось кое-что фабриканту и сверх убытка!

Поступив в качествѣ инженера-консультанта в одно из учрежденій Второва, я мог убѣдиться, что не стѣснялись даже в крупных затратах на разработку грандіозного проекта. Крупная буржуазія, конечно, далеко не была увѣрена, что она сохранит свое имущество, но жила она, не только не нуждаясь, а широко и богато.

Чѣм ниже стоял по соціальному положенію слой населенія, тѣм хуже ему жилось и непропорціонально хуже. Средняя буржуазія перебивалась, мелкая буржуазія жила плохо, лицам свободных профессій приходилось туго, а хуже всего жилось рабочим.

Правда, послѣдніе получали около фунта хлѣба, но, при отсутствіи денег, покупать мясо и другіе продукты, рабо-

чим не на что было ,а хлѣба не хватало; надо было его прикупать, а цѣны из-под полы были недоступны рабочему. Рабочему приходилось самому мѣшечничать и возить муку издалека на крышѣ вагона, рискуя быть застрѣленным в пути или лишиться своего мѣшка муки, который могли отобрать в Москвѣ, у самаго выхода из вокзала.

Политическія стѣсненія шли совершенно в том же порядкѣ, как экономическое положеніе.

Большевики сразу оцѣнили политическій вѣс крупной и средней буржуазіи, как равный нулю. Ленин открыто на митингах предупреждал рабочих, что соціальную революцію на западѣ не осуществить так легко, как у нас, ибо там буржуазія — не нашей чета. Не рѣшаясь на націонализацію предпріятій в центрѣ, коммунисты в эту эпоху заигрывали с крупной буржуазіей, столковывались или показывали вид, что столковываются и политически смотрѣли на нее сквозь пальцы.

Хуже было положеніе наше — кадетов. Но и оно, конечно, относительно, было сносным. «Саботаж интеллигенціи» давил на большевиков и они, повидимому, старались не слишком раздражать нас.

Отвратительнѣе положенія всѣх было положеніе рабочих. Их большевики опредѣленно опасались и тюрьмы наполнялись политическими «преступниками» из рабочих. Рабочая конференція была разогнана, главари ея — арестованы. Арест в числѣ их ветерана соціалистов-революціонеров Л. В. Фрейфельда в качествѣ «контр-революціонера», успокоил многих кадетов, обижавшихся на коммунистов и эсеров за кличку «контр-революціонер».

Административный режим большевиков отличался подчеркнутой грубостью. Физическую мощь власти, обычно подразумѣваемую, они как будто умышленно манифестировали, как иллюстрацію того, что такое диктатура пролетаріата.

Так, очень оригинально и быстро наладили они порядок на Московском трамваѣ. Вагоны ходили перегруженными; публика, что называется, висѣла на площадках. Солдаты ѣздили безплатно.

В один день послѣдовали два распоряженія: 1) прекратить безплатный проѣзд солдат и 2) всю выручку предоставить в пользу трамвайных служащих. Заинтересованные кондуктора и контролеры старались безпощадно высаживать ѣдущих безплатно солдат. Стало нѣсколько свободнѣе, но, все таки, на площадках висѣли.

Тогда послѣдовал новый приказ: по висящим на вагонных площадках... стрѣлять! Постовые милиціонеры приняли приказ к исполненію и эта мѣра помогла! А когда эта мѣра помогла, тогда тариф в 10 копеек за станцію замѣнили тарифом 40 копеек, заявив служащим трамвая, что в их пользу остаются тѣ 10 копеек, которыя лежали в основѣ тарифа, когда было объявлено, что плата за проѣзд идет в пользу служащих трамвая. Поднятіе тарифа с 10 до 40 копеек окончательно, уже без выстрѣлов, помогло лѣченію вагонов от переполненія.

Полный произвол, грубость власти, как принцип, не могли не повести за собой обычнаго спутника — взятки. И она процвѣтала в таких размѣрах, как никогда раньше. Один помощник участковаго комиссара милиціи, бывшій ранѣе в том же участкѣ помощником пристава, отозвался так: «Спасибо большевикам; они научили. Раньше бывало возьмешь с купца четвертную и как-то совѣстно. Думаешь: человѣка ограбил. А жить без этого также нельзя. Теперь большевики научили, сколько с купца взять можно».

При всей свирѣпости власти, при постановкѣ «к стѣнкѣ» тут же, на улицѣ, на глазах публики, с криком: «эй, сторонись», безопасности все таки не было. При выходѣ из театра слышны были выкрики:«кто на Мясницкую?», «кто на Плющиху?» и т. п., и вокруг взывающаго образовывалась группа боящихся итти в одиночку.

Итти вечером и нести краюху хлѣба, явно не казеннаго образца или размѣрами не укладывающуюся в паек, также было не безопасно: постовой милиціонер «по закону» отберет. Держать дома запасы томе небезопасно: тоже «по закону» при продовольственном обыскѣ отберут.

Все это крайне раздражало полуголоднаго обывателя, и он ждал нѣмца.

3.

Подписаніе брестскаго договора мотивировалось Лениным, как необходимая «передышка». С началом этой передышки совпадает нѣкоторая передышка и для нас.

Трудно сказать, почему, но факт тот, что заключенных в Петроградѣ к.-д. освободили. Возможно, что большевики искали путей примиренія с все еще «саботировавшей» интеллигенціей. Возможно, что самый факт согласія Германіи на подписаніе мира с большевиками укрѣплял увѣренность их в своей власти. Возможно, что нѣкоторыя другія соображенія в связи с открывавшимися сношеніями с Германіей здѣсь играли роль. Факт был тот, что у нас настолько появилось увѣренности в возможности свободнаго существованія, что мы рѣшились открыто возобновить свою дѣятельность. Начали функціонировать районные комитеты, городской комитет, начались собранія делегатов районных комитетов; возобновились работы комиссій при ц. к.

Из Петрограда пріѣхали освобожденные из тюрьмы Н. М. Кишкин и кн. П. Д. Долгоруков. Они дѣлились впечатлѣніями о послѣдних днях временнаго правительства, о своем пребываніи в заключеніи. Оба вышли из тюрьмы в весьма бодром настроеніи, сохранив много юмора.

Долгоруков, вспоминая об угрозах в Петропавловской крѣпости со стороны стражи, сопровождавшихся размахиваніем винтовкой, говорил, что он очень опасался лишиться своего единственнаго глаза, на что он указывал матросам, и это на них дѣйствовало. По его утвержденіям, несмотря на всю грубость и внѣшнія проявленія жестокости, в матросах скрывалось и много хорошаго человѣческаго чувства. Когда Долгорукова отправляли из Петропавловской крѣпости в Кресты, то вмѣстѣ с конвоирами отправился сопровождать его один из матросов, часто окарауливавшій коридор, гдѣ была его камера. Это Долгорукову показалось недобрым признаком. И велико было его удивленіе, когда в Крестах матрос этот подошел к нему и сказал: «Ну, слава Богу, доставил вас в цѣлости. Только для этого и пошел с конвоем. Я опасался, как бы с вами не случилось того, что сдѣлали с тѣми» (он, очевидно, намекал на Шингарева и Кокошкина). В общем, на Долгорукова тѣ мытарства, которыя он претерпѣл, ни малѣйшаго вліянія не оказали: он ничуть не измѣнился в своих взглядах; никакого разочарованія в нем не чувствовалось.

Н. М. Кишкин был, как и всегда раньше, полон энергіи, а вынужденный «отдых» видимо только был дополнительным стимулом к активной работѣ.

Из очень многих его разсказов о впечатлѣніях за это время у меня сохранились в памяти нѣкоторые отдѣльные эпизоды.

Так, он разсказывал о нѣкоторых странностях в поведеніи Керенскаго в послѣдніе дни его власти. За два - три дня до большевистскаго переворота, который явно надвигался, Керенскій, встрѣтившись, утром с Кишкиным, обратился к нему: «Знаете, что я сейчас сдѣлал?» — Кишкин ожидал, что услышит о каком - нибудь государственном актѣ первостепенной важности, и вдруг услышал: «я подписал 300 своих портретов!».

О поведеніи Керенскаго в послѣдній день, когда Керенскій уѣзжал, оставляя остальных министров в Петроградѣ, Кишкин отзывался далеко не благопріятно. Керенскій уѣзжал настолько спѣшно, что когда выяснилось, что в его автомобилѣ нѣт достаточнаго запаса бензина, то бензин перекачивали из других стоявших у подъѣзда штаба автомобилей.

Генерал Маниковскій, бывшій тогда военным министром, соглашаясь оставаться вмѣстѣ с остальными членами временнаго правительства и раздѣлить их участь, отказывался, однако, принять мѣры к организаціи обороны. Это дѣло выпало поневолѣ на Кишкина — министра призрѣнія (недаром, видно, раз Милюков в шутку назвал на съѣздѣ Кишкина — «министром призрѣнія... временнаго правительства»). Нѣт ничего удивительнаго, что Кишкин не мог удачно справиться с совершенно чуждым ему дѣлом. Между тѣм, по его словам, противник далеко не был силен. Как иллюстрацію он приводил факт, что, заслышав шум в сосѣднем с комнатой засѣданія временнаго правительства залѣ дворца, Коновалов вышел туда. На хорах Коновалов застал человѣк 30 ворвавшихся красноармейцев, немедленно убѣжавших, как только он направился к ним

один с револьвером в рукѣ. Правительство пало, оставшись фактически совершенно без защиты. Чрезвычайно жуткіе моменты переживали, по словам Кишкина, члены правительства, когда их вели через мост в Петропавловскую крѣпость. По настроенію толпы и ея крикам, они с минуты на минуту ждали, что их сбросят в Неву.

Чрезвычайно красочен был разсказ Кишкина, рисовавшій картинку из жизни в Крестах, гдѣ благодаря большевикам встрѣтились в качествѣ узников старые враги.

Играют в винт. За столом визави — бывшій военный министр Сухомлинов и эс - эр Рутенберг (убійца Гапона); их партнерами являются бывшій директор департамента полиціи Бѣлецкій и видный эс - эр (кажется, насколько мнѣ не измѣняет здѣсь память, Авксентьев). За игрой наблюдают Кишкин, Бурцев и другіе.

Сухомлинов, уже почти впавшій в дѣтство с трудом отличающій туза бубен от туза червей, сдѣлал нелѣпый ход. Рутенберг мало стѣсняется в выраженіях, негодуя по поводу ошибки. — «Если бы я знал, что вы такой сердитый, то я не сѣл бы играть с вами», шамкает Сухомлинов. — «Кто? Он?» — восклицает Бѣлецкій, — «да еще ни один человѣк не создавал столько хлопот в Парижѣ нашим филерам, как он». И эти вчерашніе, а, может быть, и завтрашніе враги, сегодня, объединенные общим несчастьем, живут общими интересами. Бѣлецкій и Бурцев мирно спорят по вопросам так интересующей их, хотя и с разных сторон, общей спеціальности.

Возвращеніе в Москву Кишкина и Долгорукова содѣйствовало подъему бодрости и энергіи в Ц. К., гдѣ еще недавно, на вопрос одному из членов, о чем он замечтался, получили отвѣт: «О чем теперь можно мечтать? — О царской тюрьмѣ!»

ГЛАВА IV.

Разгром анархистов. — Большевики и анархисты. — Пропаганда „обѣдами". — Послѣдній „манифест". — Испуг буржуазіи. — Моральный выигрыш совѣтской власти. — „Союзники" и их дипломатическіе представители — Флирт с совѣтской властью — Вопрос о борьбѣ с совѣтской властью в связи с возстановленіем противогерманскаго фронта. — Вѣсти из деревни.

1.

12 апрѣля я проснулся необычайно рано. Еще только сѣрѣло. Взглянув на часы, я увидѣл, что всего 5 часов (по солнечному времени — 3 часа). Сразу я не понял, почему я так рано проснулся, но все объяснилось через нѣсколько секунд. Всѣ стекла в домѣ дребезжали от пушечных выстрѣлов и пулеметной стрекотни, явно происходивших очень близко от дома. Первая мысль была: уж не нѣмцы-ли?

Очень скоро весь дом был на ногах. Бросились к воротам. Против нашего переулка (Дегтярный, между Малой Дмитровкой и Тверской) стоял на М. Дмитровкѣ пулемет, который время от времени обстрѣливал пустой переулок. При остановках командовали: «кому нужно, перебѣгай». Люди перебѣгали, опять зачѣм то начиналась стрѣльба. Стрѣляли не нѣмцы, а свои — красноармейцы. Зачѣм и по ком, было неизвѣстно. Время от времени бухало орудіе.

Так продолжалось до 11 часов утра, когда все стихло, и всѣ высыпали на улицу.

На М. Дмитровкѣ всѣ тротуары были усыпаны стеклом; цѣлых окон в домах почти не было. Зданіе Купеческаго клуба (дом Купеческаго общества) было повреждено орудійными выстрѣлами. Орудіе, как оказалось, было установлено очень близко у выхода М. Дмитровки к Страстному монастырю (сажен сто от зданія), и оттуда обстрѣливало, как зданіе Купеческаго клуба, так и другое по той же улицѣ, зданія, в которых свили себѣ гнѣзда анархисты.

Такая операція, как выяснилось, была предпринята одновременно против всѣх помѣщеній, занятых анархистами по всей Москвѣ, без всякаго предупрежденія, без каких бы то ни было ультиматумов. Это было тѣм болѣе неожиданно, что анархисты занимали помѣщенія с разрѣшенія и благословенія большевистской власти.

Разоруженіе и плѣненіе анархистов (были раненые и убитые, так как анархисты оказали вооруженное сопротивленіе) произведены были по всей Москвѣ с таким же грохотом и треском, как и в нашем районѣ. Очевидно, большевики придавали большое психологическое значеніе шумливому методу выполненія своей задачи. Им нужно было создать впечатлѣніе, что они одолѣли сильнаго противника, и этим произвести эффект. Что это было так, можно судить по тому, что в зданіи Купеческаго клуба было всего 30 анархистов, которых, конечно, можно было одолѣть без таких героических мѣр.

Эффект нужно было произвести, повидимому, с одной стороны, на нѣмцев, с другой — на буржуазію. Не знаю, какой эффект это произвело на нѣмцев (говорили, будто граф Мирбах опасался из-за анархистов ѣхать в Москву), но, что касается московской буржуазіи, то могу засвидѣтельствовать, что на нее эффект большевики произвели огромный. В этот день большевистская власть была героем в глазах буржуазіи. «Вот если бы Керен-

скій так дѣйствовал против большевиков! Вот это — власть!» Так привѣтствовала буржуазія «сильную» власть.

И буржуазія привѣтствовала в этом случаѣ совѣтскую власть не только как образец сильной власти вообще, но как власть, избавляющую буржуазію от еще большей напасти, грозившей ей в лицѣ анархистов. Все на свѣтѣ относительно, и, при сравненіи с анархистами, большевики (тогда еще названія «коммунистов» в Москвѣ не было в ходу) несомнѣнно выигрывали.

В то время, как большевики в качествѣ власти дѣйствовали, имѣя в основѣ своих дѣйствій декреты, так сказать, «закономѣрно», анархисты дѣйствовали по вдохновенію, налетами. От большевиков болѣе или менѣе было извѣстно, чего можно ждать хотя бы на завтра: декрет предупреждал. От анархистов можно было ожидать всего, что им вздумается.

Облюбовав тот или другой дом, большей частью особняк, анархисты дѣлают на него налет. Дальше все зависит от обстоятельств на мѣстѣ. Если особняк не оправдывает их ожиданій, то просто обирают, что в нем есть цѣннаго, заберут всѣ съѣстные припасы и уѣзжают. Это — наиболѣе благопріятный случай.

Если налет совершился днем, то, забрав, что полезно, себѣ, открывали раздачу остальных вещей публикѣ. Предлагали становиться в очередь и выдавали по одной вещи: кому часы, кому пепельницу, кому чернильницу, кому стул. Любители брать вещи находились; образовывались хвосты; нѣкоторые становились в очередь вторично. Анархисты замѣтили это обстоятельство и, получив нѣкоторую практику, стали требовать при раздачѣ вещей паспорт, на котором ставили штемпель: «вещь выдана».

Это совершалось, если особняк не оправдывал ожиданій. Если же он эти ожиданія оправдывал, то поступали просто: владѣльца выселяли и занимали особняк. Таким путем анархисты присвоили себѣ десятка два—три лучших особняков в Москвѣ. В числѣ их был особняк Морозова на Воздвиженкѣ с рѣдкой по подбору коллекціей фарфора и фаянса, не считая других рѣдкостей большой цѣнности. Оставив жить в домѣ огромный штат прислуги, как «пролетаріев», и выселив владѣльца, анархисты приняли на себя охрану этого частнаго музея, как «національную» цѣнность, и «охраняли» его так, что впослѣдствіи, при изгнаніи из него анархистов, многих, особенно дорогих вещей, не досчитались.

Налет на Купеческій клуб был совершен около полуночи, во время крупной карточной игры. Обобрав у бывших в клубѣ всѣ деньги и всѣ бывшія при них и на них цѣнныя вещи, анархисты завладѣли зданіем и обратили его в свой клуб, который стал центром их пропаганды.

Средствами пропаганды служили, во-первых партійная литература, обильно предлагаемая в роскошных залах и мягких гостиных клуба одна из лучших, если не лучшаго, в Москвѣ, и, во-вторых, обѣды. Сохранив весь поварской штат клуба, анархисты предлагали «гостям» тонко приготовленные обѣды в прекрасной столовой при прекрасной сервировкѣ «по 3 рубля с хлѣбом». Если принять во вниманіе, что в самой захудалой столовой обѣда дешевле 5 рублей нельзя было получить, да и то без хлѣба, то, понятно, что пропаганда обѣдами пользовалась большим успѣхом, и тѣм болѣе, что получить рекомендацію гостю было не трудно.

Для прокормленія по дешевкѣ оравы «гостей» требовалось покрытіе дефицита. Это совершалось путем налетов на «буржуев» и ограбленія припасов. Анархисты все болѣе безпокоили обывателей, а обыватели — власть предержащую.

Недостаточно еще окрѣпшая большевистская власть, не осмѣливалась вступать в открытую борьбу с «товарищами-анархистами», засѣдавшими вмѣстѣ с ними в совдепѣ и имѣвшими вліяніе на толпу, старалась «регулировать» налеты и ввела на них «ордера». Таким путем круг дѣйствій анархистов по мѣрѣ возможности ограничивали особняками и сугубо-буржуазными кварталами.

Такого рода порядок — налеты «с разрѣшенія начальства» — не мог, конечно, удовлетворить анархистов. Анархисты и «начальство» — понятія совершенно несовмѣстимыя. Между анархистами и большевиками началась глухая борьба, которая не могла не расти по мѣрѣ того, как власть большевиков крѣпла, чего анархисты не могли не замѣчать. Анархистам

грозила опасность. Пришлось им волей-неволей вступить на путь усиленной пропаганды против большевиков.

Низы московской массы были недовольны. Как я уже указывал, фактически в Москвѣ уровень жизни шел в том же порядкѣ, как обычно при капиталистическом строѣ: лучше всего жилось крупной буржуазіи, хуже всего — рабочему. Этим недовольством и пользовались анархисты, доказывая в рѣчах и прокламаціях массам, что никакого «коммунизма» фактически большевики не осуществили, что широкія массы живут впроголодь, в то время, как буржуазія живет в полном довольствѣ. Отсюда — призыв масс итти за анархистами.

В одной из послѣдних прокламацій было обращеніе «к товарищам швейцарам и дворникам». Текст этого обращенія был приблизительно таков: «Вы, товарищи швейцары и дворники, лучше всѣх других знаете, что буржуи по старому живут хорошо. Они все еще живут в лучших квартирах, а вы все еще ютитесь в подвалах и под парадными лѣстницами. И вы этих буржуев еще охраняете. Большевики много обѣщали вам и ничего не дали. На днях выступим мы, и мы покажем, что такое настоящая коммуна. И когда мы выступим, то вы поможете нам: широко раскройте настеж ворота и двери в парадных подъѣздах!»

Такой «манифест» мало обѣщал хорошаго буржуазіи, и она трепетала. Мало подходил он, видимо, и совѣтской власти. Она окрѣпла и 12 апрѣля дала рѣшительный и окончательный бой анархистам.

В теченіе трех дней послѣ этого в опредѣленные часы всѣ арестованные анархисты, включая членов совдепа, выводились на показ на площади в Кремлѣ, а потерпѣвшіе от обычных грабежей граждане приглашались для опознанія грабителей. Так как примазавшихся к кучкѣ идейных анархистов профессіональных грабителей было не мало, то результаты опознанія были ошеломляющими.

Большевики сразу убили двух зайцев: морально совершенно опозорили анархистов в глазах масс и сильно подняли свой престиж среди буржуазіи. Они в глазах обывателя становились властью, пусть очень жестокой, но все таки властью, избавившей Москву от самой страшной опасности — от анархіи.

2.

Заключеніе Брестскаго мира, ратификація его 4-м съѣздом совѣтов, поздравленія, полученныя съѣздом от президента Вильсона, расправа с анархистами, укрѣпляли совѣтскую власть, как в ея собственных глазах, так и во внѣ. Мы стали чувствовать, что одолѣніе этой власти далеко менѣе просто, чѣм это казалось раньше, и что сама собой она не падет.

Отношенія представителей союзников к общественности становились холоднѣе. Как реальные политики, они цѣнили силу, а силы этой за русской общественностью они не чувствовали. К этому надо добавить, что среди представителей союзников, повидимому, не было ни одного, кто отдавал-бы себѣ ясный отчет в том, что происходит в Россіи. По отзывам членов Ц. К., входивших в контакт с дипломатическими представителями союзников, очень сильно сказывалось отсутствіе сэра Бьюкенена, отозваннаго своим правительством, единственнаго из дипломатов, хорошо знавшаго Россію, понимавшаго ее и сочувствовавшаго ей, и вмѣстѣ с тѣм пользовавшагося большим авторитетом в средѣ дипломатическаго корпуса.

Представители союзников, бывшіе на лицо, далеко не были из первоклассных фигур. Франція, наиболѣе заинтересованная в русских дѣлах и как кредитор и как наиболѣе угрожаемая со стороны Германіи страна, не находила охотников среди крупных политических дѣятелей на пост посла в Россіи во время революціи, особенно послѣ того, как министр-соціалист Тома вынес болѣе чѣм отрицательное впечатлѣніе из своих собесѣдованій с Петроградским совдепом. В качествѣ французскаго посла был г. Нюланс — фигура очень небольшого масштаба для таких событій, которыя развивались в Россіи. За отъѣздом англійскаго посла, сэра Бьюкенена, Англію представлял только повѣренный в дѣлах, фигура уже и оффиціально второго ранга. На представителя Соединенных Штатов расчитывать Россіи нечего было.

Представители союзников в цѣлом не имѣли ни малѣйшаго плана дѣйствій. Им

бы хотѣлось, конечно, возстановить восточный фронт. Они понимали, конечно, что с большевиками им каши не сварить, но что дѣлать, как держаться, они себѣ явно отчета не отдавали. Из опасенія возможности захвата нѣмцами Петрограда они перебрались в Вологду, чтобы быть поближе к Архангельскому порту, и, живя в вагонах, готовые всегда к отъѣзду, вели политику, что называется, текущаго дня, не зная, что будут дѣлать завтра.

Заключив Брестскій мир, совѣтская власть, только недавно демобилизовавшая армію, стала проявлять вдруг сильнѣйшія заботы о созданіи новой регулярной арміи — «красной арміи». Она стала усиленно звать к себѣ на службу кадровое офицерство. Троцкій стал проявлять в этом отношеніи исключительную энергію.

Зачѣм нужна эта армія? — На это никаких оффиціальных объясненій не было. Но если сопоставить с одной стороны заявленія Ленина, что Брестскій мир — только передышка, а с другой — глухо распространяемые кѣм-то слухи, что передышку предполагается использовать для подготовки свѣжей арміи против нѣмцев, то, при извѣстном желаніи, можно было в послѣднее вѣрить. У союзников же такого желанія не могло не быть.

Освободившись с заключеніем Брестскаго мира от восточнаго фронта, нѣмцы получили возможность свободно перебросить новыя силы на французскій фронт, и союзники там сразу почувствовали, какое значеніе имѣл русскій фронт не только, когда с него наступали, но и тогда, когда на нем только стояли. Возстановить этот фронт было мечтою союзников, и достаточно было, чтобы им померещилось, что Троцкій готов возстановить фронт, чтобы их взоры обратились к нему.

К русской общественности уже стали показывать явное охлажденіе. Представители французской военной миссіи стали появляться у Троцкаго. Доходил слух об отзывѣ одного из таких представителей, что Троцкій est en somme un brave garcon (в концѣ концов славный малый), что большевики — народ рѣшительный и что даже в Брестском мирѣ есть своеобразный шик: не всякій подпишет мирный договор, не читая его.

Начался флирт союзников с большевиками. Дипломаты были, конечно, осторожнѣе, чѣм военные агенты, и тянули «дипломатическую» линію. В Вологдѣ начались засѣданія послов «для обсужденія вопроса о признаніи совѣтской власти». Совѣтская пресса ликовала. Но засѣданія все откладывались, а общественности под сурдинку сообщили, чтобы она не слишком безпокоилась: что, если бы так или иначе пришлось дѣйствительно не только рѣшать, но и рѣшить вопрос, то рѣшеніе могло-бы имѣть лишь одну форму — акта о непризнаніи. Так велась игра на двѣ стороны.

Общественность мало вѣрила в то, чтобы из флирта, которым увлеклись французы, что-нибудь вышло. Было ясно, что коммунисты и не думают в возобновленіи войны с Германіей, и что Троцкій проведет союзников, а не они его. В ожиданіи конца этого временнаго увлеченія, общественность продолжала изученіе вопроса о том, как-же быть дальше.

Вопросы о продолженіи войны с Германіей и об избавленіи от совѣтской власти были тѣсно связаны друг с другом, ибо первое было немыслимо без второго. Желает-ли, однако, населеніе этого избавленія?

Зимой мы ждали, что с началом весны в деревнѣ должна развиться страшная борьба. Земли были захвачены у помѣщиков крестьянами ближайших деревень. Такія деревни сплошь и рядом обосновывали свое преимущественное право на эти земли на том, что при крѣпостном правѣ деревня принадлежала данному помѣщику. Деревни, болѣе удаленныя от двух ближайших помѣстій сплошь и рядом совершенно земли не получили. Захватили землю крестьяне далеко не поровну. Принимая во вниманіе эти обстоятельства, надо было ждать, что, когда приступят к запашкѣ, то внутри деревни поднимется борьба, и, так как крестьяне вернулись с фронта с винтовками, борьба вооруженная.

Весна этих ожиданій не оправдала. Оказалось, что нѣт сѣмян, обсѣменить полей нечѣм; значит, незачѣм и запахивать побольше. А раз это так, то на ближайшее время обладаніе большим количеством земли не давало никаких преимуществ перед меньшим.

Такіе результаты от захвата земли не могли не вносить разочарованія в большевиках в крестьянскую среду. Центральным губерніям никогда своего хлѣба на круглый год не хватало. Отдѣленіе Украины, снабжавшей в это время хлѣбом нѣмцев, и трудность доставки хлѣба с востока лишили деревню не только сѣмян, но и муки на текущую потребность. С другой стороны голод гнал рабочих из обѣих столиц (особенно из Петрограда) и городов в деревню. Количество ртов в деревнѣ росло в то время, как расчет на полученіе хлѣба все падал. Рабочіе несли в деревню мало хороших вѣстей о совѣтской власти. А в довершеніе всего в деревнѣ появились продовольственные отряды для реквизиціи продуктов, т. к. совѣтской власти некогда было отдавать себѣ отчет, гдѣ можно, а гдѣ нельзя отбирать продукты. Со всѣх сторон шли свѣдѣнія, что деревня недовольна, волнуется и готова в любой момент возстать. Настроеніе города мы в достаточной мѣрѣ чувствовали и видѣли сами каждый день. Вывод напрашивается сам собой: обязанность интеллигенціи помочь народу сбросить большевистское иго.

ГЛАВА V.

Вопрос об иностранной помощи. — Опасность японской интервенціи. — Необходимость объединенія противобольшевистской общественности — Внутренняя рознь у к.-д —Союз Возрожденія, Правый Центр, Національный Центр —К -д. и диктатура.

1.

Хотя, как я уже говорил, задача избавленія от Совѣтской власти казалось нам менѣе простой, чѣм раньше, но увѣренность в скором паденіи этой власти была так велика, что финансово-экономическая комиссія при Ц. К. в числѣ других вопросов разрабатывала проект государственной росписи на 1919 год.

Как же рисовались возможности сверженія Совѣтской власти? — Онѣ мыслились исключительно в формѣ возстанія против власти со стороны самого народа, которому должны были приходить на помощь лишь тѣ или другіе отряды добровольцев. Необходимы были, конечно, базы; ими должны были служить окраины.

Допустима-ла помощь иностранцев и какая именно? Этот вопрос вызывал самые страстные споры в средѣ Ц. К., и отнял не одно засѣданіе. Были принципіальные противники, считавшіе какую бы то ни было помощь иностранцев в какой бы то ни было формѣ недопустимой. Были защитники допустимости помощи до интервенціи включительно, оправдывая ее исключительно соображеніем о возсозданіи фронта с Германіей и допуская пребываніе иностранных войск на тѣх же основаніях, что англійскія и американскія войска находились на территоріи Франціи. Были вполнѣ допускавшіе это, но возражавшіе, ссылаясь на то, что русская общественность морально не вправѣ говорить с союзниками и обѣщать им что-либо «от имени народа, трусливо покинувшаго траншеи.» Были и противники всякаго вмѣшательства не только иностранцев, но и верхов русской общественности в борьбу народа с Совѣтской властью. Особенно на этом настаивал один член Ц. К., врач Ф.. Он говорил, что есть случаи в медицинѣ, когда единственным правильным методом леченія является оставленіе больного в покоѣ. Страна, говорил он,больна именно такой болѣзнью. Мы, политическіе медики, можем ей только повредить своим вмѣшательством. Оставьте ее в покоѣ: сам организм лучше справится со своей болѣзнью. Мнѣній было множество.

Вопрос об интервенціи естественно поставил другой вопрос: а не представит-ли интервенція серьезной опасности в отношеніи захвата интервентами по окончаніи войны территоріи у ослабѣвшей Россіи? В особенности этот вопрос касался Д. Востока в случаѣ интервенціи Японіи, на появленіе войск которой на восточном фронтѣ Германіи особенно расчитывали союзники.

Отсутствіе Милюкова, единственнаго в сущности серьезнаго знатока в области иностранной политики не только в средѣ к.—д., но и в средѣ всей русской общественности, очень чувствовалось. Не было также и Винавера. В тот момент, когда вопрос обсуждался, не могло быть и рѣчи об их пребываніи в Москвѣ; этим двум «врагам народа» было больше, чѣм рискованно, показываться в Москву.

За отсутствіем этих двух спеціалистов, пришлось обходиться собственными силами. В частности для освѣщенія вопроса о возможной японской опасности был вызван из Петрограда занимавшій ранѣе

видный пост в министерствѣ иностранных дѣл барон Н.

Доклад Н., весьма широко поставленный, излагал, как понимало вѣдомство задачи и планы Японіи в восточной Азіи, и какія отсюда и в связи с соперничеством с Соед. Штатами диктуются Японіи взаимоотношенія с Россіей. Считая, что Японія, как всякая великая держава, задается и планами в области международной политики, расчитанными не на день—два, а на продолжительный період, исчисляемый десятилѣтіями, Н. не допускал мысли, чтобы японская дипломатія могла допустить увлеченіе мимолетной авантюрой, оставив свой основной план, авантюрой, которая могла-бы даже повредить этому основному плану. При всем том, Н. считал, что предосторожности не мѣшают, и что вступленіе одних японских войск на наш Д. Восток было-бы ошибочным актам. Было-бы необходимо, по его мнѣнію, в случаѣ вступленія с Востока иностранных войск в цѣлях возсозданія фронта Россіи против Германіи, чтобы вступили войска всѣх союзников, а не одни японскія, в особенности же необходимы американскія.

Так, весьма серьезно изучая вопрос, подходил Ц. К. к интервенціи. При этом я считаю необходимым еще раз подчеркнуть, что к вопросу о допущеніи на русскую территорію иностранных войск подходили исключительно с точки зрѣнія необходимости участія в продолженіи войны с Германіей во исполненіе обязательств Россіи в отношеніи союзников. Что-же касается борьбы с Совѣтской властью, то Ц. К. считал, что это дѣло должно совершаться самим народом.

Кто должен взять на себя борьбу с Совѣтской властью, созданіе новой власти и возобновленіе войны с Германіей? На этот вопрос Ц. К. отвѣчал: это дѣло всенародное, а потому ни одна партія, в том числѣ и наша не в правѣ на себя одну брать рѣшеніе этой задачи или выполненіе ея. А раз это так, раз мы это сознаем, то отсюда с несомнѣнностью вытекает, что на нашей обязанности лежит объединить на основном національном вопросѣ всю антибольшевистскую общественность. Объединенная, она и в отношеніи союзников составит болѣе импонирующую силу.

2.

Ц. К. задался цѣлью объединить всю антибольшевистскую общественность на основѣ общенаціональной задачи-установленія національной власти и возобновленія войны с Германіей. Но были-ли мы настолько едины сами, чтобы браться объединить такой широкій фронт, как от крайних правых до эсеров? — Я уже указывал, что мы послѣ Брестскаго мира получили нѣкоторую «передышку» и стали собирать представителей Московских районов. Мы получали возможность, как Илья Муромец, прикасаться к своей «землѣ». Нельзя однако, сказать, чтобы от этого соприкосновенія мы получили тот же эффект, что он.

В то время, как Ц. К. состоял из старых, посѣдѣвших (в буквальном и переносном смыслѣ этого слова) работников, привыкших к самому вдумчивому, отчасти даже может быть, к черезчур академическому, отношенію к вопросам, среди представителей московских районов было не мало и «мартовских» кадетов и молодежи. Они были убѣждены (так диктовало им их желаніе — отец мысли), что большевики не имѣют ни малѣйшей опоры в населеніи, что они держатся исключительно мадьярскими и китайскими штыками. Отсюда вывод: народоправство — плод интеллигентскаго измышленія. Раз возможна диктатура Ленина, то, значит, возможна и любая другая. Нужно только взять в свои руки палку, стать капралом, и вести широкія массы туда, куда капралу угодно. А если капрал будет наш, то все остальное приложится.

В этих собраніях представителей районов члены Ц. К., стоявшіе хотя и не на такой грубой точкѣ зрѣнія, получали подкрѣпленіе своим взглядам. Психологически эти настроенія переносились в Ц. К. Другая сторона не сдавалась. Она указывала, что Россія — не в Москвѣ, что Россія — в провинціи. В результатѣ было рѣшено: во-первых, ознакомить провинціальные комитеты с настроеніями в центрѣ, во-вторых, созвать на конец мая конференцію.

При подготовкѣ к конференціи в Ц. К.

возник вопрос, не слѣдует ли поставить на ея обсужденіе вопрос об отношеніи к § 13. Этот параграф под злополучным числом гласил при основаніи Партіи, что Россія должна быть «парламентарным государством» — форма правленія не предопредѣлялась. Немного спустя, когда вырисовалась, послѣ подавленія революціи 1905 года, объективно монархическая форма правленія, параграф был измѣнен и гласил, что Россія должна быть «парламентарной монархіей». Наконец, на VI съѣздѣ, созванном послѣ февральской революціи 1917 года, § 13 стал гласить, что Россія должна быть «парламентарной республикой».

Теперь к этому вопросу, который, как я уже писал, имѣет для нас второстепенное, а для широких кругов преувеличенно большое значеніе, опять собирались подойти, и это подняло настолько страстныя пренія, что нарушило даже обычный порядок рѣшенія дѣл. Нормально вопросы в Ц. К. не голосовались, а при рѣшеніи их довольствовались резюме предсѣдателя, находившаго среднее, пріемлемое для всѣх рѣшеніе. Тут было предложено поставить вопрос на голосованіе. Не рѣшаясь на это, предсѣдатель поставил на голосованіе предварительный вопрос: ставить ли вопрос на голосованіе. При голосованіи голоса раздѣлились почти пополам. Вопрос был снят. И если раскола не произошло, то лишь потому, что, желая объединить других, мы не могли пойти на раскол в своей средѣ.

Этот почувствовавшійся раскол ясно говорил за то, что объединеніе в одну организацію всѣх антикоммунистов от правых до эсеров было бы фантастическим предпріятіем. Само собой напрашивалось созданіе двух организацій, мостом между которыми могли-бы служить кадеты.

Такія двѣ организаціи и создались: одна — «Союз Возрожденія», другая —«Правый Центр». Ц. К. разрѣшил своим членам участвовать как в той, так и в другой организаціи в зависимости от их настроеній. Сам Комитет, как таковой, продолжал только свою партійную работу, учитывая, как информацію, то, что доходило до него из той и другой организаціи. Кто из членов Ц. К. участвует в этих организаціях, за исключеніем 2-3 человѣк, участіе которых явствовало из их информаціонных докладов, Ц. К-ту было неизвѣстно. Нѣкоторые, повидимому, участвовали в обѣих.

Не знаю, как было поставлено дѣло в «Правом Центрѣ», но в «Союзѣ Возрожденія» конспирація была поставлена настолько хорошо, что, когда в обществѣ пошли слухи о нем, то, по доходившим до нас свѣдѣніям, совѣтская власть этим слухам не вѣрила и говорила, что их умышленно распространяет кадетскій Ц. К., чтобы отвлечь от себя вниманіе. За все время до моего отъѣзда из Москвы (конец іюня 1918 года) ни один член Союза Возрожденія арестован не был. Каждый член Союза знал очень немногих из своих сочленов, и я уже за Уралом познакомился с нѣкоторыми из них, о которых даже не слышал, будучи в Москвѣ.

В Союз Возрожденія входили на лѣвом крылѣ персонально эсеры; в центрѣ стоял почти весь Ц. К. Народных Соціалистов; на правом крылѣ были персонально кадеты. Меньшевики соглашались войти, как Комитет в лицѣ представителей. Но это было отклонено, т. кк Союз был организаціей персональной, с очень строгим выбором. Эсеровскій Ц. К. относился к поступку своих членов, вступивших в Союз отрицательно, хотя прямого запрета на вступленіе не наложил.

Какія организаціи входили в состав «Праваго Центра», я не знаю; только знаю, что кадеты образовали его лѣвый фланг.

Основныя цѣли обѣих организацій были одинаковыми: возсозданіе единой Россіи; борьба с Совѣтской властью, возстановленіе фронта против Германіи. Пути были разные: «Союз Возрожденія» стоял за путь народоправства, а «Правый Центр» за возстановленіе монархіи.

Через нѣкоторое время, однако, в Ц. К. было доложено, что в «Правом Центрѣ» обнаружено закулисное соглашеніе правых с нѣмцами. В виду этого к.-д. из «Праваго Центра» вышли, и, насколько потом слышно было, эта организація распалась. Возникла новая организація, в которой приняли участіе кадеты, —«Національный Центр». Благодаря участію кадетов, как в нем, так и в «Союзѣ Воз-

рожденія», получался мост, соединяющій обѣ организаціи. Фактически, таким образом, получалась возможность координированія дѣйствій, и вся антибольшевистская общественность была объединена. «Союз Возрожденія» направил свое вниманіе на сѣвер и восток, а Національный Центр — на юг.

Разрѣшеніе Ц. К. своим членам состоять в любой из этих двух организацій, одной—монархической и другой—республиканской, а равно отказ Ц. К. от постановки перед Съѣздом вопроса об измѣненія § 13 показывают, что распространившееся впослѣдствіи убѣжденіе, будто партія К.-д. вновь стала монархической, ни на чем не основано. Была лишь у многих членов Ц. К. увѣренность, что так или иначе диктатор неизбѣжно явится. Если бы это случилось, то Ц. К. считал, что к этому явленію надо будет отнестись, не как к враждебному, а как к исторически объективно неизбѣжному, и нужно будет принимать мѣры к тому, чтобы диктатура повела к созыву Учредит. Собранія. О том, чтобы «создать диктатора», никогда, при мнѣ по крайней мѣрѣ, и рѣчи не было: уровень развитія нашего Ц. К. был слишком высок, чтобы выдвигать подобныя задачи.

ГЛАВА VI.

Переѣзд совѣтской власти в Москву.—Положеніе интеллигенціи.—Сношенія с большевиками —П. Г. Смидович.—Совнархоз.

1

Совѣтская власть переселилась в Москву. И это, как и все, что она дѣлала, было произведено с шумом и без стѣсненій. Так, дом Перцева (у Храма Христа Спасителя) был занят под военное министерство («наркомвоен»), и на выселеніе жильцов был предоставлен срок в... один час. Дом Перцева даже в Москвѣ— один из колоссов. Нѣт ничего удивительнаго, что нѣсколько тысяч его обитателей образовали по прилегающим улицам нѣчто вродѣ огромнаго табора: все было запружено самой разнообразной мебелью, всякой домашней утварью. Тут же на улицѣ и всѣ семьи полностью до грудных дѣтей включительно. Вѣсть об оригинальном зрѣлищѣ быстро облетѣла Москву, и не было ничего удивительнаго, что трамвай подвозил большія толпы любопытных посмотрѣть на него.

При таких условіях новый бюрократическій аппарат власти устроился на мѣстѣ весьма быстро. Москва оживилась. Она вновь стала столицей не только по названію, но и фактически.

С прибытіем высшей власти прибыла и ея гвардія. Новая «аристократія» жила шумно и весело. Красноармеец, мчащійся по Тверской с «шикарной барышней» на лихачѣ и, бросая ему 1000 рублей, заявляющій, что «красноармеец сдачи не берет» — нормальная картинка той эпохи.

А в это время фунт хлѣба из-под полы стоил 5—8 рублей, и «саботировавшій интеллигент» не всегда имѣл его. Интеллигенція, торгующая газетами, папиросами, конфетами, пирожками домашняго производства, бросалась в глаза на всѣх перекрестках. Роскошествующая на глазах у нея новая бюрократія, и «гвардія» не могла не колебать устойчивости бѣдствовавшаго чиновничества, и вопрос о прекращеніи «саботажа» и о допустимости службы у совѣтской власти стал на очередь. С этим вопроом обратились и в наш Ц. К.

По имѣвшимся у нас свѣдѣніям фонды для поддержки «саботирующих» изсякли. Дѣло избавленія от совѣтской власти затягивалось. Видов на ближайшее время никаких не было. При поднявшемся принципіальном спорѣ о допустимости службы у совѣтской власти, как сейчас помню изумленіе одного из членов Ц. К., профессора К., когда ему указали, что он служит у совѣтской власти. «Я служу университету, наукѣ,» — возразил он. — «А кому вы представляете на утвержденіе смѣты, от кого получаете вы деньги,», спросили его — Отвѣта не нашлось.

Один из членов Ц. К., отмѣтив отчаянное положеніе «саботажников» и отсутствіе фондов для поддержки их, указал, что прекращеніе забастовки неизбѣжно. Поэтому не нужно доводить ее до того, чтобы волей-неволей пришлось капитулировать, отдавшись на милость побѣдителей, таких побѣдителей, которые пощады не дадут. Нужно воспользоваться тѣм, что, пока еще не поздно, бастующія организаціи могут на договорных началах возобновить работу, благо совѣтская власть не знает, насколько тяжело положеніе бастующих, и очень нуждается в их работѣ. Будет проиграна забастовка,

но сохранится зато в бастовавших чувство собственнаго достоинства, которое будет принижено и подавлено при сдачѣ на милость побѣдителя. Нужно посовѣтовать покончить с забастовкой.

Это предложеніе вызвало бурю негодованія.

Психологически это было совершенно понятно. Сказать людям, так изстрадавшимся, что карта бита, да еще совѣтовать им прекратить борьбу! Между тѣм эту тяжелую операцію необходимо было совершить. От нея уйти нельзя было: Хладнокровіе и разсудочность взяли верх над чувствами. Было рѣшено, что для членов Ц. К. и других видных дѣятелей партіи к.д. служба у совѣтской власти не допустима (за исключеніем профессуры), что же касается рядовых членов партіи, то предоставить вопрос их усмотрѣнію.

Переѣзд центральных органов совѣтской власти в Москву и выяснившійся затяжной характер предстоящей борьбы с нею ставил вопрос в возможных личных сношеніях членов Ц. К. с отдѣльными вліятельными коммунистами. Такія сношенія могли быть полезны с одной стороны в цѣлях информаціи, чтобы лучше уяснить себѣ, как мыслит противник, а с другой стороны в случаѣ надобности мѣр к защитѣ партійных дѣятелей, ибо, если в Москвѣ мы на время почувствовали «передышку», то нельзя сказать того же о провинціи.

Так, Ц. К. стало извѣстно о том, что в Москву доставлены из Могилева (на Днѣпрѣ) члены губернскаго комитета партіи, что содержатся они в вагонѣ на Александровском вокзалѣ и что, судя по разговорам стражи, им грозит разстрѣл. Нужно было принять срочныя мѣры и прибѣгнуть к личным связям. В числѣ других членов Ц. К. взялся за это дѣло и я.

Я рѣшил обратиться к П. Г. Смидовичу, с которым я был связан старым знакомством за границей. В 1897 году, я служил инженером в Шарлеруа (в Бельгіи), гдѣ кромѣ меня не было ни одного русскаго. Почти бок о бок, в Тюэнѣ (около получаса ѣзды по желѣзной дорогѣ), служил в качествѣ рабочаго-монтера инженер Смидович, не желавшій, будучи социал-демократом, эксплоатировать рабочих на посту инженера и стремившійся в качествѣ рабочаго имѣть возможность болѣе тѣснаго соприкосновенія с рабочими для пропаганды своих идей. В Тюэнѣ, не считая Смидовича, тоже русских не было. Так как мы были знакомы по Льежу, то вполнѣ естественно, что нас обоих тянуло хоть раз в недѣлю, по воскресеньям, отдохнуть совмѣстно от чужой, иностранной, среды. По очереди мы пріѣзжали друг к другу, и это не могло не сблизить нас.

Дороги наши разошлись, встрѣчались мы впослѣдствіи и в Россіи, имѣли общих знакомых, имѣли свѣдѣнія друг о другѣ. 1905 год внес нѣкоторый холод в наши взаимныя отношенія. Смидович стал большевиком, я — активным кадетом. Встрѣтившись в концѣ 1905 года со Смидовичем в Москвѣ, я это измѣненіе в отношеніи к себѣ почувствовал и учел. По доходившим до меня свѣдѣніям Смидович был в крайнем правом крылѣ большевиков, за мягкость характера получил партійную кличку «Матрена» и расцѣнивался, выражаясь уже современным языком, как «соглашатель».

Теперь Смидович состоял предсѣдателем Московскаго областного исполкома. Я рѣшил воспользоваться старыми добрыми личными отношеніями, позвонил по телефону в совдеп и попросил к аппарату Смидовича.

На это получил отвѣт, что «товарища Смидовича безпокоить нельзя, так как он в засѣданіи.» Я попросил передать Смидовичу записку. Через нѣсколько минут я получил отвѣт, что, как только он освободится, он вызовет меня к телефону. Через четверть часа он меня вызвал и на вопрос, как бы нам повидаться, отвѣтил:

— Самое лучшее приходите сюда, в совѣт.

— В какое время?

— Я здѣсь бываю цѣлый день.

— От котораго до котораго часу?

— От 9 утра до 3—4 часов ночи.

— Это дѣйствительно цѣлый день. Но кто же так работает?

— Развѣ вы не знаете, что мы работаем, как сумасшедшіе?

— Не я стану спорить с таким опредѣленіем. Но, чтобы попасть к вам, вѣроятно, нужен особый церемоніал, пропуск, например?

— Не знаю. Кажется, что нужен. Но его не трудно, кажется, получить. Нужно обратиться за этим или здѣсь в подъѣздѣ или в гостинницѣ Дрезден.

— Вы, вѣроятно, знаете, П. Г., что я еще не освободился от старых буржуазных привычек. Не будете-ли вы так добры прислать мнѣ пропуск с курьером завтра утром. Мнѣ нужно видѣть вас по срочному дѣлу.

— Я это с удовольствіем сдѣлаю, если найдется курьер.

— Как? Барышня с таким трепетом отнеслась к вопросу о том, чтобы доложить вам, что я прошу вас к телефону, что, я полагаю, в вашем распоряженіи должно быть достаточно курьеров.

— Ну-да! Как бы не так! У нас здѣсь такой демократизм, что я не знаю, кто из нас важнѣе, я или курьер.

— Как же быть?

— Я записываю сейчас в книжку, чтобы послать вам пропуск. Сдѣлаю все, что могу. Если не получите завтра утром, приходите, получив сами пропуск. Буду вас ждать.

На этом разговор наш кончился. Пропуска мнѣ прислано не было. Очевидно, всесильный в Москвѣ Смидович оказался недостаточно сильным по отношенію к «товарищу-курьеру».

На слѣдующій день я узнал, что могилевцы освобождены благодаря хлопотам другого члена Ц. К. Опредѣленная цѣль посѣщенія Смидовича отпала, и я так с ним и не повидался.

2.

Высшій совѣт народнаго хозяйства (совнархоз) опубликовал в началѣ апрѣля в газетах о назначеніи конкурса за лучшій проект по объединенію всѣх уральских заводов в единое хозяйственное цѣлое. Премія была назначена в 100.000 рублей. Срок представленія полнаго проекта с эксплоатаціонным расчетом был назначен в... три или пять недѣль (теперь уже точно не помню).

Это был явный абсурд: срок был немыслимо короток. Что это обозначало: полное непониманіе, или что-то другое? Дошли до нас слухи, что это — одна формальность, что проект, разработанный фирмой бр. Стахѣевых по порученію группы иностранных капиталистов, уже вполнѣ готов, и что конкурс — только фикція.

Как бы то ни было, я рѣшил ознакомиться с вопросом. В 10 часов утра я явился в помѣщеніе совнархоза. Он занимал полностью всю колоссальную «Сибирскую гостинницу».

Только я двинулся вверх по лѣстницѣ из швейцарской, как меня остановили: «а у вас, товарищ, пропуск есть?» — А гдѣ же его взять? «А вот тут» — ткнули на какую то дверь. Я вошел. Двумя «хвостами» стояла публика и получала пропуски. Стал в один из таких хвостов и я. Спрашивают у каждаго имя, отчество, фамилію, мѣсто-жительства, по какому дѣлу, к кому, пишут с копіей и выдают за номером «пропуск». Со мной выходит недоумѣніе. К кому? — А я почему знаю, к кому. Вы вызываете на конкурс. Вам и знать, к кому я должен обращаться. — Ну хорошо, я дам вам пропуск к секретарю — комната № 186.

Иду в № 186. На двери надпись «секретарь». Вхожу. Меня встрѣчают недоуменно: «Конкурс?... ничего не знаю. Вѣроятно это Уралметалл. — А гдѣ Уралметалл? — Да в этом же корридорѣ».

Выхожу в корридор. На каждом номерѣ соотвѣтственная надпись учрежденія. «Уралметалла» не нахожу, хотя дохожу от № 186, помѣщающагося в одном концѣ корридора, до другого конца. Спрашиваю в этом концѣ, гдѣ Уралметалл; меня направляют в обратную сторону; который номер никто не знает. Наконец из двери одного номера, на котором надписи нѣт, выходит какой-то разсыльный мальчишка, и на мой вопрос, уж не здѣсь ли Уралметалл, радостно почему-то отвѣчает, что здѣсь.

Захожу. Передо мной — «Касса» с рѣшеткой, за которой никого нѣт, налѣво — пустая комната, а направо в комнатѣ вижу двух барышен: одна сидит за машинкой, но читает книжку в желтой обложкѣ — типичный французскій роман; другая, заложив ногу на ногу, насвистывает веселый романс. Объясняю, зачѣм пришел. Предлагают присѣсть и подождать у стола секретаря, который сейчас придет. На столѣ лежат бумаги, и я понимаю это «сейчас придет» так, что секретарь куда-

то отлучился. Сижу и жду; секретаря все нѣт. Вынимаю из кармана «Русскія Вѣдомости» и читаю. На меня косятся. Читает «Р. В.» и не обращается со словом «товарищ», значит—явный контр-революціонер. Так мнѣ по крайней мѣрѣ кажется в тот момент. А, может быть, просто стѣсняю свистать и роман читать. Проходит с полчаса. Недоумѣнно я спрашиваю, приходил уже секретарь, или нѣт. Что вы, отвѣчают мнѣ, да он раньше одиннадцати никогда не приходит.

— А позже?

— Это уж как придется.

Продолжаю сидѣть и читать. Но вдруг одна из барышен заявляет мнѣ, что она полагает, что я ошибся адресом: она, конечно, твердо не может мнѣ сказать, но положительно не помнит, чтобы в «Уралметаллѣ» когда-либо что-либо говорили о конкурсѣ. Она бы мнѣ совѣтовала справиться в Металлургическом отдѣлѣ, который находится в этом же корридорѣ.

Я с охотой пользуюсь предложеніем и направляюсь туда. Здѣсь уже попараднѣе. Маленькая передняя с вѣшалкой и «товарищем-курьером», в котором сразу чувствуется вышколенный департаментскій курьер стараго режима. На одной двери дощечка с надписью «предсѣдатель отдѣла» и с указаніем пріемных часов, в том числѣ «для посѣтителей от 1 часу дня». Направо — канцелярія. Вхожу— опять двѣ барышни. Одна читает «Извѣстія», другая сердито шагает из угла в угол. Встрѣчают мало привѣтливо. Да, конкурс объявлен и́х отдѣлом; справку мнѣ может дать «товарищ-секретарь»; его пока нѣт; часов в 11—12 придет.

Меня начинает занимать эта обстановка; сажусь за стол в углу, развертываю «Русскія Вѣдомости» и наблюдаю из-за нея за картиной изумительнаго бездѣлія двух скучающих дѣвиц, время от времени огрызающихся друг на друга по неизвѣстному мнѣ поводу. Комната большая и гулко по ней отдаются шаги сердитой барышни. Но вот показывается фигура инженера-путейца в формѣ, и он задает тот-же вопрос, что и я, о конкурсѣ. Он получает тѣ же отвѣты, что и я, с добавленіем, что вон там, в углу, один уже сидит и ждет; может и он посидѣть.

Мы знакомимся, рѣшаем пойти в корридор и там ждать прихода секретаря. Мы медленно прогуливаемся по корридору. То тут, то там открывается дверь, и всюду, во всѣх комнатах, одна и та же, бросающаяся на момент в глаза, картинка полнаго бездѣлія. Особенно бросается в глаза часто шмыгающая из одной комнаты в другую «барышня» в богатой мѣховой пелеринѣ до локтей. Обращаю на нее вниманіе моего конкуррента, спрашивая его, как он думает, насколько мыслимо работать в такой пелеринѣ. Встрѣчаю с его стороны своеобразную оцѣнку: «Барышня очень хорошенькая и пелерина не дурна; ни барышня, ни пелерина даже самаго крупнаго комиссара не сконфузит, если поѣдет с ним на лихачѣ». Идем мотаться по корридорам двух других этажей. Картина—все та же. Огромное зданіе «Сибирской гостиницы» бездѣльничает.

Наступает 12 часов, полчаса перваго. Я ухожу завтракать; мой конкуррент остается в корридорѣ на скамейкѣ ждать секретаря.

Вернувшись через час, я застаю моего конкуррента на том же мѣстѣ. Он передает мнѣ, что секретарь, наконец, явился, но ровно ничего не может сказать без предсѣдателя. Теперь надо его ждать. Иду я к секретарю. Молодой человѣк смущенно заявляет мнѣ, что он сейчас собирает справки, просит немного обождать в корридорѣ; сейчас же по полученіи справки он меня пригласит.

Ждем на корридорѣ еще полчаса, условливаемся о дальнѣйших совмѣстных дѣйствіях и идем вмѣстѣ к секретарю с протестом, что нами потеряно все утро на то, чтобы до сих пор не добиться ни малѣйшаго толка по дѣлу о конкурсѣ, на который сама власть вызывает. Молодой человѣк теряется, заявляет, что он сам не знает, почему предсѣдателя, начинающаго пріем с 12 часов, до сих пор нѣт, и обѣщает принять срочныя мѣры. Он отлучается на короткое время и возвращается с отвѣтом, что сейчас вмѣсто предсѣдателя нас примет член совѣта.

Приглашают в кабинет. В нем член совѣта и при нем юнец с форменной фуражкой горнаго инженера в руках. Спрашивают, чего мы хотим. Отвѣчаем, что нам нужны данныя для составленія кон-

курснаго проекта. «Да если бы у нас были данныя, то, с вашего позволенія, на кой черт вы были бы нам нужны», раздается голос юнаго «спеца», «нам нужны люди, знающіе Урал».

Объясняю «спецу», что я Урал знаю, но что имѣть свѣдѣнія о всѣх уральских заводах самый лучшій знаток Урала не может, а проект, составленный на основаніи не точно обоснованных данных, а фантастических, никакой цѣны имѣть не может. «— Какія же вам данныя нужны», смягчается «спец». Объясняю, что нужно знать, какова производительность каждаго предпріятія и чего именно, каким сырьем он обладает, чего и сколько ему не достает, каково его оборудованіе, в каком состояніи водныя силы Урала, какія спроектированы новыя желѣзнодорожныя линіи.

«Гдѣ же могут быть подобныя данныя? Таких данных нигдѣ быть не может», заявляет безапелляціонно «спец». Я ему мягко указываю, что он ошибается: что всѣ данныя о предпріятіях имѣются в Екатеринбургѣ, в «Уральском комитетѣ», организованном правительством во время войны, а остальныя данныя имѣются в Водном и Желѣзнодорожном департаментах министерства путей сообщенія.

«Спец» смущается: член Совѣта начинает посматривать на него неодобрительно. «Спец» оправляется и говорит: «ну, данныя из департаментов мы вам дадим, а уж насчет «Уральскаго комитета» не знаю, как быть».

Я опять чрезвычайно мягко замѣчаю, что, если данныя еще не заготовлены, то департаментам их сейчас же дать будет невозможно: что, по моим точным свѣдѣніям, департаменты было предположено перевести в Ярославль, а потому все их дѣлопроизводство, заколоченное в ящиках, частью находится в Ярославлѣ, частью — в пути.

«Спец» окончательно теряется, краснѣет и рѣзко заявляет: «в таком случаѣ мы ничего не можем вам дать». — Как же вы хотите, чтобы мы без данных составили проект? «А вот составляют же другіе, и никаких данных у нас не просят», слѣдует отвѣт. — Вот как, восклицаю я, но, может быть, они уже давно о предполагаемом конкурсѣ знали и сами откуда то заранѣе добыли данныя?

Вопрос попадает не в бровь, а прямо в глаз. Наступает пауза, молчаніе. Я его нарушаю вопросом, не продлят ли в таком случаѣ срок. Это оказывается невозможным.

В таком случаѣ, заявляю я, я очень сожалѣю, что мнѣ придется доложить своей группѣ, что при наличіи подобных условій, ей надо отказаться от участія в конкурсѣ. «— А кто ваша группа?» — Я перечисляю крупныя имена, при которых лицо «спеца» вытягивается, и прибавляю: а что касается меня лично, то справиться о моей технической цѣнности вы можете у Смидовича. «А он вас лично знает», спрашивает на этот раз уже член Совѣта. — Да, знает и хорошо.

Эффект получается самый поразительный. «А как бы вы отнеслись, если бы мы предложили вам экстренный поѣзд в Екатеринбург и обратно», спрашивает неожиданно член Совѣта. Объясняю, что срок черезчур короток, даже при этом условіи.

У члена совѣта является тогда «блестящая мысль» — познакомить нас с «товарищем» П., у котораго, вѣроятно, много данных относительно Урала. Он ведет нас в комнату П., которому передает в двух словах, о чем идет рѣчь и оставляет нас одних.

«Товарищ» П. оказывается старым департаментским чиновником. Узнав, с кѣм он имѣет дѣло, он дает малолестный отзыв о том бедламѣ, в котором ему приходится служить. Какія могут быть у него данныя об Уралѣ? Много их было в Петроградѣ, но вот переселились сами, а гдѣ архив, дѣлопроизводство,—кто же их знает. — Значит, дѣло безнадежно, получить данных нельзя? — Нѣт, окончательно так рѣшать не слѣдует. Вот, на дому у него принадлежащія ему лично данныя есть, пожалуй, есть даже очень интересный матеріал, как напр., в докладной запискѣ Стахѣева, но дома его трудно застать, ибо с 9 часов утра до 4 дня он на службѣ. С наивным видом я спрашиваю, нельзя ли ему захватить матеріалы с собой в ВСНХ, а я бы зашел. Оказывается, это и трудно, ввиду того, что матеріалов много, и неудобно ввиду

того, что П. не любит о «частных дѣлах» говорить в министерствѣ. То-ли дѣло на дому? Там можно было бы толком побесѣдовать. Тогда я начинаю убѣждать П., что мнѣ не трудно зайти к нему и на дом послѣ 4 часов дня и прошу дать мнѣ его адрес. «Товарищ» П. сразу оживляется, дает адрес, становится очень любезен. Начинаешь чувствовать себя в атмосферѣ стараго департамента, гдѣ еще так недавно так было, что кажется таким далеким, хотя было так каких-нибудь 15 мѣсяцев тому назад. Поневолѣ вспоминаешь изрѣченіе Макарова: «так было, так будет».

На улицѣ мой конкуррент спрашивает меня: «Вы понимаете?» — Как не понимать, отвѣчаю я.

На завтра я передаю своей группѣ о результатах посѣщенія В. С. Н. Х. и мы рѣшаем, во-первых, что надо нашей группѣ обрѣсти легальный вид — стать юридическим лицом и, во-вторых, как в добрее, старое время, использовать связи в сферѣ власть имущих.

Через нѣсколько дней наша группа зарегистрировалась под названіем «Технико-экономическій Институт» («Тэин»).

Рѣшено было, что каждый из участников «Тэина» предпримет шаги для ознакомленія с его задачами вліятельных лиц в новых «сферах», с которыми он имѣет связи. Я взялся переговорить с предсѣдателем ВЦИК'а, Я. М. Свердловым.

ГЛАВА VII.

Я. М. Свердлов в 1905 году („Товарищ Андрей").— Встрѣча в 1917 году — У Свердлова— предсѣдателя ВЦИК'а—в 1918 году.—Пріобщеніе науки к пролетаріату.

1.

Знакомство мое со Свердловым было давнее, но тогда, когда я с ним познакомился, я его фамиліи не знал. Он был в то время «товарищем Андреем». Это было в 1905 году. Встрѣтился я с ним впервые в Екатеринбургѣ на митингѣ, как с политическим противником. «Товарищ Андрей» гремѣл, и гремѣл во всѣх смыслах. Это был не только блестящій оратор, но и оратор, обладающій изумительным голосом: громовым, потрясающим весь зал, и одновременно с особенно мягким, пріятным тембром. Этот необыкновенно характерный, чарующій голос играл не малую роль в карьерѣ «товарища Андрея». Он зачаровывал им аудиторію, он становился трибуном, за которым толпа могла двинуться не в силу логики его рѣчи, а в силу того, что призыв был бы сдѣлан его голосом.

Фанатически убѣжденный в своем дѣлѣ, с горящими глазами, крайне изможденный (у него было до крайней степени поражено одно легкое), этот человѣк господствовал над аудиторіей. Как ни шумѣла и ни волновалась на митингѣ публика, стоило «товарищу Андрею» поднять свой указательный палец (казавшійся благодаря худобѣ необыкновенно длинным), и все мигом смолкало.

За все время своей политической работы я не встрѣчал противника, с которым труднѣе было бы бороться, чѣм с «товарищем Андреем». И эта трудность заключалась в том, что всякая логика разбивалась о массу чувства, темперамент и... голос противника. Что касается политическаго багажа «товарища Андрея», то он был весьма невелик.

Как сейчас, помню выступающаго бок о бок с «товарищем Андреем» его партійнаго соратника, «товарища Ивана». У этого — большая эрудиція, но, чувствую, что его публика слушает только потому, что он «товарищ», что с интересом слушаю его я, да еще, может быть нѣсколько человѣк, и что отвѣчать ему не стоит, а всю силу надо направить на «товарища Андрея».

Митинги в ту эпоху шли изо дня в день. Борьба между «товарищем Андреем» и мною стала как бы извѣстнаго рода спортом для нас обоих. Мы стали своеобразными спутниками. Вполнѣ естественно, что мы заинтересовались друг другом, познакомились. Долго я от него не мог добиться, как его зовут. Я убѣждал его, что мнѣ очень неудобно обращаться к нему «товарищ Андрей», когда ни он мнѣ, ни я ему не «товарищ». В концѣ концов, он мнѣ сказал, что зовут его Яков Михайлович, что касается его фамиліи, то это, полагает он, уже должно мнѣ быть совершенно безразлично. Только значительно позднѣе, уже послѣ его отъѣзда из Екатеринбурга, я узнал, что его фамилія — Свердлов.

Он стал довольно частым гостем у меня. Крайнѣ нетерпимый к соціалистам всѣх толков, раз они не большевики, он гораздо спокойнѣе относился к политическим дѣятелям «буржуям», так как они «по крайней мѣрѣ не рядятся в соціалистическую тогу». Внѣ трибуны Свердлов сильно терял. Недостаточная эрудиція в частной бесѣдѣ сильно сказывалась. Чувствовалась чрезвычайная,

чисто партійная, узость взглядов Опыта у него тоже было мало; он был еще очень молод — ему было года 23—24. Подкупала в нем искренность и убѣжденность, граничащая, сказал бы я, с дѣтской вѣрой, что большевики создадут рай на землѣ. Это дѣйствовало в его пользу на самых горячих его политических противников, и это сказалось, когда с наступленіем реакціи, полиція принялась энергично розыскивать Свердлова. Свердлов словно сквозь землю провалился. Его однопартійцы знали, что он не уѣхал, между тѣм никто не мог его найти. Уже много позднѣе я узнал, что он скрывался в домѣ присяжнаго повѣреннаго, старика Б—ва, весьма вліятельнаго в городѣ, жившаго широко и открыто, дом котораго был всегда полон гостей. Никому не могло прійти в голову, что в отдаленной комнатѣ, в квартирѣ болѣе, чѣм благонамѣреннаго старика Б—ва, к которому каждый вновь назначенный губернатор считал обязанностью явиться с визитом, около 2—3 недѣль скрывался усиленно разыскиваемый властями, Свердлов. Ничто, конечно не связывало Б—ва со Свердловым. Тут сказывалась симпатія, которую Свердлов ему внушал. (Впослѣдствіи, в 1918 году, это обстоятельство сослужило Б—ву службу. Его сильно притѣсняла большевистская власть. Об этом один знакомый написал Свердлову, напомнив ему, что он кое-чѣм Б—ву обязан. На письмо отвѣта получено не было, но Б—ва, спустя недѣлю, сразу оставили в покоѣ). Из дома Б—ва Свердлов уѣхал и я его потерял из виду. Позднѣе я как то случайно слышал, что он в ссылкѣ.

2.

Прошло 12 лѣт. В маѣ 1917 года я услышал, что пріѣхал Свердлов, бывает ежедневно в большевистском комитетѣ и распоряжается, повидимому, на правах партійнаго эмиссара высокаго ранга. Спустя нѣсколько дней он пришел ко мнѣ. Оказывается, не забыл. Застал он нас за чаем. Бесѣда вертѣлась около старых воспоминаній. В данный момент Свердлов, амнистированный, ѣхал из Нарымскаго края, гдѣ он был в ссылкѣ, в Петроград и оставался на нѣсколько дней в Екатеринбургѣ, по порученію своей партіи. Сидѣвшій за столом, бывшій в 1905 году большевиком, но отошедшій затѣм от большевиков, задал Свердлову вопрос, на каких основаніях можно теперь вступить в партію. Голос Свердлова стал сразу металлически-рѣзким. «А вы Циммервальд и Кіенталь пріемлете», — спросил он. — Нѣт, послѣдовал отвѣт. — «Тогда вам у нас дѣлать нечего».

Бесѣда приняла болѣе широкій характер. Свердлов был уже далеко не тот, что 12 лѣт тому назад. Предо мной был уже не митинговый, хотя и перворазрядный трибун, а серьезно образованный, политическій дѣятель. Чувствовалось, что 12 лѣт прошли для Свердлова не даром. Проведя половину этого времени в тюрьмах и ссылкѣ, он учился, читал много. С внѣшней стороны он поправился; вид его был здоровѣе. Он казался сдержаннѣе, но и суровѣе, чѣм раньше.

Бесѣда затянулась. Когда мы остались одни, я рѣшил поставить ему вопрос вплотную. Обратив его вниманіе на совершенно частную обстановку, в которой мы находимся, я попросил его отвѣтить мнѣ, неужели он серьезно вѣрит в возможность соціальной революціи в Россіи — такой отсталой в отношеніи уровня производства странѣ — и не боится ли он, что попытка зажечь міровой пожар кончится пожаром только в одной Россіи и ея гибелью. Не рискуют ли большевики, что погибнет русская промышленность, а с ней и русскій пролетаріат, а большевики без пролетаріата очутятся не у дѣл.

Отвѣт Свердлова был почти текстуально такой:

«Мы считаем, что единственными странами, дошедшими до господства финансоваго капитала, а слѣдовательно и грани, за которой слѣдует соціальная революція, являются в настоящее время Германія и С. А. Соединенные Штаты. Но в данный момент не может быть и рѣчи, чтобы зажечь пожар там непосредственно. Мы начнем с Россіи, гдѣ все, благодаря войнѣ, потрясено. Пожар неминуемо распространится, захватит Германію, Америку и другія капиталистическія страны. Там установится соціалистическій строй и рикошетом он вернется в Россію, которая, благодаря своей отсталости, не будет в состояніи не войти в орбиту мірового соціалистиче-

скаго хозяйства, раз оно станет основой в культурных странах.

Риска у нас нѣт никакого. Мы, большевики, выиграем во всѣх случаях. Возьмем худшій случай, что пожар не разгорится и ограничится одной Россіей. Вы говорите, что «погибнет Россія». Для вас, націоналиста, это — все, но вѣдь я — интернаціоналист. Что значит «погибнет Россія»? Вѣдь территорія не погибнет, да и населеніе далеко не все погибнет. Если погибнет вся русская промышленность и с нею фабричный пролетаріат, и Россія, как вы говорите, станет земледѣльческой страной, что-ж? Усилится производство и промышленность в Германіи, Америкѣ и других странах, разовьется пролетаріат там, если мы на этот раз ошиблись. Да и в Россіи не все погибнет; часть промышленности и пролетаріата сохранится, а ненависть между буржуазіей и рабочим классом, при неудавшейся соціальной революціи будет посѣяна такая, что ея ничѣм не замазать. Она будет служить зерном для возобновленія попытки соціальной революціи. Мы ни на какой риск не идем. Мы идем навѣрняка. Во всѣх случаях мы будем в выигрышѣ, и вы это увидите».

— Полагаю, отвѣтил я, что ни вы, ни я этого не увидим, ибо народ за вами не пойдет.

— Нѣт, увидите, послѣдовал отвѣт.

Мы еще недолго побесѣдовали и разошлись, каждый со своей вѣрой и со своей надеждой.

3.

К несчастью, прав оказался Свердлов.

И полнаго года не прошло, как мнѣ пришлось думать о свиданіи со Свердловым — фактическим главой Россійскаго Государства. Как раз в это время окончательно рѣшился спорный вопрос, кому должен германскій посланник, граф Мирбах, вручить свои вѣрительныя грамоты: предсѣдателю Совнаркома — Ленину или предсѣдателю ВЦИК-а — Свердлову. Вопрос был рѣшен в пользу послѣдняго, главой РСФСР был признан он.

По телефону мы условились с ним, что он примет меня не у себя на квартирѣ (это почему то ему было невозможно), а в его служебном кабинетѣ, который на время моего посѣщенія мы оба будем считать (я так настаивал) на правах его частной квартиры.

Получив от Свердлова через курьера-красноармейца пропуск в Кремль, я 21 апрѣля в установленный час отправился туда. У единственных ворот, открытых для входа, стоял очень сильный караул. От него отдѣлился красноармеец, тщательно осмотрѣл пропуск, оторвал входной талон и пропустил. Давно я не был в Кремлѣ, и как то странен был пустынный Кремль, по которому я шел одиноко, лишь изрѣдка встрѣчая красноармейцев.

В корридорах зданія судебных установленій, гдѣ помѣщался кабинет Свердлова, было также малолюдно. Встрѣчались парами и небольшими группами красноармейцы, говорившіе не громко, на каком то чужом для меня языкѣ: повидимому, —латыши. Одѣты они были хорошо, вид и выправка — молодцеватые.

Я вошел в пріемную в точно условленное время — в час дня. На мой вопрос мнѣ отвѣтили, что «товарища Свердлова» ждут с минуты на минуту. Дѣйствительно, он не заставил себя ждать. Через нѣсколько минут появился Свердлов, в пальто на-распашку, в кожаной курткѣ, в высоких сапогах. Не раздѣваясь, он направился ко мнѣ, утянул меня в кабинет и уже там сбросил пальто на первое попавшееся кресло.

Хорошій кабинет был сильно запылен, обстановка была в безпорядкѣ. На высоком зеркалѣ торчал воткнутый между стеклом и рамой портрет Ленина. Свердлов за год нисколько не измѣнился, что я и замѣтил ему.

— Мнѣ мѣняться не от чего,—отвѣтил он,—был нищим и остался нищим. Вот вы сильно измѣнились, похудѣли.

— Нѣт ничего удивительнаго, — отвѣтил я,—я не был нищим, а стал нищим, значит, было от чего измѣниться. Вот теперь у меня все буквально отнято, всѣ орудія производства, я их лишен и поступил на частную службу, продаю свой труд, значит, я пролетарій по вашей номенклатурѣ. Имѣю я право на защиту пролетарскаго правительства?

Свердлов на момент задумался и отвѣтил:

— Нѣт, ибо у вас осталась буржуазная психологія.

Обмѣнявшись еще нѣсколькими словами личнаго характера, причем Свердлов отмѣтил, что о моей политической дѣятельности за этот год он хорошо освѣдомлен своими товарищами по Уралу и очень рад был за меня, что мнѣ во время всегда удавалось «бѣгать» от них, я перешел к вопросу о том, насколько была бы мыслима работа «Тэина». Я не скрыл от Свердлова и того удручающаго впечатлѣнія, которое на меня произвело посѣщеніе В. С. Н. Х.

— Вот вы предлагаете, — отвѣтил Свердлов,—работать хотя бы и для нас, но не с нами и не у нас. Не скрою от вас, что при назначеніи нашего свиданія мною руководило не только желаніе повидаться с вами, но, как и вами, желаніе использовать нашу бесѣду в дѣловых цѣлях. Разрушительная часть революціи кончена. Совѣтская власть прочно установлена и она вѣчна. Могут, конечно, мѣняться во главѣ власти партіи, люди, но я утверждаю, что совѣтская система власти в Россіи утверждена на вѣчныя времена. Теперь пора приступить к творчеству. Вы отлично знаете, что у нас своих людей, подготовленных к дѣловой, хозяйственной работѣ, нѣт. Мы вынуждены брать для дѣловой работы людей из чужого, враждебнаго нам лагеря. А хорошіе работники из интеллигенціи к нам не идут. Нужно этому положить конец. Вот вы, вы вѣдь говорите, что вы служите «народу» (это слово было произнесено талантливо-иронически). Ну и идите служить народу на технически-дѣловом поприщѣ. Конечно, самое лучшее было бы использовать вас на Уралѣ, но люди всюду люди; там с вами есть много личных счетов. И для нас, и для вас лучше, чтобы вы были подальше от Урала. Выбирайте здѣсь любую техническую должность по вашему усмотрѣнію (я всецѣло полагаюсь на вас), а не занимайтесь кустарничеством, вродѣ «Тэина».

— Независимо от того, как я смотрю на вопрос «о саботажѣ» интеллигенціи, —отвѣтил я,—я поступить к вам на службу все равно не могу, так как я—член Учредительнаго Собранія.

— Какое же это имѣет отношеніе к дѣлу. Я сам тоже член Учр. Собранія.

— А вот какое. Вы говорите, что вы вѣчны, и я вас понимаю. Каждый из нас работает, забывая, что он обязательно когда нибудь помрет, работает так, как если бы он был вѣчен. И вам сознаніе вѣчности Совѣтской власти необходимо. Но я в этом смыслѣ тоже считаю нас вѣчными, а наша вѣчность исключает для меня вашу. У меня есть избиратели. Они не лишены так чувств, как мы — политическіе работники. Вот вы спокойно объясняете мнѣ, что считали нужным меня арестовать на Уралѣ, я вам отвѣчаю, что при измѣнившихся обстоятельствах, я был бы вынужден к той же печальной необходимости в отношеніи вас, и это не мѣшает нашей бесѣдѣ добрых знакомых. Избиратель этого психологически понять не в состояніи. Мой избиратель ненавидит вас, большевиков, до глубины души. Он никак не поймет, как я мог пойти на службу к вам. А так как я вѣрю в нашу, а не в вашу вѣчность, то я надѣюсь, что я и мой избиратель очень скоро друг другу понадобимся. Подождите нѣсколько лѣт. Если вы правы, и мы, и мой избиратель, и я, убѣдимся, что вне вас дѣлать нечего, тогда, конечно, мнѣ некуда будет дѣваться от вас. А пока я каким бы то ни было путем могу существовать, не будучи на службѣ у вас, я от нея воздержусь.

Выразив свое сожалѣніе, Свердлов спросил у меня, знаком ли я с Рыковым (председателем В. С. Н. Х.), и узнав, что нѣт, заявил, что ему передаст вопрос о «Тэинѣ», а затѣм познакомит нас, так как сам он в возбуждаемых мною технико-экономических вопросах ничего не понимает.

Тут же, между прочим, он помог мнѣ получить небольшой остаток по аккредитиву государственнаго банка, дав оффиціальное письмо непосредственно на имя комиссара конторы государственнаго банка и нарушив, таким образом, какой бы то ни было порядок в системѣ инстанцій. Все было продѣлано необычайно просто. Письмо было написано собственноручно, без записи в какую бы то ни было книгу исходящих, без номера. Затѣм Свердлов вынул из портфеля, привезеннаго с собой, завернутыя в бумажку печать

и красящую подушечку, приложил печать к письму и передал мнѣ письмо, заявив, что он полагается всецѣло на меня, что я его «не подвожу», ибо он в таких операціях ничего не понимает, т. к. аккредитивов никогда не имѣл. Я его успокоил. Дѣйствительно, ничего нелегальнаго тут не было. Свердлов, в данном случаѣ, лишь избавлял меня от потери трех — четырех дней в очередях в учрежденіях.

Побесѣдовав еще нѣсколько об общих знакомых, я распростился.

Шагая обратно, по пустынной Сенатской площади, я думал о том, до чего опростилась в самой своей верхушкѣ российская власть в лицѣ этого «нищаго», как он сам себя называет, у котораго, кстати сказать, не замѣчалось того головокруженія от власти, которым нѣкоторые весьма и весьма страдали. Кожанная куртка, высокіе сапоги и, в особенности, вынимаемая из бумажки «государственная печать»... Я представил себѣ, как чувствовали себя наканунѣ, в этой же совершенно обстановкѣ, на «торжественном» пріемѣ, при врученіи ими вѣрительных грамот,германскій посол, граф Мирбах, и турецкій. Позднѣе передавали, что Мирбаха с трудом убѣдили ѣхать не в военном мундирѣ при орденах и не во фракѣ, а в... пиджакѣ.

Так было в самом верху. А внизу была старая картина. В государственном банкѣ я с письмом обратился к секретарю, бывшему ранѣе членом Екатеринбургскаго комитета нашей партіи, Б... Он сообщил мнѣ, что комиссара сейчас нѣт, и что он обратится к его помощнику — старому чиновнику, крайнему правому по политическим убѣжденіям. Поэтому Б. не знал, как отнесется помощник комисара к письму. Через минуту Б. вышел из кабинета и сказал мнѣ, что меня просят туда. Помощник комиссара попросил меня посидѣть, очень быстро сдѣлал надлежащія надписи на письмѣ, и мы вышли.

За дверью Б. стал хохотать.

— Что с вами?—спросил я.

— Да я получил выговор,—отвѣтил Б.,—он мнѣ заявил: «как могли вы позволить себѣ оставить в хорридорѣ, а не пригласить сюда человѣка, пришедшаго с письмом от такой высокопоставленной особы, как Свердлов»...

4.

Организація «Тэин» вошла в дѣловыя сношенія с хозяйственными и экономическими органами Совѣтской власти. В эту эпоху (война 1918 г.) той твердой системы органов управленія государственным хозяйством, как «Главки» и «Центры», еще не было. Совѣтская власть дѣйствовала еще ощупью (частная торговля и частныя предпріятія еще существовали). Всѣ органы власти занимались пока проектпрованіем. Проектировали все необычайно широко, в грандіозном масштабѣ, как и приличествует огромному единому хозяйству всей Россіи. К этому проектированію старались притянуть научныя силы. При этом научная сила расцѣнивалась не только с точки зрѣнія реальной пользы, приносимой ею, но и с точки зрѣнія психологической, точки зрѣнія рекламной.

Надо было вліять на пролетаріат, надо было имѣть возможность сказать ему: «смотрите, мы работаем рука об руку с наукой». Поэтому особенно цѣнились патентованныя научныя силы. В отчетах о засѣданіях тѣх или других совѣщаній или комиссій щеголяли указаніями, что онѣ происходили с участіем профессора такого-то, или академика такого-то.

Через одного из участников «Тэин'а» мы получили предложеніе лѣсного департамента разработать проект высшаго учебнаго заведенія по механической и химической обработкѣ дерева. Идея сама по себѣ была совершенно правильной. Россія — страна, могущая поставлять 80 процентов всего мірового потребленія дерева — не имѣет ни одного спеціальнаго высшаго учебнаго заведенія по обработкѣ дерева. Курс технологіи дерева, правда, читается студентам наших высших спеціальных учебных заведеній, но отношеніе к нему недостаточно серьезное. С очень большим трудом можно найти в Россіи инженера-спеціалиста по обработкѣ дерева. Обычно это дѣло находится в руках мастеров-практиков, мало способных двигать вперед деревообрабатывающую промышленность. Между тѣм экономика Россіи в ближайшее время неизбѣжно должна быть построена в значительной мѣрѣ на эксплоатаціи наших лѣсных богатств.

чѣм выше будет она поставлена, чѣм меньше мы будем вывозить сырья и чѣм дальше мы будем итти по производству из дерева полуфабриката и фабриката, тѣм скорѣе мы начнем вылѣзать из глубокой экономической трясины, в которой мы завязли.

Проект института по обработкѣ дерева был «Тэин'ом» поручен мнѣ. Я охотно принялся за разработку плана такого учебнаго заведенія. В основу я положил принцип трехлѣтняго курса с тѣм, что в первые два года должен быть вполнѣ окончен общій курс, третій же год должен быть посвящен исключительно спеціальным курсам и практическим работам по обработкѣ дерева с тѣм, чтобы инженер любой спеціальности мог, поступив на третій курс, обучиться в один год новой спеціальности. Это позволило-бы одновременно открыть первый и третій курсы и имѣть спеціалистов через год по открытии института. Занятія для студентов предусматривались усиленныя, по западно-европейскому масштабу, а равно еженедѣльныя репетиціи.

Разработав основныя положенія, мы дали знать лѣсному департаменту, и через нѣкоторое время Тэин» получил приглашеніе от директора департамента на созываемое им совѣщаніе по вопросу о созданіи института. Рѣшено было, что пойдут трое, в том числѣ и я, как автор проекта.

Я шел на совѣщаніе с нѣкоторым любопытством. Во главѣ лѣсного департамента «Наркома» земледѣлія, как я знал, стоял Фалѣев, бывшій ранѣе директором того же департамента при царском правительствѣ, затѣм при временном правительствѣ и оставшійся на том же мѣстѣ при большевиках. Директор департамента при царском режимѣ! Это уже был вѣдь не чиновник, а сановник! Увидѣть сановника Фалѣева на амплуа «товарища Фалѣева» было интересно. Интерес усугубился тѣм, что Фалѣев еще с царских времен был извѣстен, как автор самых скабрезных, с трудом пропускаемых театральной цензурой, фарсов.

Департамент земледѣлія, как оказалось, помѣщался в великолѣпном особнякѣ. Уже начиная с вестибюля все поражало не только роскошью и большим вкусом, но еще больше чистотой, совершенно не принятой в обычных совѣтских учрежденіях. В «товарищѣ-швейцарѣ» чувствуется старый вышколенный департаментскій швейцар, привыкшій с достоинством снимать пальто и с высоких особ. Встрѣтил нас чиновник особых порученій в высоких сапогах, во френчѣ, одним словом одѣтый, как полагается по совѣтскому образцу, но выхоленный, вылощенный и с такими полупоклонами и манерами, что казалось, что на нем не френч сидит, а виц-мундир. Он почтительно сообщил, что «товарищ Фалѣев» сейчас будет и просил пройти в его кабинет.

Богатѣйшій по обстановкѣ кабинет, вполнѣ гармонировавшій с роскошью отдѣлки комнаты и блиставшій чистотой, был яркой противоположностью того, что я видѣл у Свердлова. Чувствовалось, что особняк случайно попал в хорошія руки

В скором времени собралось человѣк двѣнадцать. Физіономіи-мало интеллигентныя. Помню одного, оказавшагося впослѣдствіи учителем низшей сельско-хозяйственной школы, в черном сертукѣ, повидимому, с чужого плеча. Появился, наконец, и «сам» — средних лѣт, моложавый, во френчѣ и высоких сапогах.

Он открыл совѣщаніе рѣчью к «товарищам», обрисовав серьезное значеніе вопроса, предлагал обсудить его со всей серьезностью и закончил заявленіем, что хотя «пролетарское» государство и не богато и не может платить дорого за участіе «товарищей» в совѣщаніи, но, принимая во вниманіе с другой стороны, что трудом «товарищей-пролетаріев» государство не может пользоваться безвозмездно, нам полагается каждому за каждое засѣданіе по 25 рублей (фунт хлѣба из под полы стоил уже рублей десять).

Стали высказываться. Большей частью это были робкіе обрывки мысли. Никакого плана, ни малѣйшей системы! С оглашеніем нашего проекта совѣщаніе оживилось. Стали раздаваться голоса, как критики, так и одобренія. Взял слово и Фалѣев.

Его выступленіе было очень характерно. Наш проект привел его в бурный восторг. Захлебываясь, говорил он о том, что в пролетарском государствѣ студенты должны работать не так, как в буржуазном. Студент должен помнить, что помѣщеніе (а он будет имѣть прекрасную комнату), стол, одежду, все, все он получает

от пролетаріата; он учится, пока пролетаріат трудится. Значит, студент должен, обязан учиться! И государство имѣет право еженедѣльно провѣрить, учится-ли он. А если не учится, не хочет учиться, то нечего задерживаться! Ступай вон! Не может прелетаріат даром на тѣх работать! Срок трехлѣтній? — Прекрасно. Нечего дольше дармоѣдничать. Устроить все можно очень быстро. Можно отобрать любую фабрику, любой завод, наиболѣе подходящій по имѣющимся при нем зданіям, пригодным для аудиторій и общежитія. Со всѣх концов Россіи можно свезти машины и станки, нужные для оборудованія образцовых мастерских, отобрав их на любом заводѣ! Проект великолѣпен, а потому надо положить его в основу сужденій!

Я слушал. С одной стороны я приходил в ужас от того, во что превращался мой проект в большевистском преломленіи. С другой стороны меня душил смѣх: большевистскій дух в мой проект вносил..... бывшій царскій сановник и фарсовый «драматург».

Фалѣева зачѣм то вызвали. Он объявил перерыв. Я задумался. «Не будете ли вы так любезны сообщить ваш адрес», вдруг услышал я. Я оглянулся. Возлѣ меня стоял, склонившись, с листом бумаги в рукѣ, изящный чиновник особых порученій. «Нам нужно знать, куда отослать причитающійся вам гонорар», осклабившись, добавил он. Я отвѣтил, что они должны имѣть дѣло с «Тэином».

Фалѣев вернулся. Засѣданіе возобновилось. Оно продолжалось недолго. Всѣ спѣшили присоединиться к мнѣнію «товарища Фалѣева», что именно наш проект должен быть признан основой и подлежит детальной разработкѣ. Дальше, очевидно, Фалѣеву совѣщаніе было не нужно, и он его закрыл.

Мы вышли на улицу. Тут я больше не мог сдерживать душившаго меня смѣха. Уже давно, с дѣтских лѣт, я так не хохотал. Барскій особняк, царскій сановник и..... горячая большевистская проповѣдь! Мои коллеги не понимали, что со мной творится. В Москвѣ уже отвыкли от смѣха. И я им отвѣтил: погодите, измѣнится государственный строй, и, я не сомнѣваюсь, инсценировка сегодняшняго засѣданія будет лучшим фарсом Фалѣева.

Прошло нѣсколько дней. Нам прислали стенограмму засѣданія. Хотя из всѣх собравшихся профессором был один, но в стенограммѣ так и пестрѣло «профессор Кроль», «профессор Ш» и т. д. Фарсовый писатель подчеркивал пріобщеніе науки к пролетаріату *).

---

*) По появленіи этого очерка в „Голосѣ Родины", было опубликовано письмо слѣдующаго содержанія:

„Позвольте исправить нѣкоторую неточность (всегда в свидѣтельствах современников непріятную), которая имѣется в печатаемых в „Голосѣ Родинѣ" очерках — „За три года" — Л. А. Кроля.

Так, в номерѣ от 7 сентября имѣется у г. Кроля завѣреніе, что Фалѣев — „автор скабрезных фарсов" (!), стоявшій во главѣ лѣсного департамента, „Нарком" земледѣлія, был ранѣе директором того же департамента при царском правительствѣ.

Это завѣреніе, к сожалѣнію, нѣсколько не соотвѣтствует дѣйствительности. Н. И. Фалѣев, военный юрист, послѣ бѣгства Бориса Савинкова из севастопольской морской тюрьмы, выйдя в отставку, переѣхал из Севастополя в Петроград, гдѣ, состоя членом партіи соціалистов-революціонеров, занимался журналистикой под псевдонимомъ Чуж-Чуженин и преподавал законовѣдѣніе в среднеучебных заведеніях. Написав большой труд о лѣсных законах, Н. И. Фалѣев также состоял преподавателем в лѣсном институтѣ.

В 1914 году он был призван на военную службу. Свое же назначеніе по лѣсному вѣдомству получил уже послѣ революціи, при Керенском. На съѣздѣ совѣта партіи соціалистов революціонеров, лѣтом 1917 года, Фалѣев примкнул к лѣвой группѣ соціалистов революціонеров, во главѣ которой была М. А. Спиридонова. Послѣднее обстоятельство и объясняет его дальнѣйшую служебную дѣятельность при большевиках.

С Н. И. Фалѣевым я лично знаком и довольно часто видѣлся с 1910 года по 1917 год. **Арк. Великопольскій.**"

Отнюдь не имѣя намѣренія вредить в какой бы то ни было мѣрѣ доброму имени г. Фалѣева, я считаю долгом отмѣтить это письмо г. Великопольскаго, и не беру на себя судить, гдѣ истина. Впечатлѣнія же свои я оставляю в том видѣ, какими онѣ были в свое время: онѣ основывались на отзывах прессы о Фалѣевѣ и на том, что о нем говорилось.

ГЛАВА VIII.

Поѣздка в Архангельск и Вологду.—Партія к.-д. и федерація.—Сепаратизм и экономика.—Партійная конференція.—Арест к-д.—Опять в подпольѣ.—Разъѣзд.—Командировка на Восток.

1.

В концѣ апрѣля я был командирован по служебным дѣлам в Архангельск. Так как в это время Ц. К. принимал мѣры к установленію связи с губернскими комитетами перед конференціей, то на меня было возложено соотвѣтственное порученіе.

Поѣздка моя была вполнѣ комфортабельна. В поѣздѣ на ряду с теплушками был спальный вагон и вагон-ресторан Международнаго Общества, причем строго слѣдили за тѣм, чтобы пассажиры были с соотвѣтственными классу билетами. Я впервые с января выѣзжал из Москвы, и от того хаоса, который царил тогда в поѣздах, и помину не осталось: чувствовалась желѣзная рука большевиков. В вагонѣ все было, как в обычныя буржуазныя времена: очевидно, и при коммунистическом равенствѣ комиссары предпочитали ѣздить отдѣльно от «товарищей», предоставляя тѣм теплушки. Тѣм не менѣе, несмотря на старую обстановку, и в поѣздѣ не забывалось, что время не вполнѣ обыкновенное. Как об этом гласило предупрежденіе в кассѣ Международнаго Общества, постельнаго бѣлья не полагалось, равно как и освѣщенія. Свѣчи надо было имѣть свои. Равным образом надо было имѣть с собой хлѣб: завтраки и обѣды в вагонѣ-ресторанѣ подавались без хлѣба.

По дорогѣ от Вологды до Архангельска «контролировали» пассажиров матросы и, по слухам, контролировали довольно сурово. Наш поѣзд, по счастливой случайности, обошелся без такого контроля, хотя мы его нѣсколько раз ждали не без трепета.

В Архангельскѣ я нашел губернскій партійный комитет полуразгромленным. Значительная часть его была в тюрьмѣ. Остаток удалось, однако, собрать и побесѣдовать о предстоящей конференціи. Выяснилось, что о такой открытой работѣ, как в Москвѣ, в Архангельскѣ и рѣчи быть не может.

Жизнь в Архангельскѣ оказалась много дороже, чѣм в Москвѣ. Особенно сильно Архангельск страдал от отсутствія хлѣба. Тѣм не менѣе в ресторанах, в отличіе от Москвы, подавали хлѣб. Тут же впервые мнѣ пришлось познакомиться с неудобством сплошного переименованія улиц большевиками. Я не знал старых названій, а извозчики не знали новых: попробуй договориться.

По пути из Архангельска я рѣшил остановиться в Вологдѣ. Намучившись в Архангельскѣ с полученіем какого-либо пристанища и не желая подвергаться такому испытанію в Вологдѣ, я телеграфировал в Вологду о своем пріѣздѣ с просьбой встрѣтить меня на вокзалѣ. Эта предосторожность оказалась далеко не лишней, и не с той стороны, о которой я думал.

Меня встрѣтил однопартіец—желѣзнодорожник со своим курьером. Они забрали мои вещи и повели не обычным выходом. Оказалось, что на вокзалѣ в Вологдѣ очень строго провѣряют пассажиров: кто, зачѣм и на каких основаніях? Для Архангельска у меня были оправдательные документы моей поѣздки, но для Вологды—никаких. Случайность избавила меня от

задержки в Вологдѣ на срок, вѣроятно, болѣе длинный, чѣм мнѣ хотѣлось, да и в обстановкѣ, вѣроятно, которой я бы не желал. Выѣхал я из Вологды в служебном вагонѣ, благодаря тому же однопартійцу. Пробыл я там всего один вечер, успѣв побесѣдовать с губернским комитетом, оказавшимся, примѣрно, в том же положеніи, что архангельскій.

В Москву стали возвращаться мало по малу из командировок в другіе города. Всюду было почти то же, что в Вологдѣ и в Архангельскѣ. Стремленіе прибыть на конференцію, несмотря на трудности, было большое.

За время моего отсутствія московская организаціи партіи успѣла проявить внѣшнюю, публичную, работу настолько, что в годовщину открытія 1-й государственной думы (27 апрѣля) устроили в десяти районах Москвы митинги на соотвѣтствующую тему. Власти препятствій этому не чинили. Митинги прошли с большим успѣхом.

В Ц. К. за это же время прошло обсужденіе вопроса об отношеніи к возникновенію в Кіевѣ независимаго от Ц. К. главнаго комитета партіи и переходѣ его на нѣмецкую оріентацію в связи с воцареніем Скоропадскаго. Я застал только отголоски, повидимому, страстных преній.

В общем было недовольство кіевлянами, но с другой стороны возбуждался вопрос, не в оздоровленіи ли по частям— рецепт возсозданія Россіи. Отсюда возникал вопрос о пересмотрѣ отношенія партіи к федераціи.

Отрицательное отношеніе партіи к федераціи было в свое время прекрасно формулировано в трудѣ покойнаго Кокошкина. В основѣ этого отрицательнаго отношенія лежала непріемлемость искусственнаго предварительнаго раздробленія частей Россіи, без чего Великороссія, получая равныя права с какой-нибудь Грузіей, имѣла бы вѣс далеко не в пропорціи со своим значеніем.

Теперь, когда об искусственном дробленіи думать не приходилось, а, наоборот, от большевиков освободилась Украина и могли освобождаться отдѣльныя области, естественно возникал вопрос о возможном федерированіи отдѣльных областей, освобождающихся в совершенно различных условіях и обстановкѣ, а потому идущих разными путями и вынужденных образовывать свои правительства. Объединеніе таких самостоятельных областей под общей центральной федеральной властью, могло бы быть одним из исходов, и мысль о федераціи становилась уже не настолько отпугивающей, как раньше.

Боязнь федераціи, кромѣ чисто технических трудностей осуществленія, диктовалась партіи и опасеніем перед центробѣжными силами, перед стремленіем нѣкоторых областей к сепаратизму. Но отдѣленіе Украины, ставшее в то время совершившимся фактом, неожиданно оказалось психологически очень полезным. Никогда раньше москвич не думал, откуда берется сахар и хлѣб. Оставшись, с отдѣленіем Украины, сразу без сахара и с большим трудом получая хлѣб с востока, рядовой москвич заговорил вдруг об Украинѣ, и заговорил повсюду, на дому, в трамваѣ— этом подвижном политическом клубѣ Москвы того времени,—на улицѣ. Москвичу стало ясно до очевидности, насколько нужна ему Украина. С другой стороны, мы получали совершенно такія же свѣдѣнія с Украины. Там остались без ситца, без сапог, без самоваров, без ножевого и другого товара, и стали тосковать по центральной Россіи. Элементарнѣйшія требованія жизни стали уяснять широким массам и тут и там, насколько отдѣльныя части Россіи нужны друг другу.

Изученіе экономических взаимоотношеній центра с Украиной показало нам, что не говоря уже о сахарѣ, который Германія сама вывозила в мирное время и о вывозѣ котораго в Германію в мирное время не может быть и рѣчи, экспорт хлѣба из Украины в Германію был явленіем тоже только временным, на період войны. По окончаніи ея, центральная Россія явилась бы внѣшним рынком для Украины, без котораго ей не обойтись. Отдѣленіе от Россіи таможенной границы ставило бы Украину экономически в критическое положеніе. А потому даже самые ярые украинскіе шовинисты были бы вынуждены искать какого-либо выхода из отдѣленія от Россіи. С другой стороны, было несомнѣнно, что на возстановленіе старых взаимоотношеній украинцы не пойдут. Того же самаго можно было ожидать от других отрывавшихся областей. Выходом из такого положенія могла служить федерація.

Вопрос этот имѣл практическое значеніе, ибо в связи с ним стоял вопрос об отношеніях к властям, которыя могли бы создаться в отдѣльных освобождающихся областях, и к методу их объединенія в одно цѣлое. Не рѣшая вопроса об измѣненіи отношенія партіи к федераціи в окончательном видѣ, Ц. К. приходил к заключенію, что возможность такого измѣненія не должна быть исключена.

Серія вопросов, подлежащих обсужденію на конференціи и исключенію из нея, была закончена. Начались работы по подготовкѣ к самой конференціи, обсужденіе тезисов докладов. Стали съѣзжаться члены Ц. К. из разных мѣст. Появился под конец и Винавер. Оказалось, что, живя вдали от нас, он пришел в области иностранной политики к тѣм же выводам, что и мы: к неизбѣжности совершенно опредѣленной оріентаціи на союзников. Ему и было поручено выступить докладчиком на конференціи по этому вопросу —кардинальному пункту конференціи.

К этому времени, как мы в этом заранѣе были увѣрены, союзники успѣли разочароваться в своих надеждах столковаться с большевиками против Германіи. Они вновь обратили свои взоры к общественности в лицѣ Союза Возрожденія и Національнаго Центра.

2.

Конференція продолжалась три дня: с 26 по 29 мая. Я мало удѣлял времени ея засѣданіям. Мнѣ нужно было использовать ее для привлеченія подходящих из делегатов к дѣлу «Союза Возрожденія». Поэтому у меня осталось мало впечатлѣній от конференціи в цѣлом. Что у меня осталось в памяти это — блестящій во всѣх отношеніях, изумительно тонкой работы, доклад Винавера по иностранной политикѣ. Он закончился оваціей по адресу докладчика, на что у нас довольно скупы.

Доклад встрѣтил мало оппонентов. Выдѣлился среди них проф. Устрялов (я тут увидѣл его впервые), который, являясь противником как нѣмецкой, так и союзнической оріентаціи, выступил со своеобразной теоріей политики «свободных рук». Болѣе сильной отповѣди, чѣм данная Винавером Устрялову, и в которой от построенія Устрялова не осталось камня на камнѣ, я не запомню. Тезисы доклада Винавера были приняты всѣми голосами против одного Устрялова.

Приняв ряд рѣшеній, в числѣ которых не было ни звука о монархіи (что я особенно подчеркиваю, т. к. конференція была послѣдней), конференція закрылась.

30 мая часа в 4 дня я зашел в помѣщеніе Ц. К., как я это дѣлал почти каждый день. Конференція нарушила обычный порядок наших занятій, и я не знал, какая из комиссій будет в этот день засѣдать. От М. Г. Комиссарова я узнал, что предстоит засѣданіе чисто московское—представителей московских организацій. На мой вопрос, полагает-ли он, что засѣданіе это может представить какой-нибудь интерес для меня, при чем я замѣтил, что я очень устал за предшествующіе три дня, Комиссаров отвѣтил, что ничего интереснаго для меня в засѣданіи не будет, а потому это — хорошій случай для меня отдохнуть. Мимоходом он сообщил мнѣ, что, по полученным свѣдѣніям, германскій посланник, гр. Мирбах, крайне раздражен опубликованной в газетах резолюціей по иностранным дѣлам, принятой на конференціи, и что по этому поводу один из совѣтников германскаго посольства посѣтил Чичерина и будто сообщил ему, что к.-д. готовят покушеніе на Мирбаха. Посидѣв недолго, я ушел.

31 мая, когда я пришел утром на службу, меня встрѣтили там с большим изумленіем: «Как, вы не арестованы?» Тут наступила очередь удивиться мнѣ. Коллеги стали меня увѣрять, что накануне вечером арестован во время засѣданія весь Ц. К.. Я в свою очередь увѣрял их, что никакого засѣданія Ц. К. вчера не было, а значит арестовать его « в засѣданіи» нельзя было. Сколько мы ни спорили, передо мной был факт, что уже всѣ многочисленныя учрежденія Второва, помѣщавшіяся в Дѣловом Дворѣ, знали, что весь Ц. К. арестован, и что об этом всѣ служащіе говорили до моего прихода и многіе меня жалѣли. Приходилось допускать, что так или иначе члены Ц. К. арестованы, и что, впредь до выясненія, не безопасно для меня оставаться среди многих знавших меня людей, между которыми могли быть и большевики. Приходилось пока уходить, что я и сдѣлал.

Первая моя попытка вызвать кого-либо из членов Ц. К. к телефону показала мнѣ, что дѣйствительно дѣло обстоит далеко не благополучно: никого из них дома не было, и никто из домашних не знал, гдѣ они и когда будут дома. На звонок к одному из них, когда я назвал свою фамилію отвѣтивщей на вызов женщинѣ, я получил отвѣт: «повѣсьте сейчас-же трубку». Так как это было близко, то пошли разузнать, в чем дѣло, и вернулись с извѣстіем, что идет обыск.

Члены Ц. К. как в воду канули. Надо было поискать нити. Это мнѣ удалось сравнительно скоро. Я розыскал одну из служащих при Ц. К. Оказалось, что арестован был не Ц. К., а бывшіе в засѣданіи в помѣщеніи Ц. К. 30 мая: члены Ц. К. — Кишкин, Комиссаров и Сабашников, а остальные — большей частью молодежь. Всего было арестовано 70 человѣк.

Явились для ареста в сопровожденіи отряда красноармейцев, и, скомандовали «руки вверх», обыскали всѣх. Затѣм потребовали указать, гдѣ хранится оружіе. Получив отвѣт, что оружія нѣт, а на вопрос, что же есть, отвѣт — книги, пришедшіе расхохотались: «хороша партія!»...

За склад литературы принялись немедленно: брошюры, фотографіи были изорваны в клочья; портреты со стѣн, в том числѣ прекрасный портрет Шингарева, были брошены на пол и все вмѣстѣ растоптано ногами. Пощадили, однако, фундаментальную библіотеку. Руководитель обыска распорядился ее не трогать и увезти, заявив, что кадеты — партія образованная, а потому у них для себя, вѣроятно, книги «умныя» и могущія оказаться полезными.

Арестованных увезли в «чрезвычайку» (слово «чека» еще не было тогда в ходу) и столкнули всѣх, мужчин и женщин, в одну комнату. Но в нее, несмотря на всѣ старанія, всѣх не могли втолкнуть, и четырех пришлось помѣстить в другой комнатѣ. Всю ночь провели 66 человѣк, стоя, в комнатѣ с одной койкой, которой пользовались по очереди.. Только на слѣдующее утро Кишкину удалось добиться, чтобы женщин отдѣлили. Свиданія родным и передачи разрѣшали.

В первый момент появилась, конечно, забота об арестованных. Скромная комната одной из скромных служащих Ц. К., сумѣвшей создать себѣ связи с мелкими служителями чрезвычайки, стала мѣстом, куда отдѣльные члены Ц. К. приходили за свѣдѣніями и встрѣчались иногда случайно друг с другом. Связь возстанавливалась. Выяснились отдѣльные моменты арестов.

В помѣщеніи Ц. К. была оставлена стража. Приходивших задерживали. Так, зашел на слѣдующій день, ничего не подозрѣвая, член Ц. К., Н. К. Волков. Его задержали, спросили фамилію, записали и предложили пройти в другую комнату. Увѣренный в том, что там он застанет других членов Ц. К., Волков был удивлен, увидѣв ряд задержанных, незнакомых ему лиц. Оказалось, что это были люди, зашедшіе по самым разнообразным дѣлам. Через нѣсколько время стали вызывать задержанных. Вызвали, наконец, и Волкова. Он объяснил, что зашел заказать папирос в бюро труда, так как о принятіи таких заказов гласила вывѣска на двери. Нѣсколько секунд на него пытливо смотрѣли и отпустили.

Так освобожденіе Волкова, назвавшаго свою настоящую фамилію, имя и отчество, показывало, насколько слабо был еще организован у коммунистов политическій розыск. Они, как это явствовало, даже не знали состава нашего Ц. К., несмотря на то, что в этом не было ни малѣйшаго секрета. Выяснилось далѣе, что состава Ц. К. они добивались от арестованной молодежи. Одна молодая курсистка, освобожденная из-под ареста, разсказывала со смѣхом, как от нея допытывались, каких мнѣній держатся по нѣкоторым вопросам знакомые ей члены Ц. К., и как она увѣряла допрашивавшаго ее члена чрезвычайки, что у нея ни одного знакомаго среди этих серьезных стариков нѣт и быть не может.

Арестованную молодежь мало-по-малу освобождали. Очень недолго также пробыл в заключеніи Сабашников: ему помогло родство его жены с женой одного из видных совѣтских дѣятелей. Прочно сидѣли, повидимому, в чрезвычайкѣ Кишкин и Комиссаров, в особенности первый, так как о Комиссаровѣ шли слухи, что большевики согласны на его безвыѣздное пребываніе в деревнѣ. Обвиненій аре-

стованным никаких не предъявляли.

Ц. К. пришлось вновь очутиться в подпольѣ, и на этот раз сильнѣе, чѣм в январѣ. Членов Ц. К. усиленно розыскивали. Приходилось мѣнять внѣшность. Особенно хорош был Н. А. Астров: он имѣл вид субъекта, с которым под вечер в глухом переулкѣ лучше не встрѣчаться. Упорно отказывался принимать какія-либо мѣры предосторожности П. Д. Долгоруков; он ни за что не хотѣл жертвовать своей бородой, ни привычкой обѣдать в англійском клубѣ; максимум на что он шел, это — на то, чтобы не ночевать дома, так как к нему не раз навѣдывались из чрезвычайки.

Ц. К. сильно порѣдѣл. О возстановленіи открытой партійной работы в Москвѣ нечего было и думать. Начали разъѣзжаться. Участники Союза Возрожденія и Національнаго Центра работали в них. Засѣданія Ц. К. начали носить скорѣе характер совѣщанія небольшой группы и были рѣдкими.

Выступленіе чехов и взятіе Самары открывало новый путь приложенія сил. Свѣдѣнія наши о Сибири были крайне туманны. Доносились слухи, что в Омскѣ образовалось какое то правительство во главѣ с Дербером (!) Поэтому в Союзѣ Возрожденія было рѣшено отправить на Восток делегацію. В нее вошли члены Учредительнаго Собранія Аргунов, Павлов (правые эсеры, так называемые «воленародцы») и я. Нашей задачей было выяснить, что творится на Востокѣ, войти в связь с образовавшимся там правительством и связать их с Центром Союза. С нами было командировано также лицо, которое должно было вернуться в Москву для доклада. Слѣдом за нами должен был выѣхать Чайковскій и нѣкоторые другіе члены Союза Возрожденія.

Одновременно с этим давал мнѣ порученіе и наш Ц. К. знакомить по пути наши губернскіе комитеты с положеніем дѣл и совмѣстно с другими членами Ц. К. открыть на Востокѣ его отдѣл. Предполагалось, что слѣдом за мной выѣдут Астров, Волков, граф. Панина и (покойный теперь) Степанов. Другіе члены Ц. К. должны были ѣхать на юг. Небольшая часть Ц. К. должна была оставаться в Москвѣ.

ГЛАВА IX.

Внѣшняя жизнь в Москвѣ.—Маленькая коммуна.—Моральный развал.—Признаки матеріальнаго оскудѣнія.—Отъѣзд из Москвы —Радужныя перспективы.

Я готовился к отъѣзду. Я это дѣлал с тѣм большим удовольствіем, что жизнь в Москвѣ становилась крайне непріятной во всѣх отношеніях.

С внѣшней стороны московская жизнь мало чѣм отличалась от обычной, в «буржуазное» время. Наоборот, для лѣта она даже была необычно шумной. Объяснялось это тѣм, что в прежнія времена лѣтом масса народа выѣзжала на дачи. Теперь было не то. Дачи власть реквизировала для устройства дѣтских колоній. Не знаю, устроились эти колоніи или нѣт, но буржуазія осталась в городѣ. Пустынный обычно лѣтом с 5 часов вечера Кузнецкій Мост стал вдруг не менѣе, а болѣе даже оживленным, чѣм весной и осенью. Нарядная толпа заполняла ее, и не просто нарядная, а крикливо нарядная! Шла конкуренція между дамами буржуазными и комиссарскими дамами. При разодѣтых дамах — соотвѣтственные кавалеры: мышиные жеребчики из буржуазіи и новопроизведенные «красные» офицеры в широчайших «галифе», щегольских гимнастерках (без погон), без шашки, но с обязательным стеком в рукѣ. И все это бурлило, шумѣло и кутило. Противно было смотрѣть, в особенности на буржуазію, забывшую все и отдававшуюся теченію.

Не прошли даром новые порядки и для психоологіи средняго обывателя. Это ярко сказывалось при управленіи домом, в котором я жил.

Дома были отобраны у домовладѣльцев и отданы в управленіе «домовым обществам». Это общество состояло из всѣх живущих в домѣ, желающих состоять членом «домового общества» и платить 50 копеек членскаго взноса в год. Таким образом членами общества состояли на равных правах домохозяин, если он жил сам в этом домѣ, квартиронаниматели, комнатосниматели и прислуга. Общество из своей среды избрало исполнительный орган — домовой комитет. В него можно было избрать любого из членов общества, за исключеніем «бывшаго» домохозяина. На обязанности общества лежало содержать дом в порядкѣ (с отвѣтственностью перед властью) и ремонтировать его. Источником покрытія расходов служила квартирная плата, из валовой суммы которой 40% домовое общество обязано было отдавать в совдеп. Как курьез отмѣчу, что власть требовала обязательнаго страхованія дома в каком-либо страховом обществѣ.

На этих общих основаніях мы управляли одним крупным домом, принадлежавшим нѣкоему Ефимову, жившему в этом же домѣ. В домѣ было квартир около тридцати, которыя частью занимала торгово-промышленная буржуазія, частью — лица свободных профессій с хорошей практикой: квартиры были не из дешевых.

Домовой комитет состоял из людей, мало понимающих в дѣлѣ управленія домом. Логическим слѣдствіем этого было то, что Ефимов был нанят комитетом в качествѣ служащаго. Это вполнѣ устраивало Ефимова. Он мог заботиться о поддержаніи своего дома в порядкѣ, был фактически его хозяином, да, кромѣ того, он еще и жалованіе получал.

Устраивало это Ефимова и с другой стороны. До большевистскаго переворота, согласно законов военнаго времени, он не

мог повышать платы и терпѣл одни убытки. Теперь он от этого был избавлен. Само домовое общество вынуждено было чуть не ежемѣсячно, с повышеніем дороговизны содержанія дома, повышать квартирную плату. Ефимов только посмѣивался, говоря о том, как его «разорили» большевики.

Рост квартирной платы раздражал квартиронанимателей, и тѣм болѣе, что каждые 6 рублей увеличенія расходов вызывали увеличеніе квартирной платы на 10 рублей, т. к. 40% валового дохода приходилось отдавать совдепу. Это разочарованіе квартиронанимателей выливалось на собраніях домового общества, и они искали путей сокращенія расходов или ускользающих доходов. В особенности старались квартиронаниматели, из лиц свободных профессій, отыскивая возможность переложить бремя на квартиронанимателей «буржуев». В частности был подвергнут сомнѣнію вопрос, насколько правильно опредѣлена квартирная плата бывшаго домовладѣльца, Ефимова. Особенно рѣзко настаивали на обязанности Ефимова платить за квартиру на совершенно равных с другими основаніях квартиронаниматели—юристы. Они, эти недавніе еще защитники частной собственности, тут твердо стояли на том, что «Ефимов теперь ни болѣе, ни менѣе, как такой-же квартирант, как и всѣ остальные». Была избрана особая комиссія. Она установила, что подозрѣнія были напрасны: расцѣнка домовым комитетом квартиры, занимаемой Ефимовым, оказалась правильной.

Но вот пришла весна. Необходимо стало запасти топливо на год для центральнаго топленія дома. Откуда взять на это деньги? — Естественным рѣшеніем являлась раскладка необходимой суммы между квартиронанимателями пропорціонально квартирной платѣ их. Но не тут то было. Юристы, врачи и другіе «интеллигенты» заявили, что средства на оплату помѣсячно квартиры у них есть, но у них нѣт возможности оплатить за год вперед свою долю в топливѣ. Как же быть, спрашивали их? Пусть «буржуи» дадут всю нужную сумму за всѣх, а внесенныя ими суммы будут им зачитываться в счет их квартирной платы, слѣдовал отвѣт. «Буржуи» на это не шли.

Тогда юристами было выдвинуто другое предложеніе: так как владѣльцем дома является Ефимов, имѣющій интерес, чтобы дом отоплялся, и, несомнѣнно, со временем вступит в свои права владѣльца, то снабдить домовой комитет взаймы деньгами обязан... Ефимов. Но Ефимов предпочитал признавать себя только «таким же квартирантом, как и всѣ», на чем в свое время настаивали юристы. Один из «буржуев» тщетно старался убѣдить «интеллигентов», чтобы они показали в крохотном масштабѣ способность маленькой «коммуны» управлять подаренным ей имуществом — домом. Бурное собраніе ни к чему не привело.

Через нѣкоторое время выяснилось, что в одном из корпусов дома со своим самостоятельным центральным отопленіем большинство квартирантов составляют «буржуи». Поэтому послѣдніе рѣшили притти на помощь «интеллигентам» своего корпуса и для этого корпуса закупить топливо. Когда они с таким предложеніем выступили на общем собраніи домового общества, то со стороны обитателей другого корпуса был получен насмѣшливый отвѣт: это очень хорошо; закупите топливо для вашего корпуса, а там уже видно будет, который из корпусов будет отопляться. И это говорили юристы!

К моменту моего отъѣзда вопрос об отопленіи дома Ефимова оставался не рѣшенным, но одно было ясно: «коммуна» в миніатюрѣ плохо налаживалась, но моральный развал шел во всю. Пренебрежительное отношеніе к морали, как к «буржуазному предразсудку», распространилось с верхов власти вниз с необычайной быстротой. Необезпеченность и неувѣренность в завтрашнем днѣ выдвигали девиз: «хоть день, да мой». Стѣсняться перестали.

С другой стороны из Самары шли радостныя вѣсти: «буржуазныя» газеты (тогда онѣ еще существовали) сообщали об энтузіазмѣ населенія там по случаю избавленія от совѣтской власти. Открывалась новая эра. Вполнѣ естественно, что при таких условіях меня тянуло по ту сторону.

Как, однако, туда попасть? Вопрос был далеко не прост. В Союзѣ Возрожденія начали намѣчать пути. Один — наиболѣе простой — был через Вологду — Екате-

ринбург, чтобы оттуда пробраться в Челябинск. Этим путем отправились Чайковскій, задержавшійся, вопреки намѣченному Союзом Возрожденія плану, в Вологдѣ, и, как я позднѣе узнал, Авксентьев (с ним я познакомился уже в Челябинскѣ. Он выѣхал из Москвы на один день раньше меня и пріѣхал на цѣлый мѣсяц позже. От Перми он вынужден был свернуть на Верхотурье и пробираться сѣвером, при чем чуть не двѣ недѣли шел пѣшком по болотам с риском завязнуть). Путь на Екатеринбург для меня, понятно, был совершенно непріемлем. Другой путь был очень сложным и трудным. Это — на Астрахань и через Уральскую область в Самару. Других опредѣленных путей в Москвѣ не представлялось.

Я предложил третій путь, не вполнѣ опредѣленный. Он заключался в том, чтобы проѣхать в Казань и оттуда выяснить дальнѣйшее направленіе водным путем: на Самару, на Сарапул или на Уфу, одним словом то, которое представится на мѣстѣ наиболѣе осуществимым. В крайнем случаѣ, если-бы мое предположеніе не оправдалось, вернуться из Казани в Москву было дѣлом не трудным. Мое предложеніе Аргуновым и Павловым было принято, и рѣшено было двинуться в путь. 26 іюня я простился с Москвой. Послѣдній час пребыванія в ней показал мнѣ особенно ярко, как быстро катится Москва по наклонной плоскости в отношеніи продовольствія. Я зашел в гастрономическій магазин Бѣлова (один из лучших в Москвѣ) купить чего-нибудь съѣстного на дорогу. Я не был в нем два мѣсяца, с апрѣля, когда я за тѣм же заходил при отъѣздѣ в Архангельск. Тогда полки ломились от обилія товаров. Теперь была пустота. В каком то смущеніи стояла толпа приказчиков, глядя на того из них, кто должен был-бы мнѣ отпускать, но которому отпускать почти нечего было. Голод и холод надвигались вплотную.

Тѣм не менѣе я выѣзжал в бодром настроеніи. Была увѣренность, что теперь уже недолго ждать. Народ за Волгой поднялся; значит, докатится волна и до Москвы. А «союзники» дадут средства, возстановится фронт против Германіи, смоется позор Брестскаго мира и мы вмѣстѣ с союзниками выйдет побѣдителями. С эсерами Аргуновым и Павловым, я ѣхал на Восток, символизируя единеніе центра и лѣвой русской общественности во имя возсозданія единой великой Россіи на основах истиннаго народоправства. Мы везли на Восток вѣсть о контактѣ с другой частью общественности—правоцентровой. Мы везли вѣсть о том, что общественность в сердцѣ Россіи, в Москвѣ, не умерла, а работает над тѣм, чтобы объединить в одно государственное цѣлое освобождающіяся области. Тогда это казалось таким простым дѣлом!

Конец первой части.

ЧАСТЬ II.

ЗА ВОЛГОЙ.

(ІЮЛЬ—СЕНТЯБРЬ 1918 ГОДА).

ГЛАВА X

От Москвы до Казани.—В ожиданіи наступленія.—Вѣсти из Екатеринбурга.—От Казани до Сѣрных Вод.—„Полупочтенный“ и „товарищ“.—„Хорошее начальство“.—Переѣзд через фронт.—За предѣлами досягаемости.

1.

В Казань я выѣзжал с неменьшими удобствами, чѣм в Архангельск: спальным вагоном. В купэ оказался пассажир, бравшій наканунѣ одновременно со мной билет в международном обществѣ. С большой тревогой сообщил он мнѣ, что только что на вокзалѣ встрѣтил земляка из Алатыря (куда он ѣдет), утверждающаго, что ст. Алатырь захвачена чехословаками. Извѣстіе было не из пріятных. Меня могли с какого-то неопредѣленнаго пункта дальше не пропустить. С другой стороны это создавало возможность попасть «в плѣн» и найти путь «по ту сторону» раньше всяких ожиданій. Минусом было бы то, что могла бы оборваться связь между мною и Аргуновым и Павловым, которые выѣзжали из Москвы на завтра.

Дѣлать было нечего; приходилось ѣхать на авось. По пути никаких свѣдѣній, подтверждающих или отрицающих захват Алатыря, получить нельзя было. Даже в ста верстах от Алатыря никто ничего не знал навѣрняка. Подъѣхав к Алатырю, мы узнали, что слух был вздорным, но зато увидѣли идущія сильныя приготовленія к оборонѣ Алатыря. Гдѣ-же непріятель? На это слѣдовал отвѣт, что по всѣм данным в руках чехов Свіяжск и мост через Волгу. И тут повторилось то же самое, что и с Алатырем: никто ничего не знал вплоть до мѣста. Так мы в конечном счетѣ доѣхали до Казани. Тревога все-таки оставалась, ибо и тут никто не был увѣрен, что через какой-нибудь час Казань не будет отрѣзана от Москвы. Но вот, на слѣдующій день пріѣхали Аргунов и Павлов, и предстояло рѣшить, куда дальше двигаться.

Первым моим дѣлом в Казани было измѣнить свою физіономію. Физіономію измѣнить мнѣ удалось настолько хорошо, что очень близкіе мнѣ люди не узнавали меня. Но я очень скоро убѣдился, что этого мало. Меня окликнули сзади по имени и отчеству. Оказалось, что меня узнают по походкѣ. Это мнѣ показало, что поѣздка от Казани на каком либо из камских пароходов была для меня слишком рискованной: на таком пароходѣ были бы неизбѣжно пермяки, а среди них слишком много народу меня знало. Поѣздку на Сарапул водой приходилось исключить, поѣздка же туда по желѣзной дорогѣ, очень слабо функціонирующей, слишком бросалась бы в глаза. Путь на Сарапул мы отбросили. По свѣдѣніям, полученным в Казани, Уфа была наканунѣ паденія, и мы стали обдумывать путь на Уфу: попав туда, мы могли бы связаться или с Самарой или с Челябинском. Пока мы задерживались на время в Казани.

Я вошел в сношенія с нашим губернским комитетом. Как и в Ц. К., в нем оказались два теченія: одно — моего крыла, другое — опредѣленно монархическое и сильно германофильское. Это крыло было видимо сильнѣе. В него входил, между прочим, В. Ф. Иванов (впослѣдствіи премьер временнаго Приамурскаго правительства), который, как оказалось, установил связь с Самарой и изучал в это время пути для переѣзда из Казани туда. Мы рѣшили выждать результатов его работы в этом направленіи.

Тѣм временем в Казань пріѣхал мой

хорошій знакомый из Екатеринбурга и передал далеко невеселыя вѣсти. С момента захвата Челябинска, террор в Екатеринбургѣ принял широкіе размѣры. В частности были взяты заложники, частью (немного их нашлось) из мѣстных политических работников, а главным образом из среды мѣстной буржуазіи, лица, прямого отношенія к политикѣ не имѣвшія. Получив сообщеніе о разстрѣлѣ чехами в районѣ Златоуста коммуниста Малышева, Екатеринбургская чрезвычайка разстрѣляла в отвѣт на это 19 человѣк из числа заложников, объявив об этом населенію и распорядившись одновременно взять новых 19 заложников «в пополненіе убыли». Среди разстрѣлянных были два совершенно аполитичных инженера, Фадѣев и Мокроносов, бывшіе управляющіе крупными уральскими заводскими округами, весьма опытные спеціалисты. Числился среди разстрѣлянных и Н. П. Чистосердов, единственный среди них политическій дѣятель, член Екатеринбургскаго комитета партіи к.-д. (Впослѣдствіи оказалось, что Чистосердову удалось бѣжать в момент приведенія приговора в исполненіе). В общем коммунисты проявили на Уралѣ нервность и тревогу в связи с возстаніем чехословаков. Надо было при переѣздѣ держаться подальше от Урала.

Возможный путь от Казани в Самару был выяснен. Он лежал на Чистополь—Сѣрныя Воды—Кротовку. В первых числах іюля мы двинулись в путь. Аргунов и Павлов выѣхали вперед, а я с тремя спутниками — через два дня.

В Чистополѣ, при въѣздѣ с пристани в город, красноармеец отобрал у меня казанскія газеты и табак, который, как ему казалось, я имѣю в слишком большом количествѣ. Город оказался чрезвычайно патріархальным. В гостиницѣ, гдѣ я остановился, прислуга самым любезным и серьезным образом титуловала меня «полупочтенным». Мѣстный однопартіец, к которому я заглянул, разъяснил мнѣ, что в Чистополѣ к пожилым с соотвѣтствующей сѣдой бородой, принято обращаться «почтенный», а к лицам средних лѣт «полупочтенный». Сохраненіе патріархальнаго «полупочтенный» в то время, как тут же рядом «товарищ» насаждал коммунизм, — наилучшая характеристика всего несоотвѣтствія этой идеи уровню развитія страны. Дѣйствительность не замедлила подтвердить нам это.

2.

Из Чистополя мы выѣхали на лошадях, чтобы продѣлать около 200 верст отвратительными проселочными дорогами до Сѣрных Вод. Мы ѣхали на крестьянских лошадях «по веревочкѣ» от села до села, гдѣ наш возница передавал нас своему знакомому крестьянину из болѣе зажиточных. Жилье и обстановка (если можно примѣнять это слово здѣсь) жилья — весьма убогія, несравнимыя с тѣми, как живет уральскій крестьянин. Убожеству жилья соотвѣтствует и убожество кругозора. Крестьянин знал только ближайшія села. Когда мы пробовали заговаривать о дальнѣйшем пути по нашему расписанію, то явно было видно, что крестьянин чуть не впервые слышит названія болѣе отдаленных сел.

О политикѣ мы не заговаривали; крестьяне — возницы тоже. Но вот, проѣзжаем мы в цѣлом рядѣ мѣст мимо полей, на которых толпы крестьян с кольями и веревками что-то дѣлают, не торопясь и дѣловито. Спрашиваем у возницы, что это дѣлают. Получаем отвѣт, что земля помѣщика такого-то перешла к крестьянам, потому что начальство хорошее и разрѣшило крестьянам забрать помѣщичью землю. Теперь они дѣлят ее между собой, размежевывают: для этого и служат колья и веревки. — Значит вы довольны новым начальством, спрашиваем мы. — Как не быть довольным, раз благодаря ему мы, наконец, получили землю, получаем мы отвѣт.

Мы ѣдем глубоким захолустьем среди полной идилліи. На полях прекрасный урожай, жилья не видать на огромном разстояніи. Дорога убійственная, под стать средневѣковью. В избах — ручные ткацкіе станки, самые первобытные, посуда — допотопная. Ѣдем вторыя сутки, и в этой обстановкѣ как то перестаешь вѣрить, что ѣдешь во время «соціальной» революціи туда, гдѣ началась и идет гражданская война.

Но мы приближаемся к фронту. Въѣзжаем во двор к крестьянину и натыкаемся на красноармейскій постой. Встрѣча

не из пріятных. Не знаю, что побуждает офицера этой команды «явиться» ко мнѣ, за кого он меня принимает. Весь бритый в соотвѣтствующем костюмѣ, я могу сойти, пожалуй, и за комиссара. Я принимаю офицера оффиціально любезно, не задерживаю его и думаю о том, как бы он не задержал меня. Через полчаса, под звуки гармоніи красноармейцев и при пожеланіях счастливаго пути со стороны офицера, мы выѣзжаем.

Отъѣхав недалеко, возница останавливает лошадей, снимает с дуги бубенчики и начинает ѣхать буквально шагом. — Почему, спрашиваем мы его. — Так лучше, бурчит сердито возница. Мы не возражаем. Наступает темнота. Мы больше ощущаем, чѣм видим, что возница сворачивает со сравнительно недурной дороги на отвратительную до невозможности. Ѣдем по ней. Вдали, саженях в ста в сторону от дороги мы видим костер и при нем двух красноармейцев с винтовками. Повидимому, скрип телѣги привлекает их вниманіе, и один из них встает и направляется в нашу сторону. Отойдя шагов десять от костра, он останавливается, стоит с минуту, наблюдая за движущейся шагом телѣгой, и возвращается к костру. На душѣ становится легче. Отъѣхав еще нѣсколько времени шагом, возница ударяет по лошадям, и дорога начинает давать себя еще болѣе чувствовать. — Что же ты везешь нас по скверной дорогѣ, да еще такой, по которой какіе то вооруженные шатаются, спрашиваю я. — Небось, отвѣчает возница, если бы я тебя по большой дорогѣ повез, ты бы не очень обрадовался. Их там около 300 человѣк, а тебѣ вряд-ли уж очень хочется с ними встрѣчаться.

Наш возница, оказывается, догадывается.. Тѣм лучше. Легче, в случаѣ надобности, столковаться. Оставляем его реплику без возраженія.

Подъѣзжаем к послѣднему селу перед Сѣрными Водами. Достучаться к крестьянину, которому он должен передать нас, вознинѣ нашему не удается. Куда дѣваться нам! Спрашиваем возницу, в чьих руках село. Это, оказывается, неизвѣстно: нѣсколько раз переходило из рук в руки. При таких условіях искать невѣдомо у кого пристанища нельзя. Столковываемся о том, чтобы везти нас без остановки остающіяся 17 верст до Сергіевска (так по нашему маршруту обозначены Сѣрныя Воды).

Версты за три до лежащаго перед нашими глазами Сергіевска мы видим большое, красивое селеніе, остающееся в сторонѣ. — Это что? — Это — Сѣрныя Воды. — Да вѣдь нам туда и надо. — А зачѣм в Сергіевск нанимали, дорогу на Сѣрныя Воды мы позади себя оставили. Останавливаемся, держим совѣт. Возница в результатѣ сдирает с нас три шкуры за то, чтобы через Сергіевск отвезти нас в Сѣрныя Воды (версты три).

Въѣзжаем в Сергіевск часов в 6 утра. На улицах почти ни души. Стараемся сообразить по внѣшней сторонѣ, но ничего незамѣтно: флагов—ни одного. Мой спутник обращает мое вниманіе на фигуру, идущаго вдалекѣ священника: «посмотрите на его осанку: он не шел бы с таким видом при большевиках». Принимаем этот признак за доброе предзнаменованіе, ѣдем в Сѣрныя Воды по дорогѣ, с которой верст на 10 все — как на ладони. Верстах в двух — трех, в сторонѣ, крупный конный отряд. Чей? Не угадаешь. Возница прибавляет ходу. Нервы напряжены. Но вот проѣхали мимо вокзала «Сѣрныя Воды», въѣзжаем в селеніе. Навстрѣчу нам бѣжит молодой священник и кричит: «неужели уже с поѣзда, неужели поѣзд пришел?» Отвѣчаем, что нѣт; спрашиваем, какая власть. Запыхавшійся священник останавливается, еле переводит дух, объясняет, что, завидѣв нас, он рѣшил, что мы с поѣзда, и побѣжал, чтобы не опоздать. Что касается власти, то здѣсь—власть Учредительнаго Собранія, а большевики — вон гдѣ шатаются. И он ткнул пальцем в направленіи отряда, который мы видѣли, выѣзжая из Сергіевска. Мы облегченно вздохнули. Наконец-то мы за предѣлами досягаемости!

ГЛАВА XI.

На территоріи Комуча.—Сѣрныя воды.—Часть „величества".—Знакомство с Комучем—
—Оригинальное засѣданіе.—Право „распоряжаться".—Уклоненіе от вступленія в Комуч
—Самарскій комитет к.-д.

Сѣрныя Воды — очень скромный курорт, но трудно было, послѣ почти трех суток пути по проселочным дорогам, да еще при несомнѣнно напряженном состояніи нервов, удержаться от соблазна отдохнуть в нем хоть однѣ сутки и, тѣм болѣе, что мы попали в гостиницу, которая дѣлала бы честь любому первоклассному курорту.

Мы рѣшили остаться до слѣдующаго утра, и я не пожалѣл об этом.

Мѣстность — прекрасная.

Парк, правда, небольшой, но хорошій. Таков же курзал. Непріятен нѣсколько чрезмѣрно сильный запах сѣры: он несравнимо сильнѣе, чѣм в Пятигорскѣ.

Я обратил на это вниманіе одного из моих спутников — врача. Он отвѣтил мнѣ, что хорошо знает Сѣрныя Воды и что их источники неизмѣримо сильнѣе Пятигорских в лечебном отношеніи.

Я должен был, к стыду своему, сознаться, что впервые узнаю об этих источниках и что никогда не слышал о них на Уралѣ, откуда многіе из моих знакомых ѣздили за тридевять земель, в Пятигорск.

Я получил лишнее доказательство того, как мы небрежно относимся к нашим національным богатствам.

При ином государственном строѣ, туризм по Уралу и эксплоатація, как его минеральных вод, так и Кавказской группы, не только уменьшали бы значительно вывоз нашего золота за границу, но, может быть, и привлекали бы его к нам.

Через нѣсколько часов послѣ нашего пріѣзда мы замѣтили какое то оживленіе: оказалось, что вступил довольно крупный конный чехо-словацкій отряд.

Он направлялся в сторону отряда «красных», замѣченнаго нами нѣсколькими часами ранѣе.

Я впервые видѣл чехо-словацкій отряд. Внѣшнее впечатлѣніе было прекрасное. Отношеніе к нему жителей проявилось явно сочувственное: солдатам несли яйца, молоко, масло. Я должен, однако, сказать, что того, что называется энтузіазмом, я не замѣтил.

Добиться толком чего-либо о самарской власти нельзя было. Все, что отвѣчали, это — то, что здѣсь власть Учредительнаго Собранія. Как курсовые больные, так и мѣстные жители были усиленно заняты «сезоном», и им было не до политики. Им достаточно было того, что в окончательном избавленіи от совѣтской власти они были увѣрены. Газет достать негдѣ было. При таком общем настроеніи, и мы отдались ему.

Рано утром на слѣдующій день (10 іюля) пріѣхали мы на вокзал. Оказалось, что для выѣзда нужно разрѣшеніе от комендантуры, которая находится в Сергіевскѣ. Ѣхать туда было уже поздно, ибо скоро ожидается оттуда поѣзд. Минут за 10 до его прихода появляется чешскій контроль для провѣрки пропусков. Я заявляю о нашем положеніи и предъявляю свое удостовѣреніе члена Учредительнаго Собранія. Эффект получается, неожиданно для меня, огромный. Я оказываюсь какой-то частью «величества», правящаго в Самарѣ. Ни от меня, ни от моих спутников, как оказывается, ничего больше не требуется. Мы становимся центром вниманія публики.

То же самое повторяется на станціи «Кротовка», гдѣ мы должны пересѣсть в поѣзд на Самару, идущій с востока (тут мы узнаем о переходѣ в наши руки Уфы), в поѣзд, идущій с опозданіем. Офицеры чехи приглашают меня в свой вагон. От них я узнаю, что в Самарѣ правит комитет членов Учредительнаго Собранія (Комуч); что в нем принимают участіе всѣ пріѣзжающіе туда члены Учредительнаго Собранія; что мнѣ, несомнѣнно, будут рады, т. к. пока съѣхалось немного; что не всѣ в Самарѣ довольны новой властью. От бесѣды меня отрывают просьбой пойти удостовѣрить личность моих спутников: какіе то пріѣзжіе из совѣтской Россіи, вокруг которых образовалась, узнав об этом, толпа, возбуждают подозрительность, а ссылаются они на меня.

Удается, наконец, купить самарскія газеты. Читаю выступленіе на митингѣ Аргунова и с удивленіем отмѣчаю далеко не лестные отзывы его о власти предержащей. Начало для объединенія не из дурных! Уж если эсер Аргунов так относится к Комучу, состоящему из его партійных товарищей, то каково будет мнѣ?

Утром 11 іюля я пріѣхал в Самару. Гостиницы переполнены. Я заѣзжаю к своему однопартійцу, Б-му, бывшему в 1905—1908 г. г. членом Екатеринбургскаго комитета, выслушиваю наскоро весьма мало лестную оцѣнку Комуча и тороплюсь в помѣщеніе Комуча узнать, гдѣ остановились Аргунов и Павлов, чтобы прежде всего повидаться с ними. Но тут меня ждет разочарованіе: мнѣ сообщают, что они наканунѣ выѣхали в Челябинск. Извѣстіе это ставит меня в тупик, т. к. было условлено, что они меня ждут в Самарѣ. А тут... уѣхали, не оставив даже письма.

Считаюсь с фактом и направляюсь к предсѣдателю Комуча—Климушкину. Начинается бесѣда о моем вступленіи в Комуч, но в это время что-то Климушкину докладывают. Он извиняется, говорит, что он должен немедленно итти на весьма серьезное засѣданіе, куда приглашает и меня с тѣм, чтобы по окончаніи его возобновить нашу бесѣду.

В засѣданіи участвуют наличные члены Комуча (их было в это время 13 или 14 человѣк). Происходит пріем главы французской военной миссіи, майора Гинэ, только что прибывшаго с востока и с которым Комуч встрѣчается впервые.

Открывает засѣданіе Климушкин привѣтственной рѣчью, в которой, между прочим, подчеркивает, что участвующіе в засѣданіи — члены Учредительнаго Собранія «всѣ» принадлежащіе к партіи с. - р.

Майор Гинэ сообщает, что он только что пріѣхал послѣ свиданія с омским правительством, излагает его программу, вполнѣ пріемлемую для «союзников» и просит Комуч выяснить ему свою точку зрѣнія на эту программу.

Начинается высказываніе «точек зрѣнія» отдѣльными членами Комуча довольно безпорядочное. Я с изумленіем смотрю на этот новый вид многоголоваго министра иностранных дѣл. Кто в лѣс, кто по дрова. Между тѣм, майор Гинэ, в противоположность общей расплывчатости, говорит весьма внушительно, что называется «с вѣсом»: «Ему очень больно было увидѣть над зданіем Комуча красный флаг. Как военный, он привык, чтобы у борющихся сторон были разные флаги, между тѣм и у большевиков — тоже красный флаг. Французы вообще не любят одноцвѣтнаго флага: бѣлый — парламентерскій, знак сдачи; черный — знамя анархіи; красный — знамя безпорядка, так дорого обошедшагося Франціи. Вот в смѣси цвѣта пріятны. Так, например, очень ласкает глаз смѣсь бѣлаго, краснаго и синяго, или других цвѣтов. Союзники, разумѣется, отнюдь не намѣрены вмѣшиваться во внутреннія русскія дѣла, но давать дружескіе совѣты они, конечно, позволяют себѣ. Было-бы лучше красный флаг замѣнить другим не одноцвѣтным. Вот, например, сибирское правительство, с которым слѣдовало-бы столковаться, имѣет очень симпатичный флаг — бѣло-зеленый».

Обмѣн мнѣній становится весьма разнохарактерным. Члены Комуча довольно остро ставят вопрос о всероссійском характерѣ власти Комуча. При участіи переводчика он становится слишком сухим и рѣзким.

Считаю необходимым испросить слово и я, взяв, что касается меня, на себя

роль своего переводчика. Я прежде всего подчеркиваю, что ошибочно указано предсѣдателем, будто здѣсь всѣ эсеры: я — кадет и представитель Союза Возрожденія. Наша задача — объединеніе всѣх мѣстных правительств.

Майор Гинэ, узнав, что я только что из Москвы, живо заинтересовывается и начинает задавать ряд вопросов, как на то или на другое смотрят в Москвѣ. Предсѣдательствующему Климушкину это, видимо, под конец надоѣло, и он заявляет: «важно, все-таки, не то, как смотрят в Москвѣ, ибо правительство здѣсь, а не в Москвѣ».

Засѣданіе, произведшее на меня крайне угнетающее впечатлѣніе, кончается не помню на чем. Кажется, что все-таки в присутствіи майора Гинэ ничего не рѣшали. Возобновляется разговор со мной о вступленіи моем в Комуч. Я указываю на то, что я должен немедленно ѣхать в Челябинск слѣдом за Аргуновым и Павловым, значит не буду в состояніи принять непосредственнаго участія в управленіи; ни программы Комуча, ни характера дѣятельности его я еще не знаю; взять на себя наобум долю отвѣтственности, дав свое имя, я не могу. Поэтому я поѣду в Челябинск, осмотрюсь, и, в случаѣ если характер управленія мнѣ подойдет, я телеграфно сообщу о своем вступленіи в Комуч.

Это, как оказывается, мало удовлетворяет моих собесѣдников. Они особенно цѣнят участіе в Комучѣ хоть одного кадета. Появленіе в газетах извѣстія о моем пріѣздѣ в Самару и отсутствіе приказа о моем зачисленіи в Комуч будет истолковано во вред ему. Я успокаиваю собесѣдников; я предлагаю им принять мѣры, чтобы в эсеровских газетах не появлялось извѣстій о моем пріѣздѣ, и обѣщаю им принять ту же мѣру по отношенію к остальной прессѣ: никто и не узнает, что я был в Самарѣ. Наконец, я прошу дать мнѣ какую нибудь бумагу для облегченія поѣздки в Челябинск. При этом я предъявляю собесѣдникам свое удостовѣреніе члена Учр. Собранія. Что-же вам еще нужно, восклицают они с удивленіем, с этим удостовѣреніем вы можете вполнѣ распоряжаться на нашей территоріи. Я, в свою очередь, высказываю мнѣніе, что неудобно, чтобы каждый член Комуча в отдѣльности «распоряжался» на его территоріи, и настаиваю на выдачѣ мнѣ своего рода открытаго листа. Пожимают плечами и выдают удостовѣреніе, по которому можно довольно широко понимать мои права на содѣйствіе со стороны властей. Прощаюсь и ухожу.

При выходѣ моем в пріемную, я неожиданно сталкиваюсь со знакомым, с которым только недавно видѣлся в Москвѣ. Он с удивленіем спрашивает меня, что это означает, что я нахожусь здѣсь, в то время как Аргунов и Павлов ума не приложат, куда я дѣвался и очень безпокоятся, не случилось ли чего со мной в пути. Надо немедленно итти к ним. — Но вѣдь они уѣхали в Челябинск, возражаю я. — И не думали: они заявили о своем отъѣздѣ только для того, чтобы из Комуча им перестали надоѣдать. Они — безвыходно у себя, в гостиницѣ.

Аргунова и Павлова я застал в большой тревогѣ. Я отстал от них больше, чѣм мы расчитывали, а задержка на сутки в Сѣрных Водах выходила уже за всякіе предѣлы расчета. Мое появленіе обрадовало их, и еще болѣе обрадовались они, когда узнали, что я побывал в Комучѣ и не вступил в него. Оказалось, что они в Комуч отказались вступить и очень опасались, как бы я не вступил в него, не поговоривши предварительно с ними. Тут же выяснилось, что в наше распоряженіе предоставлен служебный вагон, и что ждут только моего пріѣзда, чтобы выѣхать в Челябинск, куда прибудут представители сибирскаго правительства. Сегодня же ѣдем; по дорогѣ побесѣдуем.

Вечер я посвятил самарскому комитету партіи. Настроеніе в нем было далеко не из лѣвых. Отношеніе к Комучу было рѣзко отрицательным, и мнѣ высказывали чрезвычайное удовлетвореніе тѣм, что я в него не вступил. Одно допущеніе Комучем существованія совѣта рабочих депутатов крайне раздражало мѣстный комитет к.-д. Это отношеніе комитета к Комучу и явно правый уклон комитета были очень показательны. Еще на конференціи в Москвѣ я познакомился с делегатом самарскаго комитета, Клафтоном. Он был тогда кадетом далеко не праваго уклона. Значит, на уклон комитета вправо имѣл немалое вліяніе образ дѣйствій Комуча.

Бесѣда в самарском комитетѣ прошла очень оживленно; засѣданіе было многолюдное. Времени было мало. Оно почти цѣликом ушло на мое сообщеніе о Союзѣ Возрожденія. С засѣданія приходилось ѣхать прямо на вокзал.

Я уѣзжал из Самары, пробыв в ней всего один день. Но этого дня было больше, чѣм довольно.

Я уѣзжал с гораздо менѣе радостным чувством, чѣм въѣзжал утром. Первый блин был комом.

ГЛАВА XII

От Самары до Челябинска.—Комуч и Омск.—Обвиненія в сепаразизмѣ.—В Челябинскѣ.—„Брат Павлу".—Первое знакомство с Сибирским Правительством.—Съѣзд „держав".—Дипломатическая переписка.—Урал, Сибирь и Поволжье.—Возникновеніе мысли о созданіи Правительства Урала.—Омско-самарскіе раздоры.—Совѣщаніе 16-го іюля.—Достигнутое соглашеніе.

1.

Небольшой скромный служебный вагон, предоставленный нам как для проѣзда, так и для жилья, был прицѣплен рядом с вагоном французской военной миссіи, в котором ѣхал майор Гинэ для встрѣчи в Челябинскѣ с сибирским правительством.

Путь от Самары до Челябинска, рѣдкій по красотѣ мѣстности, для меня был слишком старым знакомцем и ничего новаго для меня не представлял. Единственное, что привлекло мое вниманіе, это—страшно загроможденный один из мостов у станціи Уфа, к которой мы медленно подходили. Для загражденія пути большевики при отходѣ от Уфы пустили навстрѣчу друг другу паровозы с таким расчетом, чтобы столкновеніе их произошло на мосту. Расчет оправдался, и загроможденіе моста представляло собою нѣчто невѣроятное. Путь тут двухколейный. Один мост, по которому мы ѣхали, был очищен, а другой оставался загроможденным.

Ѣхали мы хорошо: около полутора суток до Челябинска. Времени для обмѣна мнѣній было достаточно. Выяснялась в общем по тому, что вынесли Аргунов и Павлов из Самары, и из бесѣды с майором Гинэ, такая картина:

Комуч считает, что он и Учредительное Собраніе—одно и то же; отсюда он дѣлает вывод, что всероссійская власть принадлежит ему, что же касается возникшаго независимо от него сибирскаго правительства, то оно или должно совершенно прекратить свое существованіе или подчиниться «комучу», как центральной власти.

Иначе смотрѣло на дѣло сибирское правительство. Оно возникло совершенно независимо от Самары, имѣло свою армію и дѣйствовало, будучи оторванным от Самары. До послѣдних дней, пока не пала Уфа, сибирское правительство управляло даже частью Уфимской губерніи, в частности Златоустовским уѣздом с его знаменитыми заводами. Ему же подчинялся и Челябинскій уѣзд Оренбургской губерніи.

Имѣя свою реальную силу в видѣ сибирскаго войска, сибирское правительство и мысли не допускало, конечно, о подчиненіи своем Самарѣ.

Политика Самары и Омска рѣзко отличалась одна от другой. Комуч продолжал традиціи эс-эровскаго Учредительнаго Собранія, почитал законом акт Учредительнаго Собранія от 5-го января о землѣ и искал форм примѣненія его к жизни. Сибирское правительство подумывало о способах возврата земли, отнятой одними крестьянами у других. Комуч клал в основу своей политики «сохраненіе завоеваній революціи» в эс-эровском смыслѣ этого слова. Сибирское правительство ставило своей задачей только борьбу с большевиками, отдавало много власти военным, стѣсняло свободу граждан. Самара вербовала «добровольцев» (правда, так, что подчас это можно было характеризовать тѣм, что называется «честью просят»: не обходилось иногда «добровольчество» без порки). Омск принудительно мобилизовал. Одним словом, Самара хотѣла держать революцію на грани эс-эровских требованій, а Омск стремился назад от революціи, нѣсколько щеголяя даже возвратом к старым внѣшним формам.

Борьба между Самарой и Омском неизбѣжно диктовалась разной их идеологіей.

Самара выдвигала против Омска обвиненіе в реакціонности. Сверх этого она выдвигала против него еще одно обвиненіе—в сепаратизмѣ. О сепаратизмѣ сибиряков у нас еще были данныя в Москвѣ. Мы имѣли свѣдѣнія, что сибирскіе областники считают границей Сибири с Европейской Россіей не оффиціальную границу, и не географическую—не Урал, а рѣку Каму. Мотивом было то, что во-первых, Кама—хорошая естественная граница, а, во-вторых, на лѣвом берегу Камы расположены... Пермскіе пушечные заводы, которые могут быть далеко не безполезны молодому государству. Обвиненія Самары заставляли быть на сторожѣ.

Отношенія у Самары с Омском были обостренныя. Между тѣм теперь, со взятіем Уфы (присоединившейся к Самарѣ) и исчезновеніем, таким образом, пробки, нужно было подумать о созданіи единаго фронта, единаго командованія. Завоевав южный и средній Урал, нужно было еще завоевать сѣверную часть его. В объединеніи власти были очень заинтересованы и «союзники».

Утром 13-го іюля мы прибыли в Челябинск. На вокзалѣ развѣвался бѣлозеленый флаг. Вагоны наши поставили в тупик у платформы.

Челябинскій вокзал для меня был уже, что называется, своим. Стоило мнѣ войти в него, как я наткнулся на многих земляков-екатеринбуржцев. Одни застряли здѣсь в момент возстанія чехо-словаков; другіе успѣли пробраться сюда позднѣе; нѣкоторые выбрались из Екатеринбурга всего нѣсколько дней тому назад. Паденія Екатеринбурга ждали со дня на день: бои шли на полпути между Екатеринбургом и Челябинском.

О предстоящем в ближайшее время паденіи Екатеринбурга сообщил нам также глава чехословаков, Богдан Павлу, к которому мы зашли познакомиться. Хорошо владѣющій русским языком и хорошо знакомый с русской литературой, «брат» Павлу производил прекрасное впечатлѣніе своей выдержкой и своей подготовкой к политической миссіи, которая неожиданно выпала на его долю в своеобразной обстановкѣ. При большой склонности чешской арміи к эс-эрам, Павлу, как человѣк болѣе умѣренных воззрѣній, вынужден был держаться с особым тактом. Его не удовлетворяла ни Самара, ни Омск.

Во время перваго же нашего свиданія я обратил его вниманіе на абсурдность того, что чехи не берут плѣнных, в особенности же мадьяр, а обязательно убивают их. Я указывал на то, что, не говоря уже о гуманности, такого рода дѣйствіями создают себѣ врага, которому выхода нѣт и который поэтому дерется с особенным остервененіем. Павлу отвѣтил, что он всецѣло раздѣляет мой взгляд, но что очень трудно бороться с настроеніем чехов-солдат, слишком глубоко ненавидящих мадьяр. Он обѣщал, однако, обратить особое вниманіе на этот вопрос. Через сравнительно короткое время это обѣщаніе было выполнено.

К пріѣзду «своего», сибирскаго, правительства на вокзалѣ шли приготовленія. Был выставлен почетный караул. Из нашего вагона мы могли наблюдать за поѣздом сибирскаго правительства, который установили на пути против нас. Поѣзд был богатый. На платформах, прицѣпленных к нему, были автомобили (такова была тогда мода).

Мы послали записку от имени делегаціи Союза Возрожденія и очень скоро были приняты. Первым нас принял товарищ министра иностранных дѣл, Головачев. Послѣ продолжительной бесѣды с ним, мы познакомились с военным министром (вмѣстѣ с тѣм и командующим сибирской арміей) Гришин-Алмазовым и с министром финансов Михайловым. Они приняли нас очень тепло и радушно. Впечатлѣніе, произведенное на нас, в общем было хорошее. В противовѣс самарскому «товарищ», здѣсь нѣсколько злоупотребляли в ссылках друг на друга словами «господин министр»; это носило нѣсколько комическій характер подражанія «большим», но с другой стороны это показывало стремленіе создать нѣкоторый престиж власти, что далеко не мѣшало в ту эпоху.

Пришел и поѣзд представителей Комуча и стал на сосѣднем пути с нашим вагоном. «Товарищи» тоже не ударили лицом в грязь. Пріѣхав в «чужое» государство, они с собой привезли почетный караул. Как и при поѣздѣ сибирскаго правительства, и у них стояли у вагона пар-

ные часовые. Получился цѣлый съѣзд держав: вагон Гинэ под французским флагом, вагон Павлу—под чешским, поѣзд Омска—под сибирским, поѣзд Комуча—под красным. Один лишь наш вагон был без всякаго флага, между тѣм ему суждена была роль не меньшая, чѣм державным.

Очень скоро по прибытіи поѣзда Комуча стало извѣстно, что самарцы посѣтили сибиряков «в частном порядкѣ» и... разругались. Насколько помню, дѣло началось с того, что Брушвит послал записку «товарищу Алмазову», как бывшему своему товарищу по партіи с.-р. Отвѣт, кажется получился, что никакого «товарища» нѣт, а есть военный министр. Как бы там ни было, но послѣ перваго неофиціальнаго посѣщенія сибиряков самарцами, дальнѣйшія бесѣды между ними прекратились. Слѣдующій день прошел в дипломатической перепискѣ между стоявшими друг против друга поѣздами двух русских правительств. В присутствіи иностранцев это нас особенно шокировало.

Наше нейтральное положеніе неизбѣжно дѣлало нас повѣренными всѣх сторон: как представителей иностранных миссій, заинтересованных, как и мы, в объединеніи, так и обѣих враждующих сторон. При этом, надо сказать, сибиряки охотно общались с нами; что же касается «учредиловцев», то сказывалось недовольство нами за то, что мы, сами будучи членами Учредительнаго Собранія, не с ними, а держимся нейтрально. В особенности они были настроены против Аргунова и Павлова, как эс-эров. Мнѣ, «буржую», еще полупрощалось.

Продолжавшійся больше суток обмѣн «нотами» между правительственными поѣздами не мог не нервировать всѣх. Попытку найти выход из положенія предпринял майор Гинэ. Утром 15-го іюля он пригласил всѣх сниматься группой. Отклонить такое предложеніе ни у одной из сторон не было, конечно, основаній. Поэтому на сборный пункт всѣ пришли. По окончаніи фотографированія Гинэ и Павлу предложили всѣм собраться в 3 часа дня в специальном вагонѣ-столовой сибирскаго правительства. Отказа ни с одной стороны не послѣдовало, но из бесѣды на обратном пути с самарцами мы, Аргунов, Павлов и я, вынесли впечатлѣніе, заставившее нас усомниться в том, чтобы они пошли на это свиданіе. Мы рѣшили поэтому не идти раньше, чѣм пойдут самарцы, что нам должно было быть видно из окна нашего вагона.

В вагонѣ у себя мы дѣлились впечатлѣніями, а равно отдѣльными своими бесѣдами с отдѣльными делегатами. Выяснилось, между прочим, что меня сибиряки обрабатывают сугубо. Они сильно упирали на то, что Сибири нѣт расчета сполна смѣшивать свои дѣла с дѣлами Европейской Россіи: послѣдняя раззорена, в то время, как Сибирь почти не затронута экономически; платиться Сибири за всю Россію нѣт расчета. Меня, как уральца, они тянули к себѣ, учитывая сильную экономическую связь Урала с Сибирью.

С этой стороны они были правы: если бы перед Уралом стала дилемма при отдѣленіи, то он вынужден был бы пойти с Сибирью, ибо иначе он был бы обречен на экономическую смерть. Сибирь — его единственный рынок для сбыта его желѣза и—его поставщик зерна, как для пропитанія, так и для крупнаго перемола. Вообще связь Урала с Сибирью болѣе тѣсная, чѣм с западом, хотя сибиряками уральцы себя не считают. Соблазнить Урал совмѣстно с Сибирью не платить за общіе грѣхи Россіи было идеей, не лишенной остроумія. Но я был далек от подобных идей, и им надо было противодѣйствовать.

Выяснилось нам также, что для горнозаводскаго Урала совершенно не подойдет ни политика Самары, ни политика Омска. Если в Поволжьи земля была отнята крестьянами у помѣщиков, а в Сибири крестьянами у крестьян, то на Уралѣ земли были главным образом захвачены крестьянами или казенныя или посессіонныя, то есть, в сущности, тоже казенныя. С другой стороны нельзя было сравнивать земледѣльческаго населенія Поволжья и Сибири с полурабочим, полукрестьянским населеніем Урала с его в значительной мѣрѣ полубольшевистскими настроеніями. Тут нельзя было и думать ни о допущеніи, на подобіе Самары, совѣтов рабочих депутатов, ни о таких примитивных методах управленія полу-военнаго характера со стѣсненіем свобод населенія, как их примѣнял Омск. Отдать освобождаемый горнозаводскій Урал той или другой сторонѣ

означало в обоих случаях толкать его на большевизм.

Мы не могли, наконец, не учитывать успѣвшей уже ярко проявиться борьбы между Самарой и Омском за гегемонію. При таких условіях проектировавшаяся к созданію центральная власть не могла бы имѣть в Самарѣ или Омскѣ резиденціи спокойной, обезпеченной для себя.

Все это приводило Аргунова, Павлова и меня к выводу, что, пока еще Екатеринбург, «столица Урала», не в тѣх или других руках, необходимо подумать о том, нельзя ли подготовить почву к тому, чтобы там создалась власть, независимая от Самары и Омска, вполнѣ соотвѣтствующая по духу идеям Союза Возрожденія, власть, которая по совѣсти стремилась бы к объединенію Россіи и способствовала бы дѣлу созданія центральной власти.

В вагонѣ нас посѣщали как политическіе дѣятели екатеринбуржцы, так и мѣстные, челябинцы. То, что мы слышали от них о методах управленія Омска и о происходящих уже столкновеніях гражданской власти с военными, старавшимися все захватить в свои руки и полагавших в основу управленія только силу и насиліе, подкрѣпляло нашу мысль о необходимости созданія отдѣльной власти на Уралѣ. Мы не скрывали нѣкоторых из наших соображеній от заинтересованных сторон. Самарцы, стоявшіе на почвѣ «власти Учредительнаго Собранія», относились отрицательно: они вперед считали власть на Уралѣ принадлежащей им; сибиряки не говорили ни да, ни нѣт, скорѣе все-таки как будто склонялись в положительную сторону; представители «союзников» относились к вопросу, как к заслуживающему серьезнаго вниманія и изученія.

Вопрос пока считался теоретическим: продвиженіе к Екатеринбургу шло медленнѣе, чѣм того ожидали.

2.

Наши предположенія оправдались. Назначенный для свиданія срок — 3 часа — наступил, из окна вагона мы видѣли, как в поѣзд сибирскаго правительства прошли майор Гинэ и Павлу со свитой; самарцы же, явно, не двигались. Через нѣкоторое время нас пришли звать. Мы извинились, сославшись на то, что у нас посѣтители, и обѣщали скоро прійти. Прошло с полчаса в том же положеніи. За нами еще раз прислали. Нельзя было не итти.

В сборѣ были всѣ за исключеніем самарцев. За ними посылали, но они не шли. Выход нашел майор Гинэ, подняв вопрос, кто является иниціатором совѣщанія, и спросив присутствующих, не считают-ли они правильным признать, что иниціатора нѣт, но что всѣ присутствующіе, движимые единым сознаньем важности момента, инстинктивно собрались, чтобы обсудить положеніе. Такое положеніе было принято всѣми единогласно. Отсюда логически вытекало, что надо пригласить и самарцев, и что это можно сдѣлать от имени всѣх собравшихся. Самарцы, таким образом, шли-бы не к сибирякам, а ко всѣм собравшимся по их общему приглашенію. Павлу предложил поручить его адъютанту пойти передать самарцам приглашеніе. Опасаясь, что при таких условіях дѣло может не выгорѣть, я предложил собравшимся возложить приглашеніе самарцев на меня. Вмѣстѣ со мной предложил свои услуги и Павлов.

Мои опасенія оказались не напрасными. Самарцев мы застали за обѣдом: они и не думали об участіи в совѣщаніи. К нам вышли Брушвит и (если не ошибаюсь) Веденяпин и первым дѣлом, еле выслушав наше приглашеніе, сцѣпились с «товарищем Павловым» по вопросу, исходя из эсеровской партійной точки зрѣнія. Я довольно рѣшительно заявил, что меня их взаимные внутри-партійные счеты очень мало интересуются, и что самарцы должны рѣшить, берут они на себя отвѣтственность за результат их односторонняго отказа от совѣщанія или нѣт. Это, повидимому, воздѣйствовало, и, в концѣ концов, послѣ долгих дебатов и достаточнаго количества теплых слов по адресу сибиряков, было дано обѣщаніе, что они вскорѣ на совѣщаніе придут.

Самарцы явились на совѣщаніе сухо-оффиціально. По открытіи его, они поставили рѣзко вопрос, кто в качествѣ чего и с какими мандатами здѣсь присутствует: Сомнительным оказалось положеніе наше, делегаціи союза возрожденія. Мы формулировали, кто мы такіе, зачѣм делегированы, поставили свое участіе в

совѣщаніи в полную зависимость от согласія сторон, а что касается мандата, то тут опять таки дѣло в довѣріи и согласіи сторон, ибо перевозить мандат через фронт было не вполнѣ удобно. Майор Гинэ, Павлу и сибиряки поторопились заявить, что участіе делегаціи Союза Возрожденія они считают слишком цѣнным, чтобы останавливаться на такой формальности, как мандат, при наличной обстановкѣ. Самарцы, послѣ нѣскольких кислых фраз, подчеркивавших их слабое удовольствіе от нашего участія в совѣщаніи, согласились на него.

Немедленно вслѣд за утвержденіем состава совѣщанія, иностранные участники заявляют, что они полагали-бы цѣлесообразным дать русским делегатам возможность сегодня предварительно столковаться между собой, а уже послѣ этого, на слѣдующій день возобновить совѣщаніе. Предложеніе принимается. Вслѣд за этим поднимаю вопрос я, не лучше ли и делегаціи Союза Возрожденія дать возможность представителям 2 правительств побесѣдовать одним. Сибиряки находят это лишним, самарцы полагают наоборот. Мы в виду разногласія предпочитаем удалиться. Вмѣстѣ с Гинэ и Павлу покидаем вагон довольные: удалось, наконец, оставить жениха с невѣстой наединѣ!

В двѣнадцатом часу ночи возвращаемся из города. Опять, оказывается, не поладили. Идем в один поѣзд, идем в другой, урезониваем обѣ стороны не показывать и то уже черезчур выявленнаго раздора перед иностранцами. Добиваемся того, чтобы на завтра совѣщ. состоялось.

На слѣдующій день, 16 іюля совѣщаніе под предсѣдательством Павлу благополучно состоялось и закончилось. Было достигнуто соглашеніе, по которому в кратчайшій срок должно быть созвано в Челябинскѣ государственное совѣщаніе в составѣ: представителей всѣх существующих областных правительств, всѣх членов Учредительнаго Собранія и по одному представителю от Центральнаго комитета каждой политической партіи. Задачей этого совѣщанія должна быть организація единой Всероссійской власти. Временно, впредь до этого, главнокомандующим всѣх армій (самарской, сибирской и чешской) стороны признают генерала Шокорова — русскаго генерала, состоявшаго на чешской службѣ. Не помню, по каким соображеніям, кажется, по требованію сибиряков, назначеніе Шокорова главнокомандующим было рѣшено хранить в тайнѣ. Впослѣдствіи сибирское командованіе воспользовалось тѣм, что о главнокомандованіи Шокорова не было распубликовано, и упорно забывало, что протокол, включавшій и это соглашеніе, был подписан и делегатами сибирскаго правительства.

Сверх этих соглашеній было достигнуто еще соглашеніе чисто военнаго характера между командующими, в котором мы участія не принимали. Для созыва Государственнаго совѣщанія была образована комиссія, в которую нашим представителем вошел Аргунов.

С точки зрѣнія Союза Возрожденія миссія нашей делегаціи на первый раз была удачна: мы добились первых шагов по пути созданія центральной власти. Мы были довольны. Довольны были, повидимому, и сибиряки: пойдя на путь созданія центральной власти на Государственном Совѣщаніи, самарцы тѣм самым, несомнѣнно, отступали от принципіальной точки зрѣнія, что Комуч имѣет сам по себѣ, по наслѣдству от Учредительнаго Собранія, право на Всероссійскую власть. Менѣе удовлетворены были самарцы. Это ярко выразилось в словах, сказанных мнѣ на прощанье Брушвитом: «ну, прощайте, чортова сваха».

Стороны разъѣзжались во свояси. В Челябинскѣ дѣлать нам было нечего. Паденіе Екатеринбурга, куда я стремился послѣ полугодовой разлуки повидаться с семьей, отсрочивалось, по расчетам военных недѣли на двѣ. Сибиряки звали заглянуть к ним в Омск, обѣщая дать оттуда экстренный поѣзд в случаѣ паденія Екатеринбурга, гдѣ по общему признанью мое присутствіе, как мѣстнаго члена Уч. Собранія, было полезно с перваго момента. На этом мы и порѣшили. Послѣ знакомства с Самарой, было полезно познакомиться подробнѣе с тѣм, что собою представляет сибирское правительство и окружающая его общественная среда. В поѣздѣ сибирскаго правительства мы выѣхали в его столицу, в Омск.

ГЛАВА XIII.

В Омскѣ — В. А. Жардецкій. — Омская общественность. — „Омскій" Союз Возрожденія — Съѣзд Торгово-промышленников. — Патушинскій. — Омское правительство. — Осложненія с Самарой — Отъѣзд — Омская „любезность". — Двѣ психологіи — Комуч и Оренбургское Казачье войско. — Казачество и федерація — Встрѣча с самарцами

1.

В Омскѣ власти нам отвели комнаты в лучшей гостиницѣ, в «Россіи». При большевиках в ней жили комиссары. Теперь она была в распоряженіи новой власти. Что гостиница побывала в руках коммунистов, это очень сильно ощущалось... обоняніем. Об очисткѣ выгребных ям и ретирадов не заботились: весь подвал был переполнен нечистотами, что и давало себя в полной мѣрѣ чувствовать. Из меблировки и посуды почти все было растащено и расхищено и нѣкогда прекрасная гостиница обратилась в мерзость запустѣнія. Для нас троих было всего двѣ койки. Меня на пару дней пріютил временно у себя В. А. Жардецкій.

К Жардецкому я зашел познакомиться, как к предсѣдателю мѣстнаго комитета к.-д., и предложил ему созвать комитет для бесѣды. Оказалось, что комитета нѣт, а есть мѣстная группа партіи, которую можно созвать путем объявленія в газетах, так как списка членов группы не имѣется.

— Что же называется у вас группой партіи, спросил я.

— А это тѣ, кто является на общее собраніе по публикаціи, получил я отвѣт.

Выяснилось, что пониманіе Жардецким и мной «партійной» группы было слишком различное. Вступать в объясненіе с подобной группой для меня было явно безцѣльным. Пришлось принимать как факт, что Жардецкій состоит предсѣдателем несуществующаго комитета несуществующей группы.

Жардецкій, долго просидѣвшій в тюрьмѣ у большевиков и, по словам знакомых, недавно вышедшій из лечебницы для нервно-больных, производил впечатлѣніе человѣка, крайне развинченнаго. Из бесѣды с ним выяснилось, что он твердо стоит за монархію и держится опредѣленно германской оріентаціи. Взгляды свои он выражал с крайней страстностью внѣ всякой пропорціи с обстановкой бесѣды с глаза на глаз.

К основным положеніям Союза Возрожденія он относился весьма скептически и отрицательно.

Несмотря на это, узнав через нѣсколько дней, что Аргунов, Павлов и я желали бы сдѣлать попытку образовать в Омскѣ отдѣл Союза Возрожденія, Жардецкій со свойственной ему экспансивностью предложил нам не только помочь собрать подходящих к этому лиц, в том числѣ и соціалистов, но и сам оказался не прочь участвовать в обмѣнѣ мнѣніями, а может быть и вступить в Союз. При стремительности и экспансивности Жардецкаго это нас не удивило и не удивило тѣм болѣе, что из бесѣд с Жардецким выяснилось, что кадетом он был «мартовским», что политическій фундамент у него был болѣе, чѣм слабый. Это был талантливый адвокат, но новичок и импрессіонист в политикѣ.

Собраніе «цвѣта» омских дѣятелей лѣво-центровой общественности состоялось. Тут были и к.-д., и правые эсеры, и меньшевики и эн-эсы. И все это было до примитивности убого. Единственным политически образованным человѣком чувствовался среди них всѣх В. П. Фомин, с.-д. группы «Единство». Что касается всѣх остальных без исключенія, то было непо-

нятно, почему они разно именуются. Производило впечатлѣніе, что люди совершенно случайно вытянули билетики из лотерейнаго колеса: одни с надписью к.-д, другіе с надписью с.-р. и т. п.

Из бесѣды я вынес самое грустное впечатлѣніе. Я вспоминал мой пріѣзд в Омск в 1906 году и бесѣду с бывшим членом Гос. Думы от Акмолинской области, моим тогда однопартійцем, Алиханом Букейхановым, жаловавшимся на свое полное одиночество, на полное отсутствіе в Омскѣ политически развитой интеллигенціи. Я подѣлился своими впечатлѣніями с Аргуновым и Павловым. Они были того же мнѣнія, что и я, но все-таки считали необходимым организовать отдѣл «Союза Возрожденія». Они это осуществили уже послѣ моего отъѣзда из Омска, послѣдовавшаго через нѣсколько дней, и результат впослѣдствіи получился очень плачевный. «Союз Возрожденія» в омском изданіи получил такую окраску, что много позднѣе нам всѣм троим при упоминаніи о том, что мы представители Союза Возрожденія, приходилось прибавлять: «просят не смѣшивать...»

Пришлось мнѣ познакомиться и с другим видом общественности. В это время как раз происходил съѣзд торгово-промышленников. Показалось умѣстным выступить на нем представителю Союза Возрожденія, члену Учредительнаго Собранія, кадету. Я это выполнил. Мои слова о «возрожденіи великой единой Россіи» вызвали аплодисменты. Но, что касается требованія народоправства, то чувствовалось, что это вызывает мало энтузіазма. Ощущеніе на съѣздѣ было такое, что собравшіеся твердо убѣждены, что с большевизмом покончено, что теперь уже наступила их пора, что пора вернуть проторы и убытки. Чувствовалось начало сознанія классовых интересов, но очень малое сознаніе государственных...

На этом съѣздѣ мнѣ пришлось выслушать рѣчь прибывшаго привѣтствовать съѣзд от имени правительства министра (кажется, юстиціи) Патушинскаго. В одном мѣстѣ, когда он цитировал не понравившуюся ему резолюцію кооператоров, раздались оглушительные аплодисменты съѣзда. Патушинскій остановился и произнес: «Вы аплодируете! Хорошо, я передам кооператорам, кто им аплодирует». Привѣтствіе не из дурных! И нельзя сказать, чтобы я отнес такую степень тактичности на плюс сибирскому правительству.

За посѣщеніе министерств взялись Аргунов и Павлов. Казалось, что при большинствѣ министров — эсеров, начиная с Вологодскаго, лучше общеніе с ними предоставить эсерам. Отзывы Аргунова и Павлова в результатѣ ознакомленія были не из лучших: глубокій провинціализм — так можно в двух словах характеризовать их отзыв. Очень несложному хозяйственному быту Сибири соотвѣтствовало и правительство его.

Лично я только один раз повидался за обѣдом у Гришина-Алмазова с ним и Михайловым, при чем и тут они оставили во мнѣ хорошее впечатлѣніе: симпатичные молодые люди!

В цѣлом Омск производил на меня впечатлѣніе политическаго недоноска. Продуманной политической мысли, опредѣленной политической программы не было, если не считать программой задачу — бороться с совѣтской Россіей. От всяких программ, я сказал бы, даже до извѣстной степени афишированно отмахивались. Политическим программам противоставляли «дѣло». Так Михайлов, например, бывшій эсер, упорно отрицал свою принадлежность когда-либо к какой бы то ни было партіи.

Отношенія с Самарой ухудшались. Сибирское правительство в цѣлях повышенія поступленій в казну облагало пошлиной вывоз хлѣба, мяса и масла. Самара протестовала и грозила не давать нефти, смазочных масел. В воздухѣ чувствовалось начало таможенной войны, а с ней и возможных военных дѣйствій. Столкновеніе могло произойти и на почвѣ овладѣнія горнозаводским Уралом.

В Омскѣ я пробыл около недѣли. Числа 25-го или 26-то іюля поздно вечером мнѣ передали из чешскаго штаба телеграмму майора Гинэ, что он срочно ждет меня в Челябинскѣ, чтобы выѣхать в Екатеринбург. По телефону я снесся с Гришиным-Алмазовым. Выяснилось, что ждать экстреннаго поѣзда значит потерять время, а потому рѣшено было, что я ѣду пассажирским поѣздом, а он сна-

бжает меня приказом отвести мнѣ отдѣльное купэ в классном вагонѣ.

2.

Поѣзд из Омска должен был отходить по расписанію часов в 10 утра. Начальник станціи, согласно приказу Гришина-Алмазова распорядился дать мнѣ отдѣльное купэ перваго класса. Когда вмѣсто 10 утра поѣзд подошел часа в 3 дня и мнѣ в вагонѣ дали купэ, послѣдовало вдруг распоряженіе отцѣпить наш вагон. Поѣзд был переполнен, дѣваться пассажирам было некуда. Пошли с протестом к начальнику станціи. В числѣ других пошел и я. На мои протесты начальник станціи заявил, что мнѣ совершенно незачѣм «путаться в чужія дѣла», так как для меня комендант сейчас распорядится очистить купэ в другом вагонѣ, высадив оттуда пассажиров, при помощи солдат. Поблагодарив за такую «любезность», я предпочел кое как устроиться в переполненном вагонѣ второго класса. Но предложенная мнѣ любезность говорила сама за себя: сибирская власть дѣйствовала большевистскими методами.

В 3 часа утра поѣзд пришел в Петропавловск. Оказалось, что дальше пассажирскій поѣзд не идет, что надо довольно долго ждать, а затѣм пойдет до Челябинска товаро-пассажирскій поѣзд, которым я попаду в Челябинск Бог вѣсть когда. Надо было принимать мѣры.

Я обратился к одному из окарауливавших вокзал чехов-солдат, как я могу повидать их коменданта станціи. Получив отвѣт, что комендант выходит на службу в 7 часов утра, я показал солдату телеграмму Гинэ (она была передана чешским штабом на чешском языкѣ) и сказал ему, что мнѣ комендант нужен срочно. Солдат, ни минуты не размышляя, повел меня, довольно далеко по путям, к вагону коменданта, котораго поднял со сна. Тот немедленно одѣлся и, тоже не теряя времени, дал мнѣ письменное распоряженіе на имя начальника станціи, дать мнѣ срочно вагон с паровозом, как лицу «ѣдущему по дѣлу большой государственной важности»

Это распоряженіе я передал дежурному помощнику начальника станціи. И тут сразу сказалась служебная психологія другого характера. Сам дежурный, оказалось, не в правѣ что-либо предпринимать, а разбудить начальника станціи он не может, потому что «этого не приказано». На мое указаніе на серьезный характер моей поѣздки, я получил отвѣт: «Ваше дѣло большое, а мое маленькое, я могу дѣлать только то, что мнѣ приказывают». Большаго от него добиться нельзя было. Пришлось опять итти будить чешскаго коменданта. Пришлось опять увидѣть контраст. Комендант одѣлся, пошел со мной на вокзал, стал сам у телеграфнаго аппарата, добился, чтобы в Омскѣ подняли на ноги всѣх, кого надлежит, и не успокоился, пока не добился, что через два часа пройдет через Петропавловск экстренный поѣзд помощника атамана Дутова, который и отвезет меня в Челябинск.

Часа через три я ѣхал в вагонѣ полковника Рудакова, с которым у нас завязалась серьезная бесѣда по поводу методов дальнѣйшаго устроенія судеб освободившейся территоріи. К Комучу Рудаков относился скептически, но с Комучем Оренбургскому войску приходилось сильно считаться из-за матеріальных ресурсов. К вступленію атамана Дутова членом Комуча — что не мало нас всѣх удивляло — Рудаков относился очень просто: отчего не использовать атаману Дутову своего положенія члена Учредительнаго Собранія для большаго вліянія в Комучѣ: имѣя свою реальную воинскую силу, Дутов фактически независим от Комуча; наконец, Дутов в любой момент, когда это будет выгодно, может так же легко уйти из Комуча, как он в него вошел.

Особыя условія казачьяго быта, по словам Рудакова, и заинтересованность казачества в сохраненіи его приводили его к выводу, что, если бы удалось в разумном видѣ создать федерацію, то, пожалуй, это было-бы наилучшим исходом. Мысль о созданіи автономіи Горнозаводскаго Урала с рабочим населеніем, иного уклада жизни и с иной психологіей, чѣм казачье, Рудаков одобрял. Избавиться от безпокойнаго элемента и передать его области Горнозаводскаго Урала было бы очень хорошо. Одним словом в полковникѣ Рудаковѣ я нашел сочувствіе и мы тут-же, развернув карту Урала, намѣчали, примѣрно,

границы Оренбургскаго войска и Горнозаводскаго Урала, учитывая еще третью претензію, башкир, имѣвших в то время свое правительство, поддерживаемое Самарой.

По пути мы остановились, встрѣтившись на разъѣздѣ с поѣздом атамана Дутова, ѣхавшаго в Омск.

Состав поѣзда у атамана был очень богатый, из вагонов сибирскаго экспресса Международнаго Общества. В вагон-салонѣ видно было нѣсколько весьма эффектных и эффектно одѣтых дам. Впереди этих вагонов шли товарные вагоны с сотней казаков с лошадьми. (Атаман Дутов любил создавать шум. Выѣзжал он на автомобилѣ с полусотней казаков впереди и полусотней — сзади). Через час, примѣрно, мы двинулись дальше. Вернувшійся от атамана полковник Рудаков сообщил мнѣ, что он передал нашу бесѣду атаману, и что тот в общем тоже сходится с нами во взглядах.

Поздно вечером мы встрѣтились на разъѣздѣ с другим поѣздом. Кто то спрашивал, гдѣ нахожусь я. Оказывается, мы встрѣтились с ѣдущими в Омск членами Комуча.

В Челябинскѣ они узнали от Гинэ, что я в поѣздѣ Рудакова, и желают со мной переговорить. Зашли ко мнѣ в купэ Брушвит и (если не ошибаюсь) Гуревич. Они сообщили мнѣ, что Комуч отправляет в Екатеринбург двух своих членов для введенія там власти Комуча, и просили о моем содѣйствіи им. В отвѣт я указал им на черезполосицу, которая создалась бы в таком случаѣ (Челябинскій и Златоустовскій уѣзды были под властью Омска), а затѣм, что Самарскіе порядки не на столько меня привлекают, чтобы я стал оказывать им содѣйствіе. Такой отвѣт сразу распалил самарцев. Они наговорили мнѣ кучу кислых слов, заявили, что обойдутся и без моего содѣйствія, и разстались болѣе, чѣм холодно.

В Челябинск я пріѣхал к утру. Поѣзд майора Гинэ только этого ждал, чтобы выѣхать в Екатеринбург.

ГЛАВА XIV.

От Челябинска до Екатеринбурга—Основы будущаго Правительства Урала—Комитет Народной Власти.—Возстановленіе органовъ самоуправленія —„Союзники" в роли хозяевъ.—Комисія по организаціи правительства.—Цѣли, задача и программа правительства Урала.—Сложность положенія промышленныхъ предпріятій.—Вопрос о совѣтских декретах.—Персональный состав и обезпеченіе о лангов —Переговоры с Гришин Алмазовым.—Переговоры с самарцами —Вѣсти из Омска.—Переговоры с Вологодским —„Назначеніе" правительства и отказ —Вмѣшательство „союзников".—Переговоры и соглашеніе с Михайловым.—Спорные пункты.—Образованіе и декларація правительства Урала.—„Поздравленіе" Сибири.—Распредѣленіе портфелей.—Первая запинка.—Выѣзд на Госуд Совѣщаніе в Челябинск.

1.

Из Челябинска в Екатеринбург мы ѣдем не прямым путем, а окольным — на Бердяуш-Кузино — так как непосредственная связь между Челябинском и Екатеринбургом не возстановлена. Поѣзд идет в составѣ двух вагонов: одного, занимаемаго майором Гинэ и его штабом, и другого, предоставленнаго уральским политическим дѣятелям, очутившимся в Челябинскѣ. С нами же ѣдет чешскій уполномоченный, Рихтер, и помощник комиссара Сибирскаго правительства по Челябинскому уѣзду, Будеско.

В вагонѣ у нас идет непрерывный политическій диспут. Уральцы, пожившіе в Челябинскѣ, отзываются о практикѣ Сибирскаго правительства мало одобрительно. Подтверждает правильность такого отношенія и представитель Омской власти, Будеско. Он, как общественный дѣятель, жалуется на крайне тяжелое положеніе свое и комиссара в качествѣ представителей на мѣстѣ гражданской власти: они безсильны бороться со своеволіем военной власти, а населеніе, не разбираясь в сложных взаимоотношеніях военных и гражданских властей, винит во всем гражданскую власть. Не лучше отношеніе поживших в Челябинскѣ, в сосѣдствѣ с областью Комуча, и к его власти. В этом отношеніи не расходятся с другими и ѣдущіе с нами эсеры. Общее мнѣніе единодушно: если-бы удалось избавить Горнозаводскій Урал от двух таких прелестей, как Омск и Самара, то было-бы очень хорошо.

Мысль о необходимости созданія на Уралѣ независимаго от Омска и Самары правительства зрѣет в вагонѣ.

Тут же намѣчаются основныя положенія для него: Правительство должно быть персонально-коалиціонным. Оно должно состоять из группы лиц, хотя и принадлежащих к разным партіям, но персонально довѣряющих друг другу и могущих образовать коллективно - отвѣтственное друг за друга правительство. Правительство должно пользоваться довѣріем и поддержкой всѣх антибольшевистских партій, но каждый член правительства на время пребыванія в нем должен руководиться только его программой и быть совершенно независимым от своей партіи на время пребыванія в правительствѣ.

Эти положенія ѣдущіе в вагонѣ берутся предложить на обсужденіе своих партій. С этим мы вечером числа 28 или 29 іюля пріѣзжаем в Екатеринбург. На всегда бойком вокзалѣ пустынно. Наш поѣзд — первый, пришедшій не воинскій. Я тороплюсь домой, гдѣ меня не ждут.

Не прошло и пары часов с момента пріѣзда моего домой, как вѣсть о моем пріѣздѣ успѣла распространиться по городу, и меня пришли пригласить на засѣданіе комитета к.-д. по весьма срочному вопросу.

В засѣданіи выяснилось, что в городѣ образовался Комитет Народной Власти, которому принадлежит гражданская власть. В комитетѣ руководящая роль принадлежит эсерам, которые против допущенія к.-д. к участію в нем. Поэтому пред-

полагалось обсудить тактику, которую к.-д. должны по этому случаю принять.

В виду полной оторванности Екатеринбурга от Самары и Омска, мнѣ пришлось дать Комитету полную картину происходящаго и тѣ выводы, к которым пришла делегація Союза Возрожденія о необходимости созданія автономнаго правительства для Горнозаводскаго Урала. В результатѣ было рѣшено: во-первых, не только не добиваться участія в Комитетѣ Народной Власти, но, наоборот, отказаться от участія в нем, если это даже предложат; во вторых, войти в переговоры с другими антибольшевистскими группировками по вопросу об образованіи Временнаго Областного Правительства Урала.

На слѣдующій день я отправился к начальнику гарнизона, полковнику Шереховскому. Повидимому, он имѣл какія-то инструкціи на мой счет, ибо он встрѣтил меня заявленіем, что он ждал меня с большим нетерпѣніем и просит оказать ему помощь совѣтом в области гражданскаго управленія, области ему почти чуждой. В частности он жаловался на Комитет Народной Власти, который он был бы не прочь разогнать.

Я высказался категорически против подобной мѣры, выдвинув основной принцип что совершенно недопустимо в такую эпоху колебать в населеніи довѣріе к власти, что неминуемо при проявленіи борьбы за власть. Поэтому я предложил немедленно возстановить упраздненныя большевиками городское и земское самоуправленія, с предоставленіем им всѣх присвоенных им по закону прав, ничего не говоря о Комитетѣ Народной Власти: за исчезновеніем у него каких бы то ни было функцій, он сам должен будет упраздниться.

Приказ о срочном созывѣ городской думы (с распредѣленіем принадлежавших большевикам — составлявшим в думѣ большинство — мѣст между всѣми остальными фракціями пропорціонально их численности) и о возобновленіи дѣйствій земской управы был издан немедленно. Через три дня начали функціонировать самоуправленія, а Комитет Народной Власти, как я и предполагал, объявил о своем самоупраздненіи.

Обмѣн мнѣній, происходившій в вагонѣ по пути от Челябинска до Екатеринбурга, оказался чрезвычайно полезным. Всѣ политическія группировки получили возможность ознакомиться через своих однопартійцев, чего можно ожидать и от Самары и от Омска. Мысль о созданіи мѣстнаго областного правительства встрѣчала в принципѣ общее сочувствіе. Считали необходимым серьезно изучить этот вопрос и представители «союзников».

На совѣщаніи, в котором приняли участіе французскій консул Буаяр, англійскій консул Престон, чешскій представитель Рихтер, майор Гинэ, полковник Шереховскій и я, было рѣшено, что вопрос о созданіи мѣстнаго правительства должен быть серьезно изучен, и что такая возможность должна быть учитываема пока, при временном управленіи, впредь до окончательнаго рѣшенія вопроса. Рихтер высказался вначалѣ осторожно за власть Комуча, но тут майор Гинэ настолько рѣзко подчеркнул, что чехи только подсобный элемент для «союзников», а потому не должны позволять себѣ вести какую-либо сепаратную от них политику, что Рихтер явно предпочел замолчать. Поведеніе полковника Шереховскаго показывало, что и он учитывает «союзников», как хозяев. Меня это заставило насторожиться.

Между комитетами всѣх партій пошли переговоры. В результатѣ пришли к тому, что каждый комитет должен дать в межпартійную комиссію по два полномочных представителя. Им должно быть поручено как составленіе программы правительства и установленіе цѣлей и задач его, так и подбор персональнаго состава правительства с тѣм, что все, что будет принято единодушно всѣми делегатами, является обязательным безапеляціонно для каждой из представленных в комиссіи партій, и партіи взаимно обязуются всѣ единогласныя рѣшенія комиссіи поддерживать.

2.

1-го августа начались засѣданія комиссіи по организаціи врем. областного правительства Урала. Участіе в комиссіи приняли представители партій: народной свободы, народно-соціалистической, эс-де (меньшевиков) и эс-эров.

Закончила комиссія свою работу по составленію программы в шесть дней. Ра-

боты было не мало. Достигнуть искренняго соглашенія по всѣм вопросам государственной жизни между четырьмя партіями было дѣлом далеко не простым. И если этого все-таки достигли, то только благодаря той большой искренности, с которой всѣ участники комиссіи подходили к дѣлу, ставя его выше себя и выше интересов отдѣльных партій. Создавалась коалиція, но такая, которая не была похожа ни на коалицію Керенскаго, гдѣ всѣ тянули в разныя стороны, ни на созданную позднѣе директорію в Уфѣ, гдѣ большинство ея творцов подходили неискренно и недобросовѣстно к самому дѣлу созданія центральной власти.

Принципы, положенные в основу программы правительства, сводились к слѣдующему:

Очередной задачей Россіи является возстановленіе фронта против Германіи и освобожденіе от совѣтской власти. Проведеніе этой задачи затрудняется крайней разрухой во всѣх областях жизни, разрухой, справиться с которой не под силу центральному правительству при помощи чиновничьяго аппарата. Скорѣе, хотя и то с большим трудом, способны справиться с разрухой областныя правительства из мѣстных общественных дѣятелей, при условіи привлеченія к созидательной работѣ всѣх живых сил области.

Россія тѣм не менѣе должна быть единой и нераздѣльной. Окончательное устроеніе ея принадлежит Учредительному Собранію. Впредь до этого должно быть немедленно создано центральное правительство, объединяющее всѣ области Россіи.

Конкретизируя задачи областного правительства, в предѣлах Урала, программа устанавливала:

1) Проведеніе и утвержденіе всѣх гражданских свобод, при условіи созданія гарантій немедленнаго пресѣченія всяких злоупотребленій свободами и отвѣтственности виновных по суду.

2) Незыблемость равноправія національностей, их права на культурное самоопредѣленіе, а также равноправія лиц всѣх вѣроисповѣданій и свободы совѣсти. Вопрос об отношеніях между церковью и государством подлежит рѣшенію всероссійскаго Учредительнаго Собранія.

3) Развитіе производительных сил Урала на основѣ частной собственности, привлекая иностранный капитал и устраняя помѣхи инициативѣ личной, кооперативной, акціонерной и т. п. Государственные интересы должны быть поставлены выше интересов какого бы то ни было класса.

4) Принятіе мѣр к возвращенію заводов их прежним владѣльцам. Сохраненіе за государством права объявлять заводы національной собственностью, когда того требуют интересы государственные. Принятіе мѣр к повышенію до максимума производительности заводов. Введеніе на заводах государственнаго контроля над производительностью их и максимумом прибыли.

5) Сохраненіе 8-часового рабочаго дня при условіи выполненія устанавливаемаго минимума выработки. Предоставленіе размѣра заработной платы соглашенію сторон, с сохраненіем за властью права надзора, чтобы плата не падала ниже прожиточнаго минимума, угрожающаго здоровью трудящихся или паденіем производительности труда. Страхованіе трудящихся в предѣлах норм культурных стран.

6) Возстановленіе частных банков. Надзор за их дѣятельностью без допущенія нарушенія коммерческой тайны. Развитіе сѣти сберегательных касс с привлеченіем к этому дѣлу кооперативов.

7) Сокращеніе штатов служащих, созданных большевиками. Строгая, но разумная экономія в областных расходах.

8) Сохраненіе прогрессивно-подоходнаго налога. Усиленіе косвеннаго обложенія. Возстановленіе казенной продажи питей, по высоким цѣнам и с ограниченіем потребленія. Возстановленіе дѣйствія налогового аппарата и принятіе рѣшительных мѣр ко взысканію недоимок.

9) Предоставленіе дѣла продовольствія инициативѣ кооперативнаго и частнаго торговаго аппарата, с ограниченіем роли правительства в продовольственном дѣлѣ лишь мѣрами регулированія.

10) Автономія школы в вопросах ея внутренней жизни, с оставленіем за правительством опредѣленія общаго школьнаго плана и надзора за его осуществленіем. Возстановленіе преподаванія Закона Божія в школѣ, но как предмета для учащихся не обязательнаго.

11) Оставленіе земель в руках их фактических пользователей впредь до разрѣшенія земельнаго вопроса в полном объемѣ Всероссійск. Учредительн. Собраніем.

Из перечисленных пунктов большія трудности представлял собой пункт четвертый— вопрос о заводах. Вопрос этот осложнялся тѣм, что на Уралѣ почти всѣ крупные заводы — посессіонные. Огромныя площади, в сотни тысяч десятин, числящіяся за заводами, составляют собственность казны и издавна отданы в «пользованіе» на вѣчныя времена, в «посессію». Посессіонер может пользоваться всѣми ископаемыми, лѣсом и т. д. только для своего производства. Продавать сырья он не вправѣ.

Я не буду останавливаться здѣсь на всем том, что вытекало причудливаго на почвѣ своего рода средневѣкового принципа, лежащаго в основѣ «посессіи», во всѣх отраслях быта Урала. Нам приходилось учитывать одно: что населеніе издавна отлично учитывает несоизмѣримость стоимости казенных земель в сравненіи со стоимостью оборудованія, сдѣланнаго посессіонерами, и считает заводы государственными. Отсутствіе на мѣстѣ посессіонеров, предпочитавших жить в Петроградѣ или Парижѣ, и управленіе заводами чуть не в теченіе столѣтія при помощи всесильных управляющих подкрѣпляло такое сознаніе.

И вот теперь приходилось опасаться, как бы управляющіе, из чувства мести к рабочим за перенесенныя во время совѣтской власти обиды, не стали сокращать работ, что неминуемо вело бы к возбужденію рабочих и к сокращенію производительности. А эту производительность, чрезвычайно сильно пониженную при большевиках, надо было усиленно подымать, как в интересах удовлетворенія нужд широких кругов населенія, так и для удовлетворенія военных нужд.

С такой же возможностью надо было считаться и со стороны владѣльцев других, непосессіонных, заводов, хотя, конечно, в меньшей мѣрѣ, ибо личная заинтересованность владѣльцев в ходѣ дѣл предпріятія обуздывала бы их в слишком сильном проявленіи их чувств к рабочим. Но тут мы натыкались на другое обстоятельство.

Всѣ заводы и предпріятія были націонализированы совѣтской властью: производительность пала необычайно низко; кромѣ убытка предпріятія ничего не давали; хозяйство их находилось в крайне печальном положеніи; у заводов была сильная задолженность казнѣ, образовавшаяся при совѣтском управленіи ими; с одних заводов были перенесены станки, сырье полупродукт или фабрикат на другіе, а потому получалась взаимная задолженность заводов друг другу. При таких условіях, да еще при отсутствіи у прежних владѣльцев заводов оборотных средств (благодаря національзаціи банков и конфискаціи текущих счетов), они не торопились вступать во владѣніе своими предпріятіями, предпочитая, впредь до выясненія положенія, чтобы убытки нес кто угодно, но не они. В виду бѣгства большевистских органов управленія заводами, они остались в полном смыслѣ безхозяйными; не видно было, кто будет платить рабочим, и рабочіе волновались.

Все это вмѣстѣ взятое диктовало необходимость в «принятіи мѣр к возвращенію заводов их прежним владѣльцам», заставляло навязывать владѣльцам их собственныя предпріятія, грозить им возможной національзаціей отдѣльных заводов и при новой власти и принимать мѣры к обезпеченію производительности заводов.

В связи с тѣм состояніем, в котором находился весь быт Урала при примѣненіи совѣтских декретов, возник вопрос: как быть с этими декретами? Должно ли их считать законами, подлежащими отмѣнѣ и замѣнѣ другими, или же нужно признать, что никакой законной власти не было, никаких законов не было, а потому всѣ старые законы возстанавливаются одним росчерком пера?

Послѣднее было особенно соблазнительно. Но легко было сказать: никакой власти не было, никаких законов не было. Заводами управляли «дѣловые совѣты». Объявить их несуществующими и дать разграбить заводы? Остановить доменныя печи? Люди женились, разводились, у них явились дѣти. Признавать все это незаконным? Образовались крупные долги частных заводов казнѣ за доставленное им сырье. Дать им обогащаться, объявив, что казны тогда не было? Кредитки, пе-

чатавшіяся совѣтской властью на Уралѣ, признать недѣйствительными? Увольненіе чиновников и офицеров со службы признать незаконным, а потому недѣйствительным, и платить всѣм за все время жалованье? Всѣ эти вопросы вызывали явно отрицательный отвѣт.

Но и с другой стороны, признать декреты законами тоже не представлялось возможным. Пришлось бы издать закон о денаціонализаціи заводов. У огромнаго ряда лиц появилось бы право на предъявленіе исков к казнѣ за убытки, причиненные им незаконными дѣйствіями прежней, признаваемой «законной», власти.

Выход был найден в видѣ рѣшенія, давшаго всѣ преимущества государству. Оно гласило: «Считая декреты и распоряженія совѣтской власти незакономѣрными, а потому ничтожными, неорганизованную же ломку создавшихся условій жизни недопустимой, правительство вырабатывает в срочном порядкѣ ряд правил для планомѣрнаго возстановленія прав и отношеній, измѣненных означенными декретами и распоряженіями».

Исходя из положенія, что врем. областное правительство Урала должно имѣть в виду скорѣйшее созданіе центральнаго правительства, само же заниматься задачами чисто областными, комиссія установила, что в прерогативы центральнаго правительства должны входить: вопросы обороны, желѣзнодорожные и водные пути сообщенія магистральнаго характера, почта и телеграф, иностранныя дѣла и, наконец, чеканка монеты и выписка кредитных билетов. Что касается координаціи дѣйствій центральной и областных властей, то допускалась возможность назначенія в области эмиссаров центральнаго правительства, и принималось основное положеніе, что, при столкновеніи законов общегосударственных с областными, предпочтеніе отдается центральному законодательству.

Принимая эти положенія, комиссія рѣшила, что необходимо подчеркнуть отсутствіе стремленія правительства Урала к полной самостоятельности, а потому не создавать министерств военнаго, путей сообщенія и иностранных дѣл, возложив временное управленіе этими отраслями на того или другого из «главноуправляющих» вѣдомствами.

«Покончив с программой и задачами проектируемой власти, комиссія приступила к вопросу о персональном составѣ правительства. И этот вопрос, обычно столь тяжелый при коалиціях, как раз меньше всего встрѣтил затрудненій. Всѣ сознавали тяжесть задачи и искали лишь одного: обезпечить правительству сочувствіе всѣх партій, отнюдь не занимаясь партійным мѣстничеством, и хорошую спайку внутри правительства, путем добросовѣстнаго внутренняго согласія его членов на взаимное сотрудничество. В результатѣ в этот состав были намѣчены: А. В. Прибылев (с.-р.), В. М. Анастасьев (с.-р.), П. В. Мурашев (с.-д.), Н. В. Асейкин (н.-с.), А. Е. Гутт и Н. Н. Глассон (безпартійные прогрессисты), П. В. Иванов и я (оба к.-д.).

Насколько партійный вопрос играл у комиссіи второстепенную роль, видно из того, что два мѣста были удѣлены безпартійным только потому, что в их лицѣ мы пріобрѣтали цѣнных, уважаемых в обществѣ, работников. Мало того, в комиссіи, весьма сильно выдвигавшей мою кандидатуру в предсѣдатели правительства, согласились по моему предложенію настоять на кандидатурѣ в предсѣдатели его П. В. Иванова, кадета весьма умѣреннаго толка. Это было необходимо в интересах дѣла. Если А. В. Прибылев, ветеран эс-эров, пользовавшійся у них издавна большим уваженіем, обезпечивал правительству лѣвый фланг, то нужно было особенно сильно обезпечить правый фланг со стороны торгово-промышленников, всѣ интересы которых тянули к Сибири и к сибирскому правительству. П. В. Иванов, предсѣдатель биржеваго комитета, старый испытанный земскій и городской гласный, в составѣ правительства, а в особенности во главѣ его, был порукой за правительство на правом флангѣ, а во всѣх кругах, не исключая соціалистических, он пользовался заслуженным уваженіем.

Вопрос персональнаго состава правительства был рѣшен наиболѣе быстро. Общее единеніе на вопросѣ освобожденія от совѣтской власти играло тут, конечно, не малую роль. Каково было в то время

настроеніе, можно судить по тому, что в один из дней, когда комиссія засѣдала, большевистскія силы, во много раз превышающія наши, подошли к Екатеринбургу на разстояніе трех верст; гулко раздавалась артиллерійская стрѣльба, а мы не прерывали засѣданій. До того велика была увѣренность, что большевики побѣдить не могут.

3.

С окончаніем работ комиссіи по организаціи Вр. Областного Правительства Урала, мы вступили в стадію реальнаго осуществленія задачи. При той постановкѣ, которую мы давали вопросу, разрѣшеніе его было не просто. Одним из основных требованій, которыя мы ставили, было, чтобы новое правительство не было результатом борьбы за власть, в частности, с Сибирским правительством, отрядом котораго, правда, небольшим, был занят Екатеринбург.

Торгово-промышленный класс, как мы того и ожидали, отнесся к вопросу об организаціи областного правительства со слабой симпатіей. Его тянуло к Сибирскому правительству. В нем было, кромѣ того, недовольство тѣм, что вся работа комиссіи протекала без малѣйшаго участія его представителей (П. В. Иванов жил в это время верстах в тридцати от города и участія в работах комиссіи не принимал).

Большую симпатію встрѣтили основныя положенія, принятыя комиссией, и ея программа среди представителей «союзников». Мнѣ намекали, что никакой надобности в каком бы то ни было соглашеніи с Омском или Самарой нѣт. Меня как бы подталкивали. Мнѣ это не нравилось. Я ждал соглашенія с Омском. Я ждал также пріѣзда П. В. Иванова, который один мог примирить торгово-промышленный класс с созданіем областного правительства.

Расчет оказался правильным. Нѣкоторые из представителей торгово-промышленников сочли нужным заглянуть к консулам и вернулись от них с недоумѣніем, что тѣ, дѣйствительно, считают полезным почему то образованіе областного правительства.

Пріѣзд Иванова, настойчивое требованіе, заявленное комиссией 8 августа о занятіи Ивановым поста министра торговли и промышленности, от чего он отказывался, и слухи о том, что и в главы правительства намѣчается Иванов, сдвинули торгово-промышленников.

Мысль об областном правительствѣ становилась все менѣе одіозной и в концѣ концов стала пріобрѣтать симпатіи. П. В. Иванов сдался и стал принимать участіе в дѣлѣ организаціи личнаго состава правительства и выработки деклараціи.

Числа около 10-го августа в Екатеринбург прибыл по порученію Сибирскаго правительства Гришин-Алмазов в сопровожденіи генерала Голицына.

При встрѣчѣ его не обошлось без курьеза. Вышла какая то заминка с почетным караулом и оркестром. Но Гришин-Алмазов упорно сидѣл на разстояніи одного перегона от Екатеринбурга и не выѣхал, пока ему не сообщили, что «все готово». Церемоніал у Сибирскаго правительства играл первостепенную роль.

Было созвано собраніе представителей общественности, которому Гришин-Алмазов поставил вопрос, желает ли мѣстная общественность признать подчиненіе Урала Сибирскому правительству.

На это послѣдовал отвѣт, что общее мнѣніе мѣстной общественности, учитывая особенности Урала, сходится на мысли о необходимости созданія автономнаго правительства Урала и расчитывает, что Сибирское правительство, освободившее Урал, пойдет этому на встрѣчу.

Принципіально Гришин-Алмазов не стал возражать. Он говорил, что это ему трудно дѣлать, раз он стоит за необходимость автономіи для Сибири. Тѣм не менѣе он настоятельно совѣтовал пойти на подчиненіе Омску, и, послѣ долгих дебатов, поставил, обращаясь ко мнѣ в упор, вопрос: «а что вы, не имѣя реальных сил, сдѣлаете, если мы не согласимся с вами?».

Я отвѣтил ему, что, стоя на точкѣ зрѣнія недопустимости малѣйшей затраты сил на борьбу за власть между анти-большевистскими группировками, мы противодѣйствовать не станем, но просто скрестим руки и будем смотрѣть, как Сибирское правительство будет банкротиться в сложной Уральской обстановкѣ: Урал — не Сибирь.

Этот отвѣт подѣйствовал. Гришин-Алмазов сразу сдал, и стал говорить уже об автономіи Урала под суверенитетом Омска.

Начались вновь пренія. Рѣшено было на слѣдующій день продолжить бесѣду.

На день позже Гришина-Алмазова прибыли эмиссары Самары: член Учредительнаго Собранія Былинкин и Боголюбов. В противоположность Гришину-Алмазову, они, пригласив меня и еще двух-трех членов нашей комиссіи, рѣзко поставили вопрос о безоговорочном подчиненіи Урала Комучу, не признавали никаких автономій, бросали нам на ряду с Омском обвиненія в сепаратизмѣ, и, наконец, поставили вопрос: «а какія у вас реальныя силы, чтобы воспрепятствовать нам взять здѣсь власть?».

Я невольно разсмѣялся, и вынужден был объяснить, что они задают буквально тот-же вопрос, что только что задавал Гришин-Алмазов, но с той разницей, что в его устах это не звучит комично, в то время, как Самара не располагает в Екатеринбургѣ ни одним штыком больше, чѣм, я, например: оба ни одного в своем распоряженіи не имѣем.

Бесѣда с Былинкиным и Боголюбовым сразу опредѣлилась, как безцѣльная. Болѣе неудачнаго выбора даже Комуч не мог сдѣлать. Казалось бы, раз они знали, что Екатеринбург занят опредѣленно враждебным им Омском, идущим все таки на автономію Урала под его суверенитетом, то, отдавая себѣ малѣйшій отчет о серьезной экономической связи Урала с Сибирью и в положеніи вообще, они должны были бы нам содѣйствовать, чтобы Урал хоть от этого суверенитета отдѣлался. Но не тут то было. Они знали только одно: «мы не позволим, мы не допустим».

От нашего приглашенія принять участіе в предстоявшей в тот же день бесѣдѣ представителей общественности с Гришиным-Алмазовым они отказались; они остались тверды: «ни автономнаго, ни независимаго правительства Урала Комуч признавать не станет».

На этом бесѣда наша с представителями Комуча и закончилась. Даже эс-эры, бывшіе вмѣстѣ со мной, должны были признать, что с Комучем нам ни к какому соглашенію не притти.

Возобновившаяся бесѣда с Гришиным-Алмазовым закончилась на том, что вопрос в цѣлом переносится на обсужденіе Сибирскаго правительства в Омск, куда немедленно уѣзжает Гришин-Алмазов.

4.

Обсужденіе вопроса о созданіи областного правительства не отвлекало меня всецѣло.

Организовалась городская дума, которой мнѣ, как гласному, приходилось отдавать много вниманія, так как все городское хозяйство было нарушено и разрушено. Приходилось отдавать время пропагандѣ усиленія кадров добровольцев, в чем мнѣ усердно помогал капитан Зубов, (подававшій по своим способностям большія надежды, одно время впослѣдствіи игравшій роль при адмиралѣ Колчакѣ, но затѣм свихнувшійся в Омской обстановкѣ).

Приходилось подогрѣвать общественность, у которой энтузіазма в помощи арміи хватило счетом на нѣсколько дней, и которая начинала остывать по мѣрѣ того, как энтузіазм все болѣе задѣвал интересы кармана.

Тѣ самые торгово-промышленники, которые находили, что большевики уже не так страшны и что с ними можно в концѣ концов договориться, когда им удавалось уговорить комиссара удовольствоваться 80.000 рублей вмѣсто 100.000 «контрибуціи», ахали и охали, когда им приходилось раскошеливаться на 10.000 в пользу освободившей Урал арміи.

Еще и опять давать! Этого им не хотѣлось.

В Екатеринбург пріѣхали Аргунов и Павлов, а с ними и «бабушка русской революціи» Брешко-Брешковская.

Мнѣ пришлось тут встрѣтиться с нею впервые. По первому знакомству она на меня произвела впечатлѣніе самое среднее. Дальнѣйшее знакомство с нею, однако, показало мнѣ, что репутацію свою она вполнѣ заслужила. В этом мнѣ пришлось убѣдиться в особенности позднѣе, на Государственном Совѣщаніи в Уфѣ. Там она высказала здоровый, трезвый ум, и можно только пожалѣть, что у очень немногих из эс-эров он построен так, как у нея.

Вѣсти, привезенныя Аргуновым и Павловым из Омска были малоутѣшительны-

ми. Как всегда в жизни, или идут вперед, или идут назад: на мѣстѣ не стоят. Омск шел назад. Печать была стѣснена; начинались злоупотребленія с казенным сундуком.

Всѣ их свѣдѣнія подкрѣпляли необходимость ускорить организацію областного правительства.

Ускоренія рѣшенія вопроса о власти на Уралѣ требовала вся обстановка.

Я уже говорил, что с уходом большевиков на руках казны осталась масса заводов. Справиться с этим дѣлом весьма упрощенному управленію при начальникѣ гарнизона, хотя при нем и был создан кое как сколоченный временный совѣт, было, конечно, не под силу. Начальник гарнизона генерал Голицын, смѣнившій полковника Шереховскаго (повидимому, впавшаго в немилость за допущеніе созданія комиссіи по организаціи областного правительства), понимал это, но был мало настроен в пользу созданія областного правительства.

Со дня отъѣзда Гришина-Алмазова прошло нѣсколько дней. В срок обѣщаннаго из Омска отвѣта не было.

Я вызвал предсѣдателя Сибирскаго правительства, Вологодскаго, к прямому проводу. Из разговора выяснилось, что он пришел к проводу, прервав засѣданіе правительства, в котором как раз разрѣшается интересующій нас вопрос, при чем Вологодскій сообщил мнѣ ряд уже принятых положеній. Из них вытекало, что рѣчь идет о назначеніи Омском правительства Урала в намѣченном составѣ.

Я разъяснил Вологодскому, что об этом рѣчи быть не может, что рѣчь идет о добровольной передачѣ власти на Уралѣ независимому от Омска правительству.

Вологодскій указал тогда, что, очевидно, произошло недоразумѣніе во взаимном пониманіи, которое он постарается устранить.

Несмотря на это, Сибирское правительство рѣшило, повидимому, поставить нас перед совершившимся фактом: через пару дней мы получили телеграммой указ о назначеніи правительства Урала в намѣченном нами составѣ. Мы рѣшили отказаться. Создавалось самое нелѣпое положеніе.

Не помню, по чьей иниціативѣ, было созвано совѣщаніе у англійскаго консула Престона. В нем приняли участіе, кромѣ Престона, французскій консул, маіор Гинэ, полковник (впослѣдствіи генерал) Войцеховскій, командовавшій тогда чешскими войсками, оперировавшими на Уралѣ, Аргунов, Павлов, Брешко-Брешковская и состав намѣчавшагося правительства.

«Союзники» настаивали на образованіи независимаго от Омска и Самары правительства. Мы ставили это в зависимость от согласія Омска; указывали мы также и на то, что было бы желательно достигнуть соглашенія и с Самарой, так как наша задача — достигнуть соглашенія всѣх сторон и созданія центральной власти. Послѣ детальнаго обсужденія вопросов, представителями «союзников» нам было заявлено, что независимое от Самары и Омска правительство Урала должно быть организовано, и что улаженіе отношеній наших с Самарой и Омском они берут на себя.

Из Омска прибыл министр финансов И. А. Михайлов.

Юный министр,*) как всегда живой и жизнерадостный, находил, что происшедшее — простое недоразумѣніе: надо только сговориться в том, что наиболѣе существенно для обѣих сторон.

Послѣ долгих переговоров, мы пришли к тому, что управленіе путями сообщенія на Уралѣ мы, впредь до образованія центральной власти, передаем Сибирскому правительству, при условіи назначенія управляющаго желѣзными дорогами Урала по взаимному соглашенію с нами. Обѣ стороны обязуются не дѣлать различія между населеніем Сибири и Урала при распредѣленіи своих продуктов, не облагать вывозной пошлиной, вообще говоря, жить в дружбѣ.

Спорным у нас оставался вопрос относительно территоріи.

Два земледѣльческих зауральских уѣзда, Камышловскій и Шадринскій, географически и по всему их укладу жизни относящихся к Сибири, но входившіе в состав

*) Когда я как то спросил И. А. Михайлова, сколько ему лѣт, он мнѣ отвѣтил: «Я этого никому не говорю, так как боюсь, что, если узнают, то наш курс еще больше упадет».

Пермской губерніи, были заняты Сибирским правительством задолго до Екатеринбурга. Как во всѣх мѣстах, занимаемых Сибирской арміей, в Камышловѣ и Ирбитѣ была отобрана подписка от самоуправленій о том, что они признают над собой власть Сибирскаго правительства.

Теперь Михайлов, ссылаясь на такое «волеизъявленіе» населенія, отказывался от передачи этих уѣздов, впредь до выясненія их окончательной воли. Включеніе этих уѣздов, при условіи «назначенія» правительства Урала, он объяснял тѣм, что тогда мы были бы правительством «вассальным», и эти уѣзды оставались бы под «суверенной» властью Омска.

Были еще кое какіе спорные вопросы второстепеннаго характера.

Но надо было спѣшить, как по мотивам экономическаго свойства, так и потому, что Государственное Совѣщаніе в Челябинскѣ приближалось (21-го или 22-го августа); мы были заинтересованы имѣть в нем голос в качествѣ правительства, и Омск был заинтересован, чтобы мы голос в нем имѣли. Мы махнули рукой на мелкія разногласія и пришли к соглашенію. В частности, порядок вступленія Вр. Областного Правительства во власть был установлен такой: правительство прокламирует свое вступленіе путем деклараціи и одновременно с ним появляется «поздравленіе» по сему случаю от Сибирскаго правительства. Это поздравленіе было нам вручено Михайловым до появленія нашей деклараціи.

Декларація наша была подписана 19-го августа. Она содержала всѣ положенія программы, выработанной комиссией по организаціи областного правительства, и, сверх того, заявленіе о приступѣ правительства к разработкѣ избирательнаго закона в Уральскую областную думу, которой вр. правительство передает власть.

Члены правительства были одновременно и «главноуправляющими» вѣдомствами.

Портфели были распредѣлены: торговли и промышленности — П. В. Иванов (предсѣдатель правительства), юстиціи — Н. Н. Глассон, внутренних дѣл — Н. В. Асейкин, земледѣлія и государственных имуществ — А. В. Прибылев, труда — П. В. Мурашев, горных дѣл — А. Е. Гутт. На мою долю (замѣстителя предсѣдателя правительства) выпало вѣдомство финансов, от котораго всѣ отбояривались всѣми силами.

Декларація была сдана в печать, и вечером распубликована.

Происходило первое наше засѣданіе в качествѣ правительства, обсуждались и утверждались первыя назначенія.

Во время засѣданія меня вызвали. Со мной экстренно желал повидаться Н. П. Чистосердов, завѣдывающій гражданской частью при начальникѣ гарнизона. Как сотоварищ по партійному комитету, он настоятельно совѣтовал немедля переговорить с генералом Голицыным, предложив ему, как начальнику формируемой Уральской дивизіи горных стрѣлков, стать во главѣ военной части правительства Урала.

Еще до выхода деклараціи, в тот же вечер, мы с П. И. Ивановым посѣтили генерала Голицына и сдѣлали ему соотвѣтствующее предложеніе.

Принципіально генерал не возражал, но указал на то, что ему далеко не безразлично, в каком вѣдомствѣ и на каком положеніи будет у нас военная часть.

Одобряя наше подчеркнутое нежеланіе имѣть свою армію, как нѣчто постоянное, он указывал, однако, что проектировавшійся нами военный отдѣл при вѣдомствѣ внутренних дѣл для военных непріемлем психологически: будет впечатлѣніе, что армія несет полицейскія функціи.

Мы не могли с этим не согласиться, и было рѣшено, что этот вопрос будет совмѣстно обсужден.

Печатные экземпляры деклараціи я получил, что называется, на ходу. Мнѣ нужно было быть пораньше в Челябинскѣ, до открытія Государственнаго Совѣщанія, и я пользовался тѣм, что в этот вечер туда выѣзжал И. А. Михайлов, предоставившій мнѣ мѣсто в своем вагонѣ.

Имѣя право участвовать в Совѣщаніи, как член Учредительнаго Собранія и предвидя возможную необходимость участія в нем в качествѣ представителя Ц. К. партіи ка-дэ, я рѣшил имѣть руки развязанными и в делегацію правительства Урала не входить.

ГЛАВА XV.

В Челябинскѣ.—В. Н. Пепеляев и директивы Ц. К.—Авксентьев и Моисеенко.—Тренія между правительствами Урала и Сибири.—Настроенія перед Гос. Совѣщаніем.—Омск и чехи.—Открытіе Гос. Совѣщанія.—Заявленіе Комуча о непризнаніи Правительства Урала. Согласительная комиссія. Признаніе прав „правительств".—Обостреніе отношеній между чехами и Омском.

1.

По пріѣздѣ моем 20-го августа в Челябинск, оказалось, что кромѣ Аргунова и Павлова на лицо были члены Союза Возрожденія Авксентьев, Моисеенко и В. Н. Пепеляев.

Встрѣча с Пепеляевым, членом нашего Ц. К., с одной стороны меня обрадовала, с другой — опечалила. Пепеляев выѣхал из Москвы мѣсяцем позже меня. Он, значит, привез и болѣе позднія инструкціи. По его словам, Ц. К. совершенно опредѣленно стал на точку зрѣнія, что внѣ диктатуры никакого выхода нѣт, и что в этом направленіи и должны быть приложены всѣ усилія.

Это меня крайне удивило, так как при мнѣ, как я уже упоминал, таких рѣшеній не принималось. Пришлось приписывать это тому небольшому остатку Ц. К., который не уѣхал из Москвы. Отчасти приходилось относить такую крайне - рѣзкую постановку и к личности Пепеляева.

Близки мы с Пепеляевым никогда не были. Он с давних пор — стоял на ультра - правом крылѣ партіи, в то время как я был на лѣвом. Гибкостью Пепеляев никогда не отличался, был крайне прямолинеен, держался всегда угрюмо—молчаливо. Все это мало располагало к общенію с ним при кратковременных моих наѣздах из Екатеринбурга в Петроград: находились люди поближе. За время моего послѣдняго полугодового пребыванія в Москвѣ и участія вплотную в работах Ц. К., Пепеляев был в нем, повидимому, мимоѣздом, всего один раз. Отзывы о Пепеляевѣ сотоварищей, знавших его ближе, были, как о человѣкѣ прямом, чрезвычайно искреннем. Пребываніе его, по назначенію Вр. Правительства, в началѣ революціи комиссаром Кронштадской крѣпости прошло для него не даром. Он был арестован матросами, просидѣл около двух недѣль в казематѣ, имѣя всѣ основанія опасаться за свою жизнь, пока Вр. Правительству не удалось, с большим трудом, его выручить. Правый до этого, он вышел из Кронштадта архиправым, с, что называется, налитыми кровью глазами. Ненависть, слѣпая ненависть, к большевикам застилала у него все. С этой ненавистью в нем могло только соперничать его презрѣніе к массам, которыми он считал возможным легко распоряжаться при помощи насилія, диктатурой.

При мнѣ, один на один, Пепеляев не очень отмежевывал от большевиков и соціалистов, несмотря на то, что он входил в состав Союза Возрожденія. Искреннія симпатіи его были на сторонѣ Національнаго центра, в котором он также состоял членом.

Враждебность Пепеляева к соціалистам сквозила на каждом шагу. Он мало сдерживал ея проявленіе. Так, в день моего пріѣзда в Челябинск, мы, всѣ возрожденцы, пошли завтракать на верандѣ в загородном саду мѣстнаго клуба. И даже тут за завтраком, Пепеляев, отлично зная, что Аргунов, Павлов, Авксентьев и Моисеенко не большіе поклонники Комуча, чѣм он, не находил болѣе благодарной темы, чѣм обрушиваться за Комуч на всѣх соціалистов вообще.

Чувствовалось, что Пепеляев чуть не ищет ссоры. Чувствовалось, что так или иначе Пепеляев старается отмежеваться от сотоварищей по Союзу Возрожденія. Особенно ярко это бросилось в глаза всѣм нам в концѣ завтрака. «Бабушка», быв-

шая в саду, прислала всѣм нам по георгинѣ. По тому, как Пепеляев вслѣд за нами вдѣвал цвѣток в петлицу, чувствовалось, что он это дѣлает, как бы преодолѣвая себя. Офицер, принесшій нам цвѣты, предложил нам немедленно по окончаніи завтрака снять нашу группу. Только что мы кончили завтрак и стали переходить на скамейку в саду, чтобы сняться, как Пепеляева и слѣд простыл. Мы это оцѣнили, как явное уклоненіе от возможно вреднаго в будущем «вещественнаго доказательства».

Настроенія у Пепеляева и меня были явно различны. Хотя я имѣл от Ц. К. опредѣленныя порученія на Востокѣ, я, посовѣтовавшись с возрожденцами, рѣшил предложить Пепеляеву, как выѣхавшему позднѣе меня из Москвы, быть представителем партіи Народной Свободы на государственном совѣщаніи. На меня же возрожденцы возложили оффиціальное представительство в нем Союза Возрожденія. Это давало мнѣ возможность участвовать в самом важном органѣ совѣщанія, в согласительной комиссіи, куда, как мы ожидали, не попадет представитель правительства Урала, право на существованіе котораго Самара оспаривала. Надо было защищать его, это прямое дѣтище Союза Возрожденія.

С Авксентьевым и Моисеенко я встрѣчался впервые. Оба на меня произвели симпатичное впечатлѣніе, которое я сохранил по сей день. Если нѣкоторые политическіе дѣятели теряют при личном знакомствѣ, то, надо сказать, Авксентьев, наоборот, теряет много при публичных его выступленіях. В них много аффектированности, ни к чему не нужной, и Авксентьев много выигрывал бы, если бы он в своих дѣйствіях в качествѣ оффиціальнаго лица оставался тѣм же, чѣм он является в частной жизни.

Он, вѣроятно, боится своей прирожденной простоты и маскирует ее невыгодной для себя аффектированностью. Моисеенко (похищенный впослѣдствіи неизвѣстно кѣм в Омскѣ и пропавшій без вѣсти) отличался изумительной добротой и мягкостью характера, что ярко бросалось в глаза при первом взглядѣ на него. И трудно вѣрилось, что этот безусловно добрѣйшій души человѣк мог быть раньше одним из весьма энергичных террористов. Оба, и Авксентьев и Моисеенко, были людьми глубоко національно настроенными, и нужна была такая своеобразная эпоха, как Омскій період русской исторіи, чтобы один оказался за бортом, а другой «пропал без вѣсти».

2.

На слѣдующій день по прибытіи в Челябинск я получил телеграмму от предсѣдателя правительства Урала, в которой он сообщал, что вслѣд за выходом нашей деклараціи Голицын вывѣсил объявленіе, что его полномочія остаются в силѣ, что на двадцать пятое августа Сибирское правительство объявляет мобилизацію, включая в нее территорію Урала, о чем предупреждает генерал Голицын, что по этому необходимо потребовать от Михайлова выполненія соглашенія, по которому Уральская Дивизія переходит к правительству Урала, и отмѣны приказа Голицына, и что, наконец, необходимо поставить на разрѣшеніе в срочном порядкѣ в государственном совѣщаніи вопрос о назначеніи верховнаго главнокомандующаго арміей.

Я обратился к Михайлову. Отвѣт я получил от него самый успокоительный и рѣшительный: раз он вошел в соглашеніе, то все будет выполнено; он немедленно телеграфирует Гришин - Алмазову. Так как я выразил нѣкоторый скептицизм, то Михайлов мнѣ заявил: «Вы меня еще мало знаете. Будущее вас убѣдит, что мое слово исполняю всегда не только я, но исполняют и другіе, если я это слово дал» (будущее, к сожалѣнію, не показало мнѣ случаев исполненія Михайловым его обѣщаній).

Телеграмма, полученная в отвѣт от Гришина, гласила, что он будет сам на слѣдующій день в Челябинскѣ и там переговорит. Это не обѣщало ничего хорошаго. Я вызвал к прямому проводу П. В. Иванова. Он объяснил мнѣ, что положеніе создалось крайне трудное: с одной стороны отложить мобилизацію невозможно, с другой стороны правительство Урала еще не имѣет своего аппарата для этой цѣли. Поэтому правительство видит выход или в изданіи своего указа одновременно с указом Сибирскаго правительства с объясненіем населенію, что мобилизація производится Омском исключительно из - за от-

сутствія своего аппарата, или, что лучше, — в изданіи совмѣстнаго указа с Омском

Об этом он просил меня столковаться с Михайловым и Гришин-Алмазовым. Что касается вопроса о срочном назначеніи верховнаго главнокомандующаго, то это необходимо потому, что Голицын подчинен корпусному командиру, а тот сибирскому военному министру; с назначеніем главнокомандующаго, Уральская Дивизія могла - бы быть подчинена непосредственно ему, как отдѣльная часть.

К сожалѣнію, я не мог обнадежить П. В. Иванова в возможном успѣхѣ. Телеграмма Гришина — Алмазова, как я уже говорил, не обѣщала ничего хорошаго, а о постановкѣ в срочном порядкѣ вопроса о верховном главнокомандующем не могло быть и рѣчи. Не таковы были настроенія съѣхавшихся делегатов на открывавшееся на слѣдующій день Государственное Совѣщаніе.

За нѣсколько дней до оффиціальнаго объявленія об образованіи правительства Урала мы командировали в Самару в качествѣ уполномоченнаго одного из членов комиссіи по организаціи правительства, эсераА. А. Кощеева. Теперь он пріѣхал в поѣздѣ Комуча. Столковаться с Комучем ему не удалось. В Самарѣ его водили за нос, откладывая со дня на день пріем. Ему еле - еле удалось немного поговорить с членами Комуча по пути в поѣздѣ. Они и слышать не хотѣли о правительствѣ Урала: оно было для них вассалом сибиряков - сепаратистов. Они заявляли, что не согласятся на допущеніе делегаціи правительства Урала к участію в Государственном Совѣщаніи. Упоенные побѣдой, недавним (пятаго августа) взятіем Казани и золотого запаса (хотя это было произведено самовольно лицами, преданными за это самоволіе военно - полевому суду), Самарцы чувствовали себя хозяевами положенія.

С другой стороны Сибирское правительство было мало склонно признавать правительства «Башкиріи», «Алаш - Орды», «Національнаго управленія тюрко - татар внутренней Россіи и Сибири», правительства, поддерживаемыя Комучем.

Престояло установить на Г. Совѣщаніи: 1) кто имѣет окончательное право на участіе в нем; 2) конституцію самого Государственнаго Совѣщанія и, наконец, 3) мѣсто, гдѣ оно в окончательном видѣ должно собраться. Все это в значительной мѣрѣ зависѣло от двух боровшихся за гегемонію сил — Самары и Омска. О назначеніи при таких условіях верховнаго главнокомандующаго и передачѣ ему реально всѣх вооруженных сил борющихся взаимно группировок нечего было, конечно, и думать.

С Гришиным - Алмазовым я встрѣтился на слѣдующій день утром в Народном Домѣ, отведенном для государственнаго совѣщанія.

— Желаете — ли вы жить в дружбѣ с нашим правительством, спросил он меня.

— Несомнѣнно, отвѣтил я, так как правительство Урала задалось цѣлью жить в дружбѣ со всѣми остальными правительствами в цѣлях объединенія Россіи.

— Скажите два слова, и ваше правительство будет с нами, как у Христа за пазухой.

— Что именно?

— Скажите, что вы с нами против чехов.

— Я на это своим правительством не уполномочен, но объясните мнѣ, почему это нужно, и я снесусь с Екатеринбургом.

В это время кто - то подошел, и наш разговор прервался. Гришина-Алмазова, видимо, мой отвѣт не удовлетворил и он больше к нему не возвращался. Не находил нужным возвращаться к нему и я.

Обостреніе отношеній с чехами в то время имѣло, на мой взгляд, мало основаній. Скорѣе всего в основѣ лежала, во-первых, ревность, так как чехов населеніе больше чествовало, чѣм сибиряков, во-вторых, то, что чехи довольно свободно распоряжались «военной добычей», присваивая ее почти исключительно себѣ. Но нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что чехи в то время были в первых рядах, что естественно отдавало в их руки «военную добычу» и их первых, обычно, встрѣчало избавленное от большевиков населеніе.

Возможно, конечно, что в отношеніях Омска к чехам играло роль то обстоятельство, что симпатіи чехов были на сторонѣ эсеров и Комуча. Но тут надо было учитывать психологію чехов — солдат, с которыми их верхи не могли не считаться (в добровольческой арміи, в которой сол-

дат обращается к главнокомандующему «брате генерале» это было, естественно, неизбѣжно). Правительство Урала сильно учитывало эту сторону дѣла. Так, Павлу несомнѣнно сочувствовал правительству Урала. Тѣм не менѣе он не случайно, я увѣрен, отсутствовал в совѣщаніи в Екатеринбургѣ при созданіи его, предоставив это дѣло Войцѣховскому. На оффиціальное сообщеніе об образованіи правительства Урала, поздравленія Національнаго Совѣта не было получено, хотя Павлу увѣрял меня, что оно было послано. Мы учитывали положеніе и считали необходимым в интересах дѣла миролюбивыя отношенія и учет обстановки.

Возможно также, что отношеніе Омска к чехам было лишь отвѣтным. Чехи опредѣленно вѣрили в сепаратизм сибиряков. «Нам нужна великая Россія — она одна может в будущем быть нам помощью — и совершенно не нужна великая Сибирь», говорил мнѣ Павлу. А что Омск давал поводы к такой подозрительности, видно из того, что позднѣе товарищ министра иностранных дѣл Сибири, Головачев, как то при чехах высказал мысль: «что такое теперь Россія, мы не знаем, а что такое Сибирь, мы знаем». И это вызвало сильные протесты чехов и оффиціальныя извиненія Вологодскаго.

Как бы то ни было, борьбу с чехами я опредѣленно считал в тот момент ни на чем не основанной и крайне вредной, и, в ожиданіи продолженія бесѣды со мной на эту тему Гришина-Алмазова, пока в Екатеринбург ничего не сообщал. Но, как я уже сказал, Гришин-Алмазов к этой темѣ болѣе не возвращался.

По поводу объявленной в Екатеринбургѣ мобилизаціи мнѣ добиться ничего не удалось. Гришин - Алмазов, с которым совмѣстно с Михайловым я увидѣлся позднѣе, заявил мнѣ, что указ Голицын обязан был распубликовать не позднѣе 23-го, что он не допускает, чтобы Голицын осмѣлился отсрочить его распубликованіе, значит он сегодня уже распубликован и говорить не о чем. Что касается взаимоотношеній Голицына с правительством Урала и приказа Голицына, то он сдѣлает ему внушеніе. Михайлов при нашем довольно рѣзком разговорѣ ежился, но на меня производило впечатлѣніе, что разыгрывается комедія.

Михайлов и Гришин - Алмазов были уже не тѣ, что мѣсяц тому назад, когда первый был очень скромен, а второй с горечью разсказывал мнѣ, как, призванный на войну, он должен был промѣнять перо журналиста на меч воина и с каким удовольствіем он вновь вернулся бы к перу. Теперь это были молодые люди, вкусившіе власть и уже весьма цѣнящіе ее, как нѣчто самодовлѣющее.

Слѣдующій день принес мнѣ телеграмму о том, что двадцать третьяго неожиданно для правительства Урала оказался расклеенным указ Сибирскаго правительства, что Голицын объяснял оплошностью своего подчиненнаго, предлагая объявленія содрать. Правительство Урала однако на это не пошло и предпочло во имя интересов дѣла проглотить пилюлю и выпустить слѣдом свой указ, поддерживающій указ Сибирскаго правительства.

3.

В ожиданіи открытія засѣданія Государственнаго Совѣщанія, я наткнулся в кулуарах на члена Учредительнаго Собранія В. М. Зензинова.

Мы были издавна знакомы, хотя и не близко, но достаточно знали друг про друга, и я имѣл извѣстное основаніе расчитывать на то, что он к моим заявленіям отнесется с полным довѣріем.

Зензинов, хотя и не принадлежал, как эс-эр, к типу Аргунова и Авксентьева, а уклонялся влѣво и был болѣе радикален и правовѣрен, привлекал меня той личной безукоризненной чистотой, которой не станут отрицать за ним самые крайніе его политическіе противники: личная репутація Зензинова слишком твердо установлена.

Зензинов не мог не пользоваться большим вѣсом в Комучѣ, и я счел нужным ознакомить его со всѣм тѣм, что дѣлало необходимым и неизбѣжным образованіе правительства Урала. Я указал ему на необходимость воздѣйствовать на Комуч, чтобы Самара радикально измѣнила свое отношеніе к нам, чтобы отбросили всякую мысль о том, что мы и Омск одно и то же, и чтобы поняли, что не в интересах

Самары нас толкать туда, куда нас тянут, ибо в таком случаѣ обѣ силы, направленныя в одну сторону, неминуемо должны будут дать опредѣленный, менѣе всего выгодный Самарѣ, результат.

Зензинов отвѣтил мнѣ, что вполнѣ вѣрит моим объясненіям, в дальнѣйшем сдѣлает все от него зависящее, чтобы сломать лед, но что сейчас сдѣлать что-либо нельзя, ибо уже рѣшено, что в первом же засѣданіи Самара рѣшительно заявит, что правительства Урала не признает.

Засѣданіе открыл от имени организаціоннаго бюро Аргунов, предложившій занять предсѣдательское мѣсто и открыть Совѣщаніе старѣйшему из участников Совѣщанія — Брешко-Брешковской.

Избранный президіум состоял из: предсѣдателя Авксентьева (Союз Возрожденія), товарищей предсѣдателя Роговскаго (Комуч) и Михайлова (Сибир. прав.) и секретарей Мурашева (прав. Урала) и Моисеенко (Союз Возрожденія).

Участниками совѣщанія были намѣченные нами на предварительном совѣщаніи в Челябинскѣ (16 іюля). В качествѣ почетных членов Совѣщанія участвовали: французскій консул Буаяр, англійскій — Престон и предсѣдатель чехо-словацкаго Національнаго Совѣта Павлу.

Первое засѣданіе Государственнаго Совѣщанія, послѣ торжественных рѣчей, было объявлено закрытым, и, может быть, непосвященным казалось, что в нем творились дѣла необычайной государственной важности. В дѣйствительности же общія собранія никакой роли не играли и в дальнѣйшем они были открытыми. Все перешло в руки согласительной комиссіи, гдѣ руководители групп, по взаимному соглашенію, рѣшали все настолько, что в пленумѣ оставалось только всѣм «единогласно», без дебатов, подымать руки.

В частности, в первом засѣданіи, в закрытой его части, рѣзко выступил против допущенія к участію в Совѣщаніи делегаціи правительства Урала представитель Комуча (насколько помню, Вольскій), но это, при отсутствіи посторонней публики, звучало не страшно, в особенности если учесть, что один из делегатов правительства Урала, Мурашев, уже сидѣл в составѣ президіума.

В конечном счетѣ было рѣшено, что в состав согласительной комиссіи пока войдут представители только тѣх организацій, против которых отвода ни с одной стороны не заявляется.

Наше опасеніе оправдалось: делегація правительства Урала пока не получала представительства в согласительной комиссіи.

К прискорбію Комуча, я попадал однако, в нее от Союза Возрожденія.

В первом же засѣданіи Государственнаго Совѣщанія была установлена и программа его работ, о которой я уже говорил.

Предсѣдателем согласительной комиссіи был избран Ф. З. Чембулов (Ц. К. партіи Н. С.), товарищем его — В. Н. Пепеляев (Ц. К. партіи к.-д.).

Как курьез вспоминается мнѣ инцидент между ними. Выступая по одному из вопросов, Чембулов сослался на слова «товарища Пепеляева». И вдруг раздается стук кулаком по столу, и Пепеляев рѣзко заявляет: «покорнѣйше прошу по моему адресу подобных выраженій не употреблять».

Первым вопросом, остановившим вниманіе комиссіи, был, естественно, вопрос об окончательном составѣ участников Государственнаго Совѣщанія.

Какія «правительства» имѣют «право» участвовать в нем?

Самара и Омск были, конечно, внѣ спора: свое право они несли на концѣ мечей своих.

Был, однако, ряд и других правительств, из которых одни, как правительство Урала, не имѣли или не желали имѣть отдѣльнаго меча, или, как правительство весьма отдаленной Эстоніи, не могли оказывать на мѣстѣ никакого вліянія.

Были правительства явно вассальныя или полувассальнаго характера, как Сибирскаго казачьяго войска, признавшаго себя подчиненным Сибирскому правительству, или, как Оренбургскаго казачьяго войска, бывшаго в матеріальной зависимости от Комуча.

Вопрос о правительствѣ Урала рѣшился гораздо проще, чѣм я того ожидал.

Объясненія допущенной для дачи их делегаціи правительства Урала, довольно подробныя, произвели гораздо меньше впечатлѣнія, чѣм очень краткій аргумент представителя Сибирскаго правительства, генерала Иванова-Ринова: «я сам не в восторгѣ от образованія правительства Урала; но наши отношенія с Самарой таковы, что, если этого буфера между нами не будет, то вооруженнаго столкновенія между Комучем и нами не избѣжать».

Аргумент оказался настолько сильным, что спорить больше не стали.

Не было особенно споров и о казачьих правительствах: и тут был главный аргумент — аргумент реальной силы. Сильные споры шли вокруг національных правительств, как Башкиріи, Алаш-Орды и т. п. Их отстаивала Самара, доказывая, что они располагают весьма цѣнной в борьбѣ с совѣтской властью конницей. Возражала сильно Сибирь.

Будучи сторонником областной автономіи с правом на культурное самоопредѣленіе меньшинства, я был весьма далек от поддержки автономных, искусственно выдѣляемых из исторически сложившихся областей, частей по признаку той или другой народности. В частности, при выдѣленіи автономной Башкиріи, она врѣзалась бы самым недопустимым образом в Горнозаводскій Урал, нарушая цѣлость его, как единаго экономически организма.

Несмотря на это, я твердо стал на защиту требованій таких организацій на участіе в созданіи центральной власти. Я исходил из того, что нежизненныя автономіи, искусственныя, отвалятся естественным путем, а, пока, очередной задачей было созданіе центральной власти, опирающейся на возможно большее число так или иначе пользующихся на мѣстѣ довѣріем организацій. Мѣстныя «правительства» должны были, на мой взгляд, быть фундаментом будущей центральной власти, неизбѣжно не могущей сразу имѣть довѣріе не знающаго его населенія. Поэтому меня мало интересовала аргументація защитников того или другого правительства в пользу его прав, как и аргументація противников их. Мнѣ приходилось, таким образом, итти вразрѣз при голосованіях с Ивановым-Риновым, который вечером в день засѣданія комиссіи, в присутствіи Михайлова и Гришина-Алмазова, укорял в моем лицѣ правительство Урала в «неблагодарности».

В концѣ концов, вопрос об участіи тѣх или иных организацій был рѣшен болѣе миролюбиво, чѣм того ожидали: всѣ получили удовлетвореніе. Не вызвало возраженій и основное положеніе, принятое, как конституція Совѣщанія в дальнѣйшем: всѣ вопросы должны рѣшаться только единогласно, по взаимному соглашенію.

Иного рѣшенія быть, конечно, и не могло, если исключить воздѣйствіе какой либо силы. А это, в свою очередь, исключалось само собой при враждебности основных двух сил — Самары и Омска. Но вполнѣ понятно, что принцип единогласія рѣшеній не мог не быть огромным тормазом в работѣ.

Впервые нам пришлось его примѣнить при рѣшеніи вопроса о мѣстѣ засѣданій Государственнаго Совѣщанія. Самара приглашала к себѣ, сибиряки настаивали на Челябинскѣ, хотя и признавали неприспособленность этого города. Обѣ стороны не уступали. Делегаты других правительств раздѣлились. Каждый цѣнил разстояніе: каждому было важно быть ближе к своей резиденціи. Послѣ долгих препирательств и закулиснаго давленія «союзников», был достигнут компромисс: обѣ главных силы уступили; было рѣшено избрать для Государственнаго Совѣщанія город Уфу. Рѣшено было собраться в кратчайшій срок.

4.

Принятіе правительства Урала «в семью народов», имѣющих право на участіе в созданіи центральной власти, далеко еще не устраняло обостренных отношеній с Комучем. Правда, непосредственных границ с ним у нас не было, но необходимость сохраненія равновѣсія требовала того, что я предлагал самарским правителям: «за одну мою руку крѣпко уцѣпились и тянут; протягиваю вам другую, ухватите — иначе утянут». В частности, при тощей казнѣ, что мнѣ оставил Михайлов, я очень опасался попасть в финансовую зависимость от Омска. Но

самарскіе эсеры держали знамя высоко. Приходилось поэтому столковываться с другими болѣе разсудительными членами Комуча, не эсерами. Однако и у них сквозило подозрѣніе в особых, якобы, симпатіях Урала к Омску. В частности, не нравилось, что я живу в вагонѣ Михайлова.

Пребываніе в гостях у Михайлова и мнѣ доставляло мало удовольствія. Из сообщеній, привезенных мнѣ делегаціей правительства Урала, явствовало, что на соглашеніе с нами Омск пошел неискренно, что генерал Голицын ведет опредѣленную политическую игру, предписанную сверху. Личныя отношенія мои с Михайловым и Гришиным-Алмазовым сильно охладѣли, и я искал себѣ пріюта, что было не так просто. Случайно мнѣ повезло. Французскій консул рѣшил перемѣститься в вагон англійскаго консула и предоставить в мое распоряженіе вагон, в котором он пріѣхал. Я получил свою «территорію», что в то время, при отсутствіи классных вагонов в обычных поѣздах, было большим пріобрѣтеніем.

Предложеніе, сдѣланное мнѣ Гришиным-Алмазовым, быть вмѣстѣ против чехов, было лишь отзвуком рѣшительнаго выступленія экспансивнаго генерала-журналиста против не только чехов, но и «союзников» вообще. На банкетѣ, устроенном им в Челябинскѣ (ни делегація Союза Возрожденія, ни делегація правительства Урала приглашенія не получили), он выступил, как нам говорили, с рѣчью, крайне задѣвавшей представителей «союзников» (из-за чего сибирскому правительству пришлось очень скоро, по настоянію «союзников», совершенно удалить Гришина-Алмазова от дѣл). Не знаю в точности, что он говорил на банкетѣ. Знаю я со слов Павлу, что на другой день послѣ банкета, на который почему-то чехи не пошли, Гришин-Алмазов заявил лично Павлу: «если вам, чехам, у нас не нравится, то вы можете уѣхать». На это послѣдовал отвѣт Павлу: «я это знаю, что в политикѣ благодарности ожидать не приходится; когда мавр сдѣлал свое дѣло, он может уйти; но я считаю, что мы еще своего дѣла не сдѣлали, Россія нам нужна в наших интересах, а потому мы пока останемся, несмотря на ваше любезное предложеніе».

Обостреніе отношеній между чехами и Омском было для нас далеко не безразличным не только с точки зрѣнія всероссійской, но и мѣстной, областной. Фронт с большевиками был в то время на разстояніи не свыше верст ста от Екатеринбурга. Чехословацкій Національный Совѣт (игравшій в то время роль чешскаго правительства) имѣл резиденцію в Екатеринбургѣ. При остром конфликтѣ между чехами и Омском и при подавляющем превосходствѣ чешскаго гарнизона над сибирским, мы легко могли очутиться под чешским протекторатом взамѣн сибирскаго, под которым мы уже фактически очутились. А не хотѣлось, конечно, ни того, ни другого. Мы попали в положеніе, при котором приходилось лавировать. Об этом надо было думать тѣм болѣе, что не исключена была возможность, в крайнем случаѣ, и установленія при помощи чехов власти Самары.

До Государственнаго Совѣщанія оставалось двѣ недѣли. Но уже один опыт установленія по единодушному соглашенію мѣста совѣщанія показал мнѣ, что мы будем имѣть дѣло весьма затяжное. А тѣм временем армія у нас будет сибирская, отдѣлить же совершенно гражданское управленіе от военной власти в эпоху гражданской войны невозможно: всегда военная власть будет ссылаться на существованіе шпіонажа, у нея будет контр-развѣдка, и так или иначе она будет мало церемониться с конституціонными гарантіями граждан. Ждать при таких условіях чего-нибудь хорошаго при тѣх навыках, которые проявляло сибирское командованіе, да еще при подчиненіи начальника Екатеринбургскаго гарнизона другому правительству не приходилось. Я рѣшил поэтому попробовать изучить техническую сторону дѣла, чтобы дать себѣ отчет, как можно конкретно осуществить соглашеніе с Омском, по которому Уральская дивизія должна перейти к правительству Урала, не составляя, однако, отдѣльной арміи.

Задача оказалась не из легких, к каждый из спеціалистов, к которым я обра-

щался, рѣшал ее не по существу, а подходя со своей точки зрѣнія.

Первый, к которому я обратился, был пріѣхавшій позднѣе других член Союза Возрожденія генерал Болдырев. Он был еще свѣжим человѣком, подходившим ко всему исключительно со всероссійским масштабом, не был еще в курсѣ мѣстных дѣл и плохо понимал, зачѣм нужно какое то правительство Урала, да еще какая то отдѣльная дивизія. Знакомы мы были с В. Г. Болдыревым еле-еле. Чувствовалось, что хотѣлось ему отвязаться от щекотливаго вопроса. Отвѣт, который я от него получил, что дивизія — часть корпуса и должна быть его частью, меня не просвѣтил.

Направился я к командиру корпуса, которому был подчинен Голицын, к генералу Ханжину (впослѣдствіи военному министру адмирала Колчака). Приняв меня чрезвычайно радушно, Ханжин, повидимому, понял так, что я ищу участія его в дѣлѣ подчиненія правительству Урала Уральской дивизіи, и заявил мнѣ, что он солдат и что, если правительство Урала вздумает «дѣйствовать» в направленіи подчиненія себѣ дивизіи, то и он, при всем своем уваженіи и симпатіи, должен будет принять мѣры. Такая прямота мнѣ очень понравилась, но и она мнѣ не дала отвѣта на тот вопрос, который меня интересовал.

Рѣшил я тогда обратиться к третьему спеціалисту, к командующему чешской арміей, генералу Сыровому. У чехов не было своих офицеров-академиков, они дѣйствовали по кустарному, чѣм очень хвалились. Я рѣшил, что тут я найду рецепт спеціально приноровленный к нашему случаю. Рецепт я получил, и весьма оригинальный: «Всякій вопрос рѣшается исключительно смѣлостью. Посмотрите на меня: на войну я попал рядовым, а теперь я командующій арміей. Дѣйствуйте, вот и все».

Рѣшенія вопроса не нашлось. Я возвратился в Екатеринбург с сознаніем, что до созданія центральной власти нам не избѣжать тяжелаго процесса невидимой борьбы с Омском в отстаиваніи прав населенія.

ГЛАВА XVI.

Положеніе в Екатеринбургѣ —„Внѣшнія сношенія".—Отношенія населенія к правительству Урала.—Оскорбленіе „арміи".—Уральскій Промышленный Комитет—Омская „политика".—Протест Правительства Урала.

1.

Вечером 26 августа вернулся я из Челябинска в Екатеринбург и на слѣдующій день впервые оффиціально вступил в управленіе вѣдомством финансов. В мое отсутствіе меня замѣщал мой товарищ, В. А. Всеволожскій.

В. А. Всеволожскій по партійности был соціал-демократ, и факт его назначенія моим товарищем, является лишним подтвержденіем того, как мало считалось правительство Урала с партійностью. Нам нужны были дѣловые люди, и мы их имѣли.

Мои предчувствія в Челябинскѣ болѣе, чѣм оправдались. Сибирское правительство в лицѣ генерала Голицына, своего уполномоченнаго при правительствѣ Урала, С. С. Посникова, и других своих агентов, энергично работало над нашим дискредитированіем всякими способами в глазах населенія и сведеніем нашей власти на нѣт. В связи со всѣми нашими взаимоотношеніями, выяснившимися в Челябинскѣ, обстановка требовала немедленнаго созданія вѣдомства иностранных дѣл, включая в «иностранныя» дѣла и дѣла с нашими милыми сосѣдями, как Омск и Самара.

Не желая создавать отдѣльнаго вѣдомства (как подчеркнуло областное правительство) принципіально и не желая слѣдовать примѣру Самары и Омска, дѣйствительно относившихх сношенія с другими областями к «иностранным дѣлам», правительство 28 августа постановило: «Всѣ дѣла областного правительства Урала по вопросам внѣшних сношеній возложить на главноуправляющаго финансов».

Мнѣ дали в помощь для этих задач второго товарица. Новая миссія, как оказалось позднѣе, в значительной мѣрѣ вызывала отлучки из Екатеринбурга и отвлекала меня от непосредственной работы по управленію вѣдомством финансов. К счастью, в лицѣ В. А. Всеволожскаго я имѣл прекраснаго замѣстителя.

Вступленіе во власть правительства Урала, как я уже указывал, было произведено путем односторонняго акта — путем прокламированія. Всѣ партіи обезпечили ему свою поддержку. Но партіи, конечно, еще не населеніе. Как оно отнесется? Мы думали об этом не без нѣкоторой тревоги.. Но опасенія были напрасны. Мало по малу стали поступать привѣтствія с мѣст. Особенно нас обрадовало населеніе Кыштымскаго (чисто рабочаго) округа. Кыштым был занят сибирскими войсками много раньше Екатеринбурга, был уже под властью Омска, и Сибирь грозила рабочим лишеніем заводов денежных средств и налогом на продовольствіе, если они признают над собою власть правительства Урала. Несмотря на это, Кыштымскій округ пошел за нами.

Через дня два-три послѣ моего возвращенія в Екатеринбург, во время засѣданія правительства, к нам явилась депутація от Екатеринбургской городской думы привѣтствовать нас от ея имени. При этом депутація указывала, что населеніе смущено тѣм обстоятельством, что полномочія по охранѣ находятся в руках военной власти, не подчиненной нашему правительству, и что было бы крайне желательно измѣненіе этого порядка. Узнав из бесѣды с депутаціей, что засѣданіе думы продолжается, правительство, постановив благодарить думу, поручило мнѣ, как замѣстителю предсѣдателя, немедленно выполнить это.

Представлялся впервые случай высту-

лить публично от имени правительства. Передав думѣ его благодарность, я ознакомил ее в кратких чертах с результатами совѣщанія в Челябинскѣ, с нашими усиліями, направленными к возможно скорѣйшему созданію центральной власти, и выразил надежду на то, что вскорѣ она в Уфѣ будет создана, а правительство Урала будет в состояніи сузить свои задачи до чисто областных. Пока же необходимо потерпѣть и спокойно относиться к тому, что часть функцій гражданскаго управленія находится в руках военной власти, зависимой не от центральнаго, а Сибирскаго правительства. Нельзя не считаться с неизбѣжными слѣдствіями гражданской войны. «Однако, прибавил я, могу вас категорически завѣрить от имени правительства, что оно не допустит, чтобы в области гражданскаго управленія военная власть переходила границы строго необходимаго».

Моя рѣчь была передана в газетном отчетѣ не точно, в особенности послѣднія мои слова. Этим воспользовался генерал Голицын, чтобы поднять цѣлую бучу об оскорбленіи мною арміи. Не давая разгораться страстям, я письмом в редакцію газеты возстановил точно сказанное мною. Ход генерала Голицына пропал даром. Всѣм стало ясно, что «армію» приплели всуе. Мало того, поход, предпринятый против меня генералом Голицыным, принес существенную пользу: выяснилась полная солидарность в этом вопросѣ правительства. В моем письмѣ в редакцію позиція правительства была еще раз твердо повторена, и тѣ, кому это надлежало, приняли, повидимому, заявленіе к свѣдѣнію. На территоріи правительства Урала эксцессы власти если и были, то ничтожные, ничего общаго не имѣющіе с тѣм, что творилось в Сибири и позднѣе на Уралѣ, когда правительство Урала прекратило свое существованіе.

Чрезвычайно серьезным вопросом, которому мнѣ в это время пришлось удѣлить много вниманія, был вопрос о мѣрах к возстановленію промышленности Урала, понимая под этим весь Урал, не исключая мѣст, подвластных Омску и Комучу. Омск настолько хорошо понимал, что в этом отношеніи ему справиться не под силу, что тут он шел сам навстрѣчу, перегружая все дѣло цѣликом на нас.

Урал издавна в своей промышленности —большое единое хозяйство. Главное Управленіе уральских горных заводов в Екатеринбургѣ не только стояло всегда во главѣ всѣх казенных горных округов, но и имѣло надзор над посессіонными и частными округами. Раздѣл горнозаводскаго Урала между Самарой, Омском и Екатеринбургом был хозяйственной нелѣпостью, с чѣм и боролось правительство Урала, требуя объединенія его территоріи. Как иллюстрацію, укажу на обращеніе ко мнѣ (нѣсколько позднѣе, в Уфѣ) одного из окружных инженеров. В его округ входили часть Уфимскаго уѣзда (Комуч) и часть Златоустовскаго уѣзда (Омск), а подчинен он был — по старому, никѣм не отмѣненному закону — Главному Управленію в Екатеринбургѣ. Он никак не мог добиться, чьи же приказы для него дѣйствительны и от кого должен он получать жалованье. Горная промышленность на Уралѣ — его жизненный нерв. Поэтому в правительствѣ Урала был создан отдѣльный портфель Горных Дѣл, независимый от Торговли и Промышленности.

Выход из положенія был найден в созданіи, по соглашенію с сибирским правительством, Уральскаго Промышленнаго Комитета. «Положеніе» о нем в кратких чертах сводилось к слѣдующему:

Задача комитета — выработка общаго плана организаціи промышленности Урала, в цѣлях объединенія всѣх мѣропріятій по снабженію арміи и тыла, и принятіе мѣр к осуществленію этого плана.

Права комитету были предоставлены огромныя. В частности, он мог требовать от предпріятій принятія от него заказов, измѣненія планов работ предпріятій, измѣненія их техническаго оборудованія и внутренняго распорядка, устанавливать размѣр прибыли, твердыя цѣны на массовые продукты, нормы оплаты труда, милитаризовать предпріятія, устранять управляющих, назначать на их мѣсто других, опредѣлять категоріи, подлежащія освобожденію от призыва в войска. Одним словом, комитет был органом с огромной властью в области промышленности, ограниченным в нѣкоторых, особо

важных, из перечисленных прав согласіем правительства.

Комитет состоял из двух частей: общаго собранія и постояннаго бюро. Послѣднее рѣшало всѣ вопросы и приводило свои рѣшенія в исполненіе, докладывая в опредѣленные промежутки времени обо всем общему собранію. Общее собраніе, в случаѣ разногласія его с бюро, могло опротестовать его дѣйствія перед правительством.

Во главѣ бюро и общаго собранія стоял наш горный министр. В состав бюро, кромѣ него, входило четыре члена, назначаемых правительством Урала по соглашенію с Омском, один, назначаемый Омском с согласія правительства Урала и представитель нашего вѣдомства труда. Одно мѣсто предоставлялось Комучу, в случаѣ его согласія на это.

Общее собраніе включало, сверх состава бюро, ряд вѣдомственных представителей, главным образом, наших и частью сибирских, а также представителей общественных организацій, тѣсно связанных с промышленностью, от рабочих до промышленников.

Таким образом был создан быстро дѣйствующій, гибкій орган, оказавшійся вполнѣ жизнеспособным и явившійся прекрасным регулятором при налаживаніи разстроенной большевиками промышленности. Поэтому я и счел нужным подробнѣе на комитетѣ остановиться.

2.

Быстрое и благополучное разрѣшеніе вопроса об Уральском промышленном комитетѣ было возможно лишь благодаря тому, что Омск вынужден был поступиться «политикой» в пользу экономической необходимости.

Иначе обстояло дѣло там, гдѣ «политика» стояла на первом планѣ. Так, очень характерный для момента эпизод разыгрался на почвѣ открытія отдѣленія государственнаго банка в Шадринскѣ.

Распоряженіем временнаго правительства (Керенскаго) в Екатеринбург было эвакуировано Ревельское отдѣленіе государственнаго банка. С того времени весь штат его сидѣл без дѣла в Екатеринбургѣ, получая содержаніе. Учитывая это положеніе, я рѣшил использовать этот штат для открытія отдѣленія в Шадринскѣ, торговые круги котораго давно об этом хлопотали и отвели безплатное помѣщеніе. Я вызвал к себѣ управляющаго Ревельским отдѣленіем, Ждан — Пушкина (кажется, так) и поставил ему вопрос, как бы он отнесся к моему предположенію. Отвѣт я получил, что он относится к моему предложенію положительно, но должен мнѣ сказать, что аналогичное предложеніе он получил от Сибирскаго правительства, а потому просит два дня на размышленіе, от котораго из обоих правительств ему поѣхать открывать отдѣленіе. Мнѣ не оставалось ничего другого, как ждать.

Положеніе в Шадринском уѣздѣ создалось оригинальное: юстиція, просвѣщеніе, почтово - телеграфное дѣло и казначейство были правительства Урала, остальныя - же вѣдомства были в руках Сибирскаго правительства. Послѣднее, очевидно, торопилось закрѣпить свое положеніе созданіем своего отдѣленія Государственнаго банка.

Через два дня Ждан — Пушкин пришел с отвѣтом, что он окончательно столковался с Омском и ѣдет в Шадринск для открытія отдѣленія банка Сибирскаго правительства. Тогда я распорядился о сдачѣ им дѣл и цѣнностей Ревельскаго отдѣленія управляющему отдѣленіем в Екатеринбургѣ. На его возраженіе, что он отвѣчает за Ревельское отдѣленіе, а потому дѣла его должны перекочевывать с ним, я указал ему, что я не могу признавать экстерриторіальности Ревельскаго отдѣленія и перемѣщенія его по волѣ его управляющаго и выбору его между существующими восемью правительствами.

Постановленіем временнаго правительства отдѣленіе эвакуировано в опредѣленное мѣсто — в Екатеринбург, — а потому, не считая себя в правѣ задерживать персонал, я не могу разрѣшить вывозить из Екатеринбурга цѣнности и дѣла. Ждан — Пушкин согласился с моими доводами и заявил, что все сдаст. На слѣдующій день я узнал, однако, что он и часть персонала уѣхали в Шадринск, оставив все, но не сдав ничего. Я был в недоумѣніи, но скоро меня из него вывели.

Спустя короткій промежуток, уже будучи в Уфѣ, я получил извѣщеніе моего товарища, Всеволожскаго, что от генера

ла Голицына в Государственный банк явился отряд который насильно взял всѣ цѣнности и дѣла Ревельскаго банка и, погрузив их на грузовик, а затѣм в вагон, отправил в Шадринск. Еще через короткій промежуток я получил извѣстіе, что мѣрами, принятыми нашим Вѣдомством В. Д. вагон задержан чешской комендатурой на станціи Шадринск, и все доставлено обратно нам.

Так, в то время как мы всячески охраняли от взоров широкой публики разногласія между нами и другими правительствами, Сибирское правительство не останавливалось перед самыми грубыми пріемами, расшатывавшими всякій престиж власти в глазах населенія. Оно, в своих узко эгоистических стремленіях, не останавливалось буквально ни перед чѣм.

29-го августа оффиціальное телеграфное агентство Сибирскаго правительства оповѣстило о состоявшемся соглашеніи между правительствами Сибири и Урала о том, что управленіе Шадринским и Камышловским уѣздами принадлежит Сибирскому правительству. Это было настолько грубой ложью, что, когда я обратился к представителю Сибири, Постникову, он заявил мнѣ, что впервые об этом от меня узнает. Между тѣм это сразу еще болѣе обострило отношеніе к нам Самары.

Одновременно вѣдомством В. Д. был получен доклад предсѣдателя Камышловской Земской управы, который между прочим писал:

«Проѣздом через Кыштым товарищем министра В. Д., Павловым, был вызван один из членов управы, которому было предложено немедленно обсудить и в срочном порядкѣ дать отвѣт, куда тяготѣет Кыштым. Если выяснится, что к Сибири, тогда финансировать и снабжать продовольствіем они сочтут своим долгом; в противном случаѣ они не считают себя обязанными. Предложеніе г. Павлова было внесено на обсужденіе чрезвычайнаго Земскаго Собранія, гдѣ выяснилось, что мѣстное населеніе тяготѣет к Уралу и обѣщает правительству Урала свое содѣйствіе и поддержку».

Результат такого постановленія не замедлил сказаться. Тот - же доклад об этом разультатѣ сообщал:

«Явился отряд продмилиціи из пятидесяти человѣк с приказом от имени Сибирскаго правительства строго слѣдить, чтобы предметы продовольствія ни при каких условіях не вывозились по направленію Екатеринбурга. Как по желѣзной дорогѣ, так и по грунтовым были выдвинуты заставы, которым вмѣнено в обязанность ничего не разрѣшать к вывозу из Кыштыма, даже краску. Весь задержанный товар, а в частности крупный рогатый скот, направляемый на Уфалей, Касли, Екатеринбург и т. д., первоначально заворачивался обратно в Челябинск, гдѣ реквизировался по твердым цѣнам, а впослѣдствіи сдавался Кыштымской управѣ, которая, не имѣя своих средств, вынуждена была заключить договоры со скотопромышленниками, чтобы они продавали мясо по пониженной цѣнѣ. Но этим управа обострила отношенія с сосѣдними самоуправленіями, так как скот, направляющійся к ним, благодаря заставам, продавался на Кыштымском рынкѣ, совершенно лишая их мяса. Предполагая, что такая задержка предметов продовольствія и скота происходит по распоряженію Кыштымской управы, они также отдали распоряженіе, чтобы к нам ничего не вывозилось, в частности сѣно, благодаря чему цѣны на ввозимые предметы из Каслей, Уфалея и других мѣст на Кыштымском рынкѣ сильно взвинтились и вызывают глухой ропот населенія».

Еще дальше доклад сообщал: «Считаю долгом добавить, что за послѣднее время на продукты, ввозимые из Сибири, накладывается пятьдесят процентов, что сильно отзывается на ввозѣ и взвинчиваніи цѣн, а грузы, идущіе с Урала в Сибирь и, в частности, из Кыштыма и Каслей в большом количествѣ литье и кустарныя издѣлія ничѣм не облагаются».

Так поступал Омск, только что вынужденный отказаться от вывозных пошлин в сторону Комуча. Так выполнялось Омском наше соглашеніе. Возмущеніе в правительствѣ Урала было полное. По его порученію я подробно написал обо всем Постникову, и письмо ему заканчивал:

«Совѣт временнаго областного правительства Урала обсудил в засѣданіи второго сентября создаваемое временным Сибирским правительством положеніе на

Уралѣ, и в результатѣ сужденій совѣта, прошу вас передать временному сибирскому правительству, что правительство Урала протестует против его образа дѣйствій на Уралѣ, как весьма вреднаго не только для Урала, но в конечном счетѣ для Россіи в цѣлом, и настаивает на немедленном переходѣ временнаго Сибирскаго правительства к образу дѣйствій в отношеніи Урала, соотвѣтствующему обѣщаніям министра финансов И. А. Михайлова при образованіи временнаго областного правительства Урала».

Моральное обличье Омска для нас вырисовывалось вполнѣ. За очень рѣзкое опредѣленіе, данное мною Сибирскому правительству в засѣданіи совѣта, я был призван к порядку предсѣдателем правительства. Я возразил на это просьбою сохранить мои слова в протоколѣ, «дабы будущій историк мог видѣть, что и нѣкоторые из современников ясно себѣ представляли, что методы дѣйствій Сибирскаго правительства поведут к краху антибольшевистской государственности».

Но, если предсѣдатель меня и остановил за рѣзкое слово, то это не значит, что со мной расходились по существу. Правительство отлично понимало, что не протестом, врученным Посникову, можно повліять на Сибирское правительство. Поэтому правительство поручило мнѣ сообщить довѣрительно письменно всѣм делегатам на Уфимском Государственном Совѣщаніи о создавшемся положеніи на Уралѣ и о наших взаимоотношеніях с Омском.

В Уфу я уѣзжал четвертаго сентября. И на этот раз я рѣшил не входить в делегацію нашего правительства, и воспользоваться моими правами члена Учредительнаго Собранія. Я хотѣл быть свободным, удѣляя свое время «внѣшним сношеніям», возложенным на меня.

ГЛАВА XVII.

Язык цифр.—В Уфѣ —Отсутствіе Сибиряков.—Взаимоотношенія „правительств".—Улучшеніе отношеній между Правительством Урала и Комучем.—Открытіе Гос. Совѣщанія.—„Спектакли".—„Болѣзнь" Пепеляева и мое положеніе.—Сибирская делегація —Деклараціи делегацій.—Омскій реализм.

1.

Путь от Екатеринбурга до Уфы мы совершили весьма быстро. От Челябинска мы шли экстренным поѣздом всего в составѣ двух вагонов: чешскаго и делегаціи правительства Урала. В пути между членом чешскаго Національнаго Совѣта, доктором Свободой и Боголюбовым (представителем Комуча в Екатеринбургѣ) завязался при мнѣ горячій спор о том, кто выносит наибольшую тяготу на фронтѣ с большевиками. Боголюбов, конечно, почти всю заслугу относил за счет Народной Арміи Комуча. Свобода оспаривал. Потеряв, наконец, терпѣніе, Свобода достал из ящика стола список воинских частей, как русских, так и чешских на отдѣльных участках фронта. Список был убійственным для Самары: всюду она неизмѣримо уступала по численности отрядов Оренбургскому казачьему войску. Боголюбов постарался замять разговор. Цифры мѣшали преувеличенію, а преувеличеніе было основой требовательности Самары и Омска.

Рано утром 6-го сентября мы прибыли в Уфу. Нас встрѣтил на вокзалѣ представитель бюро по организаціи совѣщанія и направил в «Сибирскую Гостиницу», гдѣ жило большинство делегатов и гдѣ происходили засѣданія Гос. Совѣщанія. На главной улицѣ шли приготовленія к торжеству, украшали дома флагами, через улицу шли ленты с надписями в честь Великой, единой, свободной Россіи и Учред. Собранія.

На двери отведеннаго мнѣ номера красовалась наклейка: «Кроль и Пепеляев». Нельзя сказать, чтобы это меня очень обрадовало.

Съѣзд делегатов заканчивался. Не было точных свѣдѣній относительно делегаціи Сибирскаго правительства. Были свѣдѣнія, что они, как будто, уже ѣдут, но были и мнѣнія, что они еще не ѣдут. Одни это объясняли опасеніем, возникшим в связи с недавно произошедшим недалеко от Уфы удачным прорывом отряда красных с Урала на юг, прорывом, вызвавшим немалую панику в Уфѣ. Другіе это объясняли умышленным затягиваніем дѣла образованія центральной власти.

Как бы то ни было, увѣренности в том, что центральная власть будет создана, далеко не чувствовалось. При таких условіях, вопрос об улучшеніи отношенія Самары к правительству Урала становился особенно важным. Нужно было разсѣять предубѣжденіе Самары против нас, как чего то аналогичнаго с Омском. Поэтому я рѣшил выполнить постановленіе правительства Урала, не теряя ни одного дня.

В первый же день пріѣзда я изготовил сборник документов, ярко рисовавших моральную физіономію Омска и взаимоотношенія между нами и Омском, и краткой меморандум, в котором сообщал, что ознакомленіе всѣх участников совѣщанія производится по постановленію правительства Урала, комментаріев же не дается потому, что они излишни. В тот же день все было напечатано в типографіи и к утру 7-го сентября вручено всѣм наличным членам совѣщанія.

Эффект сразу получился огромный. Когда я появился к утреннему кофе в столовую, служившую как бы нашим клубом, я встрѣтил со стороны отдѣльных «учредиловцев» совершенно новое отношеніе. С делегатами правительства Урала говорили в разных концах. Лед был растоплен.

А это было необходимо, так как взаимоотношенія, создавшіяся между правительствами страшно вредили общему дѣлу. Для иллюстраціи укажу на мои бесѣды с управляющим финансами Комуча, Раковым.

Встрѣтившись с ним, я спросил у него, почему он не отвѣтил на мою телеграмму, в которой я сообщал ему о своем распоряженіи оплачивать переводы отдѣленія Гос. банка Комуча и просил о взаимности.

— Благодарю вас за вашу изумительную любезность, отвѣтил он, но вы, конечно, сдѣлали такое же распоряженіе и относительно Омска?

— Разумѣется.

— Я так и понял, и потому распорядился, чтобы банки не принимали переводов на Урал и не оплачивали уральских.

— Почему?

— А потому, что этим путем будут пользоваться вами, как посредниками, для взаимных переводов между нами и Сибирью и обходить наше рѣшеніе не допускать денежных операцій с Сибирью.

Сколько я ни убѣждал Ракова сойти с этого гибельнаго для общаго дѣла пути, он не соглашался. Дайте слово, говорил он, что вы не допустите пользоваться вами, как посредниками, тогда в отношеніи Урала я свое распоряженіе отмѣню.

Другой вопрос, поднятый мной, был о бандеролях и гербовых марках. Я указал, что приступаю к их изготовленію в широком масштабѣ, пока-же мы сильно в них нуждаемся. А так как, по моим свѣдѣніям, Комуч захватил в Казани несчетное количество марок, бандероли, то я просил уступить мнѣ хоть немного. — Продадим с удовольствіем, отвѣчает Раков.

— А по какой цѣнѣ?

— Да по номинальной.

— Как по номинальной? Тогда вѣдь наше населеніе будет платить вам налоги, а чѣм мы будем покрывать наши расходы? — Не хотите, не надо. — Так лучше, чтобы населеніе нам совсѣм не платило налогов? — Это уж, как вам угодно.

На этот раз, однако, удалось урезонить, по крайней мѣрѣ на словах. Мы успѣли раньше изготовить марки и бандероли, чѣм получить их из Самары.

Проходит дня два. Встрѣчаю Ракова крайне раздраженнаго.

— Ну и с... же этот Михайлов, говорит он мнѣ Я только что с прямого провода. Мнѣ нужно платить войскам на фронтѣ. Кредиток у меня нѣт,а есть размѣнное серебро. Вот я и просил Михайлова дать мнѣ в обмѣн на тридцать милліонов серебра кредиток рубль за рубль А он говорит: отдайте мнѣ ваш золотой запас, тогда дам тридцать милліонов кредиток. Сколько я с ним не толковал, ничего не добился. Придется раздавать серебро!

Отношеніе Самары к правительству Урала круто измѣнилось. Послѣ бесѣды моей с Вольским, была назначена смѣшанная комиссія из делегатов обоих правительств для установленія болѣе точнаго взаимопониманія по нѣкоторым вопросам и в частности по установленію основаній для займа правительству Урала, чтобы предупредить возможно неизбѣжную для него финансовую зависимость от Сибири. Во главѣ самарской делегаціи стоял член Учр. Собранія В. Я. Гуревич. К сожалѣнію, Самара стояла не на лучшей точкѣ зрѣнія, чѣм Омск. Делегація Самары хотѣла добиться, чтобы сибирскій гарнизон на Уралѣ был замѣнен самарским. На это мы не шли, и в конечном счетѣ переговоры закончились формально ничѣм. Полезны они были тѣм, что создали между Самарой и нами миролюбивыя отношенія.

Что касается финансоваго вопроса, то, как выяснилось, бѣдны были в достаточной мѣрѣ всѣ. Самара, правда, располагала золотым запасом, но кредитками и она была бѣдна. Что же касается выпуска своих кредиток, то в эту эпоху мы всѣ были единодушно против такой мѣры, не желая ронять курса кредиток. Выяснилось также, что, пропорціонально, еще большой вопрос, кто богаче поступленіями, правительство Урала или Самара и Омск. Выяснилось, что мнѣ приходится расчитывать в отношеніи финансов исключительно на наши собственныя силы.

2.

7-го сентября почти всѣ делегаціи Государственнаго Совѣщанія были на лицо. Недоставало лишь Пепеляева и делегатов

Сибирскаго правительства. Но последняго было, конечно, достаточно, чтобы дѣлать невозможным какое бы то ни было рѣшеніе. Всѣх собравшихся это крайне нервировало. Только вечером Авксентьев получил телеграмму из Омска, что делегаты Сибирскаго правительства опоздают на один—два дня и что они просят не откладывать из за них открытія перваго торжественнаго засѣданія.

Такое сообщеніе позволяло успокоить общественность, которая начинала волноваться. Для этого рѣшили открыть совѣщаніе. Конечно, дѣлового значенія никто этому не придавал, но «спектакль» рѣшили устроить. А чтобы придать этому засѣданію хоть мало-мальски характер дѣлового, рѣшено было постановить на нем: 1) поручить комиссіи из представителей делегацій выяснить вопрос об удовлетвореніи ходатайств нѣкоторых организацій о допущеніи их делегацій к участію в Гос. Совѣщаніи и 2) отложить в ожиданіи сибиряков слѣдующее засѣданіе до утра 10 сентября.

8-го сентября в 6 часов вечера при переполненном публикой залѣ в присутствіи почетных (в том числѣ иностранных) гостей торжественное засѣданіе Г. Совѣщанія открывается:

Предсѣдатель, Авксентьев, начинает с сообщенія о том, что сибиряки опоздают на день—два и просили открыть Г. Совѣщаніе пока без них. «И если их нѣт сейчас фактически с нами, то душою они здѣсь», звучат, вѣроятно, торжественно для публики слова предсѣдателя, вызывая ироническія улыбки у нас, болѣе знакомых с сибирскими чаяніями.

«Всѣ мы собрались с одной цѣлью — с цѣлью создать, наконец, из тѣх разбросанных обломков, в которыя обратилась наша Родина, снова одно могучее, свободное Россійское Государство . . .

Мы также понимаем, что перед нами стоит и другой великій долг, который вытекает из перваго, это — долг созданія не только свободной внутренно, но и независимой извнѣ Россіи. Перед нами стоит долг новой святой крови народной, которая потребуется для того, чтобы дать отпор врагу, который теперь наступил пятой на Россію, на ея народ, на ея свободу, на ея государственность. Во имя того, чтобы рѣшить основные вопросы, которые дали бы нам выход из трагическаго положенія, в котором находится наша Родина, собрались мы сюда, во имя созданія единаго, сильнаго, одушевленнаго стремленіем к свободѣ и независимости Россіи, правительства. Над этим мы будем работать здѣсь, во имя этого мы должны во что бы то ни стало найти здѣсь общій язык и общія мысли, во имя этого мы должны употребить нечеловѣческія усилія, мы должны дать Аннибалову клятву не уйти отсюда, не уѣхать из Уфы без того, чтобы не построить единую государственность Россійскую, возглавляемую единым Россійским правительством».

Такова основа рѣчи Авксентьева, за которой идут его предложенія привѣтствовать «союзников», привѣтствовать чехо-словаков и объявляется открытым Гос. Совѣщаніе.

За этим слѣдуют привѣтствія Государственному совѣщанію. Привѣтствует Уфимскій городской голова, привѣтствует предсѣдатель Комуча, Вольскій. При его выходѣ на трибуну, многочисленные его сторонники встают и апплодируют. С отвѣта на эту овацію Вольскій и начинает свою рѣчь: «Ваши привѣтствія — это привѣтствія тому Учредительному Собранію, которое будет созвано усиліями комитета членов Всероссійскаго Учредительнаго Собранія». И в этих словах—альфа и омега всей политической мудрости Комуча, ибо в дальнѣйшем вся рѣчь — не столько привѣтствіе Гос. Совѣщанію, сколько гимн народовластію.

Не болѣе похожа на привѣтствіе и рѣчь представителя Сибирской областной думы Н. Н. Карпова. Это — план организаціи центральной власти с одной стороны и своеобразная демонстрація против «своего», Сибирскаго, правительства с другой. Когда Карпов говорил о том, что Сибоблдума уполномочила Сибирское правительство принять участіе в Гос. Совѣщаніи, то нельзя было не улыбаться, ибо мы отлично знали, как мало надобности в полномочіях из резиденціи Сибоблдумы, Томска, чувствует Сибирское правительство в своей резиденціи, Омскѣ. Когда Карпов заявлял, что, согласно резолюціи Сибоблдумы, провозглашеніе временной всероссійской власти, созданной на Гос. Со-

вѣщаніи, должно быть прокламировано съѣздом членов Учр. Собранія и областными правительствами, и выражал надежду, что удастся на совѣщаніи «достигнуть соглашенія искренняго и полнаго, на основѣ сохраненія завоеваній февральской революціи и отвѣтственности создавшейся временной Всероссійской власти перед Учред. Собраніем настоящаго созыва», то нам всѣм было ясно, насколько это идет вразрѣз со взглядами Сибирскаго правительства — «уполномоченнаго» Сибоддумы. Было ясно, что Сибирская дума демонстрирует перед нами свою солидарность с Комучем и дискредитирует заранѣе морально делегатов Сибирскаго правительства, которые, несомнѣнно, пріѣдут совершенно с другими намѣреніями. Рѣчь Карпова как бы говорила: да, участвовать в совѣщаніи мы уполномочили их, но вот на что уполномочили!

Тяжелое впечатлѣніе производит рѣчь Карпова. За ней чувствуется безсиліе Сибоддумы, пытающейся хоть словом остановить фактическаго хозяина. Чувствуется раздор внутри Сибири. И с удовольствіем отдыхаешь от тяжелой рѣчи Карпова на краткой лирической рѣчи С. М. Третьякова, привѣтствующаго Гос. Совѣщаніе от имени только что закончившагося земско-городского Съѣзда Урала, Сибири и Поволжья.

Привѣтствія кончены и предсѣдатель предлагает перейти «к дѣлу»: создать комиссію, о которой я говорил, ждать сибиряков, отложив засѣданіе до слѣдующаго утра, 10 сентября, а пока пожаловать в 9 часов вечера на чашку чая, предложенную Городским Самоуправленіем.

Мы «потрудились» два часа, и довольно. С чувством облегченія заканчиваем «спектакль» и через час собираемся на чашкѣ чая. Блѣдно и вяло проходит и она. Подъема нѣт. Всѣ чувствуют, что дѣлается не то и не так, как хотѣлось-бы.

Уныло собираемся мы утром 10 сентября на второе засѣданіе Гос. Совѣщанія. Сибиряков все нѣт. Предстоит опять небольшой публичный спектакль, всѣ детали котораго заранѣе между нами обусловлены.

Оглашаются предсѣдателем посланныя президіумом привѣтственныя телеграммы «союзникам» и чехам. Затѣм он сообщает о своих переговорах по прямому проводу с Михайловым, из которых выясняется, что делегація Сибирскаго Правительства должна была выѣхать только вчера, что пока Михайлов мог назвать лишь одного делегата, министра народнаго просвѣщенія Сапожникова. Предсѣдатель передает извиненія перед Гос. Совѣщаніем от имени Михайлова, объясняющаго задержку делегаціи «тѣми внутренними тяжлыми переживаніями, которыя за послѣднее время были у Сибирскаго Правительства». В виду всетаки полнаго отсутствія за сутки извѣстій о состоявшемся выѣздѣ делегаціи и о ея составѣ, президіум запросил вчера телеграммой, но отвѣта не имѣет. Имѣются однако свѣдѣнія с линіи, будто поѣзд с сибиряками прибудет сегодня поздно вечером. В тонѣ рѣчи предсѣдателя чувствуется, что он скептически относится ко всѣм этим извѣстіям и из Омска и с линіи. Но мы, делегаты, знаем уже все это. Теперь это передается и в публику.

Чтобы занять чѣм нибудь засѣданіе, предсѣдатель подробно мотивирует необходимость создать Совѣт Старѣйшин делегацій, поручить ему выработку наказа, а время посвятить частным переговорам между старѣйшинами, а также отдѣльными группами. Что же касается слѣдующаго засѣданія Гос. Совѣщанія, то срока не фиксировать, предоставив опредѣленіе его дня и часа президіуму.

С отвѣтом, не для возраженія, а для полной поддержки предложеній предсѣдателя выступает А. Н. Кругликов. Получается видимость засѣданія. Ставится на голосованіе предложеніе ни о чем сейчас не высказываться и принять предложеніе о Совѣтѣ Старѣйшин и о днѣ слѣдующаго засѣданія. Принимается единогласно, ибо все заранѣе предрѣшено в том самом Совѣтѣ Старѣйшин, который формально рѣшено только что создать. Второй «спектакль» закончен. Расходимся, и среди делегатов слышатся мало-лестные эпитеты по адресу сибиряков.

3.

С Самарой отношенія Урала налаживались, через делегаціи Правительства Ура-

ла и Союза Возрожденія (его представителем в совѣтѣ старѣйшин было рѣшено назначить на этот раз В. Г. Болдырева), я буду в состояніи влiять на рѣшеніе наиболѣе острых вопросов, сам же буду и болѣе свободным и имѣть руки развязанными, что мнѣ крайне важно, как члену правительства. Позволит это мнѣ также в любой момент, при надобности, съѣздить в Екатеринбург.

Так я рисовал себѣ дальнѣйшее участіе мое в работах совѣщанія, отдыхая нѣсколько от напряженной предшествовавшей работы в то время, как комиссія работала над наказом и над обсужденіем вопросов о допущеніи тѣх или других делегацій.

Но такія мечты длились недолго. У жизни свои своеобразныя шутки, и одну из них она сыграла со мной. От Пепеляева, пріѣзда котораго я ждал с поѣздом омской делегаціи, я получил телеграмму, в которой он сообщал, что захворал, пріѣхать не может, и просит меня взять на себя представительство Ц. К. нашей партіи. Я, грѣшным дѣлом, заподозрил, не дипломатическаго ли характера «болѣзнь» Пепеляева, с чѣм подѣлился тут-же кое с кѣм из делегатов. (Много позднѣе, чуть не через год, в Омскѣ Н. К. Волков сообщил мнѣ со слов Пепеляева, что он умышленно не поѣхал в Уфу, чтобы все переложить на меня, а самому «имѣть руки развязанными»). Но, каковы бы ни были истинныя причины непріѣзда Пепеляева, положеніе для меня создавалось крайне тяжелое.

Я был в Уфѣ единственным человѣком, который мог взять на себя представительство нашего Ц. К. Ходатайства областных комитетов разных партій о допущеніи их делегатов на Государственное Совѣщаніе были всѣ отклонены: допускались исключительно представители центральных комитетов. Отказ мой от представительства Ц. К. означал бы уклоненіе партіи народной свободы от участія в созданіи всероссійской власти.

С другой стороны, директивы Ц. К., привезенныя Пепеляевым из Москвы, были для меня непріемлемы. Не даром я участвовал только в Союзѣ Возрожденія. В спасительность диктатуры я не только не вѣрил, но и считал ее гибельной для дѣла. Между тѣм директива, привезенная Пепеляевым, была весьма краткой: диктатура! К тому, что я не вѣрил в цѣлесообразность диктатуры, прибавлялось и то, что практически, при сложившейся обстановкѣ, предлагать Государственному Совѣщанію диктатуру, как форму правленія, было безнадежно. Выступать с такой формулой означало безцѣльно повредить своей политической репутаціи и уменьшить возможное свое вліяніе налѣво.

Как быть? Отказаться от участія партіи в созданіи власти во имя спасенія своего реноме я не считал допустимым. Я рѣшил поэтому принять такую позицію: вот какова принципіальная точка зрѣнія Ц. К. на необходимую форму власти, а вот то, что приходится дѣлать сейчас, принимая во вниманіе конкретную обстановку. Рѣшив взять на себя представительство Ц. К., я привлек к обсужденію всѣх вопросов своих однопартійцев из губернских комитетов, в частности А. П. Мельгунова (бывшаго члена Гос. Думы) и А. И. Коробова. С послѣдним (принимая, однако, на себя одного полную отвѣтственность) я обсуждал подробно и декларацію, с которой я выступил.

11-го сентября стало, наконец, твердо извѣстно, что сибирская делегація находится дѣйствительно в пути и 12-го будет в Уфѣ. В состав ея входил кромѣ профессора Сапожникова, член сибирскаго правительства И. И. Серебренников. Ни главы правительства, Вологодскаго (уѣхавшаго как раз в это время с Гинсом на восток), ни души правительства, Михайлова, в делегаціи не было. Про профессора Сапожникова говорили, что это симпатичный старик, аккуратно распредѣляющій свое время между наукой и игрой на скрипкѣ, что это не политическій дѣятель, а профессор, взявшій на себя чисто дѣловую роль министра просвѣщенія в административном совѣтѣ (совѣт министров Сибири в отличіе от «правительства»— директоріи). И. И. Серебренникова я знал: он вмѣстѣ с Гришиным-Алмазовым пріѣзжал к нам в Екатеринбург. Серебренников— из людей, умѣющих молчать и многозначительно улыбаться. В нем чувствуется упорство и на-

стойчивость, но не чувствуется творческой мысли. Делегація из Сапожникова и Серебренникова не предвѣщала ничего хорошаго. Она была не такого калибра, чтобы рѣшать что-либо серьезное за своей отвѣтственностью. Значит, она будет сноситься по мало-мальски серьезным вопросам с Омском и затягивать рѣшенія; таково было общее мнѣніе делегатов, которое вполнѣ оправдалось.

Как бы то ни было, формально послѣдняя из делегацій прибывала, и можно было приступать к работѣ. Поэтому было рѣшено 12-го сентября устроить третье засѣданіе Государственнаго Совѣщанія и допустить на нем декларативныя рѣчи представителей делегацій, но не допускать в рѣчах преній и взаимной критики. Такое рѣшеніе превращало и третье засѣданіе в спектакль, на котором должно было демонстрироваться миролюбіе: публика не должна была видѣть наших раздоров.

4.

Третье засѣданіе открывается в 11 ч. 30 минут и, послѣ перерыва в 2 часа дня, возобновляется в 6 ч. 50 м. вечера уже в присутствіи делегаціи сибирскаго правительства. Во второй половинѣ засѣданія в виду окончательнаго выясненія, что И. А. Михайлов не пріѣдет, вмѣсто него товарищем предсѣдателя избирается И. И. Серебренников.

Забѣгая немного вперед, не могу не остановиться на вклинившемся в ход занятій, немедленно вслѣд за выборами Серебренникова, предложеніи Вольскаго. Он дополняет сообщеніе Авксентьева о том, что «союзническія войска находятся уже на территоріи россійскаго государства—они движутся приблизительно около Читы», и говорит:

«С другой стороны там, гдѣ находится сейчас наш главный боевой фронт, совершенно ясно обозначилось, что этот фронт фактически становится уже фронтом нѣмецким, и это обозначилось не только в силу того договора, который заключен большевиками с нѣмцами, но и фактически в силу того, что войсковыя силы большевиков пополняются дѣйствительными нѣмецкими силами. Хотя там нѣт еще регулярных нѣмецких армій, но дѣйствительная нѣмецкая помощь, организующая армію, дающая человѣческія силы, снаряженіе, указанія, командный состав, вполнѣ обнаружена... В силу этого положенія является необходимость в экстренном разрѣшеніи вопросов, связанных с возобновленіем договоров, которые большевиками были разрушены».

Вольскій предлагает поэтому послать союзникам соотвѣтствующую привѣтственную телеграмму от имени всѣх делегацій Государственнаго Совѣщанія с поименным перечисленіем этих делегацій. Предложеніе принимается.

Возвращаюсь, однако, к существу засѣданія. Начинается утреннее засѣданіе с оглашенія предсѣдателем поступивших привѣтствій и затѣм предоставляется слово для привѣтствія от имени чехо-словацкаго Національнаго Совѣта и чехо-словацких войск Богдану Павлу.

Рѣчь прекрасно скомпанована и производит большое впечатлѣніе. Она кратка и сильна, особенно конец:

«Мы, чехо-словаки, от души желаем вам успѣха в предстоящей отвѣтственной задачѣ, и вѣрим и надѣемся, что вам удастся создать на этом государственном совѣщаніи всероссійскую власть, опирающуюся, дѣйствительно, на всѣ слои русскаго народа. Мы вѣрим и надѣемся, что вы всѣ, здѣсь присутствующіе представители Россіи, найдете тот общій язык, который объединит всѣх в общем стремленіи послужить родинѣ. Мы вѣрим и надѣемся, что русскій народ, который 300 лѣт тому назад в Нижнем сумѣл встать на защиту своей свободы и единства, найдет и в настоящее смутное время на уфимском государственном совѣщаніи своих Мининых и Пожарских, которые крѣпкою рукою выведут Россію на путь славы и мира. Мы вѣрим в это тѣм болѣе, что всѣ мы, равно как и вы, чувствуем тяжесть момента, когда нам всѣм были даны уже два предостереженія. Первое—прорывом сѣвернѣе Уфы, в дѣйствительности не ликвидированным, и второе—паденіем Казани. Господа, мы всѣ должны объединиться для того, чтобы не ожидать третьяго предостереженія!»

Послѣднія слова покрываются апплодисментами, но чувствуется среди публи-

ки и сильное волненіе, вызванное ими. Мы, делегаты, уже и без этой рѣчи знаем о предостереженіях, о которых говорит Павлу.

Принимается наказ, заслушивается доклад мандатной комиссіи, и приступают к деклараціям представителей делегацій.

Я не стану подробно передавать рѣчи отдѣльных ораторов, а попытаюсь установить разныя точки зрѣнія, выдвинутыя ими.

С длинной рѣчью от имени Комуча выступает Вольскій. Нѣт того аргумента, который он не был бы готов использовать в защиту своих положеній. Так, этот эс-эр подкрѣпляет положеніе Учредительнаго Собранія преемственностью, тѣм, что «формальным актом, предшествовавшим ему, явился акт отрекшагося от престола великаго князя Михаила Александровича, акт о созывѣ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, созыв котораго был поручен им Временному Правительству».

Тезисы Вольскаго, в его собственной формулировкѣ, таковы: «Безспорной и несомнѣнной является полновластность Всероссійскаго Учредительнаго Собранія для образованія всероссійской власти. Перед этим Всероссійским Учредительным Собраніем должно быть отвѣтственно всякое правительство, и этому Всероссійскому Учредительному Собранію должно передать всѣ свои полномочія. Впредь до открытія Учредительнаго Собранія, та власть, которая должна быть основана путем соглашенія на Государственном Совѣщаніи, эта **всероссійская власть должна быть отвѣтственна перед съѣздом членов Учредительнаго Собранія на тѣх основах, которыя будто выработаны на этом самом съѣздѣ».**

Иначе смотрит на вопрос другая главная сила—сибирское правительство в лицѣ Сапожникова. Считая, что возсозданіе Россіи возможно лишь на демократических началах «через устроеніе ея отдѣльных областей», но отвергая всякія стремленія своего правительства к сепаратизму, Сапожников выдвигает: Всероссійская власть должна быть в видѣ директоріи из пяти лиц, избранных Государственным Совѣщаніем по персональным признакам. При директоріи — отвѣтственный перед ней дѣловой кабинет министров. **«Директорія отвѣтственна только перед будущим полномочным органом правильнаго волеизъявленія народа.** Директорія объединяет в своих руках общегосударственныя функціи власти и оставляет руководство отдѣльными отраслями государственной и хозяйственной жизни в предѣлах областей за соотвѣтственными органами областных территоріальных автономных правительств».

Тенденціи Комуча поддерживают Букейханов (от имени тюрко-татар, Туркестана и Алаш-Орды) и Майскій от имени Р. С. Д. Р. П.

Ф. З. Чембулов от имени трудовой народно-соціалистической партіи, учитывая опасность от вполнѣ возможнаго еще уклона как влѣво, так и вправо, считает необходимым существованіе представительнаго органа, перед которым власть отвѣчала бы. Учредительное Собраніе уже не отражает воли народа. Поэтому Государственное Совѣщаніе должно не только создать власть, но и періодически собираться для заслушанія отчетов власти и установленія директив для нея.

Генерал Хорошкин от имени казачьих правительств (Оренбургскаго, Уральскаго, Сибирскаго, Семирѣченскаго, Астраханскаго, Иркутскаго и Енисейскаго), заявляя о том, что «искони демократическія казачьи войска, не признающія в своих областях иной власти, как власти народной, выраженной войсковыми кругами и органами ими выбираемыми, считают, что вся власть в государствѣ Россійском должна принадлежать Всероссійскому Учредительному Собранію **новаго созыва».** Пока же необходимо: созданіе верховной власти из трех лиц. Образованіе дѣлового кабинета министров при ней. Отвѣтственность верховной власти перед Учредительным Собраніем новаго состава. **Созыв Государственнаго Совѣщанія для рѣшенія «вопросов, связанных с существованіем и самостоятельностью Государства Россійскаго»,** как вопросов о войнѣ и мирѣ, с обязательностью в этом случаѣ принятых Государственным Совѣщаніем рѣшеній.

В. П. Фомин от имени группы «Единство», признавая, что революція наша

буржуазная, а потому власть должна быть соотвѣтственнаго характера, не допуская ни анархосиндикализма, ни «назад к старому порядку», предлагает: Директорія из 3—5 лиц с правом текущаго законодательства. Дѣловой совѣт министров. Выборы в новое Учредительное Собраніе. Временный представительный орган из представителей по 2—3 от партій и групп и в утроенном числѣ от Комуча. Представительный орган созывается время от времени по требованію большинства депутатов и имѣет право запроса.

В. Г. Болдырев от имени Союза Возрожденія Россіи подробно останавливается на вопросѣ возсозданія единой Россіи и ея военной мощи, и подчеркивает в отношеніи власти, которую должно создать Государственное Совѣщаніе, что «власть эта не должна быть стѣснена в своих дѣйствіях каким-либо параллельно с ней существующим контрольным аппаратом и, как власть, создаваемая на основаніи принципа народовластія отвѣтственна перед Всероссійским Учредительным Собраніем в его законном составѣ, собравшемся к опредѣленному сроку». Как схему власти он выдвигает директорію из 3—5 лиц, как верховную власть с отвѣтственным перед ней дѣловым кабинетом министров с тѣм, что общегосударственными вѣдомствами должны быть: военное, морское, иностранных дѣл, путей сообщенія, финансов, снабженія и продовольствія арміи и государственный контроль.

А. А. Кощеев от имени правительства Урала выдвигает положеніе, что оздоровленіе страны фактически происходит по частям, в отдѣльных областях со своими автономными правительствами. В этом явленіи— залог здороваго начала, привлекающаго к строительству всѣ мѣстныя живыя силы, в противовѣс прежнему централизму, немыслимому при колоссальной территоріи Россіи. Но во главѣ единой Россіи для проведенія общегосударственных задач должно стоять всероссійское правительство, созданное, впредь до созыва Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, Государственным Совѣщаніем. Оно же должно выработать для центральной власти программу. Власть должна быть создана на коалиціонных началах, «путем соглашенія на опредѣленных кандидатах, извѣстных своей стойкостью, политической честностью и способностью выполнить намѣченную Государственным Совѣщаніем программу». Директорія должна обладать всей полнотой власти. В цѣлях гарантіи намѣченной программы должен быть создан контрольный орган приблизительно на тѣх основаніях, что Государственное Совѣщаніе. Директорія в срок, устанавливаемый ею по соглашенію с контрольным органом, созывает Учредительное Собраніе **новаго состава**, перед которым слагает свои полномочія.

От партіи Народной Свободы, как я уже указывал, пришлось выступить мнѣ. За мою рѣчь мнѣ пришлось впослѣдствіи выслушать не мало нападок, причем ее очень охотно искажали. Поэтому считаю необходимым привести ее в выдержках из стенограммы:

«Ц. К. партіи Народной Свободы, обсуждая вопрос, какова должна быть власть, которая сейчас должна быть учреждена в Россіи, исходил из тѣх задач, которыя должны быть сейчас поставлены перед властью. Первой задачей, которой должны быть подчинены всѣ остальныя, Ц. К. считает возсозданіе великой, единой и нераздѣльной Россіи. И вот для того, чтобы выполнить эту задачу, необходимо, чтобы Россія бок-о-бок с оставшимися в годину бѣдствія вѣрными нам союзниками, как равная сторона, приняла всѣ мѣры к тому, чтобы окончить войну в тѣх общих цѣлях, которыя поставлены всѣми союзниками. И если мы хотим дѣйствительно в этом дѣлѣ выступить, как равная сторона, то комитет считает, что мы должны имѣть настоящую армію... Призвать в ея ряды нужно будет всѣх, и жертвы крови будут огромныя. Это, несомнѣнно, создаст со стороны правительства серьезную требовательность по отношенію ко всѣм классам населенія без исключенія. Если мы хотим имѣть серьезную армію, то эта армія должна быть накормлена, обута и одѣта; между тѣм работоспособность страны пала до необычайнаго. Можно сказать, что всѣ выпряглись, страна не работает и нужно заставить ее работать. Если одних государство будет

заставлять нести подать крови, то от других оно будет имѣть право требовать подать труда. Нельзя позволить, чтобы поля остались незасѣянными из-за тѣх или иных расчетов тѣх или других классов. Рабочіе на фабриках и заводах должны начать работать. Нужно оберегать всѣ интересы рабочих, нужно силу рабочаго экономить, нельзя заставлять его безконечно работать, но, если в извѣстный момент государство имѣет право заставить одного идти в окопы, то имѣет право заставить другого работать сверх силы. И нужно имѣть такое правительство, которое сумѣло бы заставить так работать. Наконец, если одни будут нести тяготы войны, тяготы труда, то нельзя оставить других без тяготы налоговой или заниматься спекуляціей, наживой, и государство должно будет надавить на тѣх, кто этим занимается. Вы видите, что на долю власти придется принять мѣры по отношенію ко всѣм, мѣры далеко не пріятныя для какого бы то ни было класса. Затѣм, если мы хотим вести войну, то нужно, чтобы в странѣ царил порядок, не тот порядок мертвечины, который когда-то был, а настоящій порядок, соединенный со свободой... К несчастью, свободы у нас еще смѣшивают с разнузданностью, и настоящая власть должна поставить дѣло так, чтобы свобода не мѣшала порядку. А это требует очень сильной власти. Наконец, на обязанности власти должно лежать то, чтобы, как только страна маломальски придет в порядок, обезпечить возможность населенію произвести выборы в Учредительное Собраніе на демократических основаніях, и выборы правильные. Власть нужна сильная, рѣшительная и такая, которая бы дѣлала все быстро и энергично, потому что время не терпит и страна гибнет. **И вот Ц. К. партіи Народной Свободы считает, что наилучшей формой для осуществленія такой власти, была бы временная единоличная верховная власть. К великому несчастью для Россіи, если революція выдвинула титанов разрушенія, анархіи и безпорядка, то, к сожалѣнію, на фонѣ нашей революціи не явилось ни одного человѣка, которому вся нація, вся страна могла бы довѣрить и на котораго могла бы расчитывать, что он доведет страну до Учредительнаго Собранія.** Поэтому приходится поневолѣ мириться с менѣе совершенной формой в видѣ директоріи, но эту директорію мы мыслим, как верховную власть, дѣйствующую через посредство министров, отвѣтственных перед этой верховной властью, причем директорія ни перед кѣм не отвѣчает. Объем ея прав—вся полнота власти... Я понимаю, что для вас была бы весьма трудно пріемлема эта форма»...

Таков был калейдоскоп мнѣній об организации власти. На этом обмѣнѣ мнѣній кончается третье засѣданіе, и на слѣдующій день начинаются вплотную работы совѣта старѣйшин для отысканія «единогласнаго» рѣшенія.

В столовой, куда направляемся, присаживаюсь к столику Серебренникова. «Не думаете-ли вы, говорит он мнѣ, что, при недостаткѣ у нас людей, не может их хватить на нѣсколько правительств. Может быть, если бы мы сошлись на том, чтобы привлечь в одно правительство и его дѣловой аппарат всѣх наиболѣе энергичных из всѣх правительств, то никаких других правительств не могло бы быть, и это примирило бы всѣх?»

И в этих кратких словах представителя Омска было гораздо больше реальнаго содержанія, чѣм в оффиціальной деклараціи сибирскаго правительства.

ГЛАВА XVIII.

В Совѣтѣ старѣйшинъ.—„Съѣзд" членов Учред. Собранія.—Срочность работы и методы достиженія „единогласія". Вопрос о „контролирующем органѣ"—Отношеніе к Учр. Собранію и Съѣзду его членовъ—Программные вопросы „Закон 5 января 1918 г."—Метод образованія Директоріи и число лиц в ней.—Столкновеніе на почвѣ достигнутых соглашеній.

1.

Совѣт старѣйшин—оффиціально «Комиссія Государственнаго Совѣщанія по организаціи Всероссійской Власти», образовался в составѣ президіума Гос. Совѣщанія (**Н. Д. Авксентьев, Е. Ф. Роговскій, В. Н. Моисеенко, П. В. Мурашев и И. И. Серебренников**) и представителей делегацій: **М. Чокаев** от врем. Туркестанскаго правительства; **А. Н. Букейханов**—киргизскаго правительства Алаш-Орды; **Е. П. Березовскій**—сибирскаго казачьяго войска; **А. Н. Кругликов**—съѣзда городов и земств Урала, Поволжья и Сибири; **П. Д. Шуваев**—енисейскаго казачьяго войска; **И. Е. Марков** (позднѣе **С. Ф. Знаменскій**)—партіи народных соціалистов; **В. Г. Болдырев**—союза Возрожденія Россіи; **Л. А. Кроль**—партіи Народной Свободы; **И. И. Войтов**—врем. областного правительства **Урала; Н. С. Анисимов** — войскового правительства оренбургскаго казачьяго войска; **Г. М. Астахов**—астраханскаго казачьяго войска; **С. Н. Шендриков**—семирѣченскаго казачьяго войска; **И. С. Пежемскій**—уральскаго казачьяго войска; **А. А. Каэлас**—эстонскаго врем. правительства; **С. Ш. Мамлеев**—національнаго управленія тюрко-татар внутренней Россіи и Сибири; **В. П. Фомин**—Всероссійской соц.-дем. организаціи «Единство»; **В. М. Сапожников**—сибирскаго врем. правительства; **В. С. Кибрик**—Р. С. Д. Р. П.; **А. А. Валидов**—башкирскаго правительства; **М. Я. Гендельман**—ц. к. партіи соціалистов-революціонеров; **В. М. Зензинов** — съѣзда членов Всероссійскаго Учредительнаго Собранія.

Этому чрезвычайно разношерстному составу предстояла нелегкая задача: придти к **единогласному** рѣшенію всѣх вопросов, включая основной, по которому делегаціи так сильно выявили свои разногласія в третьем засѣданіи Госуд. Совѣщанія.

В частности, я не могу не указать на своеобразное представительство «Съѣзда» членов Учредительнаго Собранія. Этот «Съѣзд» отличался от Комуча тѣм, что в съѣздѣ участвовали всѣ члены Учредительнаго Собранія. В самом дѣлѣ, если в Комучѣ отказывались участвовать нѣкоторые эсеры и я, как в органѣ управленія, то у нас не было мотивов уклоняться от участія в съѣздѣ, не налагающем ни на кого ни обязанностей, ни отвѣтственности. Создавая, однако, такой «Съѣзд», почти весь состоящій из тѣх же лиц, что и Комуч, с ничтожным числом не эсеров, эсеры могли пользоваться авторитетом съѣзда, выступая от его имени, как съѣзда разнопартійнаго.

Обычно собиралась фракція соц.-революціонеров Учредительнаго Собранія, предрѣшала всѣ вопросы, а затѣм приходил за мной большею частью Авксентьев, и открывался... Съѣзд. Ставился вопрос, выступал эсер и формулировал точку зрѣнія своей фракціи, затѣм я выступал большей частью с кратким возраженіем, затѣм голосовали и принимали большинством голосов против меня и еще нѣскольких постановленіе... «Съѣзда». Шутили, говоря, что я составляю съѣзд, ибо без меня съѣзда нѣт; я отшучивался, требуя от Комуча особой охраны моей личности во имя сохраненія съѣзда. Большинство съѣзда всецѣло подчиня-

лось ц. к. партіи эсеров. При таких условіях, представители в совѣтѣ старѣйшин, Гендельман от эсеровскаго ц. к. и Зензинов от съѣзда, были одно и то же. И один раз мнѣ пришлось замѣтить Зензинову, что, в концѣ концов, когда он очень усиленно упирает на авторитет «Съѣзда», то он не должен забывать, что, если исключить из состава съѣзда эсеров, представленных уже в совѣтѣ старѣйшин Гендельманом, то он, Зензинов, представляет в совѣтѣ старѣйшин в сущности, одного меня, а я голосовал в съѣздѣ против того, что он от имени моего говорит.

Оффиціально совѣт старѣйшин открылся 13 сентября. Но еще наканунѣ утром мы были созваны экстренно и заслушали секретное сообщеніе атамана Дутова о том, что положеніе на фронтѣ плохо, что долго при нынѣшнем положеніи казаки не будут в состояніи тянуть, что необходимо ускорить созданіе единаго командованія, а, слѣдовательно и центральной власти. Дѣла, заявлял он, настолько плохи, что он должен уѣхать немедленно, и он счел своим долгом перед отъѣздом просить нас торопиться, ибо каждая минута дорога.

Заявленіе Дутова произвело свое впечатлѣніе, но легко было предлагать торопиться и трудно было это выполнить. Требованіе единогласія шло так далеко, что, при чисто редакціонных разногласіях, предварительно единогласно рѣшали, допустить ли их разрѣшеніе большинством голосов. Что касается серьезных вопросов, то стоило одному делегату заявить о несогласіи, как приходилось или прерывать засѣданіе или переходить к другому вопросу, временно отложив возбудившій разногласія (в зависимости от значенія вопроса). Затѣм во время перерыва искали путей к тому, чтобы склонить ту или другую сторону к соглашенію. При этом бывали случаи раздѣленія совѣта старѣйшин на двѣ части, в самых разнообразных комбинаціях. Во время перерывов шли совѣщанія делегатов со своими делегаціями, делегацій между собой, шли переговоры между противоположными группировками, находились компромиссы, усиливавшіе число группировок на той или другой сторонѣ, или уговоры, и, наконец, когда обѣ стороны упирались в тупик, бывали случаи, что представители «союзников» клали свою гирю на ту или другую чашку вѣсов, дѣлали за кулисами «представленіе», и получалось «единогласіе». Впервые я тут понял, насколько мудро поступают, когда изолируют конклав при выборѣ папы от всякаго возможнаго вліянія извнѣ. На нас давили со всѣх сторон.

2.

Совѣт старѣйшин конституируется оффиціально в утреннем засѣданіи 13 сентября. Предсѣдателем избирается Авксентьев, товарищами его — Сапожников, Кругликов и Болдырев.

Обсужденіе начинается с вопросов: какая должна быть власть — отвѣтственная или безотвѣтственная; если отвѣтственная, то перед кѣм. Пренія развертываются широко, но все, что говорят делегаты, почти повтореніе того, что выдвигалось в деклараціях их в третьем засѣданіи Госуд. Совѣщанія. Разница в том, что здѣсь откровенно выявляется взаимное недовѣріе, взаимная подозрительность. Идет первый тур, дѣлают ходы, стараясь больше выслушать от противника. Не придя ни к чему, объявляют перерыв.

В 6 часов вечера засѣданіе возобновляется. Предсѣдатель предлагает высказаться по пунктам, вызывающим разногласія. Наступает длинная тяжелая пауза. Каждая из сторон ждет, чтобы высказалась другая. Предсѣдатель обращается в упор к представителям сторон с предложеніем высказаться.

Начинает В. М. Зензинов, от имени Съѣзда членов Учред. Собранія, Комуча, Ц. К. соц.-революціонеров, Ц. К. соц.-демократов и 4-х делегацій мусульманских правительств: «Группы по прежнему считают обязательной и необходимой отвѣтственность правительства, но предлагают подвергнуть полному и всестороннему обсужденію вопрос о формах и предѣлах отвѣтственности. Группы считают незыблемым — признаніе прав Учредительнаго собранія даннаго состава. Власть должна сложить полномочія перед Учред. Собраніем, созванным в срок, установлен

ный наличным составом членов Учред. Собранія, участвующих в Госуд. Совѣщаніи.

На это контр-предложеніем отвѣчает В. В. Сапожников от имени делегацій Сибирскаго Правительства, партіи Народной свободы, Союза Возрожденія, казачьих войск и группы «Единство»: «Власть должна быть отвѣтственной. Органом, избирающим власть, является не Учр. Собраніе, а настоящее Государственное Совѣщаніе. Слѣдовательно и отвѣтственность должна быть перед Государственным Совѣщаніем. Это Государственное Совѣщаніе может быть пополняемо членами Учр. Собранія настоящаго созыва. Директорія дѣйствует в теченіе 6 мѣсяцев безотвѣтственно, потом отчитывается перед Государственным Совѣщаніем. Конституція этого органа должна быть разработана здѣсь-же. При этом желательно, чтобы представительство областей было в болѣе полном составѣ. По представленіи отчета власти, Государсвенное Совѣщаніе или одобряет дѣятельность правительства, или, в случаѣ неодобренія, переизбирает его. Такой порядок продолжается до созыва новаго Учр. Собранія, закон о выборах в которое вырабатывает Государственное Совѣщаніе».

Сдвиг чувствуется: слѣва допускают уже обсужденіе вопроса о формах и предѣлах отвѣтственности; справа признают принципіальную возможность отвѣтственности. Обѣ стороны понимают к тому, что предложенія противников дѣлаются с большим запросом.

Начинаются опять длиннѣйшія пренія; онѣ вертятся, главным образом, на вопросѣ, допустим-ли контроль над властью или нѣт. Лѣвая настаивает на нем. Правая его отрицает.

Пренія затягиваются и переносятся на слѣдующій день.

Утро вечера мудренѣе, и с утра 14 сентября в засѣданіи начинается форменный торг.

Сапожников уже «не отрицает контролирующаго органа» в лицѣ Государственнаго Совѣщанія, созываемаго через 6 мѣсяцев, но отрицает **постоянно дѣйствующій** контрольный орган.

От имени другой стороны Гендельман заявляет о возможности соглашенія в вопросѣ об ограниченіи компетенціи контролирующаго органа, но дѣйствіе этого органа должно быть непрерывным.

На требованіи, чтобы этим органом был исключительно Съѣзд членов Учредительнаго Собранія, больше не настаивают: он может быть смѣшанным.

Контрольная работа должна начаться с момента созданія власти.

Совѣт Старѣйшин признает, что достигнуто соглашеніе о созданіи контролирующаго органа в видѣ смѣшаннаго органа, а не в лицѣ Съѣзда членов Учредительнаго Собранія.

Переходят к дебатам по вопросу о постоянно дѣйствующем органѣ и о функціях его.

Сапожников идет на новую уступку: «Государственное Совѣщаніе, в которое входят и члены Учредительнаго Собранія, собирается через 6, **а можно и через 4 мѣсяца.** Совѣщаніе заслушивает отчет правительства за весь період его дѣятельности. В случаѣ неодобренія, правительство подает в отставку».

Гендельман тоже идет на уступку, но другую: «мы согласны на то, чтобы постоянный контролирующій орган не имѣл права выносить вотума о смѣнѣ правительства, но он может дѣлать запросы или указанія на незаконность дѣйствій министерств».

Начинаются пренія. Одни считают невозможным допущеніе запросов; другіе считают их безцѣльными, раз они не влекут за собой отставки; указывается на невозможность надолго отрывать представителей областных правительств; предлагается выдѣленіе из Государственнаго Совѣщанія малаго Государственнаго Совѣта; критикуют сложность и громоздкость аппарата; сомнѣваются, имѣет ли смысл существованіе органа только для запросов, без законодательных прав, и спрашивают, будет ли ему, что дѣлать; правая считает, что она предлагает больше гарантій, допуская отставку при неодобреніи политики правительства; лѣвая видит гарантію только в постоянно дѣйствующем органѣ, независимо от его функцій.

В конечном счетѣ рѣшают поручить подкомиссіи из представителей групп разработать вопрос о контрольном органѣ и представить результат работ Совѣту Старѣйшин, для чего объявляется перерыв до 5 часов вечера.

Вечернее засѣданіе начинается с констатированія факта, что подкомиссія не нашла единаго рѣшенія.

Сапожников от имени одной части подкомиссіи оглашает формулу, к которой она пришла: «Правительство работает без постояннаго контроля до созыва — через 4 мѣсяца — Государственнаго Совѣщанія, которому оно представляет отчет; тогда же Государственное Совѣщаніе разрѣшает вопрос о созданіи постоянно функціонирующаго органа в видѣ малаго Совѣта, компетенція котораго ограничена правом вопросов о незакономѣрных дѣйствіях правительства. В случаях экстренных, опредѣляемых заранѣе, по заявленію двух третей членов Государственнаго Совѣщанія, може быть созвано его экстренное собраніе досрочно».

Кругликов формулирует позицію другой группы подкомиссіи: «Одновременно с организаціей Правительства создается контрольный орган в видѣ малаго Государственнаго Совѣта, компетенція котораго ограничивается правом вопроса о незакономѣрности дѣйствій правительства, на началах паритета между настоящим составом Учредительнаго Собранія, с одной стороны, и представителей правительств, групп и партій, с другой, причем орган этот дѣйствует по сессіям, опредѣленным заранѣе, и созываемым постояным Бюро этого малаго Совѣта. Распредѣленіе мѣст в малом Совѣтѣ опредѣляется взаимным соглашеніем групп и санкціонируется настоящим Государственным Совѣщаніем».

Все формулировано ясно и четко.

Сомнѣнія нѣт, что мы уперлись в тупик, и соглашенія о характерѣ контроля не найти. Как быть?

Марков предлагает передать вопрос на разрѣшеніе фракцій.

Березовскій предлагает или тут же придти к соглашенію или бросить дальнѣйшую работу.

Я выдвигаю предложеніе перейти к другим вопросам и выяснить всю сумму наших разногласій. Меня поддерживает Зензинов.

В результатѣ дебатов, мы переходим к обсужденію программы дня правительства, и из нѣскольких предложенных программ в основу сужденія принимаем проект, предложенный эс-эрами.

Я не стану сейчас останавливаться на текстѣ проекта эс-эров. В дальнѣйшем я приведу ту окончательную программу, которая была принята.

Пока же отмѣчу ряд тѣх вопросов, которые вызвали дебаты при первом обмѣнѣ мнѣніями.

Каковы должны быть взаимоотношенія с «союзниками», допустимо ли их вмѣшательство в наши внутренніе дѣла, допустима ли их помощь не только финансовая и техническая, но и живой силой? Необходимо ли возобновленіе договоров с союзниками, аннулированных большевиками, или же надо считать акт большевиков ничтожным, а договоры—продолжающими имѣть законную силу, а может быть, необходим пересмотр этих договоров и возобновленіе на новых началах?

Должна ли быть в программѣ установлена федерація, как основа будущаго государственнаго строя Россіи, чтобы это было заранѣе извѣстно оторвавшимся областям и областям, находящимся под властью большевиков?

Допустимо-ли и в какой мѣрѣ или в каких мѣстностях вмѣшательство военных властей в сферу гражданскаго управленія? Допустимо-ли участіе военнослужащих в политических партіях и организаціях? Допустимо-ли их участіе в выборах? Допустимо-ли существованіе отдѣльных частей единой арміи по признаку той или другой народности?

Допустимо-ли признаніе автономіи отдѣльных областей? Какія мѣры должны быть приняты для огражденія гражданских свобод, объявленных, но не регламентированных? Каковы должны быть мѣры для возстановленія хозяйственной жизни страны? Какова должна быть земельная политика правительства?

Первый обмѣн мнѣній заканчивается.

Выясняется, что в таком порядкѣ вопроса не разрѣшить. Он передается на раз-

работку подкомиссии в составѣ: Кругликова, Серебренникова, Каэласа, Березовскаго и Букейханова.

В качествѣ эксперта рѣшено пригласить члена Государственнаго Совѣщанія экономиста П. П. Маслова.

Продолженіе засѣданія назначается на слѣдующій день.

Формально мы как будто дѣло сдѣлали. Но расходимся с тяжелым сознаніем, что в основном вопросѣ о контролѣ над властью соглашенія нѣт и что весьма тяжелое препятствіе к соглашенію остается не убранным с пути.

3.

Четыре засѣданія Совѣта Старѣйшин оставили в результатѣ на вѣсу вопрос о контролѣ над властью. Но еще важнѣе этого вопроса, был другой вопрос, вопрос, который возбуждался при дебатах, как о контролѣ, так и о программѣ правительства, и который каждый раз отклонялся, как вопрос, подлежащій особому обсужденію. Это был вопрос об отношеніи ко Всероссійскому Учредительному Собранію. Всѣ понимали исключительную остроту этого вопроса и разсчитывали подойти к нему уже послѣ того, как будут устранены другія разногласія. Но, волей-неволей, к нему в утреннем засѣданіи 15 сентября пришлось подойти. Так как вопрос этот имѣл огромное значеніе в дальнѣйшем, то, не желая брать на себя отвѣтственность за изложеніе хода дебатов, я привожу их в видѣ выписки из журнала засѣданія.

Предсѣдательствующій А. Н. Кругликов — предлагает отложить обсужденіе проекта платформы дѣятельности Всероссійскаго правительства, так как проект не был своевременно размножен. Обсужденіе откладывается.

Предсѣдатель предлагает высказаться по вопросу об Учредительном Собраніи. Послѣ двукратнаго приглашенія предсѣдателя приступить к обсужденію вопроса, прерывает молчаніе Л. А. Кроль. Он спрашивает, в чем заключается вопрос, поставленный на обсужденіе. Понимает так, что вопрос идет об отношеніи Государственнаго Совѣщанія к Учредительному Собранію.

В. М. Зензинов. (Съѣзд чл. Учр. Собранія): Опредѣленіе мѣста, какое должно занимать Учредительное Собраніе в вопросѣ о конструкціи власти и в процессѣ созданія власти Учредительнаго Собранія даннаго состава, должно быть основным моментом устроенія государственной жизни Россіи. По нашему мнѣнію, вопросы, когда будет созвано Учредительное Собраніе, при каком кворумѣ, и какова будет его компетенція, могут быть разрѣшены только самим Учредительным Собраніем. Группы, представленныя в Совѣщаніи, могут лишь высказаться, как должна быть ограничена программа дѣятельности Учредительнаго Собранія. Принимая во вниманіе ущербленность числа членов Учредительнаго Собранія, продолжительность срока, прошедшаго со дня его созыва, Съѣзд членов Учредительнаго Собранія полагает, что оно не может заниматься основными задачами Государства Россійскаго, выработкой его конституціи, а должно ограничиться дѣловой задачей — разрѣшеніем вопросов практическаго характера, связанных с веденіем войны против Германіи и ея союзников.

Л. А. Кроль. (к.-д.) Вопрос ставится о том, чтобы государственное совѣщаніе разрѣшило вопрос об Учредительном Собраніи. Такая постановка неясна. Прежде всего приходится констатировать факт, что Учредительнаго Собранія нѣт, а есть нѣкоторое число членов Учредительнаго Собранія, которое не должно считать себя Учредительным Собраніем. Если бы это число членов считало себя Учредительным Собраніем, то не было бы Государственнаго Совѣщанія. Отсюда ясно, что наличный состав членов Учредительнаго Собранія не считает себя Учредительным Собраніем. Поэтому вынуждены были допустить смѣшанный орган, каким является Государственное Совѣщаніе, для разрѣшенія вопросов, подлежащих Учредительному Собранію.

Мы намѣчаем программу дѣятельности правительства и Государственнаго Совѣщанія, Учредительному же Собранію никто не может предлагать программу. Сейчас ставится вопрос об ограниченіи программы Учредительнаго Собранія, но Учредительное Собраніе не может спрашивать программы для себя. Когда может

быть собрано Учредительное Собраніе, Государственное Совѣщаніе не может отвѣтить: соберется, когда соберется! Кворум Учредительнаго Собранія установить Государственное Совѣщаніе также не может. Компетенцію Учредительнаго Собранія Государственное Совѣщаніе опредѣлить тоже не может. При таких условіях я не понимаю, о чем нам говорить. В тот момент, когда Учредительное Собраніе найдет нужным собраться, при таком кворумѣ, который оно само найдет нужным, оно и объявит себя Учредительным Собраніем. Государственному Совѣщанію тут не о чем разсуждать: оно в этом не правомочно.

М. Я. Гендельман. (с.-р.) Я не вижу расхожденія во взглядах на Учредительное Собраніе у представителя партіи народной свободы и у представителя партіи социал-революціонеров. Зензинов только информировал, как смотрят члены Учредительнаго Собранія на свои задачи, а вовсе не предлагал Государственному Совѣщанію разрѣшать вопрос о компетенціи Учредительнаго Собранія: не права Учредительнаго Собранія, а обязанности правительства должно обсудить Государственное Совѣщаніе. Весь вопрос в том, чтобы мы всѣ подтвердили, что, когда Учредительное Собраніе соберется и опредѣлит свои задачи, избранное Государственным Совѣщаніем правительство должно сложить свои полномочія. Государственное Совѣщаніе должно это зафиксировать.

Л. А. Кроль. Слѣдовательно, Государственное Совѣщаніе должно вынести постановленіе о признаніи Учредительнаго Собранія. Это — умаленіе прав Учредительнаго Собранія. Учредительное Собраніе полномочно, когда соберется его пленум по меньшей мѣрѣ в размѣрѣ половины его членов плюс один. Оно может рѣшить тогда, что кворумом может быть и меньшее число, рѣшить, может ли имѣть значеніе отсутствіе в составѣ Учредительнаго Собранія большевиков и лѣвых эсеров, прибытіе или неприбытіе представителей Украины. Учредительное Собраніе ни в чьей санкціи не нуждается. Если же съѣдется нѣкоторое число членов Учредительнаго Собранія и объявит себя Учредительным Собраніем, то дѣло не в том, признает ли его Государственное Совѣщаніе, а в том, признает ли его страна. С идеологической точки зрѣнія даже вредно в Государственном Совѣщаніи обсуждать вопрос об Учредительном Собраніи. Предлагаю снять с обсужденія этот теоретическій вопрос.

В. М. Зензинов. Я этого вопроса и не ставлю. Я доложил только мнѣніе нашей группы. Нам интересно знать мнѣніе всѣх политических теченій по этому вопросу.

В. В. Сапожников. (Сиб.) Мнѣніе Сибирскаго Совѣта министров по этому вопросу выражено в пунктѣ третьем нашей деклараціи, который нужно понимать в том смыслѣ, что директорія отвѣтственна перед Учредительным Собраніем нового созыва. Совѣт министров не признает отвѣтственности правительства перед Учредительным Собраніем стараго состава. Если-бы потребовалось признаніе прав Учредительнаго Собранія настоящаго состава, то Сибирская делегація на это не уполномочена.

И. И. Войтов. Правительство Урала этого вопроса не касается, так как считает, что Учредительное Собраніе само опредѣлит свои права. Предлагаю снять вопрос с обсужденія.

М. Я. Гендельман. Вопрос является вопросом практической важности. Мы вырабатываем опредѣленныя директивы для будущей всероссійской власти. Но мы, социал-революціонеры, не принимали бы участія в организаціи власти, которая может посягнуть на Учредительное Собраніе. Вчера мы установили, что никакіе большевистскіе законодательные акты не имѣют никаких послѣдствій. Я желаю услышать подтвержденіе, что всѣ большевистскіе декреты и посягательства на Учредительное Собраніе тоже не имѣют никаких послѣдствій. Хотя на Учредительное Собраніе насильственно посягнули большевики, но оно не умерло. Оно само разрѣшит всѣ вопросы. Если не пріѣдут Украинцы, значит, они выбыли, как большевики и лѣвые эсеры. Но Учредительное Собраніе от этого не умирает. Когда возникнет спор о кворумѣ, то собравшіеся члены Учредительнаго Собранія могут рѣшить, вправѣ они себя объявить Учредительным Собраніем или нѣт. Мы были единодушны в Петроградѣ, когда постановили, что только члены Учредительна-

го Собранія сами вправѣ опредѣлить свой кворум и срок созыва. Когда началось изживаніе большевизма, то стали возникать областныя правительства, собравшіяся здѣсь. Изживаніе большевизма происходит на лозунгѣ народоправства; областныя правительства установили свою власть во имя Учредительнаго Собранія. Эти правительства должны сказать, что онѣ создают нынѣ Всероссійскую власть во имя народоправства, в защиту Учредительнаго Собранія.

В. П. Фомин. («Единство»). Я, как соціал-демократ, разумѣется, не меньше других цѣню идею Учредительнаго Собранія. И когда созовется настоящее Учредительное Собраніе, которое явится выразителем воли русскаго народа, то перед ним, конечно, будущее правительство должно сложить свои полномочія. Это ясно. Учредительное Собраніе — хозяин земли русской, и ему все будет подчинено. Но не о таком Учредительном Собраніи идет здѣсь рѣчь у граждан Гендельмана, Зензинова и их единомышленников. Они говорят об остатках Учредительнаго Собранія, разогнаннаго большевиками, членов котораго не насчитывается и сотня, и компетенцію котораго, если бы они объявили себя Учредительным Собраніем, граждане Гендельман и другіе ограничивают только разрѣшеніем вопросов, связанных с веденіем войны. У них рѣчь идет, слѣдовательно, не об Учредительном Собраніи, как «хозяинѣ земли русской», который начертает основные законы страны, а о так называемом Учредительном Собраніи, об остатках Учредительнаго Собранія стараго созыва, которые будут рѣшать лишь практическіе вопросы, связанные с войной. Вы видите, что рѣчь идет не об Учредительном Собраніи, а о квази-Учредительном Собраніи, о пародіи на Учредительное Собраніе. Это — факт, и этот факт я констатирую. Представители партіи с.-р. все боятся, как бы здѣсь не умалили значенія Учредительнаго Собранія. Они сами, как видите, умаляют его значеніе, замѣняя настоящее Учредительное Собраніе группой членов его, которым рекомендуется заняться только практическими вопросами, связанными с войной. Итак, мы не говорим уже здѣсь об Учредительном Собраніи. Вопрос снят фактически, и я предлагаю его снять и формально.

Б. С. Кибрик. (р.с.д.р.п.) Заявленіе Зензинова — изложеніе плана работ Учредительнаго Собранія. Государственное Совѣщаніе не может этого плана ни утвердить, ни отвергнуть. Но мы — реальные политики и должны ставить вопрос опредѣленно. Учредительное Собраніе не собрано, а собирается. Мы должны знать: силы правительства будут содѣйствовать этому созыву или противодѣйствовать? Ясно, что правительство, признающее новое Учредительное Собраніе, будет противодѣйствовать созыву стараго Учредительнаго Собранія. Повидимому, Учредительное Собраніе стараго созыва не является нулем, который можно не принимать во вниманіе. Это — величина, с которой приходится считаться еще до его созыва.

Нужно установить, что центральная власть должна содѣйствовать созыву Учредительнаго Собранія стараго созыва. Если центральное правительство будет противодѣйствовать созыву стараго Учредительнаго Собранія, то это вызовет оппозицію в рядах демократіи и рабочаго класса. Мы хотим, чтобы эта сторона вопроса была выяснена до созданія центральной власти, чтобы эта власть имѣла извѣстныя обязательства

А. Н. Кругликов. Внесено предложеніе снять вопрос с обсужденія. Но, отстранив этот вопрос, мы встрѣтимся с ним при обсужденіи платформы центральнаго правительства, гдѣ есть тезис, который говорит об Учредительном Собраніи стараго состава. Государственное Совѣщаніе призвано организовать центральную государственную власть, и нужно сказать, что эта власть должна созвать Учредительное Собраніе и сложить свои полномочія.

Л. А. Кроль. Партія народной свободы нигдѣ не заявляла о непризнаніи Учредительнаго Собранія, но она ставит вопрос не теоретически, а практически. Если соберутся 70 депутатов и скажут, что они — Учредительное Собраніе, то с этим можно будет спорить. Тогда может случиться, что в Самарѣ соберется 70 депутатов и объявят себя Всероссійским Учредительным Собраніем, а в Оренбургѣ соберутся 30 депутатов и тоже себя объявят Всероссійским Учредительным Со-

раніем. Что же тогда? — Получится явный абсурд. Вот, если соберутся 401 депутат и рѣшат, что достаточен кворум в 50 человѣк, я этот кворум признаю. Если мы ограничиваем права Государственнаго Совѣщанія или центральной власти, мы вправѣ это сдѣлать. Но как предписать создаваемому правительству добиваться созыва Учредительнаго Собранія, я этого не понимаю и считаю безполезными всѣ сужденія об Учредительном Собраніи. Жизнь покажет, что будет, когда Учредительное Собраніе соберется: или правительство сложит полномочія, или оно не признает Учредительнаго Собранія. Это будет зависѣть от реальнаго соотношенія сил. Наше признаніе или непризнаніе не имѣет никакого значенія.

М. Я. Гендельман. Должно быть ясно и точно сказано, что правительство должно сложить свои полномочія, когда соберется Учредительное Собраніе. Л. А. Кроль говорит, что правительство или подчинится, или не признает Учредительнаго Собранія. В созданіи такого правительства мы участія не примем. Мы представляем себѣ созыв Учредительнаго Собранія так: на опредѣленный срок созываются члены Учредительнаго Собранія; пріѣхавшіе в этот срок исполнили свой долг и правомочны рѣшить вопрос — возобновлять или не возобновлять работы Учредительнаго Собранія, или слѣдует назначить другой срок. Мы слышали, что Сибирское правительство Учредительнаго Собранія настоящаго созыва не признает: на признаніе у него нѣт полномочій. Предлагаю слѣдующее: тѣ представители, которые имѣют право признать или не признать Учредительное Собраніе настоящаго созыва, пусть это сдѣлают, а не имѣющіе права пусть запросят свои делегаціи и потом дадут отвѣт.

В. В. Сапожников. Предпочитает, чтобы по этому вопросу высказался И. И. Серебренников, как член **Правительства** Сибири.

И. И. Серебренников. Правительство Сибири признает Учредительное Собраніе новаго созыва, но не исключает возможности созыва Собора. Учредительное Собраніе настоящаго созыва может собраться и рѣшить вопрос о своем роспускѣ или возобновленіи работ. Когда этот вопрос станет перед ним, и Учредительное Собраніе спросит мнѣніе Сибирскаго правительства, то оно скажет, что это Учредительное Собраніе должно быть распущено.

Предсѣдатель Н. Д. Авксентьев. Мы находимся в періодѣ, когда Учредительное Собраніе не собралось. Мы должны построить обще-русскую власть, которая будет существовать извѣстный період времени. За это время может собраться Учредительное Собраніе стараго созыва. Отдѣльные члены этого Учредительнаго Собранія могут предложить ему возобновить работы или сложить свои полномочія и назначить перевыборы. Когда соберется Учредительное Собраніе, то оно будет хозяином. Необходимо поэтому организуемой нами власти дать это указаніе. Здѣсь ставится вопрос, должно ли правительство имѣть обязательство признать это Учредительное Собраніе. В этом направленіи я и предлагаю вести пренія.

М. Я. Гендельман. (Обращаясь к представителям Сибирскаго правительства). Если Учредительное Собраніе, собравшись, пожелает знать мнѣніе страны, и Сибирское правительство предложит ему распуститься, а оно не распустится, то подчинится ли Сибирское правительство открытому Учредительному Собранію или нѣт?

И. И. Серебренников. Не предрѣшая вопроса, полагаю, что Сибирское правительство оставит за собой свободу дѣйствій.

В. М. Зензинов. Учредительное Собраніе большевиками разогнано, но члены Учредительнаго Собранія своих полномочій не сложили, и, слѣдовательно, Учредительное Собраніе юридически продолжает существовать. Мы думаем, что Учредительное Собраніе соберется снова, и преемственность, связующая его с пятым января, будет установлена. Учредительное Собраніе — верховный хозяин русскаго государства. Кѣм будет созвано то новое Учредительное Собраніе, права котораго никѣм не оспариваются? Полагаю, что только Съѣздом членов Учредительнаго Собранія стараго созыва. На востокѣ Сибири правительство Хорвата объявило себя всероссійской властью. Может-ли это правительство созвать Учредительное Собраніе? — Полагаю, что нѣт. Мы собрались сюда для созданія верховной вла

сти авторитетной, влiятельной, пользующейся довѣрiем широких масс населенiя. Населенiе это сплотилось вокруг лозунга «Учредительное Собранiе». Во имя этого лозунга идет сейчас борьба с большевиками! Какая власть будет пользоваться большим довѣрiем: та-ли, которая будет апеллировать к Учредительному Собранiю, или та, которая не будет к нему апеллировать.

И. И. Серебренников. Сибирское правительсво полагает, что населенiе страны не поддерживает Учредительнаго Собранiя стараго состава. Слѣдовательно, необходимы перевыборы. Тут возникает вопрос, какая власть должна провѣрять выборное производство. Мы не предрѣшаем вопроса о том, слѣдует-ли исключать большевиков и лѣвых эсеров: исключить их полномочно только Учредительное Собранiе. Может быть, Учредительное Собранiе пополнит свой состав слѣдующими кандидатами по очередному списку — это тоже в компетенцiи Учредительнаго Собранiя.

М. Чокаев. (От имени четырех мусульманских делегацiй). Мы признаем: вся власть — Учредительному Собранiю настоящаго созыва. Большевистскiй акт о роспускѣ — ничтожен. Учредительное Собранiе стараго состава должно быть признано новой властью. Полномочiя большевиков кончились за непризнанiем ими Учредительнаго Собранiя и выходом их из него.

Е. Ф. Роговскiй спрашивает представителя Сибирскаго Правительства, кѣм должно быть созвано новое Учредительное Собранiе.

И. И. Серебренников. Директорiей. Учредительное Собранiе стараго созыва, рѣшив распуститься, может созыв новаго Учредительнаго Собранiя поручить Директорiи.

М. Я. Гендельман и В. М. Зензинов вносят предложенiе выяснить отношенiе делегацiй к предложенiям: 1) «обязать организуемое правительство принять всѣ мѣры для облегченiя условiй скорѣйшаго возобновленiя работ Учредительнаго Собранiя» и 2) «обязать правительство немедленно сложить свои полномочiя перед возобновившим работы Учред. Собранiем стараго созыва».

Принимается постановленiе: предоставить делегатам Сибирскаго Правительства снестись с послѣдним по прямому проводу, а остальным старѣйшинам переговорить со своими делегацiями.

М. Я. Гендельман. Я представляю себѣ возобновленiе работ Учредительнаго Собранiя так: Всѣ члены Учредительнаго Собранiя, находящiеся в мѣстностях, освобожденных от большевиков, постановляют пригласить всѣх членов Учредительнаго Собранiя собраться к опредѣленному сроку для рѣшенiя вопроса о возобновленiи работ Учредительнаго Собранiя. Съѣхавшiеся к этому сроку рѣшают вопрос, возобновить или не возобновить работы. Если рѣшат в утвердительном смыслѣ, то отсюда и считается время возобновленiя работ Учредительнаго Собранiя. Если рѣшат не возобновлять при данном составѣ, то намѣчают новый срок.

Е. П. Березовскiй. Чтобы созвать Учредительное Собранiе, нужно быть увѣренным, что приглашенiе будет получено своевременно. Есть-ли увѣренность, что приглашенiе получат всѣ члены Учредительнаго Собранiя? Можно ли быть увѣренным, что всѣ формальности будут соблюдены?

М. Я. Гендельман. Никаких гарантiй мы дать не можем, но будут приняты всѣ мѣры. Нѣкоторые члены Учредительнаго Собранiя уже ѣдут. Вот почему мы и настаиваем, что организуемая власть должна принять всѣ мѣры к этому.

Е. П. Березовскiй. Если таких гарантiй дать не можете, то не лучше ли отложить созыв до того времени, когда можно будет это гарантировать? Съѣхавшiеся на съѣзд члены Учред. Собранiя еще — не Учредительное Собранiе.

М. Я. Гендельман. Это рѣшат члены Учредительнаго Собранiя.

Предсѣдатель Н. Д. Авксентьев. Предлагаю обсудить в группах вопросы: о методѣ избранiя правительства, о персональном составѣ и о компетенцiи областных правительств при существованiи центральнаго правительства.

Слѣдующее засѣданiе назначается на 7 часов вечера. Засѣданiе закрывается.

4.

Пренiя в утреннем засѣданiи Совѣта Старѣйшин 15 сентября опредѣленно

размежевали группировки в их отношеніи к Учредительному Собранію стараго созыва. Перерыв до вечерняго засѣданія был использован для совѣщанія делегацій Партіи Народной Свободы, Сибирскаго Правительства, Казачьих Войск и «Единства». Занятая мной в утреннем засѣданіи позиція была признана самой сильной. В самом дѣлѣ, мое принципіальное отношеніе к Учредительному Собранію, по признанію эсера Гендельмана, не расходилось с отношеніем к нему эсеров. Тѣм сильнѣе явилось мое противодѣйствіе признанію осколка за цѣлое. Сбить меня с позиціи было труднѣе, чѣм других. Поэтому было рѣшено проведеніе вопроса об отношеніи к Учредительному Собранію от имени перечисленных выше делегацій поручить мнѣ.

Вечернее засѣданіе устанавливает по предложенію предсѣдательствующаго А. Н. Кругликова порядок дня: заявленія групп по вопросу об Учредительном Собраніи и обсужденіе вопросов о методах конструированія власти и о персональном составѣ правительства. Начало засѣданія я излагаю по записи в журналѣ его:

Л. А. Кроль от имени Партіи Народной Свободы, Сибирскаго Правительства и представителей Казачества и «Единства» предлагает М. Я. Гендельману освѣтить слѣдующіе вопросы с точки зрѣнія партіи соц.-рев.: во-первых, указать кворум, при котором считается возможным открытіе Учредительнаго Собранія; во-вторых, в какой срок можно созвать кворум, и, в-третьих, каковы задачи этого Учредительнаго Собранія?

М. Я. Гендельман (ц. к. п. с.-р.) В Москвѣ были опубликованы тезисы Ц. К. партіи с.-р., гдѣ и были указаны задачи Учредительнаго Собранія. Все пережитое, несомнѣнно, преломилось в психикѣ народа. Учитывая это обстоятельство и то, что цѣлый ряд избирателей, голосовавших за большевиков и лѣвых эсэров, остался без своих представителей, наша партія полагает, что Учредительное Собраніе не должно ставить на свое разрѣшеніе всѣ тѣ вопросы, которые при нормальных условіях должно разрѣшать. Но только оно одно может ограничить свою компетенцію. Соціалисты-революціонеры будут стремиться в Учредительном Собраніи к разрѣшенію основной задачи—организаціи обороны страны, борьбы за ея полное освобожденіе и независимость, и к разрѣшенію тѣх вопросов, которые выдвигаются на очередь интересами организаціи обороны. Мы примем мѣры, чтобы народ в скорѣйшем времени получил возможность вновь выявить свою волю путем перевыборов. И тогда вновь избранное Учредительное или «Законодательное» Собраніе установит основные законы нашей страны, завершит дѣло преобразованія нашей государственной и хозяйственной жизни.

Л. А. Кроль. Послѣ того, как Учредительное Собраніе объявляет о новых выборах в Учредительное Собраніе, продолжает ли оно законодательствовать?

М. Я. Гендельман. Да. Но, может быть, оно разрѣшит и правительству право законодательства, расширив его полномочія под своим контролем; что же касается кворума и срока созыва Учредит. Собранія, то ни Ц. К. партіи с.-р., ни бюро фракціи не фиксировали ни того, ни другого. Я могу высказать только свою личную точку зрѣнія, что кворум должен приближаться к половинѣ теперешняго состава. Полный состав Учред. Собранія около 810 человѣк; послѣ выбытія большевиков и лѣвых с.-р., остается около 500 человѣк; слѣдовательно, как кворум, было бы достаточно от 200 до 250 человѣк. Что же касается вопроса о времени, то, исходя из того положенія, что наиболѣе авторитетной является только власть, созданная Учред. Собраніем, надо спѣшить с его созывом. Срок должен быть минимальным, в теченіе котораго можно созвать указанный кворум. Я полагаю, что будет возможно созвать Учред. Собраніе в один-полтора мѣсяца.

Л. А. Кроль. Вы расчитываете в теченіе одного или полутора мѣсяцев созвать 250 человѣк?

М. Я. Гендельман. Да.

Вопрос считается исчерпанным.

Ген. В. Г. Болдырев. Прошу в число тѣх организацій, от имени которых говорил Л. А. Кроль, включить и Союз Возрожденія Россіи.

Так гласит журнал засѣданія. Из него неясно, к чему из того, что я «говорил», присоединился Союз Возрожденія, так как я только спрашивал. Но отвѣты Гендельмана дѣлали ясным для совѣта старѣйшин, к чему присоединяется Союз Возрожденія. Заявленіе Болдырева означало опредѣленное присоединеніе его к нашей группировкѣ в вопросѣ об отношеніи к Учр. Собранію, как результат малоудовлетворяющих отвѣтов Гендельмана.

Гораздо спокойнѣе, чѣм вопрос об Учр. Собраніи, дебатируется вопрос о методѣ составленія директоріи. Наибольшіе споры вызывает предложеніе Чокаева от имени мусульманских группировок составить директорію путем делегированія. Против этого предложенія высказываются почти всѣ. Указывают, что в таком случаѣ каждый член директоріи был бы ставленником только своей группы, что противорѣчит принципу соглашенія. Директорія была бы слишком многочисленна, ибо всѣ группы требовали бы представительства в ней.

Не поддерживает никто и коалиціонннаго метода: слишком всѣ помнят коалицію во Вр. Правительствѣ. Наибольшее сочувствіе встрѣчает мысль о персональном подборѣ. Выдвигается В. Г. Болдыревым вопрос о необходимости в составѣ директоріи одного военнаго, через котораго директорія осуществляла бы свою военную власть. Эту мысль поддерживают казаки и сибирское правительство. Послѣднее считает кромѣ того необходимым, чтобы в состав директоріи входило обязательно одно лицо, которое было бы полномочно от имени директоріи руководить внѣшней политикой.

Вопрос передается на предварительное обсужденіе групп, и приступают к другому: о числѣ лиц в директоріи. Казаки и к.-д. предлагают 3; мотив— больше спайки. Союз Возрожденія и «Единство» присоединяются, но не возражают и против 5; мотив (В. Г. Болдырева)—трудно найти одного, легче—трех и еще легче 5. Правительства Сибири и Урала, нар.-соц. и съѣзд земств и городов предлагают 5. Эс-эры предлагают не менѣе 5 и не болѣе 7. Мусульмане предлагают 7. Вопрос передается на предварительное обсужденіе групп.

Приступают к обсужденію вопроса о личных кандидатурах. Наступает заминка. Мое предложеніе поручить президіуму намѣтить единую спаянную группу, по методу образованія правительства Урала, не встрѣчает особеннаго сочувствія. Марков предлагает передать вопрос в подкомиссію. Шендриков считает, что надо выбирать исключительно лиц, находящихся на территоріи, освобожденной от большевиков. Сапожников полагает, что рано говорить о кандидатах, пока не выработана программа для правительства. В результатѣ и вопрос о кандидатах передается на предварительное обсужденіе группировок.

Засѣданіе закрывается до 2-х часов слѣдующаго дня. Накопилось много, слишком много матеріала, который необходимо обсудить по группам, а для этого нужно время.

5.

Заявленіе эс-эров в засѣданіи 15-го сентября о том, что кворум Учред. Собранія должен быть в 200—250 человѣк, дает новое направленіе мысли. На Госуд. Совѣщанія присутствует всего 70 членов Учред. Собранія. Это— все, что удалось собрать, и то с большими трудностями. Собрать еще 180 человѣк, находящихся большей частью в совѣтской Россіи, откуда выѣзд весьма затруднен, задача вообще трудная, а в короткій срок—неосуществимая. С другой стороны, кулуарныя свѣдѣнія указывали, что для эс-эров вопрос о признаніи Госуд. Совѣщаніем Учредительнаго Собранія даннаго созыва и отвѣтственности перед ним правительства является вопросом ультимативным: при отказѣ от этого нечего и думать о созданіи центральной власти. Идти на разрыв, разъѣхаться не создав власти, казалось немыслимым. Значит, необходимо пойти на уступку, но такую, которая фиксировала бы кворум Учредит. Собранія малоосуществимый, равно как опредѣленный срок, в теченіе котораго директорія работала бы без помѣх. На эту точку зрѣнія и стали наши группировки (за исключеніем делегаціи сибирскаго правительства, сто-

явшей твердо на своем). Другая сторона, по кулуарным свѣдѣніям, тоже готова пойти на нѣкоторыя уступки.

Засѣданіе 16 сентября с этого и начинается.

Гендельман уже согласен на установленіе срока созыва Учред. Собранія — 1 ноября. Если соберется 200 человѣк, то должно открыть его засѣданія, а, если нѣт, то отложить их.

Болдырев считает необходимым дать нѣкоторый срок власти поработать спокойно, предлагает поэтому срок созыва Учред. Собранія через 4 мѣсяца, а кворум установить в 250 человѣк. Четырехмѣсячный срок позволит и собрать такой кворум.

Серебренников заявляет о сохраненіи сибирской делегаціей своей позиціи: как срок созыва, так и какой бы то ни было кворум даннаго Учред. Собранія она отвергает.

Послѣ краткаго обмѣна мнѣній объявляется перерыв на 20 минут.

По возобновленіи засѣданія мною дѣлается заявленіе о результатах обсужденія вопроса в нашей группировкѣ:

«Пять групп (партія народной свободы, казачья группа, единство, союз возрожденія и сибирское правительство), обсудив вопрос, пришли к опредѣленному рѣшенію, за исключеніем представителей сибирскаго правительства, не получивших с мѣста отвѣта на свой запрос. Мы полагаем, что нужно искать общаго согласія и отбросить теорію. Даже партія с.-р. считает, что Учредит. Собраніе не может исполнить всѣх задач, на него возложенных, ограничится задачами, непосредственно касающимися войны, и сдѣлает все нужное для созыва новаго Учр. Собранія. По мнѣнію с.-р., собравшееся Учр. Собраніе будет тоже стремиться к созданію власти с широкими полномочіями. Принимая все это во вниманіе, мы полагаем, что кворум Учр. Собранія должен быть в 250 человѣк. Далѣе, мы считаем, что Учр. Собраніе не должно мѣшать работѣ власти, которой необходимо дать возможность подготовиться к отчету. Исходя из этого, мы считаем, что срок созыва Учред. Собранія должен быть отодвинут до 1-го февраля 1919 года. Наши выводы мы формулируем так: 1) правительство должно принять всѣ мѣры к обезпеченію съѣзда членов Учред. Собранія и 2) в случаѣ прибытія в первое засѣданіе достаточнаго числа членов Учр. Собранія к 1-му февраля 1919 года, способствовать Учр. Собранію в его открытіи и, по открытіи, дать ему отчет».

Наша формула не удовлетворяет противников: в ней можно усмотрѣть право правительства опредѣлять условія возобновленія работ Учред. Собранія, провѣрить его кворум; формула содержит представленіе отчета правительством, а не указывает на отвѣтственность правительства перед Учр. Собраніем и на сложеніе им полномочій по требованію Учредительнаго Собранія.

Завязываются пренія. Березовскій просит объявить перерыв для обсужденія в группах. Эс-эры высказываются против перерыва. Опять идут пренія. Войтов заявляет, что отвѣта об отношеніи правительства Урала к Учред. Собранію еще не получено. Сапожников заявляет, что отвѣта от сибирскаго правительства нѣт, так как испорчен провод. Гендельман считает, что, пока нѣт отвѣта сибирскаго правительства, не о чем говорить: соглашеніе с «Единством» немного даст. Я указываю, что, если считаться с единственным модным учетом удѣльнаго вѣса, по числу штыков, то, конечно, ни одной партіи не сравняться с сибирским правительством; но, если всѣ придут к соглашенію, то Сибири придется считаться с удѣльным вѣсом, хотя бы и не основанном на штыках.

Поддержка мнѣ оказывается сильная со стороны Березовскаго, который заявляет:

«Сибирское казачество всемѣрно поддерживает сибирское правительство, и в своих заявленіях я выступаю менѣе рѣшительно, чѣм мнѣ поручено. Но теперь, чтобы придти на помощь нашим братьям, Оренбургскому и Уральскому казачеству, я рѣшил быть вмѣстѣ с ними и пошел на уступки. Я не остановился даже перед расхожденіем во взглядах с сибирским правительством, которое осталось на своих позиціях. Я в своих уступках пошел дальше. Дѣлаю так единственно из искренняго желанія создать

необходимую в настоящих условіях единую центральную власть».

Заявленіе Березовскаго производит впечатлѣніе. Объявляется перерыв до 8 часов вечера.

Послѣ перерыва выступает с обширным заявленіем Гендельман, которое заканчивает так:

«От имени Учред. Собранія никто не смѣет говорить. Оно одно опредѣлит и кворум и срок. Но в виду тяжкой отвѣтственности, лежащей на нас, от имени партіи с.-р., я заявляю, что члены Учр. Собранія, принадлежащіе к нашей партіи, будут настаивать на признаніи кворума в 250 человѣк и на срокѣ созыва 1 января 1919 года. Но необходимо учесть условія, в которых приходится вести борьбу за возстановленіе работ Уч. Собранія. Многіе из членов Учр. Собранія находятся в предѣлах господства совѣтской власти, гдѣ они подвергаются арестам и даже разстрѣлам. При таком положеніи вещей, если к 1 января 1919 года 250 человѣк не съѣдутся, значит для того имѣются неодолимыя прпятствія, и тогда возобновленіе работ должно быть отложено до 1 февраля с тѣм, чтобы, в виду высказанных соображеній, оно послѣдовало уже при меньшем кворумѣ»...

Гендельман вносит проект резолюціи: «Государственное совѣщаніе устанавливает, как непремѣнную обязанность вр. всероссійскаго правительства:

1) оказаніе всемѣрнаго содѣйствія съѣзду членов Учред. Собранія, функціонирующему, как государственно-правовой орган, в его работѣ по обезпеченію пріѣзда членов Учр. Собранія и по подготовкѣ возобновленія занятій Учредит. Собранія настоящаго состава, безо всякаго со своей стороны вмѣшательства в указанную работу съѣзда членов Учред. Собранія.

2) Представленіе отчета в своей дѣятельности Учр. Собранію, немедленно по объявленіи Учр. Собраніем своих работ возобновленными, и безусловное подчиненіе Учр. Собранію, как единственной в странѣ верховной власти.

3) Неуклонное руководство в своей дѣятельности непререкаемыми верховными правами Учред. Собранія и неустанное наблюденіе, чтобы в дѣятельности всѣх подвѣдомственных врем. правительству органов не было допущено ничего, могущаго клониться к умаленію прав Учр. Собранія или к замедленію в возобновленіи его работ».

Предложеніе вызывает вопрос Фомина, почему съѣзд должен быть «государственно-правовым» органом. Я указываю, что предлагаемая формула—яркое выраженіе заранѣе недовѣрія правительству. Гендельман указывает, что необходимо гарантировать Учред. Собраніе, а для этого изъять из рук правительства созыв его: для этого и создается съѣзд; если он не будет государственно-правовым органом, то частному обществу правительство может чинить препятствія. Я указываю на опасность от возможнаго смѣшенія массами понятій: Учр. Собраніе, комитет членов Учр. Собранія, съѣзд членов Учред. Собранія; опасна возможность объявленія съѣздом о превращеніи себя в Учред. Собраніе.

Дебаты развиваются весьма широко. Нам стараются доказать, что у нас нѣт расхожденія по существу, а расхожденіе скорѣе чисто редакціонное. Мы с этим не соглашаемся: Березовскій считает, что в цѣлях созыва Учр. Собранія достаточно имѣть бюро из нѣскольких человѣк, а не цѣлый съѣзд. На вопрос Болдырева, уполномочен ли он измѣнить редакцію, Гендельман отвѣчает: «Я уполномочен категорически заявить, что дѣло созыва Учр. Собранія остается дѣлом съѣзда членов Учр. Собранія, и с этой позиціи мы не сойдем. То же существо, но в другой редакціи—я готов принять».

Объявляется перерыв на полчаса.

По возобновленіи засѣданія (цитирую далѣе по журналу) **Гендельман** оглашает новый проект редакціи перваго пункта: «Оказывать всемѣрное содѣйствіе функціонирующему, как государственно-правовой орган, Съѣзу членов Учредительнаго Собранія в его самостоятельной работѣ по обезпеченію пріѣзда членов Учр. Собранія и по ускоренію и подготовкѣ возобновленія занятій Учредительнаго Собранія». Просит занести в протокол, что считает это только редакціонной поправкой.

Н. Д. Авксентьев. Слѣдовательно фиксируется: Съѣзду членов Учредительнаго Собранія принадлежит единственная функція — созыв Учредительнаго Собранія.

М. Я. Гендельман. Единственная функція Съѣзда, как государственно-правового органа, обезпеченіе пріѣзда членов Учредительнаго Собранія, ускореніе и подготовка возобновленія его занятій.

Е. П. Березовскій. Съѣзд членов Учр. Собранія займется созывом Учредительнаго Собранія, а каково назначеніе Самарскаго Комитета членов Учредительнаго Собранія? Что он будет дѣлать?

Н. Д. Авксентьев. По моему мнѣнію он обратится в Съѣзд.

А. Н. Кругликов. Съѣзд является органом, впитывающим в себя членов Учр. Собранія. А поскольку он является органом управленія ....(ликвидируется, доканчивает Е. Ф. Роговскій — представитель Комуча).

Е. П. Березовскій. Прошу заявленіе это внести в протокол.

Н. Д. Авксентьев. Предлагаю принять редакцію, предложенную М. Я. Гендельманом.

Л. А. Кроль. Считаю необходимым принять проект о всемѣрном содѣйствіи Правительства созыву Учредительнаго Собранія. Что касается Съѣзда, то должно быть указано, что это за Съѣзд, гдѣ он собирается. Пункт в предложенной формѣ меня не удовлетворяет. Прошу занести это в протокол.

В. П. Фомин. Я не могу согласиться на эту формулировку.

М. Я. Гендельман. (На вопрос предсѣдателя). Для меня предложеніе Л. А. Кроля — о всемѣрном содѣйствіи Правительства созыву Учредительнаго Собранія — пріемлемо.

Н. Д. Авксентьев. Съѣздом членов Учр. Собранія именуется собраніе членов Учр. Собранія на территоріи, освобожденной от большевиков, членов, собранных в одно мѣсто. Как дѣйствующій в интересах созыва членов Учр. Собранія, он будет дѣйствовать в той мѣстности, гдѣ находится правительство.

Л. А. Кроль. Намѣчена-ли программа Съѣзда членов Учр. Собранія?

М. Я. Гендельман. Всякій член Учр. Собранія, удостовѣрившій свои права, имѣет право войти в Съѣзд и вліять на его работу.

Предсѣдатель Н. Д. Авксентьев. Позвольте считать вопрос ликвидированным.

Л. А. Кроль. Прошу занести в протокол, что этот пункт считаю вредным, как могущій имѣть большія послѣдствія. Я голосую против него, но, не желая быть виновником срыва соглашенія, пока остаюсь в Комиссіи.

Предсѣдатель Н. Д. Авксентьев (обращаясь к Гендельману). По поводу 2-го пункта вы даете от имени Ц. К. партіи с.-р. ручательство, что Учр. Собраніе будет открыто 1 января с кворумом 250 человѣк, а за кворум 1 февраля Ц. К. партіи с.-р. ручательства на себя не берет, так как Учредительное Собраніе само рѣшит этот вопрос.

М. Я. Гендельман. Ц. К. не может говорить, что Учредительное Собраніе на таких условіях откроется, но всѣ члены партіи с.-р. будут стоять на этой точкѣ зрѣнія.

Л. А. Кроль. Что будет 1-го февраля?

Н. Д. Авксентьев. Если 1 января 250 членов Учредительнаго Собранія не соберется, то с.-р. будут голосовать за перенесеніе срока на 1 февраля, а 1 февраля Учредительное Собраніе само рѣшит вопрос.

Л. А. Кроль. Прошу занести в протокол: «не существует разницы между большинством Учр. Собранія и партіей с.-р. Заявленіе это партію Народной Свободы не удовлетворяет. Если Учр. Собраніе может быть созвано при кворумѣ неопредѣленном, то партія Народной Свободы этого Учр. Собранія не признает. Но, если всѣ с этим согласны, то я пока остаюсь в комиссіи и не мѣшаю дальнѣйшему ходу работ.»

Н. Д. Авксентьев. Заявленіе партіи Народной свободы может быть сдѣлано тогда. Полагаю, что это заявленіе не мѣшает дальнѣйшим работам.

М. Я. Гендельман. В протокол занесено мое заявленіе. Учр. Собраніе созывается на 1 января. 1-го февраля оно

само рѣшает, открываться, или не открываться. Этого достаточно, как гарантія за дѣйствія членов Партіи.

Л. А. Кроль. Тогда я с пунктом вторым не согласен.

Н. Д. Авксентьев. Нужно думать о том, что будет с Россіей в теченіе первых трех мѣсяцев, а не о том, что будет дѣлать партія Народной Свободы 1-го февраля.

В. В. Сапожников. От окончательнаго рѣшенія вопроса отказываюсь за неимѣніем указаній от своего правительства.

Казачество тоже отказывается от окончательнаго рѣшенія вопроса.

М. Я. Гендельман. Не обсудив этого вопроса, нельзя приступить к разрѣшенію дальнѣйших вопросов, связанных с Учр. Собраніем.

А. А. Михѣев. Мы поняли поясненіе к 1 января, а по отношенію к 1 февраля — это для нас новость.

М. Я. Гендольман. Предлагаю вопрос об Учр. Собраніи оставить пока открытым и перейти к слѣдующему.

А. Н. Кругликов. Сибирское Правительство не имѣет указаній и отказывается, Партія Народной Свободы умолкает. Казачьи группы не имѣют опредѣленных заявленій. Это — не соглашеніе. Протестую против такого способа веденія соглашенія и предлагаю: или остаться и продолжать обсуждать, или, устроив перерыв, поставить друг другу вопросы.

М. Я. Гендельман. Если к 1 января не будет собран кворум, то, значит, к этому есть непреодолимыя препятствія. Если кворум не состоится, то собравшіеся члены Учр. Собранія рѣшают вопрос о его судьбѣ. Партія с.-р. готова установить кворум и для 1-го февраля, но только приблизительно, в одну треть, т.-е. — 170 человѣк.

А. А. Михѣев. Это — новое предложеніе. Его нужно обсудить.

Е. П. Березовскій. Если кворум 1-го февраля 170 человѣк, не предложить ли Учр. Собранію сократить и функціи: чтобы оно постановило распуститься и назначить срок новых выборов?

М. Я. Гендельман. Мы идем на ограниченіе задач Учр. Собранія теперь; пойдем на них и тогда. Но формальнаго заявленія не дѣлаю.

Е. П. Березовскій. Гендельман заявлял нам, между прочим, здѣсь, что Учр. Собраніе ограничит свои задачи самороспуском и назначеніем новых выборов. Я прошу всѣ эти заявленія занести в протокол.

М. Я. Гендельман. Логически слѣдует, что тогда члены Учр. Собранія с.-р. будут за дальнѣйшее ограниченіе прав Учр. Собранія, но формально я об этом не уполномочен заявить.

Объявляется перерыв на 15 минут.

Послѣ перерыва **А. А. Михѣев** спрашивает: Если 170 человѣк соберется, то в какой формѣ можно мыслить самоограниченіе Учр. Собранія?

М. Я. Гендельман. Я не уполномочен это указывать, но раз теперь ограничивали, то и тогда ограничат. Трудно дать отвѣт, не зная исторической обстановки, при которой произойдет открытіе. Может быть, Учр. Собраніе назначит только перевыборы.

А. А. Михѣев. Может быть, единственным и основным вопросом только и будет вопрос о перевыборах?

М. Я. Гондельман. Может быть, единственным и основным вопросом только и будет вопрос о перевыборах.

А. А. Михѣев. Прошу занести это в протокол. А от имени Казачьяго Войскового Круга заявляю, что он надѣется, что новое правомочное Учр. Собраніе, которое одно лишь вправѣ рѣшать основные вопросы, откроется.

М. Я. Гендельман. Позвольте считать мой отвѣт удовлетворительным.

И. Г. Болдырев. От имени Союза Возрожденія Россіи присоединяюсь к заявленію Казачества.

В. П. Фомин. Если соберется только 170 членов Учредительнаго Собранія, то они должны только заявить о необходимости новых выборов и прекратить свои работы. Если соотвѣтственный пункт нашего акта и не будет формулирован так ясно, как я бы хотѣл, я все таки буду принимать участіе в работах Совѣщанія по организаціи Всероссійской власти.

М. Я. Гендельман. Полагаю, что отказ

группы «Единство» не служит препятствіем к дальнѣйшей работѣ.

Предсѣдатель Н. Д. Авксентьев. Предлагаю этот вопрос считать ликвидированным.

Предложеніе принимается.

Л. А. Кроль. В резолюціи, которая принята, не указано сроков. Сроки внесены только в журнал. Но для широких масс и внѣшняго міра не будет видно, когда настает момент выявленія Учредительнаго Собранія. Предлагаю не затемнять этого перед народом.

Н. Д. Авксентьев. Ни в какую резолюцію это занесено быть не может, так как никто, кромѣ самого Учр. Собранія, не может назначать эти сроки. Но можно сдѣлать так: перед пленарным засѣданіем мы соберем Съѣзд членов Учр. Собранія и сообщим ему, что он выносит постановленіе о том, что на 1 января собираются члены Учредительнаго Собранія.

М. Я. Гендельман. Съѣзд не может сдѣлать такое заявленіе, а члены Учр. Собранія эсеры могут сдѣлать. Прошу занести в протокол заявленіе Н. Д. Авксентьева — с которым и я согласен—что срок созыва Учр. Собранія может назначить только само Учредительное Собраніе.

Засѣданіе кончено, одна гора на три четверти сдвинута. Намѣчаем повѣстку завтрашняго дня и с большой радостью расходимся, освободившись друг от друга.

6.

Послѣ мучительнаго засѣданія наканунѣ, слѣдующее, 17 сентября, протекает сравнительно спокойно. Всѣ сознают, что, хотя окончательнаго отвѣта сибирскаго правительства нѣт, но, раз достигнуто, пусть скрѣпя сердце, соглашеніе всѣх остальных, то вряд-ли сибирское правительство осмѣлится одно пойти на срыв соглашенія.

Засѣданіе начинается с сообщенія И. И. Войтова о полученном отвѣтѣ, что «правительство Урала, хотя и считает занятую здѣсь по отношенію к Учредительному Собранію настоящаго состава позицію непріемлемой, но, принимая во вниманіе настроеніе большинства членов совѣщанія и ради спасенія Россіи, заявляет, что оно будет признавать ту власть, которая будет образована здѣсь, и будет ей подчиняться». В. В. Сапожников сообщает, что от сибирскаго правительства отвѣта все еще нѣт, но что он ждет его полученія сегодня.

Ставится вопрос о контрольном органѣ. Сапожников заявляет: «Я получил категорическій отвѣт и руководство сибирскаго правительства, что никаких контрольных органов оно не допускает». Всѣ с удивленіем оглядываются. Правда, ни для кого не секрет, что «перерыв провода» с Омском — дипломатическій, что переговоры по ночам делегаціи с Омском идут очень усиленно; знают нѣкоторые из делегатов и о том, что мною получена телеграмма из Омска от Пепеляева, выражающая недовольство тѣм, что я иду на уступки в отношеніи Учредительнаго Собранія, и грозящая протестом от имени Ц. К.. Но сообщеніе Сапожникова об отвѣтѣ Омска насчет контрольнаго органа, когда он только что заявлял об отсутствіи отвѣта относительно Учредительнаго Собранія, производит большой эффект.

И. Е. Марков заявляет, что, так как состоялось соглашеніе о созывѣ в короткій срок Учр. Собранія, то, по мнѣнію делегаціи нар.-соціалистов, вопрос о контрольном органѣ отпадает. Я пытаюсь отмѣтить необходимость «договориться теперь же насчет того, чтобы в случаѣ, если Учр. Собраніе не соберется или распустится, Госуд. Совѣщаніе осталось в силѣ». Но всѣ так торопятся согласиться, что надобность в контрольном органѣ отпадает, что я не настаиваю. При особом мнѣніи остается Б. С. Кибрик, делегат Р. С. Д. Р. П.. неудовлетворенный отказом признать съѣзд членов Учредительнаго Собранія законодательным органом немедленно, но «не считает возможным ставить вопрос ультимативно и будет продолжать работать в комиссіи». Вопрос о контрольном органѣ рѣшается таким образом легче, чѣм ожидали; я остаюсь мало удовлетвореным. (Будущее показало, что я был прав: сохранись Госуд. Совѣщаніе, не могло бы быть переворота 18 ноября).

Переходим к постатейному обсужденію разсмотрѣнной подкомиссией «Программы работ вр. правительства». Пренія идут медленно, идет крохоборство, вопросы передаются то в подкомиссію, то в редакціонную комиссію, для чего объявляются перерывы. Наиболѣе сильные дебаты вызывает требованіе эсеров, чтобы правительство в своей земельной политикѣ руководилось законом, принятым Учр. Собраніем 5 января 1918 года. Для меня это совершенно непріемлемо. Я доказываю, что принятіе этого «закона» происходило в такой кошмарной обстановкѣ, что партія народной свободы не может признать его, и потому, если будет упомянуто об этом законѣ, ни один к.-д. в правительство не войдет. Гендельман пытается свернуть вопрос на то, будто я отстаиваю сохраненіе земли за помѣщиками. Я заявляю категорически, что я на этой точкѣ зрѣнія не стою, но вопрос ставлю совершенно ультимативно: если упоминаніе о «законѣ 5 января 1918 года» не будет снято, то я прекращаю свое участіе в работах. Эс-эры в свою очередь заявляют, что при такой постановкѣ вопроса, и они, вѣроятно, поставят его ультимативно. Вопрос передается в согласительную подкомиссію.

Предлагается (третій по счету) перерыв до 11 часов вечера. На это отвѣчают указаніем, что необходимо торопиться с окончаніем платформы. — Но вѣдь нѣт еще отвѣта Сибирскаго Правительства, замѣчает И. Е. Марков. — Может быть, Сибирское Правительство даст его к утру, подает насмѣшливо реплику Б. С. Кибрик. Марков обращает вниманіе на то, что в прессѣ уже появились рѣзкія сужденія о медлительности работ Совѣщанія, что необходимо успокоить общественное мнѣніе, нужно скорѣе кончать работу, а, в крайнем случаѣ, хоть информировать прессу. Войтов довольно рѣзко отмѣчает, что Сибирское Правительство заставляло Совѣщаніе и в началѣ задерживаться в своих работах, и теперь тоже; он предлагает поэтому пока хоть платформу закончить и доложить в пленумѣ. — Какая там платформа, когда соглашенія не достигнуто, меланхолически отвѣчает Кругликов. Болдырев предлагает просить представителей Сибирскаго Правительства сказать, как обстоит дѣло. И вот тут совершенно неожиданно раздается голос представителя Сибирскаго Правительства: «Исходя из соображеній разрабатываемой платформы, я должен заявить, что Сибирское Правительство ничего не имѣет против соглашенія всѣх членов по поводу Учр. Собранія, но о персональном составѣ правительства вопрос остается открытым». Впервые в нашем засѣданіи раздаются аплодисменты. Перерыв до 11 ч. вечера объявляют с нескрываемым удовольствіем.

Во время перерыва обсуждаем в подкомиссии вопрос об исключеніи упоминанія о «законѣ 5 января 1918 года». Доходим до страстнаго столкновенія с Зензиновым. Я бросаю работу и ухожу ужинать. На меня насѣдает Авксентьев, уговаривает согласиться. Я категорически отказываюсь, указывая на телеграмму Пепеляева, который и без того укоряет меня за соглашательство. Аргумент этот, повидимому, дѣйствует. Не знаю, с кѣм переговорил Авксентьев, но, послѣ ужина, эсеры в подкомиссии сдаются, и упоминаніе о законѣ 5-го января из соотвѣтственнаго пункта исчезает.

По возобновленіи засѣданія Совѣта Старѣйшин проект платформы принимается по частям и в цѣлом и сдается в редакціонную подкомиссію. Принимается рѣшеніе для внесенія нѣкотораго успокоенія в обществѣ созвать на завтра пленум.

Довольно быстро приходят к соглашенію о числѣ членов директоріи — пять. Отказывается от участія в обсужденіи вопроса о конструкціи и персональном составѣ директоріи делегат Р. С. Д. Р. П., в виду принципіальнаго отрицательнаго отношенія к формѣ власти, но этим не ставит вопроса об отказѣ от участія в работах Гос. Совѣщанія.

Приступают к намѣчанію кандидатов в директорію. Гендельман выдвигает кандидатуры И. Е. Тимофеева, В. М. Зензинова и Н. Д. Авксентьева. Я от имени партіи Народной Свободы называю Н. И. Астрова, В. Г. Болдырева, А. А. Аргунова и Н. В. Чайковскаго. Я отмѣчаю при этом, что при моем отъѣздѣ из Москвы Астров был опредѣленно отрицательно настроен против Учр. Собранія настоящаго созыва,

считая его партійным; поэтому остается под вопросом, как он отнесется теперь. Войтов называет кандидатуры В. Г. Болдырева, Н. Д. Авксентьева и П. П. Маслова; остальные делегаты просят отложить вопрос на слѣдующій день: они переговорят со своими делегаціями.

Подымается еще вопрос о взаимоотношеніях между центральной властью и областными правительствами. Завязывается принципіальный спор, слѣдует ли Гос. Совѣщанію фиксировать эти взаимоотношенія, или же это дѣло нужно предоставить жизни. Одни, в том числѣ и я, считают необходимым зафиксировать; другіе держатся противоположной точки зрѣнія. Наступает 1 час ночи. Всѣ переутомлены до крайности. Рѣшают отложить вопрос и слѣдующее засѣданіе назначить завтра в 1 час дня, чтобы редакціонная подкомисія успѣла выполнить свою работу.

7.

Засѣданіе 18 сентября начинается с утвержденія текста положеній, устанавливающих отношеніе правительства к Съѣзду членов Учр. Собранія и программу правительства, положеній, подлежащих оглашенію вечером в пленумѣ.

Утвержденіе этих положеній проходит совершенно спокойно. Так же спокойно принимается и предложеніе предсѣдателя ограничить порядок дня пленума кратким вступительным словом докладчика и оглашеніем принятых положеній. Но это оказывается затишьем перед бурей, которая разыгрывается совершенно неожиданно.

А. Н. Кругликов. Нужно-ли говорить о срокѣ созыва и кворумѣ Учр. Собранія, о методѣ составленія правительства и числѣ лиц в нем?

М. Я. Гендельман. О сроках и кворумѣ упоминать сейчас нельзя, пока не выработан личный состав и нѣт соглашенія по остальным вопросам. Это сдѣлает Съѣзд, созывая Учр. Собраніе.

А. А. Михѣев. Во избѣжаніе различных нежелательных кривотолков со стороны части населенія полагаю, что Гос. Совѣщаніе должно сказать, при каких условіях может быть допущено существованіе Съѣзда членов Учредительнаго Собранія.

М. Я. Гендельман. Мы опубликовываем не все соглашеніе, а только часть. И пока окончательнаго соглашенія не достигнуто, мы оставляем за собою свободу дѣйствій. Можно упомянуть: «что же касается возобновленія работ Учредительнаго Собранія, то об этом доложит Съѣзд членов Учредительнаго Собранія»

Генерал Катанаев (сиб. прав.) Сроки и кворум Учредительнаго Собранія настолько существенны, что необходимо сегодня же объявить о них.

Л. А. Кроль. Обязательство выходит одностороннее: Гос. Совѣщаніе единогласно признает требованіе партіи соц.-революціонеров, а нам говорят, что, если соглашенія не послѣдует, то соц.-революціонеры оставляют за собой свободу дѣйствій. Представьте себѣ, что по дальнѣйшим вопросам соглашенія не послѣдует; правительства мы не выберем, а съѣзд возьмет да и объявит себя Учредительным Собраніем. Вѣдь такая возможность не исключена.

М. Я. Гендельман. Наша воля такова: когда создастся правительство, тогда скажем о сроках. Пока достигнуто соглашеніе в одной части. Угодно часть огласить — оглашайте; не угодно — подождем, когда всѣ вопросы рѣшатся. Обязательств нѣт, так как нѣт соглашенія в цѣлом.

П. В. Мурашев (Прав. Урала). Если завтра выяснится, что единенія не будет по созданію центральной власти, то у одной части станет вопрос о созывѣ Гос. Совѣщанія, а не Учредительнаго Собранія. Предлагаю огласить состоявшееся соглашеніе во всей полнотѣ или не созывать пленума до окончательнаго соглашенія по всѣм вопросам.

И. И. Серебренников. Если нѣт увѣренности, что сойдемся на персоналѣ правительства, то нечего оглашать. Если же оглашать, то полностью.

Н. С. Анисимов. Остается рѣшить один вопрос — о персоналѣ директоріи. Странно спорить, оглашать или не оглашать. Нужно к вопросам подходить без всяких недомолвок. От нас ждуть опредѣленнаго отвѣта.

М. Я. Гендельман. Наши заявленія о кворумѣ и срокѣ будут имѣть силу, когда правительство будет создано. Когда вес

соглашеніе будет достигнуто, тогда и опубликуем. Мы вѣдь не будем говорить о пересмотрѣ вопросов о кворумѣ и срокѣ, но, так как они приняты условно, на случай созданія власти, опубликовывать их преждевременно.

С. Ф. Знаменскій (н. - с.). Мы являемся подотчетным органом Гос. Совѣщанія и должны ему дать отчет в нашей работѣ. Будет односторонность, если огласить одну часть соглашенія и умолчать о другой. Нужно изложить дѣло так, как оно есть. Говорят, что это преждевременно, что, если не столкуемся, то соглашеніе рушится. Тогда не нужно оглашать и первую часть.

Л. А. Кроль. На Съѣздѣ членов Учредительнаго Собранія этот вопрос не разсматривался. Предлагаю созвать Съѣзд; может быть он согласится опубликовать. Иначе пленарное засѣданіе не должно состояться.

В. М. Зензинов. Пленарное засѣданіе назначено в виду огромнаго интереса к нашим работам, как со стороны членов Гос. Совѣщанія, так и со стороны населенія. Было - бы цѣлесообразнѣе огласить одновременно, как пункты соглашенія, так и состав правительства. Но полнаго соглашенія еще не послѣдовало. Мы всѣ пришли к тому, что срок созыва и кворум должны быть приняты самим Учредительным Собраніем. Если мы объявим от имени Съѣзда, то будет - ли это дѣйствительным, если мы не придем к соглашенію по остальным вопросам? Раціональнѣе — сообщить, когда соглашеніе будет достигнуто полностью.

М. Я. Гендельман. Говорить от имени Учредительнаго Собранія никто не может Не комиссія выработала кворум и срок созыва Учредительнаго Собранія; она только заслушала мнѣніе по этому вопросу господствующей в Учредительном Собраніи партіи с. - р. и учла его. Заявленіе может быть сдѣлано только членами Учредительнаго Собранія, но не комиссіей, которая этих вопросов и не могла разрѣшать.

В. И. Фомин. Мы за Учредительное Собраніе не говорим. Мы говорим о своей работѣ. Мы пришли к извѣстному заключенію, и его надо объявить в пленумѣ. Как поступит съѣзд — это его дѣло. Отмѣна пленума не допустима. Всѣ ждут результатов работ Гос. Совѣщанія. Из Самары бѣгут не столько потому, что близко большевики, сколько вслѣдствіе паники, что власть не может создаться, что странѣ грозит хаос. Не надо злоупотреблять терпѣніем страны. Мы уже можем отвѣтить на вопрос, будет ли власть отвѣтственна, и мы должны отвѣтить. Удивляюсь, что предложеніе отмѣнить пленум поддерживает тот самый Гендельман, по многократному заявлнію котораго странѣ надо знать как можно скорѣе, что власть будет отвѣтственна перед Учредительным Собраніем.

М. Я. Гендельман. Можно ли говорить о соглашеніи, когда полнаго соглашенія нѣт? Населеніе ревниво относится к Учредительному Собранію. Если населеніе узнает, что правительства еще нѣт, а уже рѣшено, что Учредительное Собраніе соберется перваго января при кворумѣ в 250 человѣк, то это будет воспринято, как возможность безвластія еще в теченіе четырех мѣсяцев.

Л. А. Кроль. Я бы не возражал, если бы вопрос шел только об оглашеніи программы для правительства. Но мы оглашаем и об обязательствах правительства перед Учредительным Собраніем. Если часть населенія будет обезпокоена четырехмѣсячной отсрочкой Учредительнаго Собранія, то другая часть будет не менѣе обезпокоена тѣм, что страна обходившаяся столько времени без Учредительнаго Собранія и могущая еще потерпѣть без него, получит Учредительное Собраніе в двадцать человѣк! Мы желаем, чтобы одновременное успокоеніе получила вся страна. Я категорически против одностороннего опубликованія соглашенія.

Предсѣдатель Н. Д. Авксентьев. Общее собраніе должно сегодня состояться во что бы то ни стало. Я вижу один из двух выходов; или предложить Гос. Совѣщанію на утвержденіе одну только программу правительства без главы «об обязанностях правительства в отношеніи Всероссійскаго Учредительнаго Собранія», или — сейчас же собрать съѣзд членов Учредительнаго Собранія и предложить ему постановить в условной формѣ, что, если соглашеніе будет достигнуто, то кворум и срок созыва Учредительнаго Собранія устанавливаются такіе - то, и огласить это в пленумѣ.

М. Я. Гендельман. Предложеніе о постановленіи съѣзда технически не выполнимо. Возникнут пренія, и это затянет вопрос. Предлагаю предложить на утвержденіе одну только программу, не упоминая об Учредительном Собраніи.

В. П. Фомин. Преній быть не может. Вопрос идет не о том, чтобы объявить что либо неожиданное от имени съѣзда, а что бы констатировать факт согласія съѣзда на опредѣленный срок и кворум.

И. М. Зензинов. Предлагаю ограничиться оглашеніем программы с добавленіем, что по остальным вопросам достигнуто соглашеніе.

Н. С. Шендриков. При таких условіях нельзя открывать пленарное засѣданіе. Всѣ наши войска освѣдомлены об условіях состоявшагося соглашенія, и неупоминаніе о них вызовет в их средѣ недоумѣніе и кривотолки. Предлагаю просить Съѣзд сейчас же разрѣшить вопрос, а пленум отложить, хотя бы даже до десяти часов и дальше. Категорически заявляю, что представители казачества не согласны на оглашеніе одной платформы.

Н. Д. Авксентьев. Обществу важно знать, что комиссія работает не безплодно. Комиссія может предложить пока только окончательно обработанные вопросы, а в отношеніи остальных предсѣдатель может сказать, что по основным вопросам соглашеніе достигнуто, или что они редактируются. Если отложим засѣданіе, то это произведет неблагопріятное впечатлѣніе. Нужно найти выход во что бы то ни стало, чтобы не создавать паники.

Н. С. Шендриков. Мы настаиваем на своем предложеніи. Это не громоздкое дѣло — созвать Съѣзд членов Учредительнаго Собранія: соберутся-же они к шести часам, ко времени открытія общаго собранія. Предлагаю отложить открытіе общаго собранія до семи часов, а в это время устроить засѣданіе Съѣзда. Если - же это — вопрос принципіальный, то тѣм хуже.

Н. Д. Авксентьев. Что же должен сказать Съѣзд?.

Л. А. Кроль. Мы созовем Съѣзд и предложим ему принять слѣдующее: «Съѣзд наличных членов Всероссійскаго Учредительнаго Собранія в засѣданіи восемнадцатаго сентября постановил: В случаѣ образованія в ближайшіе дни Гос. Совѣщаніем Временнаго Всероссійскаго Правительства, обезпечивающаго на время странѣ столь необходимую центральную власть, созвать на первое января 1919 года Всероссійское Учредительное Собраніе и, в случаѣ прибытія не менѣе 250 человѣк, открыть его дѣйствія. Если указаннаго кворума к первому января не будет, то возобновленіе работ откладывается до перваго февраля 1919 года, при кворумѣ 170 человѣк». Дебатов хватит часа на два, а в восемь часов можно будет открывать и пленум.

И. И. Серебреников. Я не понимаю предложенія Л. А. Кроля, чтобы заявленіе было сдѣлано не от Гос. Совѣщанія, а от Съѣзда. Вѣдь Съѣзд может потом пересмотрѣть свое рѣшеніе. Заявленіе должно быть сдѣлано от имени Гос. Совѣщанія, а не от имени Съѣзда.

Н. Д. Авксентьев. Гос. Совѣщаніе не может устанавливать кворум и сроки созыва Учредительнаго Собранія. Гарантіи дает Ц. К. партіи С. Р. Съѣзд может постановить созвать Учредительное Собраніе в извѣстный срок. Съѣзд не может не выполнить взятаго на себя обязательства, иначе он будет тогда имѣть опредѣленное к себѣ отношеніе.

Объявляется перерыв. Стекается публика. Ей приходится пережидать, пока идет неожиданное засѣданіе Съѣзда членов Учредительнаго Собранія, к счастью непродолжительно, а затѣм возобновленное засѣданіе Комиссіи. Публика нервничает. Мы знаем это, и засѣданіе наше сокращаем до минимума. Авксентьев сообщает, что предложенный мною проект постановленія Съѣздом принят. Докладчика, Кругликова, уполномачивают огласить в пленумѣ, что число членов директоріи принято нами в пять человѣк, а метод избранія — персональный. Мы спѣшим перейти в зал засѣданій пленума.

ГЛАВА XIX.

Четвертое засѣданіе Гос. Совѣщанія.—Опять в комиссіи.—Предѣлы компетенціи областных правительств. Заявленіе кандидатур —„Эппэрат“ —Разногласія в вопросѣ о кандидатурах.—Отказ от партійнаго давленія на членов Директоріи.—Послѣднее соглашеніе. Торжественное засѣданіе Гос. Совѣщанія.—Привѣтствія англійскаго и французскаго правительств —Акт об образованіи Верховной Власти —Торжественное обѣщаніе —Заключительные аккорды. Рѣчь Павлу —Наше самочувствіе.

I

Четвертое засѣданіе Государственнаго Совѣщанія — такой же спектакль, как и три предыдущих. Все идет чрезвычайно гладко, единодушно.

Сообщается, что президіумом для привѣтствія командующаго и войск союзных армій командированы князь Г. Е. Львов и член Учр. Собранія Г. Е. Колосов, а для выясненія им стратегическаго положенія, «на том русско-нѣмецком фронтѣ, который образовался на берегах Волги» — товарищ управляющаго военным вѣдомством (Комуча) полк. Лебедев и ген. штаба подполк. Акинтіевскій.

Кругликов докладывает весьма кратко о том, что комиссія по организаціи власти имѣла 10 засѣданій, выработала положенія об отношеніи правительства к Учр. Собранію и программу правительства, зачитывает то и другое и сообщает по порученію съѣзда членов Учр. Собранія постановленіе его в отношеніи Учр. Собранія. Все принимается без единаго слова спора, единогласно.

Для совершенно непосвященнаго в закулисныя дѣла зрителя мы, может быть, и являем собою рѣдкій примѣр добраго согласія, но заключительная рѣчь предсѣдателя полуоткрывает и для него, если он привык читать между строк, что все далеко не так просто, как кажется.

Констатируя достиженіе единогласнаго соглашенія по важнѣйшим вопросам, Авксентьев говорит: «Пять дней прошло с тѣх пор, как мы избрали нашу комиссію по вопросу об организаціи государственной власти. Эти пять дней, я убѣжден, как членам Гос. Совѣщанія, так в особенности странѣ и арміи показались, быть может, пятью мѣсяцами....

...Теперь, быть может, еще одно небольшое напряженіе, быть может, еще один или два дня, и Государственное Совѣщаніе может назвать странѣ не только тѣ принципы, тѣ основанія и программу, на которых будет строиться государственная власть, но и назвать тѣ имена, которыя мы поставим во главѣ возрождающейся, долженствующей быть единой, сильной, могучей Россійской Республики...»

Публика, как будто, удовлетворена, но мы, члены комиссіи, на своей спинѣ вынесшіе в теченіи пяти дней эти десять засѣданій, отлично отдаем себѣ отчет, что еще не два дня стоят перед нами, и что «небольшое напряженіе» будет не малым! Но жизнь берет свое. То предстоит еще только завтра. А сегодня хоть можно вечер отдохнуть.

Засѣданіе комиссіи 19 сентября начинается с заслушанія порученнаго мнѣ доклада о взаимоотношеніях между центральным правительством и областными. Признавая невозможным принятіе точно конструированных положеній, я предлагаю проект декларативной резолюціи Гос. Совѣщанія. Это вызывает споры.

Нѣкоторые находят, что разграниченіе функцій центральнаго и областных правительств должно быть установлено теперь же. Но в концѣ концов моя точка зрѣнія берет верх, и переходят к постатейному чтенію проекта резолюціи.

Выдвигаемый мною принцип сохраненія широкой автономіи областей споров не вызывает. Но несомнѣнно, что предѣлы компетенціи областных правительств не могут быть одинаковы: нельзя дать Башкиріи такой же автономіи, как Сибири. Кому же опредѣлить предѣлы компетенціи отдѣльных областных правительств? Сибиряки предлагали предоставить это соглашенію центральнаго правительства с каждым из областных. Пойти на это значило-бы фактически сдѣлать областныя правительства независимыми или, по крайней мѣрѣ, позволить им затянуть надолго свою независимость, а может быть и пойти на риск столкновенія.

Редакція моего предложенія была такова: «установленіе предѣлов компетенціи областных правительств... предоставляется мудрости Вр. Всероссійскаго Правительства». Вот эта «мудрость» вызвала много дебатов. Написать просто «предоставляется Вр. Правительству» всѣ находили невозможным: в такой редакціи директорія получила бы право на слишком широкое усмотрѣніе. А «мудрость» не нравилась. И все таки, сколько ни мудрили и сколько надо мной ни подтрунивали и во время засѣданія и позднѣе в кулуарах, «мудрость» пришлось оставить.

Пренія заканчиваются, и послѣ небольшого перерыва резолюція принимается единогласно.

Все кончено. Остается послѣдній акт — столковаться о кандидатах в члены директоріи. Начинаются заявленія кандидатур:

1) От соц.-революціонеров — Тимофеев, Зензинов, Авксентьев.

2) От партіи Народной Свободы — Астров, Аргунов, Болдырев, Чайковскій.

3) От правительства Урала — Авксентьев, Болдырев и Маслов.

4) От Союза Возрожденія — Авксентьев, Астров и Болдырев.

5) От Народных Соціалистов — Чайковскій, Авксентьев, Болдырев и Астров.

6) От «Единства» — Аргунов, Маслов, Брешко-Брешковская и Астров.

Остальныя делегаціи пока кандидатов не заявляют.

Предлагают начать обсужденіе предложенных кандидатур. Против этого возражают: указывают, что с этим надо обождать заявленія всѣх кандидатур. С этим соглашаются. Засѣданіе прерывается до вечера.

Вечером выясняется, что Сибирская делегація считает нобходимым посвятить вечер совѣщанію в своей средѣ. Так как Р. С. Д. Р. П. отказывается принципіально выдвинуть кандидатуры, а мусульманскія группы заявляют, что они удовольствуются обсужденіем кандидатур, выставленных другими, то констатируют, что пока кандидатов не заявили Комуч, Казачество и Сибирское Правительство, и засѣданіе закрывается до завтра.

Вечер свободен. Столовая Сибирской Гостинницы гудит, как улей. За столиками только и разговора, что о кандидатах. Обращает на себя вниманіе всѣх красиво сервированный большой стол с цвѣтами. Оказывается, это приготовлено для Сибиряков. С большой свитой вскорѣ появляется генерал Иванов-Ринов в давно нами невиданном форменном сюртукѣ и в погонах. Он — военный министр и командующій войсками сибирской арміи. И все возстановлено по старому: погоны, аксельбанты, ордена, шпоры. Генерал Иванов-Ринов обходит столики, милостиво здоровается с знакомыми, и через нѣсколько минут большой стол с сидящей за ним группой образуют полную диссонанса с окружающим картинку, как-бы ворвавшуюся из одной эпохи в другую. Сидящій за одним столиком со мной в скромном потертом пиджакѣ с Георгіем в петлицѣ, генерал Болдырев говорит мнѣ, указывая на одного генерала из свиты Иванова-Ринова (Бѣлова): «а давно-ли он был капитаном, одним из моих слушателей в Академіи?» Появляется неизвѣстно откуда

бросающаяся в глаза фигура Бориса Савинкова и вскорѣ исчезает.

2.

20-го сентября утром до начала засѣданія я заглянул к Авксентьеву. Застал его в сильно раздраженном состояніи. Взволнованно передавал он мнѣ о только что состоявшемся посѣщеніи его сибирским министром Старынкевичем. Старынкевич — бывшій эсер, весьма близко стоявшій в свое время к Рутенбергу. И вот теперь, этот недавній однопартіец Авксентьева явился к нему для бесѣды по вопросу об организаціи власти и усиленно подчеркивал, что самое важное — это «эппэрат», как выговаривал пшютовски, в передачѣ Авксентьева, слово «аппарат» Старынкевич. И трудно было сказать, что больше возмущало Авксентьева: пшютовскіе вид и манеры его бывшаго однопартійца, или грубое подчеркиваніе того, что, если сохранить весь состав Сибирскаго Правительства, хотя бы в видѣ совѣта министров, то можно и столковаться, а если нѣт, то это остается под сомнѣніем. Скорѣе всего Авксентьева возмущало и то и другое. Меня требованіе Старынкевича нисколько не удивило: я уже достаточно знал сибирское правительство, и каковы «государственныя» соображенія, которыми в Омскѣ руководятся. Требованіе Старынкевича было, по существу, только болѣе циничным повтореніем Авксентьеву того, что мнѣ в другой формѣ, как я это указывал, сказал 12-го сентября Серебренников.

Утреннее засѣданіе Совѣта Старѣйшин в этот день было весьма кратким. Новых кандидатур не заявляли. Одно весьма важное постановленіе было, однако принято. Оно гласило: «Замѣстители членов Правительства избираются из лиц, находящихся в списках, также по персональным признакам, особый замѣститель к каждому члену Правительства. Для даннаго момента или член Правительства или его замѣститель должны быть на лицо или имѣть полную возможность явиться в кратчайшій срок.»

Такое постановленіе было необходимо, как по чисто техническим соображеніям, чтобы получить реальную возможность имѣть немедленно состав Директоріи, так и потому, что необходимо было имѣть болѣе широкое поле для выбора: нельзя было одной тѣсной пятеркой удовлетворить групповые аппетиты.

В вечернем засѣданіи новыя кандидатуры были, наконец, заявлены. Это были: генерал М. В. Алексѣев, В. В. Сапожников, С. В. Востротин, И. А. Михайлов, П. В. Вологодскій.

Обсужденіе кандидатур было весьма кратким. Приняли рѣшеніе прежде всего, путем заявленія отводов, устранить кандидатуры безнадежныя. Против С. В. Востротина возражали категорически и ультимативно эсеры: они ставили ему в вину какое-то обращеніе его к Японіи. Наибольшее число отводов выпало на долю И. А. Михайлова (единственная кандидатура, против которой заявил категорическій отвод и я, не смотря на то, что в теченіе дня меня многіе убѣждали не дѣлать этого, опасаясь с его стороны интриг против Директоріи). После учета отводов, оставалось опредѣлить: кому же быть членами Директоріи и кому замѣстителями? На этом засѣданіе прерывается, и начинается закулисная работа, закулисные переговоры и сговоры.

Не имѣя возможности провести Михайлова (да и нельзя сказать, чтобы они его особенно отстаивали), сибиряки настаивали на кандидатурѣ в члены Директоріи П. В. Вологодскаго. Они считали, что этим в Директорію уже включается один эсер, и этого с эсеров довольно. Эсеры, считаясь с необходимостью дать мѣсто в Директоріи представителю Сибирскаго Правительства, относились к кандидатурѣ Вологодскаго, как эсэра, с насмѣшкой: они его своим и не думали считать.

Мало-мальски пріемлемым из эсеров для сибиряков был А. А. Аргунов и с трудом — Н. Д. Авксентьев. Для эсеров же Аргунов представлял такую фигуру, что у них поднялся вопрос о постановкѣ ему ультиматума: или заявить об отказѣ от своей кандидатуры, или уйти из партіи. Что касается Авксентье-

ва, то эта кандидатура была для них пріемлема, как вторая, при непремѣнном условіи, чтобы рядом с ним был один из ортодоксальных эсеров: Тимофеев, Донской или Зензинов. Из этих трех кандидатов мы знали лично одного Зензинова. К нему привыкли, но и то о нем в качествѣ члена Директоріи Сибиряки в началѣ и слышать не хотѣли.

Таковы были разногласія в отношеніи гражданских кандидатов в члены Директоріи. Другое разногласіе было в отношеніи кандидатов — военных. Сибиряки и Казачество стояли за кандидатуру в члены Директоріи генерала Алексѣева, пріемля вполнѣ Болдырева в качествѣ замѣстителя. Эсеры ни в коем случаѣ не соглашаются на кандидатуру генерала Алексѣева в члены Директоріи и, скрѣпя сердце, готовы принять кандидатуру генерала Болдырева.

На суммѣ этих разногласій мы вертимся сутки. В наших группировках наиболѣе непримиримо держатся Сибиряки: в них чувствуется готовность сорвать соглашеніе. И если бы не уступчивость Сибирскаго Казачества — реальной опоры Сибирскаго правительства — и не давленіе в самый послѣдній момент на Омск и Самару со стороны «союзников», то соглашеніе несомнѣнно было-бы сорвано.

Засѣданіе возобновляется только вечером 21 сентября. Болдырев от имени делегацій Сибирскаго Правительства, Партіи Народной Свободы, Конференціи Казачьих Войск, Союза Возрожденія Россіи предлагает список членов Директоріи в составѣ: Н. И. Астров, В. Г. Болдырев, П. В. Вологодскій, Н. В. Чайковскій и Н. Д. Авксентьев. При этом он заявляет, что «представляемыя им пять делегацій не отказываются от дальнѣйших поисков путей соглашенія, если противоположными группировками будут сдѣланы какія либо предложенія и заявленія».

Другая сторона выдвигает на мѣсто Н. В. Чайковскаго — Зензинова, Донского или Тимофеева.

Начинаются дебаты, из которых, по заявленным требованіям, заносятся в протокол засѣданія заявленія:

С. Ф. Знаменскаго — от энесов, что для них оба списка равно пріемлемы.

Мое — от делегаціи партіи Народной Свободы: «Совершенно неравноцѣнны в качествѣ члена Директоріи имена Чайковскаго с одной стороны и Зензинова, Тимофеева или Донского — с другой. Не предрѣшая вопроса о том, как отнесется делегація к кандидатурѣ этих лиц в замѣстители членов Директоріи, делегація не находит возможным замѣнить извѣстное в странѣ и далеко за ея предѣлами имя Н. В. Чайковскаго малоизвѣстным в народѣ именем Зензинова или совершенно неизвѣстными даже в политических кругах — как, например, делегаціи к.-д. — именами Донского или Тимофеева».

М. Я. Гендельмана — от партіи с.-р., что «на вопрос, какія возможны измѣненія, чтобы достичь соглашенія, Кроль разъяснил, что измѣненія могут послѣдовать в спискѣ замѣстителей, и что таким образом замѣстителем к Чайковскому мог-бы быть помѣщен кандидат противоположной группы. В дальнѣйшем обмѣнѣ мнѣній, на указаніе, что один из названных кандидатов, Донской, Тимофеев или Зензинов, замѣщая отсутствующаго Чайковскаго, немедленно вступит в Правительство в качествѣ полноправнаго члена и, слѣдовательно, окажется пріемлем для групп другой стороны, а потому может с таким же правом быть помѣщен в основном спискѣ, Кроль разъяснил, что для основного списка нужны извѣстныя странѣ имена, тогда как в спискѣ замѣстителей можно удовольствоваться менѣе значительными именами. Представители казачьих групп присоединились к объясненіям Кроля». Из этого Гендельман дѣлает слѣдующій вывод, который также просит занести в протокол: «Тѣ группы, от имени которых оглашал заявленіе генерал Болдырев, допускают, чтобы соглашеніе разстроилось только из-за того, в каком спискѣ будет фигурировать кандидат, хотя, как фактическій участник Правительства, этот кандидат для указанных групп оказывается вполнѣ пріемлемым».

На этом засѣданіе кончается. Расходимся под впечатлѣніем недостигнутаго

соглашенія. Возлагаем надежды на слѣдующее утро. Группировки совѣщаются.

В утреннем засѣданіи 22-го сентября устанавливаем чрезвычайно важный принцип, без рѣшенія котораго вопрос о том, согласиться ли эсерам на то, чтобы один из их спорных трех кандидатов был замѣстителем Чайковскаго, не имѣет реальнаго значенія.

Этот принцип гласит: «При первоначальном формировании Правительства отсутствіе члена Правительства обусловливает вступленіе в состав Правительства его замѣстителя». Такое постановленіе гарантирует эсерам реальное второе мѣсто в Директоріи, впредь до пріѣзда Чайковскаго из Архангельска, чего вскорѣ, разумѣется, ждать нельзя.

Одновременно, в виду опасеній, что партіи будут давить на своих членов в Директоріи, заносится в протокол заявленіе представителей партій Соц.-Революціонеров, Народной Свободы и Трудовой-Народно-Соціалистической о том, что «установленіе персональнаго признака при составленіи Правительства исключает возможность партійнаго давленія на членов Правительства, принадлежащих к той или другой партіи, слѣдовательно, исключает и возможность отозванія».

Эти рѣшенія удовлетворяют эсеров. Во время перерыва благополучно рѣшается в утвердительном смыслѣ вопрос о кандидатурѣ В. А. Виноградова в замѣстители Н. И. Астрову. И в вечернем засѣданіи мы оказываемся, наконец, в состояніи «единогласно» постановить предложить Государственному Совѣщанію на утвержденіе состав Правительства:

1) Н. Д. Авксентьев — замѣститель А. А. Аргунов, 2) Н. И. Астров — замѣститель В. А. Виноградов, 3) В. Г. Болдырев — замѣститель М. В. Алексѣев, 4) П. В. Вологодскій — замѣститель В. М. Зензинов.

Работа кончена поздно вечером. Завтра — послѣдній ея аккорд, торжественный спектакль Государственнаго Совѣщанія! И в первый раз за все время мы облегченно вздыхаем и на радостях устраиваем импровизированный банкет. Он тянется далеко за полночь. Забыты в этот момент вся рознь, вся грызня. Мысли получают другое направленіе. И нѣкоторые спрашивают друг друга: а не было ли ошибки; не слѣдовало ли с банкета начинать?

3.

Торжественное заключительное засѣданіе Государственнаго Совѣщанія 23 сентября открывается только в 11½ часов вечера. Такой поздній час открытія вызван тѣм, что заготовляются подлежащіе подписанію акты, ждут представителей союзников с весьма важными для дѣла отвѣтами «союзных» правительств на их донесенія о фактически достигнутом соглашеніи, подлежащем только чисто оффиціальной санкціи.

Государственное Совѣщаніе в полном составѣ. Кромѣ президіума — на лицо: 70 членов Учредительнаго Собранія, 32 делегата областных правительств и казачьих войск, 12 представителей партій и организацій. В мѣстах для почетных гостей и для публики занято все сплошь.

Оглашаются привѣтствія.

От англійскаго правительства: ...«Британская нація с чувством искренней и глубокой дружбы смотрит на Россію, в которой видит вѣрнаго союзника, только, благодаря интригам врага и низкому предательству части своего народа, временно сошедшаго с поля битвы, гдѣ ведется борьба за свободу всего міра. Британскій народ с облегченіем видит, что Россія, не обманувшая довѣрія, которое союзники не переставали возлагать на нее, теперь снова возвращается на поле битвы и он радостно протягивает ей руку помощи. Да положит Совѣщаніе в Уфѣ основаніе новой Россіи, освобожденной и сильной, поддерживаемой единодушной преданностью ея сынов. Ольстон». (Уполномоченный великобританскаго правительства в Сибири, по порученію из Лондона).

От французскаго правительства: «французское правительство с удовольствіем принимает декларацію Государственнаго Совѣщанія, собравшагося в Уфѣ, и просит передать всѣм его членам, без различія партій, увѣреніе, что французское правительство готово оказать Россіи полную поддержку для водворенія порядка и изгнанія, с помощью самих рус-

ских, германцев, которые захватили часть страны. Францiя обращается с горячим призывом к согласiю и единенiю всѣх русских для возрожденiя государства, установленiя правительства и побѣды над общим врагом. Пишон. Буржуа».

От начальника великобританской военной миссiи, генерала Нокса: «Принимаю и благодарю за ваши теплыя слова и прошу передать мою благодарность разным представителям Совѣщанiя за их дружеское привѣтствiе... Вы правы, указывая на то, что мы пришли сюда не для вмѣшательства во внутреннюю жизнь Россiи и не для прiобрѣтенiя каких-либо личных выгод, земельных или других. За послѣднiе четыре года, мы, не жалѣя, проливали свою кровь и отдавали свое послѣднее на полях сраженiя на Западѣ. Здѣсь, на Востокѣ, мы дѣлаем то же самое и ни здѣсь, ни там не ждем себѣ награды. Послѣднiй оставшiйся деспот — Германiя, и мы будем продолжать войну на Западѣ и Востокѣ, пока кумир деспотизма, большевики и нѣмцы, не будут прогнаны с русской земли. Вот та задача, которую мы на себя приняли. Раз это свершится, всѣ народы, населяющiе россiйское государство, могут сами, без нашего вмѣшательства, избрать себѣ правительство, которое наиболѣе будет соотвѣтствовать общему желанiю».

От россiйскаго посла в Римѣ, Гирса: «Глубоко взволнованный открытiем Государственнаго Совѣщанiя, считаю своим долгом, в качествѣ старѣйшаго из русских послов, обратиться к чувству патрiотизма всѣх моих сограждан и всѣх политических партiй, умоляя их напрячь всѣ усилiя, чтобы притти к полному соглашенiю, дабы не затруднить или не сдѣлать совершенно невыполнимой задачи наших союзников, несущих нам дружескую помощь в нашей борьбѣ с нѣмцами и большевиками. Единственное стремленiе наших союзников — это возстановленiе Россiи в ея предѣлах, противодѣйствуя германскому захвату и гарантируя народам Россiи разрѣшенiе их внутренних вопросов и возсозданiе правительства. Чтобы спасти наше отечество, необходимо, во что бы то ни стало, преодолѣть внутреннiя тренiя и осложненiя. В интересах самаго существованiя Великой и сильной Россiи, необходимо возрожденiе ея государственности теперь же, еще во время войны, и ея новое выступленiе в рядах борцов против нашего исконнаго непрiятеля. Мы должны помнить, что уже ясно очерчивается конечная побѣда наших союзников на западѣ».

Доложив о поступленiи еще нѣскольких привѣтствiй второстепеннаго характера, Авксентьев уступает предсѣдательское мѣсто Роговскому, и Кругликов дѣлает краткiй доклад о результатѣ работ комиссiи за послѣднiе дни, о воздержанiи социал-демократов от участiя в разрѣшенiи вопроса о конструкцiи и составѣ директорiи и в результатѣ предлагает Государственному Совѣщанiю принять:

АКТ ОБ ОБРАЗОВАНIИ ВСЕРОССIЙСКОЙ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ 26-8 — 10-23 СЕНТЯБРЯ 1918 ГОДА.

«Государственное Совѣщанiе, в составѣ Съѣзда членов Всероссiйскаго Учредительнаго Собранiя и уполномоченных на то представителей Комитета членов Всероссiйскаго Учредительнаго Собранiя, Сибирскаго временнаго правительства, областного правительства Урала, казачьих войск: Оренбургскаго, Уральскаго, Семирѣченскаго, Енисейскаго, Астраханскаго, представителей правительств: Башкирiи, Алаш, Туркестана и нацiональнаго управленiя Тюрко-Татар внутренней Россiи и Сибири и временнаго Эстонскаго правительства, представителей Съѣзда городов и земств Сибири, Урала и Поволжья, представителей политических партiй и организацiй: партiи социалистов-революцiонеров, россiйской социал-демократической рабочей партiи, трудовой народно-социалистической партiи, партiи народной свободы, всероссiйской социал-демократической организацiи «Единство» и союза Возрожденiя Россiи, в единодушном стремленiи к спа-

сенію страны, возсозданію ея единства и обезпеченію ея независимости, **постановило:**

Вручить всю полноту верховной власти на всем пространствѣ государства Россійскаго временному всероссійскому правительству в составѣ пяти лиц: Николая Дмитріевича **Авксентьева**, Николая Ивановича **Астрова**, генерал-лейтенанта Василія Георгіевича **Болдырева**, Петра Васильевича Вологодскаго и Николая Васильевича **Чайковскаго**.

Временное всероссійское правительство в своей дѣятельности руководствуется слѣдующими, установленными настоящим актом, положеніями.

Общія положенія. 1) Временное всероссійское правительство, впредь до созыва всероссійскаго Учредительнаго Собранія, является единственным носителем верховной власти на всем пространствѣ государства россійскаго. 2) Всѣ функціи верховной власти, временно отправляемыя, в виду создавшихся условій, областными правительствами, должны быть переданы временному всероссійскому правительству, как только оно того потребует. 3). Установленіе предѣлов компетенціи областных правительств на началах широкой автономіи областей и на основах, приведенных в изложенной ниже программѣ дѣятельности правительства, предоставляется мудрости временнаго всероссійскаго правительства.

Обязанности Правительства в отношеніи Всероссійскаго Учредительнаго Собранія. В непремѣнную обязанность всероссійскаго правительства вмѣняется: 1) Всемѣрное содѣйствіе функціонирующему, как государственно-правовой орган, съѣзду членов Учредительнаго Собранія в его самостоятельной работѣ по обезпеченію пріѣзда членов Учр. Собранія и по ускоренію и подготовкѣ возобновленія занятій Учредительнаго Собранія настоящаго состава. 2) Неуклонное руководство в своей дѣятельности непререкаемыми верховными правами Учредительнаго Собранія и неустанное наблюденіе, чтобы в дѣятельности всѣх подчиненных временному правительству органов не было допущено ничего, могущаго клониться к умаленію прав Учр. Собранія или к замедленію в возобновленіи его работ. 3). Представленіе отчета о своей дѣятельности Учр. Собранію, немедленно по объявленіи Учр. Собраніем своих работ возобновленными, и безусловное подчиненіе Учредительному Собранію, как единственной в странѣ верховной власти.

Примѣчаніе. К сему прилагается постановленіе съѣзда членов Всероссійскаго Учредительнаго Собранія от 18 сентября 1918 года.

Программа работ Вр. Правительства. В своей дѣятельности по возстановленію государственнаго единства и независимости Россіи, временное всероссійское правительство должно ставить в первую очередь слѣдующія неотложныя задачи: 1) борьба за освобожденіе Россіи от совѣтской власти; 2) возсоединеніе отторгнутых, отпавших и разрозненных областей Россіи; 3) непризнаніе Брестскаго и всѣх прочих договоров международнаго характера, заключенных, как от имени Россіи, так и отдѣльных ея частей послѣ февральской революціи и какой бы то ни было властью, кромѣ Россійскаго Временнаго Правительства, и возстановленіе фактической силы договорных отношеній с державами согласія, 4) продолженіе войны против германской коалиціи.

В сферѣ внутренней политики временное правительство должно преслѣдовать нижеслѣдующія цѣли:

В области военной: 1) возсозданіе сильной, боеспособной, единой россійской арміи, поставленной внѣ вліянія политических партій и подчиненной, в лицѣ ея высшаго командованія, всероссійскому временному правительству; 2) полное невмѣшательство военных властей в сферу гражданскаго управленія, за исключеніем мѣстностей, входящих в театр военных дѣйствій или объявленных указами правительства на военном положеніи, когда это вызывается крайней государственной необходимостью; 3) установленіе крѣпкой воинской дисциплины, на началах законности и уваженія к личности; 4) недопустимость политиче-

скихъ организацій военно-служащихъ и устраненіе арміи от политики.

В области гражданской: 1) устроеніе освобождающейся Россіи на началах признанія за ея отдѣльными областями прав широкой автономіи, обусловленной как географическим и экономическим, так и этническим признаками, предполагая окончательное установленіе государственной организаціи на федеративных началах полновластным Учредительным Собраніем; 2) признаніе за національными меньшинствами, не занимающими отдѣльной территоріи, прав на культурно-національное самоопредѣленіе; 3) возстановленіе в освобождаемых от совѣтской власти частях Россіи демократическаго городского и земскаго самоуправленія, с назначеніем перевыборов в ближайшій срок; 5) установленіе мѣр к дѣйствительной охранѣ общественной безопасности и государственнаго порядка.

В области народно-хозяйственной: 1) борьба с хозяйственной разрухой; 2) содѣйствіе развитію производительных сил страны; привлеченіе к производству частнаго капитала, русского и иностраннаго, и поощреніе частной инниціативы и предпріимчивости; 3) государственное регулированіе промышленности и торговли; 4) принятіе мѣр к повышенію производительности труда и сокращеніе непроизводительнаго потребленія національнаго дохода; 5) развитіе рабочаго законодательства на началах дѣйствительной охраны труда и регулированіе условій найма и увольненія рабочих; 6) признаніе полной свободы коалицій; 7) в сферѣ продовольственной политики отказ от хлѣбной монополіи и твердых цѣн, с сохраненіем нормировки распредѣленія продуктов, имѣющихся в недостаточном количествѣ; 8) государственныя заготовки при участіи частно-торговаго и кооперативнаго аппарата; 9) в сферѣ финансовой — борьба с обезцѣненіем бумажных денег, возстановленіе налогового аппарата и усиленіе прямого, подоходнаго и косвеннаго обложенія; 10) в области земельной политики вр. всероссійское правительство, недопуская таких измѣненій в существующих земельных отношеніях, которыя мѣшали бы разрѣшенію Учредительным Собраніем земельнаго вопроса в полном объемѣ, оставляет землю в руках ея фактических пользователей и принимает мѣры к немедленному возобновленію работ по урегулированію землепользованія на началах максимальнаго увеличенія культивируемых земель и расширенія трудового землепользованія, примѣняясь к бытовым и экономическим особенностям отдѣльных областей и районов.

Порядок измѣненія состава правительства: 1) осуществляя на указанных основаніях верховную власть временное всероссійское правительство дѣйствует, как орган коллегіальный; члены его до Учредительнаго Собранія не отвѣтственны и не смѣняемы; 2) на случай выбытія из состава временнаго правительства того или другого члена его в качествѣ замѣстителей избираются Андрей Александрович Аргунов, Владимир Александрович Виноградов, генерал от инфантеріи Михаил Васильевич Алексѣев, Василій Васильевич Сапожников и Владимір Михайлович Зензинов; 3) в виду необходимости для временнаго правительства немедленно приступить к осуществленію власти и управленію государством в полном своем составѣ, в состав его, впредь до прибытія отсутствующих нынѣ членов, немедленно должны вступить их персональные замѣстители; 4) члены временнаго всероссійскаго правительства при вступленіи в него дают торжественное обѣщаніе по прилагаемому при сем тексту».

Доклад Кругликова кончен, желающих высказаться не оказывается. Предсѣдательствующій ставит акт на голосованіе. Принимается единогласно.

Члены директоріи занимают по приглашенію предсѣдательствующаго почетныя мѣста; предсѣдательствующій предлагает, стоя, заслушать текст торжественнаго обѣщанія:

«Мы, члены временнаго всероссійскаго правительства, избранные на государственном совѣщаніи в городѣ Уфѣ,

торжественно обѣщаем хранить вѣрность народу и государству Россійскому и выполнять наши обязанности в полном соотвѣтствіи с принятым на государственном совѣщаніи актом об образованіи верховной власти 10—23 сентября 1918 года».

Члены директоріи подписывают торжественное обѣщаніе. По заранѣе обусловленному церемоніалу, от имени всего Государственнаго Совѣщанія привѣтствует директорію С. Ф. Знаменскій. Затѣм с привѣтствіем выступает предсѣдатель Чехо - Словацкаго Національнаго Совѣта, Богдан Павлу:... «Никто лучше, чѣм мы, не чувствует торжественности и величія этого момента. Быть может, не даром исторія поставила нас на то мѣсто, на котором мы в настоящее время находимся. Если мы имѣем нѣкоторую заслугу в созданіи настоящаго момента, если мы тоже что-то создали для новой Великой Единой Россіи, — это не случайно. Это — потому, что в каждом из нас имѣется ясное сознаніе, что наша судьба и ваша судьба — судьба общая. Мы вѣрим и потому боремся, что знаем, что без единой и свободной Россіи не будет и единой и свободной Чехославіи, что без единой и свободной Россіи не будет единой и свободной Польши, не будет единой и свободной Румыніи, не будет единой и свободной Югославіи. И потому мы здѣсь всѣ угнетенные народы Средней Европы собрались и собираемся для того, чтобы с вами дальше бороться до тѣх пор, пока не будет возстановлена Россія и пока не будет возстановлена свобода нашей родины. Мы желаем всероссійскому верховному правительству, чтобы оно имѣло достаточно сил и твердой воли и чтобы оно исполнило стоящія перед ним тяжелыя задачи. И мы обѣщаем, что мы будем его поддерживать ибо мы хотим совмѣстно со всероссійским правительством и совмѣстно со всей Россіей дальше бороться до окончательной побѣды, до нашей и вашей свободы».

Павлу устраивают овацію. Слѣдом за ним выступает с отвѣтной рѣчью от имени директоріи Авксентьев, затѣм по вызову секретаря один за другим выходят представители делегацій и подписывают акт об образованіи власти. Предсѣдательствующій Роговскій произносит заключительную рѣчь и объявляет Государственное Совѣщаніе закрытым.

Казалось бы, с чѣм большим трудом выполнена тяжелая задача, с тѣм большим энтузіазмом должен был быть встрѣчен результат. Энтузіазма, однако, не было замѣтно.

С наибольшим успѣхом можно было бы поздравить нас, группу Союза Возрожденія Россіи (на лицо были Н. Д. Авксентьев, В. Г. Болдырев, Б. Н. Моисеенко, А. А. Аргунов, В. В. Подвицкій, В. Е. Павлов, С. Ф. Знаменскій и я). В самом дѣлѣ, мы добились максимума возможнаго: в основной «пятеркѣ» только один Вологодскій не был членом Союза Возрожденія. Но и в нашей средѣ не только энтузіазма, но даже скромнаго, простого удовлетворенія не было. Ибо мы не могли не отдавать себѣ отчета, что то, что сдѣлано, не больше, чѣм полпути.

Мы не могли не сознавать, что Директорія, формально принятая единогласно, фактически, что называется, «вымучена». Потеря Казани, эвакуація Симбирска, угроза Самарѣ, масса бѣженцев из этих мѣст в Уфѣ, вот что сбивало спѣсь с Комуча и заставляло его итти на такія уступки, на которыя он бы не шел при других условіях. Давленіе «союзников», и не малое, на Омск, вот что заставляло его итти на уступки, считая «уступки» Комуча совершенно недостаточными. Комуч сохранял в лицѣ совѣта управляющих вѣдомствами фактическую власть в остаткѣ Поволжья и в лицѣ съѣзда членов Учредительнаго Собранія угрозу против директоріи. Омск пока фактически располагал властью в Сибири и своей арміей. Отсутствіе Астрова и Чайковскаго лишало директорію того полнаго моральнаго авторитета, которым она располагала бы, будь они на лицо.

При таких условіях нам было ясно, что директоріи предстоит еще далеко не простая задача — обратиться из власти номинальной в власть реальную. Вѣдь

даже на первые расходы по организаціи своего аппарата директорія к кому - либо из существующих правительств должна же была обратиться.

У нас, возрожденцев, было удовлетвореніе в том отношеніи, что данное нам в Москвѣ порученіе — объединить власть на Востокѣ — мы выполнили. Но что касается созданной директоріи, то увѣренности в ея прочности не было.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ III.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ.

(СЕНТЯБРЬ 1918—ІЮНЬ 1919 ГОДА).

ГЛАВА XX.

Вопрос о Екатеринбургѣ, как резиденціи Директоріи. Убійство Новоселова в Омскѣ. —Знакомства: А. С. Бѣлоруссов. Генерал Розанов.—Рѣшеніе Директоріи избрать Екатеринбург резиденціей. Мои полномочія и военная психологія.—Ѣдут—не ѣдут.—Приготовленія в Екатеринбургѣ.—Симпатии населенія.—Внезапное измѣненіе рѣшенія: резиденція—Омск.—Встрѣча с Директоріей в Челябинскѣ.—„К волку в пасть".—Банкет.— Сэр Эллiот и Авксентьев.

1

С того момента, как Директорія была избрана, казалось-бы, я мог немедленно возвратиться в Екатеринбург. Но как раз с этого момента для меня начиналась другая задача. Я уже упоминал в свое время, что, когда в серединѣ іюля Аргунов, Павлов и я обсуждали в Челябинскѣ впервые вопрос о созданіи правительства Урала, то, кромѣ цѣли созданія правительства независимаго от Самары и Омска, мы ставили себѣ и другую: подготовить для будущаго центральнаго правительства резиденцію, в которой оно встрѣтило бы сразу симпатизирующую ему атмосферу, в которой не было-бы старой власти, стремившейся к гегемоніи для себя. Правительство Урала, подчеркнувшее с самаго начала свой узко-областной характер, с полной искренностью готово было увидѣть в Екатеринбургѣ власть над ним стоящую, и, таким образом, столица для Директоріи, хотя бы и временная, была готова.

Мыслью о Екатеринбургѣ, как резиденціи, я неоднократно дѣлился с Авксентьевым и Болдыревым, двумя опредѣленно выяснившимися кандидатами в Директорію, указывая им на всѣ преимущества для Директоріи Екатеринбурга перед Омском (другого выбора не было, ибо Самара слишком близка к фронту). Попутно я обрисовывал им вполнѣ выяснившійся для меня характер Сибирскаго правительства и особенно опасный характер И. А. Михайлова.

Опредѣленнаго отвѣта относительно взгляда на вопрос со стороны Авксентьева и Болдырева я не получал. На них, как, впрочем, и на всѣх, производил впечатлѣніе омскій «аппарат». Это впечатлѣніе достигалось сибиряками очень просто: ѣздили они с большой помпой, цѣлым поѣздом с многочисленным персоналом. Правда, в первый період существованія Сибирскаго правительства, когда штаты были еще малы, министр захватывал с собой чуть не больше половины своего персонала. Но про то знал он, а во внѣ это производило впечатлѣніе. С другой стороны меня вообще считали слишком пристрастным в отношеніи Сибирскаго правительства и, в частности, И. А. Михайлова; поэтому относились менѣе опасливо к Омску, чѣм я. Наконец, Омск был очень далек от фронта, в то время как Екатеринбург был относительно близок, хотя мы, например, о возможной опасности для Екатеринбурга и не думали (Екатеринбург — второй в Россіи, послѣ Москвы, желѣзнодорожный узел и был особенно цѣнен с стратегической точки зрѣнія. Поэтому чехи и мысли не допускали о сдачѣ Екатеринбурга и основали в нем резиденцію своего тогдашняго правительства — Національнаго Совѣта.

Все это вело к тому, что было очень мало шансов на то, чтобы Директорія

избрала своей резиденціей Екатеринбург. Я рѣшил однако довести дѣло до конца (сильно поддерживал меня Аргунов) и исчерпать всѣ доводы, пока не услышу опредѣленнаго «нѣт».

С этой мыслью я спускался утром 24 сентября из своего номера в столовую, когда узнал потрясающую новость: в Омскѣ убит министр Новоселов, и чехи требуют от Директоріи приказа о немедленном арестѣ скрывающагося от них И. А. Михайлова, считая его главным виновником этого убійства. Во всѣх концах столовой только и было разговора, что об этом. Кое-кто поздравлял меня с твердостью, проявленной мной в отводѣ кандидатуры И. А. Михайлова при выборах Директоріи: пусть он и не виновен, но лицо, в отношеніи котораго возможны такія подозрѣнія, не удобно в качествѣ члена Директоріи.

Весь день шли толки и разговоры. Для перваго дня существованія Директоріи сюрприз был не из пріятных: первый блин был комом. Члены Директоріи были заняты этим дѣлом. Доступ к ним был уже не так легок, как вчера. У дверей комнат, занимаемых временным предсѣдателем, Авксентьевым, и верховным главнокомандующим, Болдыревым, стояли парные часовые, которые без разрѣшенія адъютантов не пропускали.

Вот к Болдыреву привели генерала Иванова-Ринова. Вид у него далеко не тот, что в вечер пріѣзда, когда он милостиво здоровался с Болдыревым в пиджакѣ, и даже не тот, что вчера, когда, перед открытіем засѣданія Государственнаго Совѣщанія, стоял перед Болдыревым — генералом с красными отворотами и широкими лампасами. Да и удивительнаго ничего нѣт: идет рѣчь, не задержать ли в Уфѣ омских правителей и министров, впредь до выясненія омских событій, при каких условіях арестованные члены правительства, Шатилов и Крутовскій, подали в отставку (по имѣвшимся свѣдѣніям, под дулом револьвера), а министр Новоселов был убит.

Члены директоріи совѣщаются с отдѣльными лицами. Спрашивает Авксентьев мое мнѣніе. Я категорически высказываюсь против принятія Директоріей каких бы то ни было незаконных мѣр: нельзя с этого начинать и становиться на путь беззаконія.

К вечеру Директорія рѣшает ограничиться командировкой в Омск замѣстителя членов Директоріи, Аргунова, предоставив ему чрезвычайныя полномочія слѣдственнаго и админист. характера.

На слѣдующій день я получил телеграмму от предсѣдателя временнаго правительства Урала, что он еще с двумя членами правительства выѣзжает в Уфу для свиданія с Директоріей, ибо отношенія с Омском становятся нестерпимыми; меня просят дожидаться. Таким образом, одно к одному, мнѣ приходилось оставаться в Уфѣ.

Открылся съѣзд членов Учредительнаго Собранія, «функціонирующій, как государственно-правовой орган». Так как я был принципіальным противником такого «государственнаго» органа, то я, слѣдуя общему правилу к.-д., не признающему бойкота, в состав съѣзда вошел, но отказался быть членом его Бюро, гдѣ одно мѣсто обязательно обезпечивалось каждой фракціи Учр. Собранія, независимо от ея численности. На засѣданія съѣзда в Уфѣ я заходил на нѣсколько минут, а в дальнѣйшем, во время пребыванія съѣзда в Екатеринбургѣ, и не заглядывал.

Числа с 21 сентября свободнаго времени было много, и в столовой приходилось встрѣчаться с самой разнообразной публикой. В частности было много бѣженцев политических дѣятелей из Симбирска и Казани. Появился на нѣсколько дней член Учр. Собранія Н. К. Бородин. Принимая участіе в частных совѣщаніях со мной и другими, допущенными в концѣ совѣщания, делегатами к.-д. (А. И. Коробов и А. П. Мельгунов), Бородин держался оффиціально в сторонѣ. Он прибыл из Москвы вмѣстѣ с Клафтоном в миссіи Американскаго Краснаго Креста по вопросу об обмѣнѣ заложников, взятых Комучем в отвѣт на такую же мѣру большевиков, и ему было неудобно проявлять публичную политическую дѣятельность

Пришлось мнѣ тут познакомиться с игравшим позднѣе большую роль А. С. Бѣ-

лоруссовым (Бѣлевским). Будучи членом Національнаго Центра, он мало благосклонно относился к Директоріи во обще, а в частности очень неблагосклонно к Авксентьеву лично. Собираясь начать издавать большую газету, он не собирался однако выступить против Директоріи, сознавая, что в этот момент о диктатурѣ говорить не приходится.

Наиболѣе оригинальное знакомство у меня произошло так. К столику, за которым я сидѣл, подошел сильно обтрепанный человѣк, почти оборвыш. При трудности полученія разрѣшенія на вход в Сибирскую Гостинницу, меня удивило даже его появленіе.

— Вы г. Кроль, спросил он меня.

— Да.

— У меня к вам порученіе из Москвы от Н. Н.

Сомнѣній не могло быть. Он передавал порученіе в таких словах, что у меня их не оставалось.

— А с кѣм имѣю удовольствіе говорить?

— Я — генерал Розанов.. Только что перебрался через фронт. Во избѣжаніе в будущем всяких недоразумѣній между нами, считаю долгом вам сказать, что я — убѣжденный монархист. Думаю однако, что недоразумѣній между нами не будет так как политика не мое дѣло; мое дѣло — военное.

Не думал я в тот момент, что передо мной стоит будущая гроза Дальняго Востока. Не мало я был удивлен через нѣсколько дней, когда узнал, что генерал Розанов назначен начальником штаба верховнаго главнокомандующаго. С военной точки зрѣнія, может быть, это было вполнѣ правильно. Но было-ли это достаточно осторожно с политической точки зрѣнія, для меня оставалось вопросом.

2

Омскія событія, видимо, показали нѣкоторым членам Директоріи, что к моей оцѣнкѣ Омска надо относиться серьезнѣе. И уже не мнѣ приходилось вновь подымать вопрос о Екатеринбургѣ, как резиденціи, а с ним обратились ко мнѣ. Вопрос ставился уже конкретно: может-ли Екатеринбург дать достаточно помѣщеній для Директоріи, министерств и ставки верховнаго главнокомандующаго и их персонала с одной стороны, и насколько Директорія хотя бы на первые дни может использовать «аппарат» правительства Урала. И с большим удивленіем относились члены Директоріи к моей справкѣ, что уѣздный город Екатеринбург неимовѣрно богаче Омска, как матеріально, зданіями, так и культурными, интеллектуальными силами. Нѣсколько дней шли колебанія. Сапожников сильно тянул Директорію в Омск. Болдырев с опаской относился к вопросу относительной близости Екатеринбурга к фронту: он ставил вопрос о том, не устроить ли ставку в Екатеринбургѣ, а резиденцію Директоріи в Омскѣ. В концѣ концов, послѣ ряда колебаній, остановились все таки на Екатеринбургѣ, предложив мнѣ взять на себя отвѣтственность за техническую часть этого дѣла и роль чрезвычайнаго уполномоченнаго по организаціи резиденціи.

Пока шли расчеты и подсчеты, для чего и какія помѣщенія нужны, я вызвал к прямому проводу нашего министра внутренних дѣл и городского голову. и просил их заняться сейчас же подготовительной работой. Выясняя с ними, какія зданія можно было-бы занять, я упомянул один особняк, который, как оказалось потом, занят был лично для себя начальником гарнизона, генералом Голицыным. Так как телеграфныя ленты шли на провѣрку в его штаб, то Голицын усмотрѣл в этом желаніе мое отнять у него помѣщеніе, и эта мелочь имѣла свои послѣдствія.

Пріѣзд предсѣдателя правительства Урала П. В. Иванова, членов его, Глассона и Гутта, и моего товарища, Всеволожскаго, произвел большое впечатлѣніе. Они были всѣ средних лѣт, и их солидность, при молодости большинства участников Государственнаго Совѣщанія, импонировала. Бесѣда наша с Авксентьевым и Болдыревым, которому П. В. Иванов подробно изложил, насколько генерал Голицын мѣшает разумной государственной работѣ, ярко обрисовала этим членам Директоріи, что такое Омская государственность, и подкрѣпила их в уже принятом рѣшеніи ѣхать в Ека-

теринбург. Но это рѣшеніе логически позволяло отложить до пріѣзда Директоріи на мѣсто разсмотрѣніе волновавших правительство Урала вопросов.

Условіем, которое я ставил для принятія на себя обязанности чрезвычайнаго уполномоченнаго, было предоставленіе мнѣ дѣйствительно широких полномочій, которыя бы давали возможность дѣйствовать быстро и без помѣх. Я находил необходимым, между прочим, имѣть право реквизировать помѣщенія не только для надобностей Директоріи и Ставки, но и для удовлетворенія помѣщеніями тѣх, у кого будут реквизированы мною для этих надобностей помѣщенія: я считал недопустимым обычный метод — отнять помѣщеніе у кого-либо, предоставив ему изворачиваться, как знает.

Права мнѣ были предоставлены, выходящія за всякія нормальныя рамки. Когда проект моих полномочій был представлен генералу Болдыреву, он нашел его вполнѣ подходящим, но заявил: «а все таки военныя власти его слушаться не будут, с этим ничего не подѣлаешь; они привыкли слушаться только военных». Как же быть? — Оказалось, очень просто. К Болдыреву тут же был вызван молодой капитан, Соколов. Болдырев объяснил ему, что ему из Ставки будут даны полномочія, аналогичныя моим, но только в части, касающейся военных властей; пользоваться же своими полномочіями Соколов должен исключительно по моим указаніям. Когда Соколов вышел, Болдырев замѣтил: «так все будет хорошо; Соколов будет слушаться вас, военные — его, значит, фактически — вас». Я никак не мог понять, почему генерал будет слушаться молодого капитана а штатскаго, снабженнаго чрезвычайными полномочіями Верховной Власти слушаться не будет. Генерал Болдырев это понимал. Послѣдующее показало, что Болдырев был прав и предусмотрителен. Жизнь выработала свои нормы. Но величайшій вред кастоваго обособленія военных несомнѣнен. И в будущей Россіи необходимо принять всѣ мѣры к тому, чтобы сами военные внутренно пришли к сознанію государственной необходимости, чтобы военная власть подчинялась гражданской.

С переѣздом Директоріи в постоянную резиденцію надо было торопиться. Работать на бивуаках было ей чрезвычайно неудобно. Чувствовалось, что работает только штаб верховнаго главнокомандующаго. Остальное оставалось пока цѣликом в руках областных правительств. Управленіе дѣлами Директоріи и Ставки поднесли мнѣ довольно внушительные списки потребных помѣщеній, мебели и оборудованія (все это надо было реквизировать). Со мной должны были ѣхать комендант Директоріи полковник Чехметьев, капитан Соколов и 20 квартирьеров с семьями.

Директорія рѣшила дать нам экстренный поѣзд. Но легче было рѣшить, чѣм сдѣлать. Поѣздами еще распоряжалась Самара, а они у нея были заняты для своих. Рѣшили тогда дать нам паровоз и вагон для квартирьеров, так как у меня для членов правительства Урала был свой вагон. Оказалось, что и паровоз получить не просто. Кончилось тѣм, что я предложил ограничиться лишь распоряженіем, чтобы наши вагоны прицѣпляли всюду к первому отходящему поѣзду.

28 сентября вечером вдруг произошла какя-то заминка. Из Директоріи попросили подождать отъѣздом. Часов около 11 вечера из засѣдавшей Директоріи дали знать, что просят немедленно ѣхать.

Мы поѣхали на вокзал, засѣли в вагоны в ожиданіи перваго поѣзда (квартирьеры — в теплушках), как вдруг получается извѣстіе, что квартирьерам приказывают вернуться, что Директорія в Екатеринбург не ѣдет. Полковник Чехметьев идет на вокзал к телефону (наши вагоны — далеко на путях) и возвращается с извѣстіем, что приказано ждать дальнѣйшаго. Часа через полтора мнѣ передают просьбу из Директоріи немедленно пріѣхать в Сибирскую Гостинницу. Иду предварительно поговорить по телефону. Выясняется, что меня долго разыскивали, ждали, уже разошлись, но что, послѣ нѣкоторых колебаній и сомнѣній, на этот раз уже окончательно рѣшили, что в Екатеринбург ѣдут. Ча-

сов около трех ночи приходит поѣзд, и мы трогаемся.

3

30 сентября я был уже в Екатеринбургѣ и немедленно приступил к дѣлу. Многое уже было подготовлено нашим вѣдомством внутренних дѣл и городским головой. Принимая во вниманіе, что квартирное дѣло было в разных руках, я образовал под своим предсѣдательством комиссію, включавшую представителей всѣх заинтересованных учрежденій, что сразу привело всѣ дѣйствія их к планомѣрной, объединенной работѣ. Одновременно, я обратился к населенію с призывом помочь дѣлу организаціи резиденціи добровольно. На это обращеніе населеніе отозвалось чрезвычайно тепло. Со всѣх сторон посыпались заявленія о комнатах, которыя могут предоставить для служащих и офицеров. Отдѣльныя лица сами предлагали лучшую мебель для оборудованія служебных кабинетов членов Директоріи. При реквизиціях возраженія встрѣчались самыя слабыя, а нельзя упускать из вида, что отнимались самыя крупныя помѣщенія. Даже чехи, очень привиллегированные в то время, и тѣ пошли навстрѣчу. Так, я заявил им о реквизиціи дома главнаго начальника уральских горных заводов, занятаго под чехо-словацкій технический отдѣл. Они пробовали отбояриться, но я их утѣшил тѣм, что они уступят помѣщеніе для самой Директоріи и ея управленія дѣлами, и они подчинились. При том дружелюбном отношеніи, которое создание резиденціи встрѣтило в населеніи, работа комиссіи чрезвычайно облегчалась, а мнѣ лично приходилось отдавать этому дѣлу так немного времени, что я мог спокойно удѣлять его и своему вѣдомству и работам в правительствѣ.

Работа по устройству резиденціи шла чрезвычайно быстро и успѣшно. Шла в большом масштабѣ перевозка, оборудованіе телефонами, освѣщеніем и т. п. Для временнаго предсѣдателя Директоріи, Авксентьева, и верховнаго главнокомандующаго, Болдырева, мною были заняты два богатѣйших особняка, в которых они могли бы устраивать пріемы, соотвѣтствующіе их высокому положенію. Для правительственных учрежденій и Ставки помѣщенія полностью удовлетворяли заданіям, которыя были с несомнѣнным запросом. Получил помѣщеніе и Съѣзд членов Учред: Собранія. При всем этом, не было тронуто ни одно учебное заведеніе, чего очень сильно опасались, так как кѣм то был пущен слух, будто у меня есть такое намѣреніе.

Не менѣе хорошо, чѣм с матеріальной стороны, обстояло со стороны морально-политической. Всѣ организаціи и партіи в Екатеринбургѣ отнеслись к образованію Директоріи очень тепло. Директоріи отправлялись привѣтственныя телеграммы, готовились к торжественной встрѣчѣ, заготовляли національные флаги ко дню въѣзда. Самый факт, что Директорія избрала своей резиденціей Екатеринбург и то, что правительство Урала этого добивалось, утверждал нѣкоторых противников послѣдняго, что опасенія их были напрасны, что правительством Урала преслѣдуются менѣе всего эгоистическія или сепаратистскія задачи. Это подымало престиж правительства Урала, а с ним и престиж Директоріи, о царственном пріемѣ которой оно столь заботилось.

А об этом мы, дѣйствительно, старались. Мы считали необходимым создать для Директоріи, с перваго момента въѣзда ея на нашу территорію, такую атмосферу, чтобы члены ея сразу почувствовали себя «величеством» на «своей» территоріи и чтобы это почувствовали и другіе. Мы считали это психологически необходимым. Ибо было ясно, что Омск без борьбы позицій не сдаст, и нужно было создать такую окружающую обстановку, которая и Омску импонировала бы.

Встрѣча готовилась самая помпезная: Выѣзд на границу представителя правительства Урала для привѣтствія. Депутаціи от населенія на попутных станціях. Парадная встрѣча на вокза-

лѣ в Екатеринбургѣ. Депутаціи от организацій и партій по пути слѣдованія от вокзала к собору. Послѣ молебствія — банкет на нѣсколько сот кувертов. День въѣзда Директоріи объявлялся правительством Урала неприсутственным.

Почти ежедневно я сносился с Директоріей по прямому проводу. Вѣсти в общем, были не худыя. Очень благопріятно было то, что чехи признали свои войска подчиненными верховному главнокомандующему. Все было готово. Я увѣдомил Директорію и ждал отвѣта о днѣ выѣзда. И на это я получаю телеграмму от управляющаго дѣлами Кругликова, что... Директорія перерѣшила и выѣзжает 6 октября в Омск.

Это был гром среди яснаго дня. Очевидно, Директорія не отдавала себѣ ни малѣйшаго отчета в моральном значеніи своего поступка, не отдавала себѣ отчета и в значеніи для нея общественнаго мнѣнія Екатеринбрута. Для меня стало ясно, что Директорія крайне слабовольна и что ея ставка уже бита. Что касается Екатеринбурга, то, послѣ той огромной пертурбаціи, которая была произведена в связи с ожидаемым переѣздом Директоріи, общее мнѣніе относительно нея было хуже, чѣм отрицательное. Отчасти, измѣненіе рѣшенія Директоріи вызвало и панику: а не стоит ли Екатеринбург перед угрозой с фронта? И долгое время предметом насмѣшки служила оставшаяся у вокзала, при въѣздѣ в город, арка с надписью: «добро пожаловать»!

Мы рѣшили повидаться с Директоріей по пути, в Челябинскѣ, куда вечером, 6 октября, выѣхали П. В. Иванов и я. Встрѣтились мы, нельзя сказать, чтобы особенно тепло. Возможно что тут вліяла нѣкоторая неловкость перед нами, а, может быть и нѣкоторая удрученность членов Директоріи они были далеко не в радостном настроеніи. На мой вопрос, что означает перемѣна рѣшенія, Авксентьев отвѣтил мнѣ: «Иначе нельзя было. Мы должны сунуться волку в пасть: или он нас съѣст, или он нами подавится».

— Будьте увѣрены, отвѣтил я, что неизбѣжно первое.

Примѣрно такіе же лаконическіе отвѣты получил я от Зензинова и от наиболѣе близкаго ко мнѣ члена Директоріи, Виноградова. Большаго я добиться не мог. (Только много позднѣе паденія Директоріи, я узнал, что Директорія опасалась, как бы Омск не постарался сдать большевикам Екатеринбург вмѣстѣ с Директоріей).

Настроеніе всѣх окружающих Директорію было еще мрачнѣе, чѣм членов Директоріи, которым приходилось перед публикой крѣпиться. Самара, если не оффиціально, то фактически, пала. Самарскіе бѣженцы уже были на вокзалѣ в Челябинскѣ. Пріѣхавшіе одновременно с Директоріей эс-эры-«учредиловцы» направлялись в резиденцію «Съѣзда», в Екатеринбург, и не находили оправданій Директоріи, направляющейся в Омск. В сдачѣ Самары они, почему то опредѣленно винили Омск, утверждая, что на то имѣются документы.

Челябинское самоуправленіе чествовало Директорію банкетом, на который приглашены были П. В. Иванов и я. Перед банкетом Авксентьев в кратких словах жаловался мнѣ на высокаго комиссара Англіи, сэра Эллiота, бесѣды с которым о признаніи Англіей Директоріи мало удовлетворяли Авксентьева: сэр Эллiот тянул какую то канитель. Это настроеніе Авксентьева отразилось на нем во время банкета.

Сэр Эллiот, извинившись за то, что он не вполнѣ хорошо владѣет русским языком, произнес, тѣм не менѣе, довольно длинный тост, весьма искусный, за Россію, не упомянув ни одним словом о Директоріи. Это, очевидно, сильно раздражило Авксентьева, подчеркнувшаго в отвѣтном тостѣ на ряд предшествовавших, что Россія имѣет теперь законнаго представителя в лицѣ Директоріи, и поднявшаго бокал за союзников и «единственных истинных друзей Россіи» чехо-словаков в частности. Тост был опредѣленно рѣзок и,

хотя, может быть, и заслужен, но вряд ли политически выгоден. Лучшей отповѣдью, в тонкой формѣ, был тост Болдырева, нарисовавшаго яркую картину, чѣм, в военном отношенія, каждый из союзников в отдѣльности и всѣ они вмѣстѣ, были обязаны Россіи в теченіе войны.

В общем, впечатлѣніе у нас от всего видѣннаго и слышаннаго осталось довольно тяжелое. Получив приглашеніе в Омск на совѣщаніе под предсѣдательством Виноградова по вопросам продовольствія и снабженія, мы в тот же вечер выѣхали в Екатеринбург и 8 октября утром были уже дома.

ГЛАВА XXI.

Поѣздка в Омск.—В поисках Директоріи—„Птичье правительство".—Слѣдствіе по дѣлу Новоселова.—Тяжелое положеніе.—„Клуб" и его сужденія.—„Блок".- Соглашеніе Директоріи с Административным Совѣтом.—Нарушеніе „Акта об образованіи власти".—Бесѣда с Авксентьевым —Предупрежденіе мною Болдырева о готовящемся переворотѣ —Вопросы продовольствія и финансов—Безсиліе Директоріи—Разногласія о порядкѣ роспуска Сиболдумы —Авксентьев, Зензинов и Виноградов в связи с тенденціями „блока".

Не успѣли мы пріѣхать в Екатеринбург, как оффиціальное телеграфное агентство принесло нам постановленіе Директоріи об областных правительствах. В этом постановленіи, в котором чувствовалась большая поспѣшность, из числа вѣдомств областных правительств упразднялось вѣдомство финансов: оно объявлялось в полном объемѣ исключительно общегосударственным. О бюджетных правах областных правительств не было ни пол-слова. С какого момента упраздняются областныя вѣдомства финансов, тоже не говорилось. Чѣм будут жить областныя правительства, оставалось неизвѣстным. Правда, пока это было только телеграфным извѣстіем, не больше; приходилось ждать оффиціальнаго распубликованія. Но факт был на лицо, а финансовый вопрос стоял у нас остро: сибирское правительство задолжало нам по взаимным разсчетам государственнаго банка милліона три, да по разсчетам за желѣзо и издѣлія уральских заводов милліонов около девяти. Такая задолженность нам имѣла для нас большое значеніе. Мы начинали выбиваться из сил. Принятіе мѣр к тому, чтобы с нами разсчитались, было одним из вопросов, из за которых в концѣ сентября члены правительства Урала выѣзжали в Уфу.

Этот вопрос побудил и меня присоединиться к поѣздкѣ в Омск нашего предсѣдателя (и министра торговли и промышленности), П. В. Иванова и горнаго министра, А. Е. Гутта, которых болѣе близко касалось совѣщаніе по продовольствію и снабженію.

13 октября мы прибыли в Омск. Поѣхали в город.

— Гдѣ помѣщается Директорія, распрашиваем мы.

Прохожіе пожимают плечами. Не знают. Наконец, кто то указывает нам зданіе. Направляемся туда. Оказывается — Ставка. Случайно попадается, встрѣчающій нас очень радостно, капитан Соколов. Он передает нам, что Директорія пока живет в своем поѣздѣ, «на вѣткѣ» (так именуется площадка при небольшом городском вокзалѣ, находящемся на отвѣтвленіи от магистрали Сибирской дороги. с достаточно большим числом колей для установки вагонов). Соколов просит нас зайти, сообщает о нашем пріѣздѣ генералу Розанову. Послѣ очень краткаго обмѣна любезностями, генерал Розанов предоставляет в наше распоряженіе автомобиль, и мы ѣдем на «вѣтку» разыскивать Директорію.

Членов Директоріи мы не застаем, но за то встрѣчаем тут же члена Учредительнаго Собранія Брушвита. Мрачнонастроенный, он дает нѣсколько штрихов, характеризующих обстановку.

— Вчера дали знать Авксентьеву, что для него нашли подходящую комнату. Авксентьев поѣхал. Зашел. Обтрепанная, грязная хозяйка квартиры, показывая комнату, спросила Авксентьева: «а через тебя ходить можно будет?» — Дня два тому назад, на «вѣтку» пріѣхал атаман Красильников, вышел из автомобиля, остановился и спросил:

— А гдѣ здѣсь птичье правительство?

— Почему «птичье»?

— Да как же? На вѣткѣ сидит, вспугнешь — полетит.

Услышали мы и о том, что в засѣданіи Директоріи совмѣстно с административным совѣтом, министр земледѣлія, Петров, кулаком по столу стучал, что Директоріи заявляют, что поѣзда ходят не только вперед, но и назад. От Директоріи требуют упраздненія всѣх областных правительств, роспуска Сибоблдумы. Одним словом — Директоріи уже нѣт; поживете — сами увидите, — закончил угрюмо Брушвит.

Узнав адрес Виноградова, которому удалось (очень не комфортабельно) устроиться в городѣ, мы поѣхали к нему, но на улицѣ натолкнулись на Аргунова, который пригласил нас к себѣ. Он смотрѣл на положеніе, хотя и не весело, но не так мрачно, как Брушвит. По дѣлу об убійствѣ Новоселова, говорил он, не обнаруживатся таких данных, которыя бы позволили привлечь И. А. Михайлова к слѣдствію. Полковник Волков, бывшій начальник гарнизона Омска, по приказу котораго были арестованы Шатилов, Крутовскій и Новоселов, на допросѣ показал: «как офицер, давшій честное слово, я заявляю, что у меня сообщников не было». Понимай, как хочешь! Производить слѣдствіе вполнѣ правильно возможности нѣт. Так, привлеченнаго к слѣдствію полковника Волкова вдруг увез с собой уѣхавшій на Восток командующій войсками и военный министр Сибири, Иванов-Ринов. Пришлось обратиться за содѣйствіем Болдырева. На его телеграмму Иванов-Ринов отвѣтил, что Волков ему нужен. Болдырев не теряет, однако, надежды, что он своего добьется. В общем, положеніе Директоріи Аргунов считает чрезвычайно тяжелым, но не безнадежным.

От Аргунова мы с ним же отправились в Коммерческій клуб. Это учрежденіе в этот період имѣло своеобразный характер. Оно с полным правом могло бы именоваться в это время политическим клубом или, еще правильнѣе, политическим базаром. Огромное количество наѣзжаго элемента, как политических дѣятелей-бѣженцев, так и высшей Омской бюрократіи из бѣженцев же, сходилось здѣсь в обѣденные часы. По получасу или часу иной раз приходилось ждать очереди, чтобы получить мѣсто за столом. Несмотря на это неудобство, сюда шли, потому что это было весьма удобное нейтральное мѣсто, гдѣ можно было встрѣтить нужнаго человѣка, как бы невзначай; здѣсь же сосредоточивались всѣ политическія вѣсти, слухи. При создавшейся в Омскѣ привычкѣ к политикѣ «открытых дверей», когда все происходившее в секретном засѣданіи совѣта министров через час становилось достояніем «клуба», это мѣсто пріобрѣтало особую цѣнность.

И вот тут, в первый же день, мы услышали многое, весьма цѣнное. Тут совершенно открыто и свободно, как чѣм то нормальным, задавались вопросами: умно ли сдѣлала Директорія, перевезя на территорію сибирскаго правительства золотой запас, ибо послѣднее теперь может вполнѣ запас приспособить, а Директорію выбросить. А не использует ли Директорія подчиненный верховному главнокомандующему, Болдыреву, чешскій гарнизон, который, как извѣстно, предлагает арестовать по первому приказу Директоріи, сибирское правительство, что он может выполнить совершенно спокойно, ибо русскій гарнизон слишком слаб, чтобы оказать даже попытку к сопротивленію. Умно ли поступила Директорія, назначив **своим** министром Старынке-

вича и перетянув его, таким образом, на свою сторону?

«Кто кого съѣст?» — таков, в общем, был вопрос, который усиленно, во всѣх концах, дебатировался в «клубѣ». Отзывы о Директоріи, в общем, были мало-лестные.

Для перваго дня нашего пребыванія всего услышаннаго было больше, чѣм достаточно. Ясно было, что, при такой обстановкѣ, не мало потребуется времени, чтобы нам добиться того, что касается Урала: будет не до нас. Поэтому остаток дня мы употребили на то, чтобы наш вагон передвинули с вокзала «Омск» на «Вѣтку». Мы очутились на жительствѣ визави поѣзда Директоріи. И с грустью я смотрѣл на него. Стоило ли тратить столько сил в Уфѣ, чтобы создать Верховную Власть, для которой квартир даже в городѣ не нашлось.

2

Когда мы шли 14 октября на «аудіенцію» к Авксентьеву, мы были уже почти полностью в курсѣ положенія дѣла.

Знали мы, что большую роль в создавшемся положеніи сыграл Омскій «блок».

Что представляла собою организація, носившая это названіе?

В нее входили 13 организацій, в том числѣ: «правые эс-эры», «народные соціалисты», «кадеты», «Единство», кооператоры, торгово-промышленники.

Партійныя организаціи я взял в кавычки: то, что было в Омскѣ под этими названіями (за исключеніем, может быть, «атаманской» группы «Единства», как по ироніи судьбы называлась партійная группа рабочих, живших в предмѣстьи Омска «Атаманскій Хутор»), не имѣло ничего общаго с тѣми партіями, названія коих эти организаціи себѣ прицѣпили.

По крайней мѣрѣ, ни эс-эры, ни энэсы, прибывшіе из центра, «омских» эсэров и эн-эсов своими не признавали.

О Жардецком, предсѣдателѣ несуществующаго комитета не существующей в Омскѣ группы к.-д. я уже упоминал.

Блок в политическом смыслѣ был блоком тринадцати нулей. Но с ним были связаны казаки и военные круги, и, поскольку они без блока были реальной силой, и он представлял собой реальную величину.

Расцѣнивали ли члены Директоріи «блок» иначе, чѣм я?

Стоило послушать их разсказы, несмотря на всю грусть момента, в комических тонах, как пыжилась депутація от каждой группы отдѣльно «выявить» перед Директоріей свою «точку зрѣнія», чтобы понять, что для членов Директоріи весь «блок» и по частям и в цѣлом был только смѣшон.

Но, когда люди пріѣзжают в новое мѣсто, и к ним приходят одна за другой тринадцать депутацій и, вмѣсто привѣтствія, говорят дерзости («вагоны прицѣпляются к поѣздам, которые ходят и сюда и обратно» — изреченіе члена одной из таких депутацій), то, как бы ни был низок политическій уровень таких депутацій и их умственный удѣльный вѣс, не почувствуешь себя «величеством», и тѣм менѣе, когда в противовѣс ничего другого нѣт.

Расчет вдохновителя «блока» был, несомнѣнно, правилен. Если Правительство Урала всѣми силами подготовляло обстановку (в том числѣ и привѣтствія депутацій), которая с перваго момента создавала бы в Директоріи психологію «величества», то И. А. Михайлов принял тѣ же мѣры, только в обратном направленіи, чтобы сразу, в зародышѣ, такую психологію убить. Это было достигнуто.

При таких условіях у Директоріи был выбор: или при помощи чехов заставить силой Сибирское Правительство повиноваться, или искать путей соглашенія.

Встать на первый шаг Авксентьев находил невозможным. «Я не желаю имѣть своих «латышей»», говорил он, намекая на Ленина, в кругѣ людей, которым довѣрял. (Отдавали ли себѣ отчет в этом настроеніи Авксентьева сибиряки — не знаю, ибо, внѣ вопроса о примѣненіи чешских сил, Авксентьев был воинственно настроен против Сибирскаго Правительства и стоял за ожесточенную борьбу с ним).

Оставался компромисс, и на него Директорія пошла.

12 октября, в совмѣстном засѣданіи, ея с Сибирским Административным Совѣтом было достигнуто такое соглашеніе: 1) всѣ областныя правительства, не исключая Сибирскаго, «временно» упраздняются, а Сибоблдума распускается; 2) до пріѣзда Вологодскаго Директорія пользуется дѣловым аппаратом Административнаго Совѣта, как он есть; 3) первый состав совѣта министров Директоріи образуется по соглашенію между нею и Сибирским правительством; 4) предсѣдатель совѣта министров назначается Директоріей из числа ея членов; в данный момент предсѣдателем назначается Вологодскій; замѣститель предсѣдателя выбирается самим совѣтом министров; 5) Директорія декларирует обязательство обезпечить Сибири областной представительный орган, для выработки «Положенія» о котором создается спеціальная комиссія. Положеніе подлежит одобренію Директоріи; 6) Законодательные акты Сибирскаго Правительства остаются в силѣ и могут быть измѣняемы и отмѣняемы Директоріей в общем законодательном порядкѣ; 7) Директорія, при единствѣ Россійской арміи, сохраняет территоріальный способ комплектованія ея, допускает территоріальныя наименованія и, сверх общенаціональных, областные территоріальные цвѣта (бѣло-зеленый для сибиряков).

С этим соглашеніем ознакомил нас, прежде всего, «конфиденціально» (хотя об этом воробьи чирикали на всѣх крышах) Авксентьев, как людей, в дружеском расположеніи которых он не сомнѣвается, и спросил, каково наше отношеніе к этому.

На правах друга я с полной откровенностью высказал Авксентьеву свой взгляд: Директорія уполномочена в Уфѣ повелѣвать, а не сторговываться с областными правительствами. С другой стороны, «Акт об образованіи власти», предоставляя «мудрости» Директоріи право устанавливать предѣлы компетенции областных правительств, не предоставляет Директоріи права на упраздненіе областных правительств. Я считаю, что Директорія соглашеніем своим с Омском не только нарушила конституцію, но и рубит тот сук, на котором она сидит.

С упраздненіем областных правительств и осуществленіем соглашенія, у Директоріи не будет ни малѣйшей опоры, а будет, лишь под другим наименованіем, власть Сибирскаго Правительства.

Нарушенія конституціи Авксентьев не оспаривал. Он доказывал лишь, что то, что сдѣлано, было единственным исходом. Он просит в нашем лицѣ Правительство Урала подчиниться принятому рѣшенію. На мое указаніе, что сила и мѣры принужденія — в их руках, Авксентьев указал, что менѣе всего он хотѣл бы стать на этот путь в отношеніи к столь искренно преданому Директоріи Правительству Урала. Именно от Правительства Урала, ярко выявившаго полное отсутствіе личных мотивов в отношеніи власти, Директорія ждет помощи. И эта помощь может выразиться в примѣрѣ, который покажет Правительство Урала другим областным правительствам актом добровольной передачи областной власти Директоріи.

Меньше всего Авксентьев ждет палок в колеса от нас.

Мы отвѣтили Авксентьеву, что меньше всего, дѣйствительно, власть интересует членов нашего правительства персонально, что мы снесемся с Екатеринбургом и дадим отвѣт.

Авксентьев перешел к другому вопросу: кого бы из своих членов Правительство Урала могло предложить в состав формируемаго Директоріей совѣта министров.

Наш отвѣт, что вряд ли кто на это пойдет, нѣсколько раздражил Авксентьева :«Всѣ готовы помочь, а вот, как приходит к дѣлу, когда нам нужны **свои** люди в совѣтѣ, тогда никого нѣт. Омскіе министры всѣ к услугам, а у нас нѣт кандидатов, кого им противопоставить. Вот пригласили мы Старынкевича, он пошел, а сибиряки его теперь, как «предателя», выпирают. А ваш Глассон не пойдет?».

— Глассон вам не подойдет: он благоговѣет перед законом и не станет потворствовать беззаконію, — отвѣтил я.

Авксентьев вскипѣл: «Как, нам нужен министр-потворщик беззаконію?!».

— Да, Глассон заглянет в конституцію, в «Акт», и скажет, что ея нельзя нарушать. Вы давали «торжественное обѣщаніе». Вы совершили клятвопреступленіе! Это даром не проходит. Я знаю Глассона. Он мечтает об одном: как бы скорѣе вернуться на свой пост товарища предсѣдателя суда. Его тяготит роль министра юстиціи у нас. Тѣм болѣе он не пойдет к вам работать с сибирскими министрами.

Не помню, что тут наговорил мнѣ Авксентьев, но разстались мы очень дружелюбно: и он и мы понимали, что другая сторона дѣйствует, руководясь исключительно искренними побужденіями.

Заглянули мы и к Болдыреву.

Он был спокоен и держался увѣренно. Странным мнѣ казалось, когда он говорил, что мало по малу он военных прибирает к рукам, когда я кругом только и слышал о мало дисциплинированном (конечно, за глаза) отношеніи офицерства к главѣ арміи. А между тѣм производило впечатлѣніе, что Болдырев вѣрит тому, что он нам говорит. Как раз на завтра он собирался, по его словам, расправиться с генералом Голицыным за совершено недопустимый, по пренебрежительному в отношеніи Директоріи тону, приказ, изданный Голицыным в ожиданіи пріѣзда Директоріи в Екатеринбург.

На Голицынѣ Болдырев собирался показать примѣр другим. (Опыт вышел не из удачных. Как мнѣ передавал Зензинов, генерал Голицын очаровал генерала Болдырева: «такой бравый генерал, такая молодцеватая выправка», что оказалось невозможным не отпустить его с миром).

При уходѣ от Болдырева, я на момент задержался и сообщил ему конфиденціально, по просьбѣ нашего министра внутренних дѣл, что в Екатеринбургѣ нѣкоторые военные заняты подготовкой переворота Директоріи, а потому необходимо командировать вполнѣ вѣрнаго ему офицера, которому будут указаны на мѣстѣ пути для выясненія заговора.

Болдырев отвѣтил мнѣ, что он о заговорѣ знает, мѣры принимает, и что безпокоиться нечего, ибо ничего особенно серьезнаго нѣт.

3

В совѣщаніи по продовольствію и снабженію я, можно сказать, только побывал. Картина, вырисовывавшаяся там при мнѣ, была не из блестящих. Омская постановка была чисто бюрократическая. При хлѣбной монополіи и твердых цѣнах на хлѣб, Сибирское Правительство с трудом, несмотря на обиліе хлѣба, справлялось с продовольствіем. В особенности это отражалось на Уралѣ из за отсутствія вагонов и паровозов.

У нас монополіи не было, но хлѣб мы вынуждены были покупать в Сибири, т. е. у Сибирскаго Правительства. Мы могли бы покупать его «у себя», в Шадринском уѣздѣ — житницѣ Урала, — но этот уѣзд был под властью Омска.

По твердой цѣнѣ Сибирскаго Правительства фактически не продавали, а покупать под сурдинку, нелегальным путем, мы находили недопустимым.

Продовольствіе уральских заводов, фактически все еще бывших в руках казны, ставило нас в очень затруднительное положеніе.

На бюрократическіе порядки Омска в совѣщаніи сыпались нападки. Но омскіе бюрократы весьма удачно парировали эти нападки, указывая, что «общественные» порядки еще хуже.

С цифрами в руках (оставшимися неопровергнутыми) они доказывали, что, при твердой цѣнѣ хлѣба в Сибири в 13 рублей пуд, Продовольственные Комитеты умудрялись доводить себѣстоимость пуда до 780 рублей в Уфѣ и до 950 рублей в Самарѣ! Одни стоили других!

В отношеніи расчетов по долгам нам, дѣла обстояли также не блестяще. П. В. Иванов предложил мнѣ посѣтить И. А. Михайлова и переговорить с ним. Я отказался, указав на то, что в этом случаѣ максимум, чего я могу добиться, это — получить обѣщаніе Михайлова послать нам деньги, а я ему абсолютно не довѣряю; поэтому я предпочитаю обратиться к члену Директоріи Виноградову, вѣдающему финансово-экономической частью, авось через него добьюсь.

На это я выслушал выраженіе неудовольствія Иванова за мое слишком уж пристрастное отношеніе к Михайлову и заявленіе, что он тогда сам пойдет к нему вмѣстѣ с Гуттом.

Вечером в тот же день Иванов, с торжествующим видом сообщил мнѣ об очень успѣшном посѣщеніи Михайлова, обѣщавшаго в теченіе нѣскольких ближайших дней отправить в Екатеринбург чуть не пять милліонов.

Когда я отвѣтил Иванову, что с удовольствіем поздравлю его, только послѣ того, как деньги будут отправлены, я опять выслушал укоры в преувеличенно предвзятом недовѣріи к Михайлову.

К сожалѣнію, мое недовѣріе вполнѣ оправдалось. Виноградов помог не болѣе, чѣм довѣрчивость Иванова: Михайлов водил их обоих за нос, а денег не посылал. (Уже значительно позже, недѣли через двѣ, он, если не ошибаюсь, один милліон послал).

Доведенный до крайности, я рѣшил выпустить размѣнные пятидесяти копееч ные знаки Государственнаго Банка на 1.500.000 рублей (обезпечив их крупными купюрами 5% обязательств Государственаго казначейства), что и было с большим успѣхом сдѣлано, ибо в мелких купюрах кредиток чувствовалась большая нужда. По этому поводу у меня произошел с Виноградовым довольно курьезный, очень характерный для той эпохи, разговор.

— Согласно постановленію Директоріи, хотя и не распубликованному оффиціально, вѣдомства финансов областных правительств упразднены. Считаете-ли Вы, что постановленіе вошло в силу, — спросил я.

— Разумѣется, считаю, что постановленіе вошло в силу.

— Значит, Вы меня не считаете министром финансов Правительства Урала?

— Не считаю.

— Но я сегодня распорядился по телеграфу в Екатеринбург выпустить размѣнные знаки.

— Очень хорошо сдѣлали.

— В качествѣ чего же я дѣйствую?

— А я почему знаю? Не все ли равно? Останавливать жизни нельзя, и я очень рад, что вы свое дѣло дѣлаете.

Этот разговор происходил числа 19 — 20 октября и показывает, насколько сами члены Директоріи чувствовали теоретичность своей власти: реальная власть даже в этот момент, через мѣсяц почти послѣ выбора Директоріи, все еще была в руках областных правительств.

Соглашеніе 12 октября оставляло в Омскѣ фактически всю власть в руках Административнаго Совѣта, самое измѣненіе состава котораго могло начаться толь ко с пріѣздом Вологодскаго.

Пока же шли крупныя разногласія между Директоріей и Административным Совѣтом по вопросу, в каком порядкѣ упразднить Сибоблдуму. Административный Совѣт настаивал на роспускѣ путем Указа, а Директорія — на самороспускѣ, путем постановленія самой Сибоблдумы, чего Авксентьев надѣялся добиться.

Самочувствіе Авксентьева и Зензинова было отвратительным. «Блок» вел себя по отношенію к ним до неприличія вызывающе. Они чувствовали слишком ясно, что весь вопрос — в них: стоит им уйти из Директоріи, и омская общественность охотно примирится с Директоріей из Болдырева, Виноградова и Вологодскаго.

Вопрос о своем уходѣ, в цѣлях сохраненія Директоріи, Авксентьев и Зензинов, в частном порядкѣ, и поставили. Но тогда о намѣреніи уйти одновременно с ними заявил и Виноградов.

Мотивом такой постановки вопроса Виноградовым было совершенно правильное соображеніе: с уходом Авксентьева и Зензинова, защита интересов широких демократических кругов легла бы цѣликом на плечи Виноградова. Ему неизбѣжно пришлось бы защищать политическую линію болѣе «лѣвую», чѣм при Авксентьевѣ и Зензиновѣ, ибо широкіе круги не прощали бы ему того, что прощали бы им.

То или другое, сдѣланное с согласія членов Директоріи — эс-эров, принималось бы, пусть и скрѣпя сердце: раз на это эс-эры пошли, значит иначе нельзя было. Не то, конечно, когда то же самое

сдѣлает кадет. Итти «лѣвѣе» того, чѣм при Авксентьевѣ и Зензиновѣ, было бы политической безсмыслицой, да и невозможно практически. Не итти этим путем, означало бы для Директоріи потерю поддержки демократіи, и дѣлало бы для Виноградова безцѣльным его пребываніе.

Поэтому Виноградов рѣшил, в случаѣ ухода Авксентьева и Зензинова, уйти одновременно с ними. А такое рѣшеніе Виноградова удерживало от рѣшительнаго шага Авксентьева и Зензинова. Так все оставалось на вѣсу в ожиданіи пріѣзда Вологодскаго.

ГЛАВА XXII.

Прiѣзд Вологодскаго.—Похищенiе В. Н. Моисеенко.—Атамановщина.—Рѣшенiе вопроса о роспускѣ Сиболдумы.—Конфликт на вопросѣ о составѣ Совѣта Министровъ.—Новоявленный „Ц. К.".—С. В Востротинъ о кандидатурѣ адмирала Колчака.—Тактика изживанiя Директорiи—Омскiе „кадеты".—Разрѣшенiе конфликта.—Соглашенiе Правительства Урала съ Директорiей.—Упраздненiе Правительства Урала.—„Совѣщанiе Управляющих Вѣдомствами".

1

18 октября Вологодскiй, наконец, прiѣхал. Встрѣчали его с большой торжественностью. Вокзал «на Вѣткѣ» был раз украшен флагами. Из окна нашего вагона мы могли наблюдать за работами по украшенiю вокзала. И нам бросалось в глаза то обстоятельство, что не только над вокзалом продолжал развѣваться сибирскiй бѣло-зеленый флаг, но и среди флагов по стѣнам вокзала только кое-гдѣ замѣтны были нацiональные флаги среди массы сибирских. Да это и было понятно: всѣми силами подчеркивали, что встрѣчают не члена Директорiи, а главу Сибирскаго Правительства.

Не знаю, умышленно или нѣт опоздал Авксентьев при встрѣчѣ Вологодскаго на вокзалѣ. Но в первый день им не удалось повидаться: Вологодскiй устал с дороги. Затѣм началась канитель: Вологодскiй все размышляет, подписать-ли ему «торжественное обѣщанiе», обязательное согласно «Акту о созданiи власти» для членов Директорiи. Вологодскiй вступает в исполненiе обязанностей члена Директорiи, а с «торжественным обѣщанiем» тянет. Одно это подает повод к различным толкам и предположенiям. Нервозность атмосферы все повышается. Спустя дней пять—шесть по прiѣздѣ, Вологодскiй подписывает «обѣщанiе», и наступает нѣкоторое успокоенiе. Но оно длится недолго. Через нѣсколько дней всѣ поражены извѣстiем о похищенiи среди бѣла дня члена Учредительнаго Собранiя, В. Н. Моисеенко. Часов в 5 дня он вышел послѣ обѣда из «клуба» (я как раз обѣдал с ним за одним столиком), затѣм его видѣли у телеграфа, на главной улицѣ города, около 6 часов, и с этого момента человѣк исчез безслѣдно.

Во внѣшней дѣятельности Моисеенко не выдвигался, держался очень скромно. Никаких поводов, вызывающих на убiйство его лично, не видно было. Терялись в догадках, что это означает?

На слѣдующiй день в зданiе Директорiи зашел офицер из Ставки за справкой об адресах проживающих в Омскѣ членов Учредительнаго Собранiя. Ему обѣщали приготовить справку к слѣдующему дню, прослѣдили, выяснили, что такого офицера в Ставкѣ нѣт, а на завтра, когда он вновь пришел за справкой, его арестовали. Удалось установить, что существует особая военная организацiя, поставившая себѣ задачу «выводить в расход» членов Учредительнаго Собранiя. На этом власти пришлось успокоиться. Справиться с нѣкоторыми военными кругами она была совершенно безсильна.

Среди части военных кругов сильно развивалось то, что характеризовалось словом «атамановщина». В кратких словах, это—разгул и произвол безудержные. Внѣшне в Омскѣ это давало себя знать по вечерам в увеселительных заведенiях, гдѣ «патрiотизм» выявлялся в требованiи исполненiя нацiональнаго гимна и насилiями над инакомыслящими. Теперь, с постановкой вопроса об «изъятiи» членов Учредительнаго Собранiя, при ярко вырисовывавшемся безсилiи власти,

атмосфера взаимнаго недовѣрія достигла крайней степени раскаленности. И при такой атмосферѣ Директоріи приходится договариваться с Административным Совѣтом.

Вопрос о методѣ роспуска Сиболдумы разрѣшается благополучно. Авксентьев получает обѣщаніе лидеров Сиболдумы, что она «самораспустится»; Административный Совѣт, хотя и не вѣрит ей, но дает согласіе на самороспуск.

Тогда начинается самый мучительный вопрос—о составѣ Совѣта Министров. Тут—два камня преткновенія. Один—И. А. Михайлов, на котором настаивает Административный Совѣт, но категорически отвергаемый Директоріей; другой—Е. Ф. Роговскій, еще в Уфѣ назначенный Директоріей не то Министром Внутренних Дѣл, не то его товарищем по дѣлам милиціи. Указ о назначеніи Роговскаго лежит у него в карманѣ (как и всѣ акты Директоріи, он не распубликован, ибо у нея нѣт своего оффиціальнаго органа), им уже приглашен почти весь штат—300 человѣк сидят в вагонах—по пути его уже всюду встрѣчали с рапортами. И вот теперь об этом эсерѣ «Блок» и Административный Совѣт и слышать не хотят, как о Министрѣ Внутренних Дѣл. Не желают они также Старынкевича, как «предателя», перешедшаго на сторону Директоріи. Но это, как всѣ понимают, вопрос второстепенный: главное—это Михайлов и Роговскій. И дни идут за днями вокруг этого вопроса.

«Клуб» кипит. Он живет всѣми деталями происходящей борьбы. Тут мнѣ подносят свѣжую новость: Омскій комитет Партіи Народной Свободы объявил себя Центральным Комитетом Партіи, но допускает к участію представителей губернских комитетов и членов Ц. К. Кадеты-бѣженцы, симбирцы, уфимцы, самарцы, глубоко возмущены и спрашивают меня, не пойду ли я в засѣданіе новоявленнаго Ц. К., и нельзя ли принять каких либо мѣр к обузданію Омичей. Засѣданія—по четвергам.

Омскій комитет к.-д., котораго в іюлѣ еще и в поминѣ не было, в роли Центральнаго Комитета нашей партіи—это было для меня предѣлом возможнаго даже на болотистой почвѣ Омска! В ближайшій четверг я отправился на его засѣданіе.

Предсѣдательствовал какой-то неизвѣстный мнѣ субъект. Присутствовало человѣк двадцать. Докладывал Жардецкій. Он предлагал заявить Директоріи от имени Партіи о совершенно отрицательном отношеніи к Директоріи. Взяв слово, я очень скромно указал, что отношеніе отдѣльных комитетов Партіи к Директоріи различное: так, Екатеринбургскій Комитет привѣтствовал Директорію. Поэтому то или другое отношеніе к Директоріи со стороны Омскаго Комитета было бы неосторожно выдавать за отношеніе Партіи в цѣлом.

— Мнѣніе Партіи Народной Свободы в цѣлом отражает исключительно ея центральный орган—Центральный Комитет, заявляет Жардецкій

— Если это так, то должен ли я, г. предсѣдатель, понимать, что я нахожусь будто-бы в засѣданіи Ц. К. нашей партіи, обращаюсь я к предсѣдательствующему.

— Да, это так, отвѣчает Жардецкій.

— Я спрашиваю не г. Жардецкаго, а Вас, г. предсѣдатель.

В помѣщеніи воцаряется мертвая тишина. Послѣ длительной паузы съежившійся субъект на предсѣдательском креслѣ с трудом произносит: «Да, это так».

— В таком случаѣ, заявляю я, я извиняюсь; произошло недоразумѣніе: в таком «центральном комитетѣ» я не уполномочен участвовать и ухожу.

Я направился к выходу: «Скатертью дорога», бросает мнѣ вслѣд Жардецкій. Я уходил с удовольствіем: мое дѣло было сдѣлано.

На слѣдующій день разсказываю Виноградову про это пикантное засѣданіе. Виноградов смѣется и в свою очередь разсказывает мнѣ, что наканунѣ поздно вечером к нему явилась депутація во главѣ с Жардецким, который начал: «по постановленію Ц. К. партіиНародной Свободы...» Виноградов перебил его: «Какого Ц. К.?» — Да здѣсь, в Омскѣ. — Извините меня, заявил Виноградов, будучи членом Ц. К. не первый год, я

впервые слышу о Ц. К. в Омскѣ... И тут у Виноградова, не выгорѣло.

Мое предположеніе при уходѣ, что я Омскій «центральный комитет» прикончил, оправдалось. Находившіеся в его засѣданіи иногородніе к.-д. подхватили, по моем уходѣ, поднятый мною вопрос, причем не обошлось без рѣзкостей.

Не знаю, продолжал ли по четвергам засѣдать омскій комитет, именующій сам себя и для себя «центральным», но уже дня через три послѣ инцидента со мной начались соединенныя засѣданія губернских комитетов, находящихся в Омскѣ, в которых, на ряду с другими, принимал участіе и омскій комитет. В этих засѣданіях принимал участіе до своего отъѣзда и я.

На первом из этих засѣданій при обсужденіи вопроса об общем положеніи, послѣ оцѣнки, данной П. В. Ивановым и мной, исходя из положенія на Уралѣ, Жардецкій заявил, что он охотно допускает, что на Уралѣ настроенія и таковы, как мы излагаем, но отсюда приходится сдѣлать вывод, что Урал еще не достаточно удовлетворен тѣм, что он испытал от большевиков; поэтому поневолѣ возникает вопрос, не будет ли болѣе разумным для единства борющейся с большевиками стороны избавиться от такой части, как Урал, и отдать ее большевикам. Сказано это было так, что пахло опредѣленной угрозой. И я (не подозрѣвая тогда, что такая угроза руководила Директоріей при выборѣ резиденціи) эту угрозу учел. Считая, что, по внутреннему содержанію, ставка Директоріи уже бита, я пришел к выводу, что в интересах Урала, при данной обстановкѣ,—чтобы Правительство Урала возможно скорѣе передало власть Омску, как бы эта власть ни именовалась. Само собою разумѣется, что тут, в засѣданіи, я и намека не подал о выводѣ, к которому пришел.

От обмѣна мнѣніями по вопросу об общем положеніи, мы вполнѣ естественно перешли к вопросу дня: о составѣ совѣта министров. При обсужденіи отношенія к различным кандидатурам, зашел вопрос и о кандидатурѣ адмирала Колчака в военные министры. О нем никто из нас не знал ничего, за исключеніем извѣстнаго из газет эпизода с его золотым оружіем. Дать его характеристику вызвался С. В. Востротин, с которым адмирал был вмѣстѣ в правительствѣ генерала Хорвата. По словам Востротина, адмирал Колчак был далеко не тот, что раньше. Он стал человѣком, слишком часто мѣняющим рѣшенія, колеблющимся. Очень нервничал. Под конец адмиралу дали двухмѣсячный отпуск. «Вчера я видѣлся с адмиралом и нашел, что было-бы не вредно дать ему еще трехмѣсячный отпуск», закончил Востротин, опредѣленно указывая, что в данный момент эта кандидатура мало подходяща.

28 октября состоялось совмѣстное засѣданіе Директоріи с административным совѣтом. Из-за вопроса о кандидатурѣ Михайлова дѣло дошло до того, что Авксентьев и Зензинов уже открыто заявили о своей готовности уйти из состава Директоріи.

Вопрос ставился административным совѣтом так: Михайлов должен обязательно войти в состав совѣта министров, а Роговскій — ни в каком видѣ.

Директорія готова была, несмотря на всю неловкость этого, пойти на то, чтобы ни Михайлова, ни Роговскаго в совѣтѣ министров не было. Но даже и на это административный совѣт не пошел. Борьба дошла до кульминаціоннаго пункта.

2.

29 октября состоялось объединенное засѣданіе комитетов к.-д. С докладом о положеніи выступил Жардецкій. В крайне рѣзких тонах поставил он свой основной тезис: «кто не с нами, тот против нас». И в отношеніи всѣх, «кто не с нами» должна быть одна мѣрка, независимо от того, кто они, будь то даже однопартійцы. «Наши делегаты в Уфѣ— партійные предатели и измѣнники. Они дали Директорію, абсолютно непріемлемую. Эсеры-члены Директоріи сносятся со своими однопартійцами в Екате

ринбургѣ по прямому проводу. И вот о чем они говорят (он оглашает ряд переговоров). Эту Директорію блок рѣшил извести, и он ее изведет. Если она примет условіе о Михайловѣ, мы завтра ей поставим такое-то условіе; если она его примет, то послѣзавтра мы поставим ей такое-то. В концѣ концов мы Директорію изведем». И Жардецкій с каким-то особым смакованіем читает из записной книжечки 29 пунктов условій, которыя блок будет ставить Директоріи по мѣрѣ того, как она будет принимать предыдущія.

На присутствующаго в засѣданіи А. И. Коробова, как участника Гос. Совѣщанія в Уфѣ, нападки Жардецкаго производят впечатлѣніе, и он за «предателей и измѣнников» посылает на слѣдующій день к Жардецкому секундантов. (Жардецкій вызова не принял, отрекшись в составленном протоколѣ от своих слов, якобы им не сказанных).

Моя мысль ни на момент не остановилась на этой сторонѣ дѣла: меня очень мало трогало мнѣніе обо мнѣ Жардецкаго. Меня интересовал серьезный вопрос, стоявшій перед нами.

Допустим ли для партіи Народной Свободы морально тот путь, о котором говорит Жардецкій, и мыслим-ли он реально? Таков был вопрос, который я поставил в отвѣт на доклад Жардецкаго. Жардецкій выказал несомнѣнные талант и знанія, кто с кѣм и о чем секретно говорил, но знают ли Жардецкій и блок, каково в данный момент финансовое состояніе казны и продовольственное положеніе в прифронтовой полосѣ, как населенія, так и арміи? Вот — цифры и данныя, рисующія совершенно катастрофическое положеніе. И в этот момент, когда нужна напряженнѣйшая работа, когда каждый час дорог, ни Директорія ни Сибирское правительство ничего не дѣлают. Они забросили все, потому что всѣ заняты одним: борьбой за власть! А блок своей системой изживанія Директоріи, при остающихся в резервѣ 29 пунктах, видимо, собирается длить эту борьбу еще мѣсяца два? Так я могу опредѣленно предсказать, что время теперь можно мѣрить не мѣсяцами, а в лучшем случаѣ недѣлей! Партія Народной Свободы не должна принимать участія в такой недостойной и губительной игрѣ. Не подходит вам Директорія, скажите это прямо! Я лично считаю, что мы обязаны сказать обѣим сторонам, что далѣе тянуть они не в правѣ, и так или иначе обязаны не позднѣе завтрашняго дня притти к тому или другому рѣшенію.

Моя отповѣдь произвела впечатлѣніе. Даже Жардецкаго смутили мои соображенія. В результатѣ мое предложеніе было принято, и для освѣдомленія Виноградова была выбрана депутація, в которую просили войти и меня.

При посѣщеніи нами в тот же вечер Виноградова, мы встрѣтились у него с Н. А. Бородиным. В бесѣдѣ, коснувшейся разных вопросов, один из членов депутаціи, Каргалов, член Омскаго (а значит и новоявленнаго «центральнаго») комитета, споря с Виноградовым о роли к.-д. во Вр. Правительствѣ кн. Львова, между прочим заявил: «Ну, какая же разница между Милюковым и Гучковым? Сущность — одна и та же, фасон только разный!» Тут с Каргаловым стал уже спорить Бородин. При выходѣ от Виноградова, мы продолжали путь вдвоем с Бородиным. И тут этот, хотя и весьма праваго уклона, кадет, но старой, не мартовской, формаціи, не выдержал и дал волю своим чувствам: «Слышал я Ваши отзывы об омских кадетах. Грѣшным дѣлом, не вполнѣ вѣрил. Но это уже слишком! кадету смѣшивать Милюкова с Гучковым! Это уже слишком!»

На слѣдующій день под вечер я зашел к Аксентьеву и стал настаивать на необходимости покончить с кризисом, идя даже на назначеніе Михайлова и отказ от Роговскаго.

Авксентьева это сильно взволновало. «Понимаете-ли Вы, чего Вы от меня требуете? Почему Вы требуете жертвы от меня, а не от Вашего партійнаго товарища, Виноградова? Пусть он остается, а мы с Зензиновым уйдем!» Авксентьев в негодованіи и возмущеніи шагал по кабинету, в то время как я ему объяснял, что новая уступка — лишь логи-

ческое продолженіе первой ошибки Директоріи, пошедшей на путь переговоров с Сибирским правительством, что я сам, конечно, мало вѣрю в какой бы то ни было хорошій исход при участіи Михайлова во власти, но что больше затягивать нельзя, и что иного выхода теперь нѣт.

Авксентьев шагал по кабинету, повторяя: «не могу, не могу и не могу!» В это время Авксентьева спѣшно вызвали. Через нѣсколько минут он вернулся и сообщил, со слов Вологодскаго, что соглашеніе достигнуто: Михайлов назначается министром финансов, а Роговскій — товарищем министра внутренних дѣл по дѣлам милиціи.

Имѣло-ли вліяніе на этот компромисс происходившее накунунѣ засѣданіе к.—д., не знаю. Передавали, что все происходившее вывело, наконец, из себя Вологодскаго , который пригрозил в случаѣ, если не придут немедленно к соглашенію, выйти из состава, как Директоріи, так и Сибирскаго правительства. Я охотно допускаю, что это было так, ибо Вологодскаго лично всегда аттестовали, как человѣка безусловной порядочности, а в таком случаѣ дѣйствія его коллег не могли не претить ему. Ухода же Вологодскаго его коллеги, конечно, не могли допустить, ибо он был, как будто, единственной моральной цѣнностью Сибирскаго правительства.

3.

С окончаніем конфликта по вопросу о составѣ Совѣта Министров Директоріи, нам, представителям Правительства Урала, оставалось одно — закончить переговоры о порядкѣ упраздненія нашего Правительства.

Мы снеслись с Екатеринбургом, и всѣми единогласно было рѣшено передать власть Директоріи самым дружественным образом, выговоривши для Урала условія, совершенно аналогичныя с тѣми, что, по соглашенію 12 октября, предоставлялись Сибири: автономію Урала, созыв областного представительнаго органа, сохраненіе в силѣ изданных нами законов и прочее. Мы отлично понимали, конечно, что, реально, все это вопросы не близкаго будущаго, но мы рѣшили, что, на всякій случай, полезно имѣть документ, отмежевывающій Урал от Сибири и признающій принципіально право Урала на территоріальную автономію, что особенно усиленно оспаривалось Комучем, не отрицавшим территоріальных особенностей Сибири.

Для обоснованія прав Урала на существованіе в качествѣ автономной или федеративной единицы, в зависимости от государственнаго строя в Россіи в будущем, нами был представлен Директоріи обширный доклад, разсматривавшій вопрос со всѣх сторон и обосновывающій, как наши претензіи на автономію, так и границы Урала.

Числа 2 или 3 ноября Директорія в нашем присутствіи разсматривала вопрос. Поддерживал нас очень Вологодскій, котораго я тут видѣл впервые, причем он произвел на меня впечатлѣніе мягкаго, добраго человѣка. Спорным у нас явился вопрос о территоріальной арміи, причем Болдырев вполнѣ обоснованно доказал нам, что при географическом положеніи Урала и размѣрѣ его территоріи, он не может претендовать на то же самое, что Сибирь, имѣющая границы с чужеземными государствами. Поневолѣ войска, набираемыя на Уралѣ, должны будут большей частью расквартировываться за предѣлами Урала. С этим нельзя было не согласиться, и вопрос этот нами был снят. В остальном мы пришли к соглашенію. Одновременно Директорія просила, чтобы члены нашего правительства, оставаясь на мѣстах, в качествѣ управляющих вѣдомствами, подчинялись директивам соотвѣтственных глав центральных вѣдомств, впредь до принятія от нас дѣл. Дав на это наше согласіе, мы простились и выѣхали в Екатеринбург.

Итог был неутѣшительный. Под вывѣской Директоріи фактическая, исполнительная, власть оставалась в руках наших старых знакомых, сибирских министров. Плюсом было то, что вывѣска была не сибирская, а всероссійская. Маленькій проблеск надежды оставался в том, что сибирякам не удалось отстоять выдвигавшееся ими требованіе, чтобы законодательная власть принадлежала

Директоріи совмѣстно с Совѣтом Министров, чтобы Директорія могла принимать только законы, предварительно принятые Совѣтом Министров. Формально вся полнота власти принадлежала Директоріи, а Совѣт Министров был на том же положеніи, что при царѣ до созыва Государственной Думы, т. е. на положеніи органа вполнѣ подчиненнаго.

Так обстоял вопрос формально. Дальнѣйшее зависѣло от того, как фактически удастся Директоріи поставить себя в отношеніи Совѣта Министров. Соотношеніе сил в Омскѣ было не в пользу Директоріи. Но дѣлать было нечего, и, в таких условіях, надо было по мѣрѣ сил поддерживать Директорію. Авось выплывет!

Грамата Директоріи на имя областных правительств была спубликована. Слѣдом за ней Правительство Урала обратилось 10 ноября к населенію Урала с сообщеніем. Указав в нем на горячее участіе свое в созданіи в Уфѣ Директоріи, как единаго носителя Верховной Власти, Правительство заявляло:

«Государственное Совѣщаніе, признав за областями Россіи право на самоуправленіе на широких автономных началах, предоставило мудрости Вр. Всероссійскаго Правительства опредѣлить предѣлы компетенціи автономіи отдѣльных областей.

Нынѣ Вр. Всероссійское Правительство, в соображеніи всѣх обстоятельств, как внутренней жизни страны, так и международнаго положенія Россіи, пришло к заключенію, что интересы родины властно требуют временнаго прекращенія существованія всѣх областных правительств и сосредоточенія всей полноты власти в руках вр. Всероссійскаго Правительства.

Упраздняя Уральское Областное Правительство, Вр. Всероссійское Правительство вмѣстѣ с тѣм считает необходимым ввести в организацію управленія Урала начала, соотвѣтствующія его экономическим особенностям и принципіально признает возможным созданіе в будущем общеуральскаго представительнаго органа, объединяющаго работу мѣстнаго управленія горнозаводскаго Урала.

Вр. областное правительство Урала, руководствуясь интересами родины и сознавая, что в настоящій, исключительно тяжелый, момент для страны необходима единая, мощная и безраздѣльная власть, 26 октября признало необходимым сложить свои полномочія и передать всю власть на Уралѣ Вр. Всероссійскому Правительству, как только оно того потребует.

Получив сего числа Указ Вр. Всероссійскаго Правительства, правительство Урала слагает свои полномочія и призывает всѣх граждан области Урала сплотиться вокруг единаго Вр. Всероссійскаго Правительства и оказать ему полную поддержку и повиновеніе.

Да памятует каждый, что родина наша находится в смертельной опасности, и вывести ее на путь спасенія может только то правительство, которое будет обладать всей полнотой власти и поддержано всѣми слоями населенія. Да будет вся воля страны направлена к спасенію Родины под верховным водительством Вр. Всероссійскаго Правительства.

Правительство Урала твердо вѣрит, что Вр. Всероссійское Правительство, поддержанное всѣми гражданами, любящими свою родину, выведет ее на путь спасенія и доведет страну до Всероссійскаго Учредительнаго Собранія».

Этим актом правительство Урала прекратило свое существованіе. Населеніе отнеслось к этому довольно безразлично. Оно нашу власть мало «чувствовало», а потому не отдавало себѣ и отчета.

Сразу к тому оно и не могло почувствовать нашего ухода, так как мы оставались еще около мѣсяца на своих постах. Прекратилась только наша законодательная работа. Почувствовало населеніе исчезновеніе правительства Урала позднѣе, когда новая власть омской диктатуры не позволяла населенію забывать, что власть существует.

Я не стану подробно останавливаться на дѣятельности правительства Урала, так как она носила мѣстный характер, и главным образом вытекала из нужд момента. Я отмѣчу лишь, что кое в чем законодательство наше коснулось вопросов, могущих имѣть значе

ніе и в будущем. Так, мы осуществили одну из завѣтных идей покойнаго А. И. Шингарева, издав закон об обязательной сдачѣ всей добываемой платины исключительно в казну. (Несмотря на стѣсненность в денежных средствах, мы всю платину скупали — по 80 рублей за золотник — и этим поощряли ея добычу: сбыт ея в частном порядкѣ за границу был в это время очень затруднителен для частных лиц. Поэтому принятый нами закон не вызвал протестов даже со стороны платинопромышленников).

Нами был издан также закон (не успѣвшій осуществиться) об институтѣ при податных инспекторах «спеціальных сборщиков прямых налогов», институтѣ крайне необходимом в виду того, что населеніе отвыкло платить прямые налоги.

Обращаясь к трем мѣсяцам работы правительства Урала, издавшаго за это короткое время 81 акт, и сравнивая его с цѣлым рядом правительств, которыя я за это время перевидал, я с особенно теплым чувством вспоминаю всѣх моих сотоварищей по этой работѣ. Работали неустанно и добросовѣстно. Всѣ до единаго экономили государственныя средства до щепетильности. Не было у нас даже для правительства в цѣлом ни одного автомобиля, этого аппарата, как бы ставшаго скипетром и державой правительств революціоннаго времени. Принадлежа к разным партіям, мы всѣ были объединены интересами надпартійными, и в нашей средѣ создалась серьезная спайка. Она была настолько сильна, что, упразднившись 10 ноября, как правительство, мы рѣшили помогать друг другу, пока не передадим вѣдомств, и образовали неоффиціальное «Совѣщаніе главноуправляющих вѣдомствами».

ГЛАВА XXIII

Съѣзд членов Учр. Собранія в Екатеринбургѣ—Прокламація Ц. К. эсеров.—Екатеринбургскіе к.-д. о Директоріи и диктатурѣ.—Переворот 18 ноября.—Участіе Екатеринбурга в подготовкѣ переворота—„Конституціонная диктатура".—Верховная Власть „семерки".—Ликвидація „семерки" и „Съѣзда".—Генерал Гайда—„Доставить в штаб".—Сдача вѣдомства—Мой отход от политической работы.—„Партія государственнаго переворота".

I.

Высказанное мною Авксентьеву мнѣніе, что нарушеніе Директоріей Уфимской конституціи даром не пройдет, стало оправдываться гораздо раньше, чѣм я того ожидал.

Если правительство Урала шло на все, лишь бы, хоть номинально, удержать у власти Директорію, если на это шли эсеры в Сибирской областной думѣ, то далеко не такую позицію заняли эсеры, собравшіеся в Екатеринбургѣ на Съѣзд членов Учред. Собранія.

Положеніе «Съѣзда» оказалось самым нелѣпым. Он очутился в Екатеринбургѣ, куда должна была ѣхать и Директорія, но не поѣхала. Он был «государственно-правовым органом», а дѣлать ему нечего было. Хотя Директорія не объявила об отмѣнѣ «Акта» в части, касавшейся «Съѣзда», но было совершенно ясно послѣ происшедшаго в Омскѣ, что роль Съѣзда практически кончена.

Если учесть это положеніе, да еще прибавить к этому, что Чернов (котораго, по слухам в Уфѣ, эсеры удерживали в Самарѣ, опасаясь, что одно появленіе его в Уфѣ способно сорвать всякое соглашеніе) прибыл в Екатеринбург, то станет понятным, что эсеры не были способны удержаться от обостренія положенія. Жардецкій не даром упоминал о сношеніях Авксентьева и Зензинова с эсерами в Екатеринбургѣ. На давленіе на Директорію справа эсеры отвѣчали давленіем слѣва. И надо было только удивляться стойкости, проявленной Авксентьевым и Зензиновым в отношеніи своего Ц. К. Этого справа не только не оцѣнивали, но ставили в вину эсерам одно то, что они со своим Ц. К. сносятся.

Одолѣла в Омскѣ правая, на это тот час послѣдовал отвѣт слѣва. Эсеровскій Ц. К. выпустил прокламацію, в которой констатировалось, что уфимское соглашеніе оказалось неудовлетворительным, что Директорія выбрала резиденцію не там, гдѣ слѣдовало, и разлучилась территоріально со «Съѣздом», что она передала важнѣйшіе портфели министрам Сибирскаго правительства, что она рѣшила распустить Сиболдуму, что безнаказанность вдохновителей омскаго контр-революціоннаго заговора продолжается, и т. д. и т. д.

Отсюда дѣлался вывод:

«В предвидѣніи возможности политических кризисов, которые могут быть вызваны замыслами контр-революціи, всѣ силы партіи в настоящій момент должны быть мобилизованы, **обучены военному дѣлу и вооружены**, с тѣм, чтобы в любой момент быть готовыми выдержать удары контр-революціонных организаторов гражданской войны в тылу противобольшевистскаго фронта. Работа по вооруженію, сплачиванію, всестороннему политическому инструктированію и чисто военная мобилизація сил партіи должны явиться основой дѣятельности Ц. К., давая ему надежныя точки опоры для его текущаго, чисто государственнаго вліянія».

Эта прокламація, совершено независимо от того, была-ли малѣйшая реаль

ная возможность у эсеров к осуществленію «военных задач», сама по себѣ показывала, что Директорія, при том пути, на который она в Омскѣ согласилась стать, совершенно теряла опору слѣва. Мало того, прокламація носила характер явной угрозы по адресу самой Директоріи, а она не предпринимала немедленных мѣр воздѣйствія против выпустивших прокламацію. Это давало правым, и в частности военным кругам, возможность обвинять Авксентьева и Зензинова в потворствѣ эсеровскому Ц. К. (Об этом, как позднѣе мнѣ передавали, даже англійскій генерал Нокс намекнул Авксентьеву). При таких условіях, при потерѣ вліянія налѣво, Директорія теряла окончательно значеніе для правых кругов.

Если таково было отношеніе к Директоріи двух крайних сил, то каково было отношеніе к ней центра, к которому можно было относить Екатеринбургскую группу к.-д.?

Едва я успѣл вернуться из Омска в Екатеринбург, как получил приглашеніе на собраніе группы. В Омскѣ рѣшили созвать на 19 или 20 ноября партійный съѣзд, на который приглашали делегатов и Екатеринбургской группы. Этим вопросом и должно было заняться наше собраніе, происходившее числа седьмого ноября.

Придя на это собраніе, я еле узнал нашу группу. Впервые я услышал в ней прямо и опредѣленно формулированный вопрос: «директорія или диктатура»? Я был поражен даже самой возможностью столь явной постановки этого вопроса в нашей группѣ, которая, одна из очень рѣдких, сумѣла сохраниться с 1905 года.

Откуда это могло взяться? — С одной стороны, это пришло из Самары. Оттуда, в качествѣ бѣженца, прибыл бывшій когда то членом Екатеринбургскаго комитета, Б—м. Чрезвычайно начитанный кабинетный работник, он очень импонировал этим и ранѣе Екатеринбургским сотоварищам по партіи. Теперь он, во первых, чрезвычайно проникся идеями В. Н. Пепеляева, проведшаго не мало времени в Самарѣ; во вторых, он испытал всѣ прелести управленія Комуча и приписывал исключительно ему пораженія на фронтѣ. Наконец, сам Ц. К., как утверждает Пепеляев, категорически высказывается за диктатуру. Вывод: Директорія — продукт Комуча, она слабовольна, она погубит фронт, она развалит тыл; выход один — в диктатурѣ.

С другой стороны, за диктатуру стояли члены Пермскаго комитета, с нетерпѣніем жаждавшіе вернуться домой; среди них, в особенности — доктор Л., пользовавшійся большим вѣсом в партійных кругах. Понесенныя пораженія на самарском фронтѣ были основным аргументом для него. Директорія — отступленіе, диктатура — наступленіе.

С третьей стороны, к Директоріи подходили в оцѣнкѣ по ея дѣйствіям: достаточно она себя показала на вопросѣ о резиденціи и в Омскѣ. Она слабовольна и никуда не годится.

Не оставалась, наконец, без вліянія и работа прибывшаго в Екатеринбург А. С. Бѣлоруссова (Бѣлевскаго). Хотя он не был кадетом, а был когда то лѣвѣе (одним из организаторов крестьянскаго союза в 1905 году), но старое, заслуженное имя и работа в «Русских Вѣдомостях» создавали ему авторитет в глазах многих к.-д. И этот человѣк, с «лѣвым» реноме, был теперь в Національном Центрѣ и не мыслил иного строя для момента, как диктатура.

Все это вмѣстѣ взятое, не могло не дѣйствовать, и я в собраніи группы нашел совершенно опредѣленных защитников диктатуры. Моя позиція необходимости поддержанія Директоріи была не из легких. Главным моим аргументом было то, что «диктатора нѣт», что его нельзя искусственно создавать, что фактически мы вмѣсто диктатуры будем имѣть Омское правительство, а оно уже без всякаго сомнѣнія, приведет к побѣдѣ большевиков.

Не знаю, побѣдили ли мои доводы, или то, что я пришел в особо тяжелый личный момент моей жизни (о чем всѣ знали и понимали, что только сознаваемая мною особенная острота политиче-

скаго момента могла побудить меня, несмотря на все, придти) и что я с особой, мало свойственной мнѣ, страстностью предостерегал от ошибки. Но «диктатура» незначительным большинством голосов была отклонена. Было рѣшено также, по моему настоянію, что наши делегаты участвуют в съѣздѣ к.-д., как сибирском, лишь с совѣщательным голосом и не принимают участія в выборах сибирскаго комитета партіи.

Я настаивал на этом формально, ссылаясь на то, что Урал — не Сибирь, что мы имѣем право на самостоятельное областное существованіе. Но внутренно я, конечно, руководился не этим. Я сознавал, что, если в Екатеринбургской группѣ к.-д. диктатура отклонена только незначительным большинством, то на съѣздѣ в Омскѣ «диктатура» будет одобрена. Этой отвѣтственности я раздѣлять не хотѣл.

2.

18-ое ноября принесло нам вѣсть о происшедшем в Омскѣ переворотѣ, об арестѣ Зензинова, Авксентьева и Аргунова и о вступленіи во власть Россійскаго правительства с Верховным Правителем, адмиралом Колчаком, во главѣ.

Принимал ли участіе Екатеринбург в подготовкѣ переворота? — Отвѣт на это может быть только положительный. Я уже упоминал о том, что я передавал Болдыреву со слов нашего министра Внутренних Дѣл о заговорѣ в Екатеринбургѣ военных кругов. За нѣсколько дней до переворота в Екатеринбург пріѣзжал из Омска один из видных англійских офицеров, и носились слухи, что на банкетѣ, устроенном военными, опредѣленно шла рѣчь о диктатурѣ адмирала Колчака.

К подготовкѣ переворота приходится, повидимому, отнести и пріѣзд в Екатеринбург по порученію министра финансов, И. А. Михайлова, нѣкоего Юргенса. Он явился ко мнѣ числа 15 ноября и предъявил мнѣ приказ Михайлова, по которому Юргенсу поручалось управленіе казначействами Урала. На мое предложеніе принять от меня отдѣл казначейства министерства финансов Урала, Юргенс отвѣтил отказом, заявив, что ему поручено исключительно управленіе казначействами. Так как мнѣ было совершенно безразлично, в каком порядкѣ сдавать Вѣдомство, то я пожал только плечами, рѣшив, что пусть будет так, хотя не мог понять смысла в таком порядкѣ дѣйствій со стороны Михайлова. Происшедшій затѣм переворот вполнѣ объяснил этот образ дѣйствій: надо было лишить нас, на всякій случай, возможности распоряжаться деньгами.

Кромѣ технической подготовки, было заготовлено, несомнѣнно, все и с интеллектуальной стороны. О том, что А. С. Бѣлоруссов ведет переговоры об уступкѣ ему типографіи старой кадетской газеты «Уральскій Край», во главѣ которой стоял А. М. Спасскій, с тѣм, чтобы вмѣсто нея начать издавать «Отечественныя Вѣдомости», было в городѣ извѣстно. Мотивом для такой уступки было то, что «Отечественныя Вѣдомости», — не что иное, как «Русскія Вѣдомости», а уступить свое мѣсто послѣдним было вполнѣ естественно. Правда, для знающих состав редакціи «Русских Вѣдомостей» нужна была бы черезчур большая натяжка, чтобы признать, что ея, хотя бы и весьма заслуженный, парижскій корреспондент, А. С. Бѣлоруссов, да еще двое ея второстепенных сотрудников могли ее замѣнить. Но так нужно было, и вліятельный «Уральскій Край» уступал свое мѣсто как бы болѣе почтенному органу: это сразу высоко подымало престиж новой газеты. И вот в послѣднем, прощальном номерѣ «Уральскаго Края» передовая статья доказывала (совершенно неожиданно), что единственный выход из положенія — в диктатурѣ, а вышедшій **на слѣдующій день** первый номер «Отечественных Вѣдомостей» уже привѣтствовал новую власть, ставшую на мѣсто свергнутой Директоріи. Совпаденіе было слишком поразительным, чтобы счесть его за чистую случайность.

Ясно было, что заговор был поставлен широко и создан не в один день. Директоріи дали продѣлать то, что без нея сдѣлать нельзя было: она упразднила с их согласія Областныя правительства, она добилась роспуска Сибоблдумы, од-

ним словом то, что было бы невозможно для Сибирскаго правительства. Совѣт министров, общим числом в 14 человѣк, был составлен так, что в этом числѣ 10 министров были из прежняго состава Сибирскаго Административнаго Совѣта. Во главѣ его оставался, как и прежде, Вологодскій. И вот теперь, когда мавр сдѣлал свое дѣло, он мог уходить.

Члены Директоріи-эсеры были арестованы, Болдырев был в Уфѣ, Виноградов отказался входить в какія либо комбинаціи с новой властью, а Вологодскій вкупѣ с Совѣтом Министров приняли на себя власть и тут же возглавили ее Верховным Правителем, адмиралом Колчаком. Была создана «диктатура» очень своеобразная: «конституціонная». «Наспѣх» в день переворота было составлено «Положеніе о временном устройствѣ власти в Россіи». И поразительно было то, что Совѣт Министров, составляя это «Положеніе» в первый же момент послѣ переворота, не упустил добиться от «диктатора» того, чего не мог ни за что добиться от Директоріи: **совмѣстнаго с ним управленія страной.** Законы «диктатор» мог утверждать при условіи, если они предварительно одобрены Совѣтом Министров. Акты, издаваемые Верховным Правителем в порядкѣ верховнаго управленія, нуждались в скрѣпѣ предсѣдателя Совѣта Министров или министра. Номинально создавалась диктатура адмирала Колчака, а фактически — власть тѣх, кто недавно еще именовался Сибирским Правительством. Единственно, что намекало на диктатуру адмирала Колчака, это то, что он был одновременно Верховным Главнокомандующим.

3.

Я уже упоминал, что с упраздненіем Правительства Урала, мы, бывшіе его члены, образовали в частном порядкѣ «Совѣщаніе управляющих вѣдомствами». Вѣсть о происшедшем переворотѣ не могла не заставить нас собраться. Мы не могли смотрѣть на себя, как на вѣдомственных чиновников: только желая оказать поддержку Директоріи, мы соглашались оставаться техническими руководителями своих вѣдомств с подчиненіем их центральным. Теперь Директорія была свергнута, а по отношенію к новой власти у нас никаких моральных обязательств не было. Перед каждым из нас стоял вопрос, как быть при создавшемся положеніи.

Мы приступили к обсужденію вопроса. Выяснилось, что законченным переворот считать нельзя. Болдырев был на свободѣ, в Уфѣ, гдѣ Народная Армія ему подчинялась. Чехословацкій Національный Совѣт относился рѣзко-отрицательно к происшедшему перевороту. Болдырев продолжал состоять законным Верховным Главнокомандующим в глазах чешских войск и мог при их помощи двинуться на Омск для возстановленія Директоріи, а одного такого рѣшенія, казалось, могло быть достаточным. Как поступит Болдырев, было неизвѣстно. Все, значит, было еще на вѣсу. Отсюда вытекало, что мы, при таких условіях, оставлять свои посты не в правѣ.

Во время нашего засѣданія к нам прибыл по порученію Съѣзда членов Учредительнаго Собранія Н. В. Фомин и сообщил от его имени, что Съѣзд, в связи с происшедшим в Омскѣ переворотом, постановил:

«Избрать из своей среды Комитет, отвѣтственный перед Съѣздом, уполномочив его принимать всѣ мѣры для ликвидаціи заговора, наказанія виновных и возстановленія законнаго порядка и власти на всей территоріи, освобожденной от большевиков. Поручить Комитету, для выполненія возложенных на него задач, войти в соглашеніе с непричастными к заговору членами Вр. Всер. Правительства, областными и мѣстными властями и органами самоуправленія, чешским Національным Совѣтом и другими руководящими органами союзных держав. Всѣм гражданам вмѣняется в обязанность подчиняться распоряженіям Комитета и его уполномоченных».

Комитет был избран Съѣздом в составѣ семи членов Учредительнаго Собранія: Чернова, Вольскаго, Алкина, Федоровича, Брушвита, Фомина и Иванова.

Изложив постановленіе Съѣзда, Н. В. Фомин заявил нам, что Съѣзд считает эту «семерку» единственной в данный

момент законной Верховной Властью, и уже от ея имени предлагает нам немедленно объявить о возстановлении Вр. Областного Правительства Урала, а «семерка» нас признает, назначив при нашем Правительствѣ своего эмиссара.

Бесѣда наша с Фоминым была не из продолжительных. Мы обѣщали ему обсудить вопрос, и он ушел. Но, несмотря на краткость бесѣды, нужно сказать, что новоявленный «верховник» произвел впечатлѣние на нас всѣх (не исключая наших эсеров) прямо удручающее по своему убожеству. И, если мы в свое время не желали признать над собой власти Комуча, если Комуч всей своей политикой в отношении Правительства Урала ослаблял его, усиливая этим Сибирь, а теперь, под другим лишь наименованіем, обращался к нему с тѣм, чтобы воскресить то, что умерло, то тѣм менѣе пріемлемо было для нас признаніе правительства во главѣ с... Черновым! Убожество же, проявленное Фоминым, только усиливало отрицательное отношеніе.

В концѣ концов мы вынесли постановленіе, которое, насколько помню, гласило, что «Главноуправляющіе Вѣдомствами, дѣйствующіе по порученію единственной законной власти, Вр. Всер. Правительства, продолжают оставаться на своих постах».

Вечером в тот же день состоялось экстренное засѣданіе Городской Думы, в котором выступал тот же Н. В. Фомин, примѣрно с таким же успѣхом, как в нашем совѣщаніи. Засѣданіе Думы было при закрытых дверях. Эсеры, конечно, поддерживали «семерку», но нельзя сказать, чтобы очень сильно. В цѣлом, Думѣ не нравились ни Омская диктатура, ни Черновская «семерка». Никто к тому в реальность «семерки» не вѣрил. Кончилось тѣм, что Дума никакой резолюціи не приняла.

«Семерка» просуществовала недолго. На слѣдующій день, 19 ноября, группа офицеров и солдат «по своей иниціативѣ» (как они писали в своем заявленіи с просьбой о преданіи их суду) арестовала членов Съѣзда во главѣ с Черновым, а генерал Гайда, командовавшій арміей, распорядился выслать арестованных за предѣлы Урала, в Челябинск, откуда они могли ѣхать в Уфу.

Генерал Гайда в этом случаѣ рѣзко разошелся с Чехо-Словацким Національным Совѣтом. Послѣдній опубликовал заявленіе, протестующее против переворота и выражавшее надежду, что «кризис, созданный арестом членов Директоріи, разрѣшится законным путем».

Надеждѣ этой не суждено было сбыться. Болдырев, как доходили свѣдѣнія, был в Челябинскѣ, видѣлся там с командующим чешской арміей, генералом Сыровым, принявшим его, как начальника, но проѣхал спокойно в Омск, чтобы отбыть за границу. Говорили о том, что и чехи сказались не вполнѣ хозяевами себѣ ибо переворот взяли под свое покровительство англичане. Как бы там ни было, но с Директоріей было покончено: Авксентьев, Зензинов и Аргунов были высланы под стражей за границу, а Болдырев ѣхал туда сам. Но одновременно было покончено и с другим: чехи стягивали свои войска с фронта и направлялись на восток.

У нас, между тѣм, произошел совершенно неожиданный эпизод. 20 ноября моя пріемная оказалась полна народа: со всѣх вѣдомств шли с извѣстіем, что казначейство отказывается платить по ассигновкам на выдачу жалованія. В чем дѣло? — Оказывается «управляющій казначействами», Юргенс, имѣет приказ от Михайлова не платить по кредитам, открытым Правительством Урала. А такими кредитами были всѣ.

Как тут быть? Обратиться телеграфно к Михайлову? Но он, вѣроятно, знал, что дѣлал, да обращаться к нему означало, несомнѣнно, затянуть вопрос надолго. Созванное Совѣщаніе управляющих вѣдомствами рѣшило иначе: обратиться к генералу Гайда, объяснив ему, какое волненіе мѣра Михайлова вызывает среди служащих, а в особенности среди многочисленных рабочих находящихся в распоряженіи казны заводов.

На слѣдующій день утром П. В. Иванов, А. Е. Гутт и я отправились к генералу. Мнѣ тут впервые пришлось встрѣтиться с Гайдой, этим прославленным

генералом, о котором чехи говорили очень упорно, что его завѣтной мечтой является стать «русским Корсиканцем».

Когда мы были приглашены к нему в кабинет, он через своего начальника штаба, полковника Богословскаго, был уже в курсѣ вопроса, по которому мы пришли. Судить поэтому, насколько быстро Гайда оріентируется в вопросах, трудно было. Он принял нас любезно, лаконически заявил, что согласен с нами в недопустимости пріостановки наших кредитов в казначействѣ, и дал письменный приказ на имя Юргенса немедленно возстановить нормальный порядок. Внѣшность у Гайды была энергичная. Вот и все впечатлѣніе, которое мы вынесли.

Приказ Гайды я отправил при письмѣ Юргенсу, который отвѣтил, что завтра с утра выдача по ассигновкам возобновится. Утром оказалось, однако, что Юргенс выдачи не возобновляет, ибо таков был отвѣт из Омска, куда он обратился. Я немедленно опять поѣхал к Гайдѣ.

Я застал его при выходѣ, уже в шинели. Выслушав меня, он подозвал офицера, и, указывая на часы, приказал: «Поѣзжайте в казначейство. Если он к 12 часам не откроет кассы, арестуйте его и доставьте в штаб».

В это время кто-то подошел к Гайдѣ и заявил, что Государственный Банк не платит ему милліона рублей. Смѣшивая, очевидно, все вмѣстѣ, Гайда прибавил, обращаясь к тому же офицеру:

«Послѣ казначейства поѣзжайте в банк и, если там не уплатят, арестуйте и там».

— За что же Вы хотите меня арестовать? — спросил я.

— Как, Вас?

— Но Банк подчинен мнѣ, а не платит потому, что у нас денег нѣт, так как Казначейство не выдает.

— Тогда не надо. Поѣзжайте только в Казначейство.

Командированный Гайдой офицер отправился с моим чиновником особых порученій. Через нѣкоторое время чиновник с офицером пріѣхали сообщить, что, когда они прибыли к Казначейство, там уже по ассигновкам платили. Когда офицер вышел, мой чиновник сказал мнѣ: «Офицер по дорогѣ сюда качал все головой и приговаривал: ну, и горячій же человѣк ваш министр, чуть вѣдь из-за него человѣка не разстрѣляли. А когда я спросил у него, как это так, то он мнѣ отвѣтил: Вы знаете, что значит у генерала «доставить в штаб»? Нѣт? — Это значит разстрѣлять в 24 часа».

Если это было так, то надо признать, что слава Гайды в области разстрѣлов не была преувеличена: слова «доставить в штаб» он произносил при мнѣ совершенно так же безразлично, как всѣ остальныя.

Окончательное выясненіе вопроса о прекращеніи существованія Директоріи логически вело к тому, что я стремился как можно скорѣе сдать вѣдомство. Михайлов по неизвѣстным мнѣ причинам, несмотря на мои повторныя просьбы, почему то тянул, а положеніе мое было не из пріятных. В деньгах была нужда, обращались ко мнѣ и претендовали на меня. Михайлов давал распоряженія помимо меня. Ко мнѣ приходили спрашивать, как быть. Защитить моих подчиненных из профессіональных чиновников я был бы не в силах. Оберегая лично их, я мог им только совѣтовать слушаться распоряженій, получаемых из Омска.

Во время одного из докладов, управляющій Гос. Банком возмущенно сообщил мнѣ, что И. А. Михайлов выдал Сибирскому Банку около трех милліонов рублей на покупку платины для казны по 126 рублей золотник, включая «один (!) рубль комиссіонных в пользу Сибирскаго Банка», в то время, как в Государственном Банкѣ не прекращали приходить с предложеніями платины по 80 рублей золотник, но он не мог ея покупать за отсутствіем денег. Нарушался и закон Правительства Урала о монопольной казенной скупкѣ платины.

Начиналась таким образом и у нас Омская вакханалія. Из Омска шли и мелочныя непріятныя мѣры. С каждым днем мое омерзѣніе все усиливалось и, наконец, я рѣзко и ультимативно поставил оффиціальной телеграммой Михайлову требованіе о принятіи от меня вѣдомства.

4.

Числа 7 — 8 декабря прибыли, наконец, из Омска принять у меня вѣдомство. Это была цѣлая комиссія, из 5 или 6 человѣк, во главѣ с С. Н. Крестовским, лицом близким к И. А. Михайлову.

Представляя мнѣ членов комиссіи, Крестовскій с улыбочкой прибавил, указывая на пожилого уже человѣка: «а это — наш прокурор».

Как человѣк предусмотрительный и привычный к омскому уровню порядочности, Михайлов, очевидно, мало полагался на то, чтобы мѣстная наша прокуратура оказалась на высотѣ, в случаѣ допущенных мною злоупотребленій, а с другой стороны, вѣроятно, по своему опыту, был увѣрен, что при пріемкѣ вѣдомства от министра финансов прокуратурѣ должно быть, чѣм заняться.

У нас прокурор остался совершенно без дѣла, да и всей комиссіи пришлось работать недолго.

13 декабря я подписал с комиссіей акт о сдачѣ дѣл, при чем все было найдено в полном порядкѣ. Очевидно, нѣсколько смущенный противорѣчіем между тѣм, что ожидалось, и что оказалось, Крестовскій счел долгом описать мнѣ то, что он с его комиссіей нашли в Уфѣ у наслѣдников Комуча в области финансов, и как в результатѣ вся комиссія попала в тюрьму (это было как раз в момент переворота в Омскѣ, против котораго Самарскій совѣт управляющих вѣдомствами, пребывавшій в Уфѣ, выступил).

Вскрывшаяся картина самарских порядков в распоряженіи казенными средствами, была ужасающая, и Михайлов прекрасно политически использовал ее, опубликовав в печати результаты ревизіи.

Я охотно допускаю, что злоупотребленія самих руководителей в личных цѣлях, если и были, то были не в крупном масштабѣ, но нельзя не отмѣтить общей язвы революціонных правительств, которыя считали, что они, эти временные органы, или их партіи, и государство — одно и то же.

Беззаконное, в ускоренном и упрощенном порядкѣ (не возиться же с канцелярщиной и буквоѣдством!) распоряженіе казной не могло не нарушать возможности правильнаго контроля, а, слѣдовательно, и не влечь неизбѣжнаго казнокрадства со стороны подчиненных органов. Давать щедрой рукой деньги своей партіи, своим партійным газетам эс-эры, по крайней мѣрѣ, считали вполнѣ государственным дѣлом.

Будущій историк найдет, несомнѣнно, не мало такого и в дѣятельности Сибирскаго Правительства.

Не найдет он такого матеріала в дѣятельности Правительства Урала.

В теченіе декабря всѣ бывшіе члены Правительства Урала сдали свои вѣдомства, и я стал свободен от всякаго участія в государственном управленіи. Мало того, я перестал почти принимать активное участіе в политической дѣятельности, отдавшись всецѣло муниципальной работѣ, как *предсѣдатель финансово-бюджетной комиссіи городской думы.*

Что было мнѣ дѣлать в области политики?

В диктатуру я не вѣрил, да ея и не было: «Положеніе об устройствѣ власти» от 18 ноября для меня было достаточно краснорѣчивым. Под названіем «Россійское» было Сибирское Правительство, способное только к одному — своей реакціонностью привести к большевизму, а к этому убѣжденію я пришел еще в іюлѣ, почему и создавал Правительство Урала.

Партійная работа?

Но в результатѣ съѣзда в Омскѣ, во что превращалась партія Народной Свободы?

При открытіи съѣзда, числа 20 ноября, избранный его предсѣдателем, Клафтон провозгласил: «С 18 ноября мы стали партіей государственнаго переворота. Стоило нам наканунѣ высказать

наше мнѣніе, и на завтра то, что должно было совершиться, совершилось».

Партія брала на себя огромную долю отвѣтственности за совершенный переворот, что шло совершенно в разрѣз с моей работой в Уфимском Совѣщаніи. Съѣзд выбрал «Восточный отдѣл Ц. К. партіи Народной Свободы». Но из кого он состоял? Из матерых реакціонеров типа Жардецкаго или из обезумѣвших от ненависти и с налитыми кровью глазами людей вродѣ Клафтона и других бѣженцев, не могущих подняться выше своих стремленій вернуться на родное пепелище, и лишившихся способности, именно вслѣдствіе этих чувств, спокойно судить о явленіях, без чего нельзя заниматься политической дѣятельностью.

Одни никогда не были кадетами, другіе под вліяніем страстей своих перестали ими быть.

Такой комитет, да еще при таком «идеологѣ», как В. Н. Пепеляев, был для меня чужим. Я ждал от него только одного — полнаго урона престижа партіи к.-д. и очень скоро я окрестил его в прессѣ «Азіатским отдѣлом».

Работать в нашем, мѣстном, комитетѣ, отмежевавшемся от Омска?

Но тут трудно было говорить о «работѣ» в серьезном смыслѣ этого слова, раз на востокѣ от нас царил «Восточный отдѣл Ц. К.», а на западѣ — территорія была очень незначительна; я участвовал в комитетѣ, но его дѣятельность не могла имѣть серьезнаго значенія, за исключеніем отдѣльных моментов.

Так, когда Совѣт Министров в Омскѣ разработал новый закон о выборах в городскія думы, а «Восточный отдѣл» просил пріостановить его утвержденіе, заявив о своих предположеніях сузить круг избирателей требованіем ценза осѣдлости или имущественнаго, то Екатеринбургскій комитет телеграфировал Вологодскому, что он против предположеній «Восточнаго отдѣла» протестует, как предположеній, противорѣчащих партійной программѣ. Работа нашего комитета в широком смыслѣ этого слова не могла быть развиваема.

Будучи противником Омска, я не мог, однако, занять и позицію прямого его врага, позицію, занятую эс-эрами-черновцами: она неизбѣжно вела бы к тому, к чему пришли Вольскій и остатки Комуча, к пропагандѣ прекращенія борьбы с большевиками и открытія вооруженной борьбы с Омском.

Как я ни был убѣжден, что Омская политика ведет к усиленію большевиков, я все же не видѣл в этом основанія самому помогать большевикам.

Крах Директоріи ясно показал, что центр не имѣет за собой сил, что еще не изжита борьба между двумя крайними полюсами. Болѣе опасным противником демократіи я считал большевиков с их своеобразной идеологіей, но и к другой сторонѣ, лишенной всякой идеологіи, я присоединиться не мог, не желая дѣлить с ней отвѣтственность за то, что она ведет к первой, а обѣ—к реакціи, к анти-демократизму, а это, в свою очередь, к безконечной смутѣ.

Необходимость народоправства в Россіи стала для меня вопросом не предвзятой теоріи.

Дворянство, как правящій класс, обанкротилось; торгово-промышленный класс показал с самаго начала революціи свое полное политическое ничтожество; что рабочій класс и крестьяне не подготовлены для того, чтобы взять власть в свои руки, вряд ли кто в этом усомнится.

Остается один исход — широкое народоправство, обезпечивающее всѣм класам участіе в управленіи. Но и этого мало. Практика показывала, что разоренное населеніе, поизносившееся, поистрепавшееся, встрѣчающее с восторгом власть, избавляющую его от большевиков, через два — три мѣсяца разочаровывается, охладѣвает. Причина — власть не дает того, что нужно: сапог, ситца, сахара и т. п. Поэтому нужна власть, к которой народ не мог бы предъявлять претензій. А такой властью

может быть только та, которая для народа является дѣйствительно своей. Этому требованію не удовлетворяла ни та, ни другая из борющихся сторон.

При таких условіях мнѣ оставалась одна роль: роль критика по отношенію к правому лагерю, своеобразнаго оппозиціонера, и не в каком нибудь представительном органѣ, а в пространствѣ, в лучшем случаѣ — в прессѣ.

Фактически это сводилось, конечно, к тому, что я стал почти зрителем.

ГЛАВА XXIV.

Національный Союз.—Расправа с членами Учредительнаго Собранія.—Взятіе Перми.—Адмирал Колчак в Екатеринбургѣ.—Военные успѣхи и черносотенная пропаганда.—Недовольство населенія.—Губернское Земское Собраніе.—Отношеніе крестьян к совѣтской власти и к реставраціи.—Военный режим на Уралѣ.—Дѣло капитана Зотова.—„Порядок хода дѣл в Омскѣ".—Производительность Урала.—Съѣзд промышленников и их настроенія.—Демократическій Союз.—Выборы от земства в Государственное Экономическое Совѣщаніе.—Резолюція земскаго собранія.—Земельный вопрос и крестьяне.—Отъѣзд в Государственное Экономическое Совѣщаніе.—Вѣсть о паденіи Перми.

I.

С упраздненіем Правительства Урала и послѣ происшедшаго переворота, начальником края у нас был назначен бывшій у нас уполномоченным Сибирскаго Правительства С. С. Посников.

Как горный инженер, довольно долго бывшій главноуправляющим Богословскаго округа на Уралѣ, он хорошо знал Урал, его быт и населеніе и не мог не считаться с мѣстным общественным мнѣніем. С другой стороны, при Правительствѣ Урала установился относительно твердый правопорядок, с которым свыклась и военная власть. Поэтому нельзя сказать, чтобы первое время послѣ переворота дало себя сразу почувствовать у нас.

Идеологом «новаго» строя явился у нас А. С. Бѣлоруссов со своими «Отечественными Вѣдомостями».

Старый народник, несомнѣнно, очень искренній, он видѣл Омскую власть через совершенно другія очки, чѣм я.

К его счастью, он в Омскѣ не бывал, и не видѣл этой власти в натурѣ. Он вѣрил, что власть находится в руках адмирала Колчака; он вѣрил, что через него мы придем к Учредительному (или как тогда стало принятым выражаться, «Національному») Собранію; он вѣрил, что одного противопоставленія національизма интернаціонализму достаточно, чтобы поднять дух населенія против большевиков. К числу національных дѣл он относил сильнѣйшія нападки на чехов.

Основав «Національный Союз» в духѣ «Національнаго Центра», А. С. Бѣлоруссов пытался объединить уральскую общественность для поддержки національизма (не в худом смыслѣ этого слова) и новой власти. Но Екатеринбургская почва была мало подходяща для этого.

Не даром еще в період третьей и четвертой Государственных Дум по второй куріи у нас проходили эс-деки, а по первой — кадеты. Октябристов у нас и в поминѣ не было, а Союз Русскаго Народа мало процвѣтал. Столица Урала была радикальна и демократична, и «Національный Союз» еле дышал, несмотря даже на разрѣшеніе комитета к.-д. своим однопартійцам участвовать в нем.

Противником «Отечественных Вѣдомостей» выступал «Наш Урал», орган чисто демократическій, хотя редактором его и состоял соціал-демократ-меньшевик, П. В. Мурашев.

В этой газетѣ время от времени появлялись и мои статьи, за которыя я получил в соціалистической Сибирской прессѣ прозвище «бѣлой вороны» (беря за сравненіе «Восточный отдѣл», они были правы).

Первую встряску при новом режимѣ Екатеринбург получил в двадцатых числах декабря. При происшедшем в Омскѣ 22 декабря возстаніи, были осво-

бождены из тюрьмы арестанты, в том числѣ и политическіе. Послѣ подавленія возстанія, политическіе — добровольно вернулись в тюрьму. И вот тут, ночью явилась группа военных, вытребовала политических и, увезя в загородную рощу, разстрѣляла. Среди убитых нѣскольких членов Учредительнаго Собранія был и Н. В. Фомин, так недавно приходившій к нам член «семерки».

Он был не только убит, но и чрезвычайно сильно перед этим избит. Убиты были также: недавно еще бывшій начальником Челябинскаго района (по назначенію Сибирскаго Правительства) Киріенко, с.-д., член второй Государственной Думы, и Маевскій, редактор рѣзко анти-большевистской газеты, выходившей в Челябинскѣ. Эти двое были арестованы за непризнаніе власти Колчака.

Сразу стало извѣстно, что адмирал вышел из себя по поводу происшедшаго, послал даже своего оффиціальнаго представителя на обставленныя весьма торжественно похороны погибших.

Но одного адмирал не мог добиться: суда над виновными. Это оказывалось выше возможностей «диктатора»: диктатура была, но не адмирала Колчака, а безотвѣтственных кругов. И общественность не могла этого не учесть.

К счастью для Омской власти, этот момент совпал с огромной побѣдой на Уральском фронтѣ: была взята, и неожиданно, 23 декабря Пермь; необычайно быстро завершилось то, чего добивались полгода. И тут повторилась обычная исторія: успѣх «внѣшній» отвлек вниманіе от язвы внутри. (Взятіе Перми, необычайно высоко оцѣненное военными спеціалистами, было дѣлом двадцатисемилѣтняго генерала А. Н. Пепеляева. Этот популярный генерал, мало похожій на своего брата, Виктора Николаевича, по словам знавших его работу, в значительной мѣрѣ был обязан своими успѣхами тѣсной близости своей с солдатской массой, которая души в нем не чаяла. Это создавало ему особое положеніе в арміи и сильных врагов среди тылового генералитета).

В февралѣ адмирал Колчак, при поѣздкѣ на фронт, прибыл в Екатеринбург. Въѣзд его был обставлен военной властью своеобразно: вдоль улиц стояли шпалерами войска, а толпу старались разогнать в боковыя улицы.

В торжественном засѣданіи городской думы, в отвѣт на рѣчи представителей фракцій, от к.-д. до с.-р., адмирал произнес прекрасную рѣчь, тонко подчеркнув в одном мѣстѣ ея согласіе свое с каким то положеніем, высказанным народным-соціалистом В. Я. Бахтѣевым (что для малоискушенных людей стало означать, что адмирал — чуть не энэс).

В рѣчи адмирала были опредѣленно сильныя мѣста: ...«Большевизм слѣва, как отрицаніе морали и долга перед Родиной, большевизм справа, базирующійся на монархических принципах, но в сущности имѣющій с подлинным монархизмом столько же общаго, сколько большевизм слѣва — с истинным демократизмом, еще много времени будет требовать для упорной борьбы с собой. Одни отрицают право, другіе желают быть выше права. Я не мыслю себѣ будущаго строя иначе, как демократическим... Народ русскій является единственным хозяином своей судьбы, и, когда он через своих свободно избранных представителей в Національном Учредительном Собраніи выразит свою свободную волю об основных началах политическаго, національнаго и соціальнаго бытія, то я и Правительство, мною возглавляемое, почтем своим долгом передать ему всю полноту власти, нам нынѣ принадлежащей».

Казалось бы, чего больше можно ожидать от диктатора?

Но я наблюдаю одновременно не только за адмиралом Колчаком, но и за сидящим неподалеку от него комендантом города, генералом Домонтовичем. Он, видимо, не особенно привык владѣть выраженіем своего лица, и на нем восторга от рѣчи адмирала наблюдается мало.

Рѣчь адмирала и сам он производит прекрасное впечатлѣніе.

Но утром на завтра по городу идет вѣсть, что, покуда адмирал говорил в

думѣ, генералы в его поѣздѣ весьма веселились и тоже говорили: «пусть доберется до Москвы; мы им покажем тогда Учредительное Собраніе!».

Что из двух реально?

Отвѣт на это получила отправившаяся к адмиралу делегація от общественности с А. С. Бѣлоруссовым во главѣ. Она пошла с предложеніем о том, чтобы не подчинять края и начальника края военной власти, как это, по слухам, проектируется.

В результатѣ — адмирал стучал кулаком по столу и кричал, что гражданскіе чины показали свою полную негодность; правда, и среди военных мало людей толковых, но эти хоть дисциплинированы, хоть слушаться умѣют.

Этим, как мнѣ передавал один из участников делегаціи, дѣло и кончилось.

Бѣдный А. С. Бѣлоруссов не только получил первое разочарованіе: с ним, по приходѣ домой, случился сильнѣйшій сердечный припадок, от котораго он не мог оправиться нѣсколько дней.

Значит ли это, что Колчак был неискренен? Нѣт.

Когда к нему, в это же время, городской голова обратился с просьбой освободить из тюрьмы редактора газеты, писавшей на завтра послѣ переворота, что Колчаку и министрам — мѣсто в тюрьмѣ, то Колчак отвѣтил: «Что же? По своему он тогда был прав: если бы переворот окончился неудачно, мы были бы преступниками». И он тут же распорядился об освобожденіи заключеннаго.

Колчак, несомнѣнно, был искренним человѣком. Он искренно не отдавал себѣ отчета в противорѣчіи между «Уставом о полевом управленіи войск» и его собственным отзывом о большевиках справа, желающих стоять над законом.

Бѣда этого несомнѣннаго патріота, прекраснаго человѣка и превосходнаго моряка была в том, что политическая его подготовка была ниже средней. Затѣм, как и большинство военных, он очень высоко ставил «Устав о полевом управленіи войск», который, может быть, вполнѣ пригоден для занятых арміей мѣст **в непріятельской странѣ,** но чрезвычайно мало пригоден в гражданской войнѣ, в примѣненіи у себя дома.

2.

Вслѣд за взятіем Перми, военные успѣхи продолжались: в мартѣ взяли Осу и Оханск, перейдя, таким образом, по другую сторону Камы, вернули Уфу. Из Уфы потом военныя операціи еще болѣе подвинулись на запад.

Казалось бы, что это продвиженіе вперед было показателем успѣхов и идей, продвигаемых арміей, над большевистскими. Но приходившія вѣсти были мало утѣшительными. Образцы противобольшевистских прокламацій, привозимых с фронта, были дѣтски наивны: в основѣ своей онѣ имѣли то, что Ленин и Троцкій засѣли в Кремлѣ; лозунгом их было в разных варіантах то, что позднѣе вылилось в стереотипное «бей жидов, спасай Россію». С уфимскаго фронта приходили извѣстія, что большевики прекрасно утилизируют это, что они выпускают свои прокламаціи, воспроизводящія прокламаціи противника и указывающія: «вот каковы наши противники — реакціонеры, реставраторы и погромщики; вот — что они пишут; вот — кто идет освобождать вас!»

Если таковы были «идеи», с помощью которых Омск полагал возможным побудить населеніе идти «на Москву», то он явно не расчитывал на то, чтобы онѣ были реально достаточны для поднятія энтузіазма. Мысль о добровольчествѣ была совершенно оставлена. Прибѣгли к набору, и то в опредѣленном порядкѣ: в первую голову — офицеров, затѣм — лиц с образованіем не ниже средняго, затѣм — младших возрастов, не бывших на войнѣ, а затѣм уже — к общему набору. Нечего и говорить, что деревня, полная солдат, вернувшихся с германскаго фронта и пропитанных, поскольку им это было выгодно, большевистскими идеями, отнеслась мало благосклонно к принудительной мобилизаціи их «буржуями». На большевистскія идеи власть отвѣчала поркой. Если прибавить к этому реквизиціи лошадей, продовольствія и т. п., в лучшем случаѣ с

выдачей квитанцій, по которым получать деньги было не так то просто, кутежи офицерства «в погонах» (что очень почему-то раздражительно дѣйствовало в деревнѣ), отсутствіе возможности получать сахар, ситец и фабрикаты, а мѣстами и хлѣб, то вполнѣ понятно, что из деревни доносился ропот. Но Омск вѣрил только в спасительность принужденія силой и на ропот (а на Уралѣ привычное к винтовкѣ населеніе подчас «роптало» очень энергично) отвѣчал новыми репрессіями.

С освобожденіем Перми, наступила возможность созыва губернскаго земскаго собранія, что и было сдѣлано перед Пасхой.

Пріѣхав на сессію, я был поражен видом Перми; большевики оставили в городѣ мерзость запустѣнія. Они там пробыли полугодом больше, чѣм в Екатеринбургѣ, но это полугодіе уже проникнуто было всѣми успѣхами общаго большевистскаго «прогресса» за это время, да и ожесточенность большевиков в связи с близостью фронта была большая. Пермь (чего не было еще в Екатеринбургѣ) ознакомилась в полной мѣрѣ с добываніем продовольствія мѣновым путем из деревни, при необходимости прибѣгать ко всяким ухищреніям и подвергаясь опасностям со стороны властей. Деревня в свою очередь ознакомилась и с разверсткой, и с принятіем на учет всего, до кур включительно. Большевистскій террор царил во всю: разстрѣливали членов семьи за переход красноармейца на сторону «бѣлых». Разстрѣлянных Приуральская (западная) часть Пермской губерніи насчитывала тысячами.

В губернском собраніи встрѣтились долго не видавшіеся гласные обѣих половин губерніи. И сразу чувствовалось, как разно пережитое отражалось на них, особенно на гласных-крестьянах. Приуральскіе гласные относились к «коммунистам» (здѣсь уже привилась эта терминологія) с страшным озлобленіем и ненавистью, в то время, как зауральскіе, относясь к «большевикам» крайне отрицательно, таких ярких чувств в отношеніи к ним не проявляли. Меня интересовало, как сельское населеніе Приуралья относится к реставраціи. Казалось бы, что, послѣ перенесеннаго им, тут к реставраціи должна быть особенная склонность. Оказалось, что такое теченіе существует, но лишь среди стариков. Характеризуя такое теченіе в своей деревнѣ, один гласный-крестьянин сказал: «Вот у нас старики говорят, что хорошо бы имѣть такого царя, как наш предсѣдатель в кредиткѣ» (кредитном товариществѣ).

При всем стараніи большевиков потрясти губернское земство, им это не удалось. Пермское губернское земство, стоявшее, на ряду с московским и вятским, на первом мѣстѣ в Россіи, оказалось слишком прочным, чтобы удалась расправа с ним в один год. Опытный, преданный персонал служащих из третьяго элемента оставался на мѣстѣ и дѣлал свое дѣло. Теперь, с открытіем сессіи, оказывалось возможным работать вполнѣ нормально. Преобладаніе крестьянства в пермском земствѣ и в дореволюціонное время сыграло свою роль теперь: кадр опытных земцев-крестьян был вполнѣ достаточен. То, что они прошли по эсеровским спискам, не мѣняло дѣла. Работа сессіи и принятіе смѣты прошли вполнѣ дѣловито.

Пережитое под властью большевиков Пермью должно было бы, казалось, особенно легко мирить ее с неудачами новой власти. Но с кѣм из общественных дѣятелей я ни говорил, в том числѣ и с кадетами, всѣ в один голос вопили: «так нельзя!» Доктор Л., тот самый, который, будучи в Екатеринбургѣ, настойчиво требовал диктатуры, теперь возмущенно разсказывал мнѣ, как один офицер, недовольный пожилым, почтенным купцом за его отвѣт по поводу реквизиціи комнаты, арестовал его при помощи первых двух попавшихся солдат, и потащил в комендатуру. Там он настойчиво требовал порки купца за оскорбленіе «арміи», и только чистая случайность спасла купца: в карманѣ у него оказалась квитанція во взносѣ пожертвованія на нужды арміи в размѣрѣ шестидесяти тысяч рублей. И доктор Л.

горячо доказывал мнѣ, что режим в Перми ничего общаго не имѣет с тѣм, что он видѣл в Екатеринбургѣ.

Создавшееся положеніе было таково, что даже начальник края С. С. Посников не выдержал. В апрѣлѣ он подал в отставку. Мотивы, изложенные им в письмѣ, дают достаточно полную картину. Он, между прочим, писал:

«Военныя власти до самых младших распоряжаются в гражданских дѣлах, минуя гражданскую, непосредственную власть. Расправа без суда, порка даже женщин, смерть арестованных «при побѣгѣ», аресты по доносам, передача гражданских дѣл военным властям, преслѣдованія по клаузам и доносам, а начальник края... может быть только свидѣтелем происходящаго. **Мнѣ неизвѣстно еще ни одного случая привлеченія к отвѣтственности военнаго, виновнаго в перечисленном.** Уполномоченный по охранѣ и военный контроль дѣйствуют независимо от начальника края. Военные не знающіе ни Урала, ни промышленности, разбирают сложные промышленные вопросы, критикуя спеціалистов. Транспорт — исключительно в руках военных, ни во что не считающих надобности населенія. Продовольствія на среднем и сѣверном Уралѣ нѣт, потому что желѣзныя дороги его не перевозят. Между тѣм в 250 верстах, в Шадринскѣ, лежит готоваго хлѣба 400 вагонов. То, что начальник военных сообщеній обѣщает сегодня, завтра же не выполняется. Населеніе доводится до отчаянія, а с голодными рабочими наладить и даже удержать промышленности не могу.

Мы не знаем дѣятельности министерства торговли и промышленности в Омскѣ, но для нас оно не существует. Ни одно обращеніе к нему не получает отвѣта. К денаціонализаціи, даже к подготовительным расчетам не приступлено. Министерством труда проведен закон о больничных кассах, не примѣнимый в жизни. При таких условіях тоже нельзя руководить промышленностью.

По рабочему вопросу каждое вѣдомство дѣйствует по своему, почему тренія идут все время. Штаты по инспекціи не утверждены три мѣсяца, а при таких условіях идти в инспекцію никто из основательных лиц не желает. **Земельный вопрос остается в рамках газетных сообщеній,** и опредѣленные отвѣты давать населенію нѣт возможности. На голодном Уралѣ недостаток рабочих, и пока хлѣб не придет, они не прибудут. Рубка дров почти прекратилась. Урал выплавляет в мѣсяц один милліон вмѣсто четырех милліонов и сжигает старыя дрова. **Дальше будет еще хуже. Г. г. военные не понимают, что значит ни во что считать тыл.**

В губерніи тиф, особенно в Ирбитѣ. Там ужасы в лагерях красноармейцев: умерло за недѣлю 178 из 1,600. Помощь по всей губерніи нужна очень широкая и без особых формальностей, выполненіе которых не всѣм разогнанным управам по силам.

Никто спокойно не работает: всѣ опасаются преслѣдованія. Торговцы, не спекулянты, опасаются вести дѣла, потому что в этой атмосферѣ и их замѣшают в спекуляцію. Несмотря на запугиваніе, спекулянтов военные не поймали, а других от торговли отодвинули. Населенію от этого еще хуже.

Руководить краем голодным, **удерживаемым в скрытом спокойствіи штыками,** не могу. Не могу бороться с военной диктатурой. Не могу измѣнить порядок хода дѣл в Омскѣ: для того не призван и не компетентен».

Если так писал начальник края, то можно себѣ представить, что испытывало населеніе. Письмо Посникова, видимо, подѣйствовало на Омск: оттуда посыпались предписанія и угрозы по адресу позволяющих себѣ произвол военных. Капитан Зотов был даже предан военно-полевому суду за самовольные разстрѣлы в Нижнем Тагилѣ. Военно-полевой суд приговорил Зотова к смертной казни. И что же? Зотову смертная казнь была замѣнена двадцатилѣтней каторгой, а через нѣсколько дней... Зотов разъѣзжал на лихачах по городу и весело разъяснял знакомым, что ему теперь некогда идти на каторгу; теперь —война, ему надо на фронт, а вот кон-

чится война, тогда он пойдет на каторгу...

3.

Общее положеніе на Уралѣ Посников расцѣнивал совершенно правильно. Не менѣе правильно указывалась им и одна из основных причин разрухи: «порядок хода дѣл в Омскѣ». А порядок этот был весьма своеобразный. По доходившим до нас свѣдѣніям, совѣт министров дѣлился на двѣ «шестерки» — из них одна Михайловская,—которыя вели между собой борьбу не за тѣ или другіе политическіе принципы, а за политическое вліяніе. Каждая «шестерка» дѣйствовала солидарно. Внѣ этих шестерок стояли два министра (кажется Устругов и Преображенскій), которые голосовали каждый раз по совѣсти, давая тѣм перевѣс то одной, то другой «шестеркѣ». Когда какой нибудь вопрос рѣшался так, как того добивалась одна «шестерка», то члены другой, по мѣрѣ возможности и сил, старались вставлять палки в колеса при осуществленіи принятаго мѣропріятія, и, так как большинство вѣдомств связаны в концѣ концов, то такая работа прекрасно удавалась. Если прибавить к этому, что Ставка в свою очередь боролась, и весьма успѣшно, за власть с Совѣтом Министров в цѣлом, а на Востокѣ дѣйствовала «автономная» Чита, признававшая Омскую власть постольку, посколько.... хотѣл атаман Семенов, то совершенно ясно, что такой механизм управленія мог очень мало производить во внѣ, затрачивая всѣ силы исключительно на внутреннія тренія.

Не обходилось и без хищничества. Так, дошло до того, что министру продовольствія, Зефирову, пришлось покинуть пост из-за довольно двусмысленной сдѣлки по закупкѣ крупной партіи чая у подозрительной фирмы «Слон». С другой стороны вышел в отставку министр торговли и промышленности, Щукин, из-за невозможности добиться ревизіи дѣл «Вопрома».

Омскій военно-промышленный комитет поступил совершенно по тому же рецепту, что Омскій комитет к.-д., т.е. самочинно объявил себя «Центральным». Это для дѣятелей «Вопрома» было тѣм болѣе естественным, что нѣкоторые из них были одновременно и членами кадетскаго комитета и знали, как объявляют себя «Центральным» комитетом. Учинив эту операцію, дѣятели «Центральнаго» Вопрома стали получать заказы от казны, а затѣм, образовав почти в том же личном составѣ частное товарищество, стали передавать заказы сами себѣ на весьма не безвыгодных условіях. Добиться ревизіи Щукину оказалось не под силу: в Совѣтѣ Министров семеро высказались за ревизію, а восемь — за «продолженіе разслѣдованія». Щукин ушел в отставку, объясняя результат голосованія в Совѣтѣ Министров тѣм, что в «Вопромѣ» были слишком вліятельные члены «блока», этого своеобразнаго омскаго Олимпа. Только уже много позднѣе ухода Щукина скандал принял такіе размѣры, что нельзя было не назначить сенаторской ревизіи.

До чего дошли нравы в Омскѣ можно судить по отзыву одного из омских министров, данному им одному из бывших членов Правительства Урала, которому усиленно предлагали пост министра: «в моем вѣдомствѣ надо было бы начать чистку, начиная с моего товарища, а в нѣкоторых вѣдомствах пришлось бы начать с самих министров».

Если таков был «порядок хода дѣл в Омскѣ», то он не мог не отразиться в сильнѣйшей мѣрѣ на единственном фабрично-заводском районѣ, бывшем в распоряженіи Россійскаго Правительства, на Уралѣ.

На Уральскіе заводы лился, если не золотой, то кредитно-бумажный дождь: промышленники получили до 900 милліонов рублей (по тому времени около 300 милліонов рублей золотом) субсидій и кредитов.

Но, если тут была, несомнѣнно, и часть вполнѣ здоровых затрат, то были и крайне болѣзненныя явленія. Так, передавались заказы — на телѣги и повозки, например — всѣм желающим, при чем выдавались крупные авансы, совершенно не считаясь с тѣм, способен ли предприниматель выполнить заказ, и обезпечена ли казна хотя бы воз-

вратом выданнаго аванса. И, «предпринимателей», охочих до полученія авансов, находилось не мало. Только потеря Урала до полученія заказанных повозок и телѣг не дала возможности убѣдиться в натурѣ, как далек был Урал от реальной возможности выполнить заказанное количество.

Отличался тут уполномоченный Министерства Снабженія. «Уполснаб» наш мог бы быть храбрецом даже среди интендантов былых времен. Циркулировал слух и очень правдоподобный, что ревизія обнаружила выдачу им на шитье шапок ниток (онѣ были на учетѣ) вѣсом больше, чѣм вѣс всего количества заказанных шапок. О том, что «Уполснаб» состоит одновременно членом торговаго дома, которому он передает заказы, ни для кого в городѣ секрета не было. И одновременно «уполснаб», повидимому, имѣл такую сильную руку в Омскѣ, что даже генерал Гайда не мог с ним справиться. Одно время положеніе «уполснаба» создалось, не лишенное оригинальности: в дни пребыванія Гайды в городѣ он сидѣл в тюремной камерѣ, а стоило Гайдѣ на время уѣзжать, и он возвращался на свое мѣсто, в свой служебный кабинет.

4

На плохую политику жизнь отвѣчала плохой экономикой. Урал работал плохо, производил мало, недостаточно для нужд арміи. Этот отвѣт жизни не мог не давать себя чувствовать. Но не отдававшіе себѣ отчета в глубоком смыслѣ явленія, расчитывали, повидимому, излечить болѣзнь чисто техническим путем. Адмирал Колчак рѣшил созвать и лично открыть в Екатеринбургѣ экстренный съѣзд промышленников Урала. Администрація обязывала подпиской всѣх управляющих предпріятіями явиться на съѣзд.

К 10 мая они явились. Ни они, ни созывавшіе съѣзд не имѣли заготовленной программы занятій. Адмирал открыл съѣзд, передал фактическое предсѣдательство Г. К. Гинсу и отбыл. За отсутствіем программы съѣзд разбился на секціи, по видам промышленности, с тѣм, чтобы секціи сами выдвинули свои планы подъема промышленности.

Я вошел в секцію средней и мелкой (кустарной) промышленности, выработавшей довольно стройный план координаціи ея в одно цѣлое для принятія сложных заказов от казны и цѣлесообразнаго распредѣленія частей их между предпріятіями, по специальностям, для чего было рѣшено образовать общее бюро. Был выдвинут цѣлый ряд указаній власти на необходимыя мѣропріятія.

Когда мы вновь собрались в пленум для заслушанія докладов секцій, то голос нашей секціи звучал одиноко. Крупные промышленники остались тѣм, чѣм они были всегда. Их планы были не планами поднятія промышленности, в интересах момента, а ходатайствами в интересах своих. Ярко бросалось в глаза, что промышленникам даже в голову не приходило, насколько грубо-откровенно выявлялись их аппетиты. Они отвѣчали власти, не «вот, что мы можем вам, при наличіи таких то условій, дать», а «вот, что нам хотѣлось бы от вас получить». А при таких условіях, при чисто эгоистических стремленіях, вполнѣ естественно, что интересы промышленников разных отраслей неизбѣжно сталкивались, и требованія к власти подчас были прямо противоположны.

В своей рѣчи я счел нужным вскрыть всѣ качества планов промышленников, их внутренній смысл и государственную цѣнность. Это не преминуло поднять против меня цѣлую бурю. Один из промышленников даже с искренней наивностью выражал недоумѣніе по поводу моей рѣчи. «Кто же сам себѣ враг,—вопрошал он,—каждому своя рубашка ближе к тѣлу». И он заявлял, что никогда не повѣрит, чтобы я сам вѣрил в то, что я говорю.

Г. К. Гинс прекрасно использовал мою рѣчь. Послѣ моей, его рѣчь, в которой он признавал, на ряду с обязанностями промышленников, и обязанности государства, показалась промышленникам мягкой, и ему удалось провести резолюцію, пріемлемую для всѣх сторон. Но резолюція осталась резолюціей, а жизнь пошла своим чередом. Кое что

власть послѣ этого пыталась сдѣлать, но нельзя сказать, чтобы улучшенiе серьезно почувствовалось.

Гинса я видѣл на съѣздѣ впервые. И впечатлѣнiе, произведенное им на меня, было таково, что подтверждало слухи о нем, как о человѣкѣ, играющем первостепенную роль, но предпочитающем оставаться в тѣни и предоставлять другим проявлять, якобы свою, инициативу, а фактически — его. На съѣздѣ он проявил большое умѣнье сглаживать углы и большую выдержку, качества столь необходимыя для такой роли.

Участiе мое в съѣздѣ и характер этого участiя показывают, что я нѣсколько вышел из той пассивной позицiи, которую занимал до этого. Дѣйствительно, мой скептицизм побивался фактами. Войска продвигались все вперед, из красной армiи переходили части. Что это значит? Правда, один офицер дал мнѣ очень простое объясненiе: «Не думайте, что мы идем успѣшно вперед, благодаря нашим военным качествам. Дѣло гораздо проще. Когда они бѣгут, мы идем вперед, а когда наши бѣгут, они идут вперед». Правда и то, что и на сторону красных перебѣгали, а в особенности отставали от обѣих армiй, раз отступающая часть проходила мимо своих мѣст. Но при всем том, большевики вынуждены был отступать. При таких условiях, невольно закрадывалось сомнѣнiе, а не ошибаюсь ли я своей оцѣнкѣ; может быть, власть гораздо прiемлемѣе для населенiя, чѣм это считаю я? Вправѣ ли я в таких условiях совершенно уклоняться и отходить в сторону, и не пытатся воздѣйствовать на власть, чтобы она измѣнялась, улучшалась, стала больше считаться с народом?

Мои сомнѣнiя я разрѣшил тѣм, что я формулировал в прессѣ тезисом: «политическiй дѣятель не может оставаться безутѣшным вдовцом». Я рѣшил сдѣлать попытку возобновить политическую работу. Чтобы нащупать почву, я рѣшил выступить с лекцiей на тему: «Почему русскiй интеллигент должен быть демократом, но не соцiалистом». Из моей попытки ничего не вышло. Отказать мнѣ в разрѣшении военным властям было неудобно. Онѣ предпочли не разрѣшать никаких «собранiй», не исключая общаго собранiя членов карточнаго клуба, лишь бы имѣть повод доказывать мнѣ, что «теперь никакiя собранiя, а потому и публичныя лекцiи, вообще по нѣкоторым государственным соображенiям (что разумѣется —тайна) недопустимы».

Тогда началась другая попытка. Совмѣстно с В. С. Розенблюмом, членом Ц. К. партiи эсеров, и Ф. З. Чембуловым, членом Ц. К. партiи народных соцiалистов, мы образовали группу, человѣк в 15 организаторов «Демократическаго Союза». Признавая власть россiйскаго правительства и верховнаго правителя, как факт, союз выдвигал чисто демократическую программу, включая в нее основныя положенiя Союза Возрожденiя. Мы выработали платформу и устав и стали хлопотать о регистрацiи союза, расчитывая получить возможность публичных выступленiй для развитiя союза. Устав был, послѣ долгих хлопот, зарегистрован, но слишком поздно: чуть не наканунѣ эвакуацiи Екатеринбурга.

5.

15 iюня открылась чрезвычайная сессiя пермскаго губернскаго земства. Гвоздем сессiи был вопрос о выборѣ кандидатов в государственное экономическое совѣщанiе.

В докладѣ управы указывалось, что еще 5 мая от предсѣдателя совѣщанiя, Гинса, было получено предложенiе намѣтить кандидатов от земства, так как по «Положенiю» кандидаты представляются губернскими земскими собранiями или «временно управами». Но управа не сочла возможным взять это дѣло на себя, «принимая во вниманiе всю серьезность и отвѣтственность работ в государственном экономическом совѣщанiи», и предпочла, чтобы этим занялось само земское собранiе, которое, «памятуя о традицiях земства, обязано принять дѣятельное участiе в творческой и созидательной государственной работѣ».

Так гласила часть официальная. Фактически же управа была определенно настроена, как и всѣ эсеры, против участія в государственном экономическом совѣщаніи. Независимо от общей эсеровской линіи поведенія в отношеніи правительства Колчака, их не удовлетворяла ни цѣль государственнаго экономическаго совѣщанія («содѣйствовать правительству в трудах по возстановленію и развитію хозяйственно-экономической жизни государства»), ни его совѣщательный характер, и возмущало то положеніе, в которое ставились муниципальные органы.

Возмущаться было чѣм. В самом дѣлѣ, в государственном экономическом совѣщаніи, кромѣ министров, начальника штаба верховнаго главнокомандующаго и членов по назначенію (в неограниченном числѣ), участвовали представители самых разнообразных организацій, до двух представителей совѣта частных банков включительно, всѣ — **выборные.** Только для земств и городов было сдѣлано исключеніе: они выбирали **кандидатов,** из которых «не свыше двадцати» **назначалось** верховным правителем по представленію предсѣдателя совѣщанія членами его.

Лучшаго повода эсерам повести кампанію за бойкот государственнаго экономическаго совѣщанія дать нельзя было, и они его использовали в полной мѣрѣ и, вообще говоря, с успѣхом. Я стал, однако, на другую, обычную для нас, кадетов, точку зрѣнія — антибойкотистскую. Надо использовать все, что возможно, в интересах народа.

Борьба была не из легких: большинство гласных крестьян пошло под эсеровским флагом. Но они были людьми жизни. А в это время Оханскій уѣзд уже эвакуировался, войска отступали. И вот, огромное большинство крестьян грузило все, что возможно, на телѣги, косило недозрѣвшій хлѣб на траву, и, бросивши все свое хозяйство на произвол судьбы, двинулось в невѣдомую даль, спасаясь от наступающей совѣтской арміи. Это говорило ясно за то, что совѣтская власть для крестьян непріемлема.

В частном совѣщаніи гласных я поставил диллему: выбор существует только между двумя властями: колчаковской и совѣтской; выбирайте между ними.

Много мало лестных отзывов пришлось здѣсь выслушать по адресу Омска: горько жаловались крестьяне на его порядки. Но еще большіе ужасы разсказывали крестьяне про совѣтскую власть. Интересно при этом то, что они указывали, что своя «бѣднота» еще хуже, чѣм комиссары по назначенію. Были и безразличные. «А не все ли мнѣ равно, как называется тот, кто меня порет: комиссар или комендант?!—заявил один из гласных крестьян.

В результатѣ было принято слѣдующее постановленіе:

«Заслушав доклад управы о выборах в государственное экономическое совѣщаніе и считая необходимым оказать всемѣрное содѣйствіе правительству, губернское земское собраніе 66-й очередной сессіи постановляет:

1) Избрать трех кандидатов в состав государственнаго экономическаго совѣщанія.

2) В увѣренности что правительство учтет разнообразіе нужд Пермской губерніи и утвердит всѣх трех представителей, обязать избранных кандидатов, в случаѣ утвержденія их членами государственнаго экономическаго совѣщанія, отчетом перед губернским земским собраніем.

В связи с этим рѣшеніем и принимая во вниманіе:

1) что государственное экономическое совѣщаніе по всему своему характеру и конструкціи может быть исключительно совѣщательным учрежденіем при правительственном аппаратѣ и ничѣм другим быть не может, а тѣм болѣе не может явиться выразителем интересов, нужд и желаній населенія;

2) что современныя условія таковы, что широкія массы забывают мало по малу пережитое ими со стороны большевиков и, представляя себѣ неясно намѣренія власти, впадают в апатію;

3) что неудачный подбор органов исполнительной власти на мѣстах, проявляющих произвол, несмотря на не-

однократныя предписанія высшей власти, вызывает в населеніи недовольство властью вообще;

4) что регулированіе чрезвычайно сложных форм современной жизни и правильное государственное строительство, как в области законодательства, так и надзора возможно только при существованіи правильно организованнаго народнаго представительства, созданнаго на основѣ народовластія.

5) что настоящій момент требует подъема энтузіазма в населеніи для успѣшной борьбы с противодемократическим большевизмом, как справа, так и слѣва, —

Губернское земское собраніе постановляет обратить вниманіе правительства на неотложность принятія слѣдующих мѣр:

1. Немедленное принятіе правительством мѣр к созыву в кратчайшій срок народнаго представительства на основах всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права на территоріи, освобожденной от большевиков, для законодательства по текущим вопросам государственной жизни, не предвосхищающаго воли полновластнаго Учредительнаго Собранія в коренных вопросах соціальнаго и государственнаго строительства нашей родины, и для контроля над органами исполнительной власти.

2. Твердое и категорическое заявленіе правительства о том, что избирательный закон в органы мѣстнаго самоуправленія, волостные, уѣздные и губернскіе будет основан на тѣх же началах всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.

3. Прекращеніе проявляющейся системы недовѣрія к органам мѣстнаго самоуправленія и внушеніе мѣстным властям необходимости внимательнаго отношенія к голосу выборных учрежденій в вопросах административной практики и пресѣченія всякаго произвола.

4. Созданіе законных гарантій гражданских свобод, которыя позволили бы общественности выйти из опаснаго состоянія апатіи и принять участіе в общей работѣ по возрожденію страны.

5. Внесеніе путем опредѣленной и ясной земельной политики в крестьянскую массу твердой увѣренности, что земля останется за трудовым крестьянством.

6. Принятіе энергичных мѣр к реальному проведенію в жизнь законов, направленных к охранѣ труда рабочих.

В виду остраго положенія Пермской губерніи, находящейся в прифронтовой полосѣ, и опасности возможнаго психологическаго перелома в народных массах, довести о настоящем постановленіи по телеграфу до свѣдѣнія Верховнаго Правителя с указаніем на необходимость безотлагательнаго проведенія в жизнь вышеуказанных мѣропріятій».

Положеніе гласных эс-эров-интеллигентов, вынужденных, в силу партійной дисциплины, выступать против подобнаго постановленія, было не из легких.

По мѣрѣ сил, но явно по обязанности, они возражали, и это не помогло.

Приступили к выборам. Первым кандидатом прошел я, вторым — Н. А. Вармунд, старый земец, по политическим взглядам — то, что именовалось в 1905 году «лѣвѣе к.-д», третьим — А. В. Подшивалов, личность мало замѣтная.

Мнѣ мало улыбалось ѣхать в Омск, хотя бы уже по одному тому, что город — не из особенно пріятных. Но отказываться от баллотировки я не чувствовал возможности. Я утѣшался тѣм, что, при моей репутаціи «оппозиціонера», или Гинс меня не представит, или адмирал Колчак не утвердит. Я был увѣрен, что утвердят одного Вармунда.

Тотчас послѣ выборов ко мнѣ подошел крестьянин, только в эту сессію ставшій гласным.

— Вы кто будете? в деревню вернусь, спрашивать будут, — говорит он.

— Фабрикант... — отвѣчаю я.

Физіономія собесѣдника вытягивается.

— Инженер... — тяну я.

Физіономія — не лучше.

— Член Учредительнаго Собранія, — заканчиваю я.

Лицо собесѣдника расплывается в широкую улыбку, и он заявляет:

— Ну, так-то лучше. Это у нас уважают.

Вторым важным вопросом сессіи бы-

ло заключеніе, запрошенное правительством у земства, о проектируемом земельном законѣ.

Пункт 5 принятаго земским собраніем постановленія показывал, что крестьян весьма волнует туманная политика Омска в вопросѣ о землѣ. В самом дѣлѣ, из появившейся весной деклараціи крестьянам было ясно одно: что «всѣ, в чьем пользованіи земля сейчас находится, всѣ, кто ее засѣял и обработал, хотя бы не был ни собственником, ни арендатором, имѣют право собрать урожай».

Что касается дальнѣйшей участи земли, то, хотя и была ссылка на то, что окончательно вопрос о ней будет рѣшен «Національным Собраніем», но в общем декларація была изложена так, что можно было ее понимать всячески.

Крестьянин не довѣрял, и двусмысленная земельная политика Омска далеко не располагала к нему крестьян.

Наиболѣе захватившій в данный момент крестьян-гласных вопрос был — о возвратѣ земель, захваченных крестьянами у крестьян. Одни из гласных были за возврат земли, другіе — против. Я был на сторонѣ первых. Пренія приняли чрезвычайно страстный характер.

В перерывѣ ко мнѣ подошла группа крестьян.

— Как же быть, Л. А., — обратился один ко мнѣ, — все шли вмѣстѣ, а теперь вы с нами разошлись.

— Л. А. прав, — отозвался другой.

— Вы что, из захвативших землю? — спросил я перваго.

— Захватить не захватили, а по совѣсти между собой передѣлили.

— Сколько же у вас теперь земли на живую душу?

— По 15 десятин.

— А если вернете, сколько будет?

— По 10 десятин.

— Так этого вам мало?

— Мало не мало, а по 15 всетаки лучше.

— Так вы, значит, хотите по эс-эровски?

— Да, они правильно говорят.

— А вот придут сюда тульскіе и рязанскіе крестьяне. Будете дѣлиться с ними поровну? Вѣдь тогда, дай Бог, чтобы по три десятины на душу пришлось.

— А зачѣм им сюда приходить? Пусть там между собой, как хотят, так и дѣлят.

Противники захвативших поддерживали меня: у них захватили. Так рѣшали вопрос обѣ стороны, прошедшія и та и другая под эс-эровским флагом.

Спор закончился обращенной ко мнѣ просьбой найти компромисс, но тут я оказался безсилен.

Частныя бесѣды мои послѣ этого с тѣми, кто стоял на «эс-эровской» точкѣ зрѣнія и защищал захват, ярко показывали отношеніе крестьян к соціализаціи земли. В один голос заявляли они, что обрабатывать землю, как слѣдует, не жалѣя труда и удобренія, никто не станет, не имѣя твердой увѣренности, что дальше передѣлов не будет, и что земля перейдет к его дѣтям. Под эс-эровским флагом были типичные собственники.

По пути в Екатеринбург, в вагонѣ, у меня завязалась бесѣда с двумя эс-эрами: предсѣдателем и членом Камышловской земской управы. Первый был интеллигент, второй — крестьянин. Я развивал мысль, что в концѣ-концов, как бы ни разрѣшен был земельный вопрос, по кадетской ли или эс-эровской программѣ, крестьяне мало-по-малу, будучи большинством в странѣ, заставят через законодательный корпус измѣнить закон: сначала перейти от ограниченнаго пользованія землей к неограниченному, а затѣм и к собственности на землю.

— Правильно, — заявил член управы.

— Хорош эс-эр! — строго отозвался предсѣдатель.

— Чувствовал я всегда, что в нашей программѣ что-то неладно, да сообразить не мог, что именно. Вот теперь, спасибо Л. А., он разъяснил.

Вернувшись в Екатеринбург, я приступил к обычным моим занятіям. Группа Демократическаго Союза готовилась к выборам в городскую думу в противовѣс Національному Союзу, в котором А. С. Бѣлоруссов терпѣл большія разочарованія: входившія в него нѣкоторыя группировки оказывались до того реак-

ціонными, что Бѣлоруссов разошелся с ними в чрезвычайно рѣзких тонах.

Совершенно неожиданно для себя, я за утренним чаем прочел в газетѣ телеграмму о своем назначеніи членом Государственнаго Экономическаго Совѣщанія, а на слѣдующій день я получил телеграмму от Г. К. Гинса с просьбой пріѣхать поскорѣе. Дѣлать было нечего. Приходилось принимать послѣдствія собственной настойчивости.

28 іюня я выѣзжал в Омск. На вокзалѣ пришлось ждать мучительно долго. С часу на час откладывался приход поѣзда из Перми. Когда он, наконец, пришел, мы узнали потрясающую новость: это — вѣроятно, послѣдній поѣзд из Перми. Пермь эвакуируется!

Это было все, что можно было узнать. Подробностей не было. А в Екатеринбургѣ все было совершенно спокойно. Да и чего было безпокоиться?

Наши войска прошли от Екатеринбурга до Перми около полугода. Значит, в худшем случаѣ, и мы имѣем по меньшей мѣрѣ еще столько же времени: Уральскій хребет лежит между нами и Пермью!

И выѣзжая, я отнюдь не предполагал, что катастрофа приближается с такой скоростью, как оказалось, и что я уѣзжаю из Екатеринбурга на долго.

Конец третьей части.

ЧАСТЬ IV.

РАСПЛАТА.

(ІЮЛЬ 1919—АПРѢЛЬ 1920 ГОДА).

ГЛАВА XXV.

Пріѣзд в Омск. „Общежитіе".—Оппозиціонное большинство в Г. Э. Совѣщаніи.—Экономика и политика.—Эвакуація Екатеринбурга и впечатлѣніе от нея.—Вопрос о расширеніи компетенціи Г. Э. Совѣщанія.—Доклад генерала Андогскаго.—Возмущеніе адмирала Колчака. Угроза разгона. Аудіенція. Успокоеніе.—Санитарное состояніе и снабженіе арміи.—Дѣйствительный и списочный состав арміи.—Непомѣрные штаты.—Паденіе курса рубля.—Попытка Устругова.—Омскіе министры.

1.

В Омск я прибыл 1 іюля. Первой заботой было найти себѣ пристанище. Это было в тот момент не так просто. О гостиницѣ и мечтать было нечего. Заѣхал к знакомому. В канцеляріи Государственнаго Экономическаго Совѣщанія я узнал, что для членов его устроено два общежитія. В лучшее из них я и направился. «Общежитіем» оказалась одна комната. Продольныя стѣны ея были заняты установлеными вдоль койками (по четыре у каждой стѣны) вплотную друг к другу. Между этими двумя рядами коек с небольшими проходами с обѣих сторон стояли в притык длинные узкіе столы. Вот и все! Можно было или сидѣть за столом или лежать на своей койкѣ. В таких позах я и застал членов Государственнаго Экономическаго Совѣщанія, одних за занятіями, других за довольно шумной бесѣдой за столом.

Найдя обстановку мало приспособленной как для жилья, так и для занятій, я на всякій случай абонировал себѣ одну койку, но предпочел пока диван моего знакомаго, впредь до лучших дней; в общежитіе я до конца пребыванія в Омскѣ не переѣзжал. Но «общежитіе» осталось у меня в памяти: оно прекрасно иллюстрировало отношеніе власти к представителям общественности, которых она звала к себѣ на помощь.

Государственное Экономическое Совѣщаніе открылось до моего пріѣзда (19 іюня). Я оказался заочно выбранным в финансовую комиссію. При этом проявился весьма характерный психологически штрих. Члены Государственнаго Экономическаго Совѣщанія разбились в нем не на фракціи по партійным признакам, а на группы по характеру представительства: торгово-промышленную, кооперативную, казачью, академическую и земско-городскую.

Распредѣленіе мѣст в комиссіях было пропорціональное, и каждой группѣ предоставлялось давать в комиссіи представителей по своему усмотрѣнію. Такое соглашеніе было, разумѣется, закулисным. Мою кандидатуру выставила земско-городская группа.

И вот, при выборах финансовой комиссіи оказалось, что я получил меньше записок, чѣм всѣ остальные кандидаты. Натура торгово-промышленников сказалась: они предпочли нарушить соглашеніе, чѣм голосовать за меня.

В составѣ членов Государственнаго Экономическаго Совѣщанія я нашел лиц, которых менѣе всего ожидал встрѣтить. Тут были: Букейханов; старый шлиссельбуржец, эс-эр В. С. Панкратов; бывшій глава Амурскаго правительства, эс-эр А. Н. Алексѣевскій; перешедшій в 1917 году от эн-эсов к эс-эрам Н. П. Огановскій

Характерным, между прочим, было то, что Огановскій был членом Государственнаго Экономическаго Совѣщанія не по выборам, а по назначенію. В числѣ членов по назначенію был также В. А. Виноградов и ряд лиц из «представителей науки», явно-оппозиціонно настроенных к правительству. К послѣдним приходилось отнести и Н. А. Вармунда, втораго

кандидата Пермскаго губернскаго земства, котораго также утвердили.

Таким образом, земско-городская, кооперативная и частью академическая группа составляли вмѣстѣ весьма внушительную «оппозицію». Это позволило выбрать товарищем предсѣдателя Государственнаго Экономическаго Совѣщанія В. А. Виноградова, а секретарем — Н. А. Алексѣевскаго. «Оппозиція» была в большинствѣ. Гинс как бы старался проводить в Государственное Экономическое Совѣщаніе оппозиціонеров.

Такое скопленіе разнородных представителей оппозиціи не могло не ставить перед ними политическаго вопроса: как же быть дальше? Идея обособленія экономики от политики сама по себѣ, конечно, — абсурд.

Какой бы мы «экономическій» законопроект ни обсуждали, какой бы «экономическій» доклад министра ни заслушивали, «политика» лѣзла изо всѣх щелей. А тут как раз шли доклады министров.

Петров, министр земледѣлія, выступил с очень туманным и пустым докладом об общей экономической политикѣ правительства.

Шумиловскій (соц.-демократ-меньшевик), министр труда, выступил с докладом о политикѣ правительства в области рабочаго вопроса, доказывая, что он в заботах о рабочих идет дальше австралійскаго законодательства.

А рядом с ним в совѣтѣ министров сидѣл министр внутренних дѣл, В. Н. Пепеляев, и проектировал, как до нас доходили слухи, возстановленіе института земских начальников. Австралійское законодательство и... земскіе начальники! Абсурд слишком явно бросался в глаза!

Шумиловскій, конечно, увлекался, когда полагал, что он опережает австралійское законодательство, но в общем его доклад встрѣтил сочувствіе.

Во время перерыва я предложил закончить пренія формулой перехода, одобряющей политику министерства труда. Поднялся спор. Доказывали, что мы не имѣем права одобрять, иначе придется признать за нами право и не одобрять; ссылались на то, что доклад Петрова был оставлен без отвѣта (это было до моего пріѣзда).

Я отстаивал свою точку зрѣнія, что, раз нам дѣлают доклад, то мы вправѣ отвѣтить на него и одобреніем и неодобреніем, что наше одобреніе доклада Шумиловскаго только подчеркивает молчаніе по докладу Петрова. Я настаивал на одобреніи доклада Шумиловскаго, указывая на **политическую** цѣлесообразность такого шага, чтобы рабочіе Урала, гдѣ мы отступаем, знали, чего они могут от Омска ожидать. Это убѣдило. Одобрительная формула перехода была принята.

В рѣчах ораторов в засѣданіях Государственнаго Экономическаго Совѣщанія стали звучать политическія ноты. Мы переходили неизбѣжно от экономики к тѣсно связанной с ней политикѣ. Неотступно становился вопрос о замѣнѣ Государственнаго Экономическаго Совѣщанія органом народнаго представительства. К разработкѣ вопроса мы и приступили.

2

В серединѣ іюля совѣтскія войска заняли Екатеринбург. В теченіе двух недѣль они прошли от Перми тот путь, который они в свое время отдавали постепенно в теченіе полугода.

Если у них в свое время было отступленіе, то мы теперь имѣли налицо не отступленіе, а бѣгство. Иначе нельзя назвать отход на 350 верст в теченіе двух недѣль, да еще при необходимости перехода через Уральскій хребет.

Подробности «эвакуаціи» были прямо ужасающи. Еще за два дня до объявленія эвакуаціи Екатеринбурга приказ коменданта грозил военно-полевым судом за распространеніе ложных слухов, сѣющих панику: никакой опасности Екатеринбургу нѣт. Еще за два дня до эвакуаціи в реквизированном «для военных надобностей» у Биржевого Комитета особнякѣ заканчивался ремонт квартиры для начальника штаба арміи, и его супруга перевозила туда рояль. Эвакуація была так же стремительна и неожиданна, как и из Перми: колоссальные запасы во-

еннаго имущества и всякаго другого попали в руки совѣтских войск.

Для частных лиц, желающих эвакуироваться, в поѣздах мѣст не было: в поѣзда допускались лишь лица, близкія военным. Как и из Перми частныя лица выѣзжали на лошадях, и вереница телѣг шла от Екатеринбурга до Тюмени, растянувшись верст на триста.

Из Екатеринбурга, как и из Перми, эвакуировалась вся буржуазія и вся интеллигенція, почти без исключенія. Из Нижне-Исетскаго завода (верст около 15 от Екатеринбурга) собирались, в случаѣ прихода большевиков, эвакуироваться рабочіе и заранѣе заготовляли для стариков припасы.

Не за недѣлю до эвакуаціи Екатеринбурга, туда пришел отряд одного из сибирских атаманов. В Нижне-Исетскѣ он занялся розысками снятаго с пьедестала памятника Александру II, перепорол при этом много рабочих, и они рѣшили... остаться.

С публикой при эвакуаціи не стѣснялись. Тут же отбирали лошадей у эвакуирующихся. И масса двигалась с ужасом перед наступающими и с проклятіем по адресу власти, никого не предупредившей, не позаботившейся ни о ком, ни о чем.

Безпорядок при эвакуаціи Екатеринбурга доходил до того, что нельзя было добиться от военных властей грузовиков для перевозки литографіи, равной которой правительство не располагало, и в которой печаталось до 70% «сибирок» (обязательств казначейства, замѣнявших кредитки). Грузовики были заняты перевозкой солдатских шинелей, что можно было дѣлать и на лошадях. Так литографіи и не эвакуировали.

В довершеніе всего оказался отрѣзанным отряд генерала Пепеляева, при чем злые языки утверждали, что это было не случайностью, а слѣдствіем таких распоряженій частям арміи, при которых Пепеляев не мог не потерять связи.

Все это не могло не потрясти членов Государственнаго Экономическаго Совѣщанія. Надо было принимать мѣры скорыя. Думать в таких условіях о созывѣ представительнаго органа нельзя было: времени нѣт. Значит, необходимо расширить компетенцію Государственнаго Экономическаго Совѣщанія.

Чѣм оно должно быть: органом законосовѣщательным или законодательным? Разумѣется — законодательным.

Но можно-ли так ставить вопрос в условіях момента?

По отзывам близко стоявших к адмиралу Колчаку, он был уже не тот, что в ноябрѣ: тогда он с удовольствіем, говорили они, отдал бы власть другому, а теперь... попробуйте! Даже слишком стремительное движеніе арміи вперед объясняли двумя причинами: одной — подталкиваніем со стороны союзников, обѣщающих признать Россійское Правительство, когда оно будет «на берегу Волги»; другой — стремленіем опередить Деникина и взять Москву раньше его.

Вокруг адмирала создался своего рода «двор», его окружили «шептуны», Жардецкій ежедневно появлялся у адмирала к чаю в 4 — 5 часов дня. Адмирал знал цѣну своему окруженію, не стѣснялся в весьма энергичных эпитетах по его адресу, но других людей не находил, и другого вліянія на него не было.

Значеніе совѣта министров отошло на второй план. Господствовали военные и связанные с ними отдѣльные министры, как Михайлов или Сукин и еще нѣкоторые, входившіе в совѣт Верховнаго Правителя и образовавшіе нѣчто вродѣ Звѣздной Палаты.

При таких условіях нужна была большая осторожность в предложеніях. Надо было не раздражать адмирала, не давать слишком больших козырей военным и Жардецким.

Рѣшено было поэтому ограничиться требованіем законосовѣщательнаго органа, учитывая, что он уже сам неизбѣжно потребует законодательных прав.

Кромѣ того, нельзя было особенно жаловаться на то, чтобы законодательство было особенно плохим. Плохо, и очень плохо обстояло в области управленія. Отсюда — необходимость требованія права запросов.

В результатѣ была выработана для врученія адмиралу записка. В ней отмѣчалось:

«Дѣятельность Центральнаго Правительства не подчинена какой либо опредѣленной программѣ. Она случайна и зависит часто от скрытых и безотвѣтственных вліяній. Несогласованность дѣйствій между всѣми вѣдомствами нарушает планомѣрную работу; военныя власти вмѣшиваются в область гражданскаго управленія, нарушая закон и элементарныя права народа. Тѣлесныя наказанія примѣняются столь широко, что населеніе начинает выражать сомнѣніе в преимуществах власти Россійскаго Правительства перед властью большевиков. Армія, благодаря несогласованности работы вѣдомств, остается без одежды, без снаряженія, а раненые и больные — без помощи. По свѣдѣніям вѣдомств все обстоит благополучно, а, в дѣйствительности, наша боевая сила начинает разлагаться на почвѣ недостатка снабженія. В итогѣ, разобщенность и тренія между вѣдомствами, неприспособленность послѣдних к практической работѣ приводят к противорѣчіям между заявленными властью демократическими принципами и дѣйствительностью, и населеніе начинает терять вѣру в серьезность обѣщаній власти и намѣренія эти обѣщанія выполнить».

Выводом были требованія, из которых серьезными были два:

«Созданіе солидарнаго совѣта министров на опредѣленной демократической программѣ» и

«Срочное преобразованіе Государственнаго Экономическаго Совѣщанія в Государственное Совѣщаніе — законосовѣщательный орган по всѣм вопросам законодательства и государственнаго управленія с тѣм, чтобы всѣ законопроекты, принятые совѣтом министров, представлялись в Государственное Совѣщаніе, как в высшую законосовѣщательную инстанцію и отсюда поступали на утвержденіе Верховной Власти. Предсѣдательство в Государственном Совѣщаніи должно быть возложено на лицо, не входящее в состав совѣта министров. Государственному Совѣщанію предоставить права: а) законодательной инициативы; б) разсмотрѣнія бюджета; в) контроля над дѣятельностью вѣдомств; г) запроса руководителям вѣдомств; д) непосредственнаго представленія своих постановленій Верховной Власти».

Записка вызвала возраженія справа. Она мѣняла конституцію 18 ноября, по которой законодательная власть принадлежала Верховному Правителю совмѣстно с совѣтом министров. (Поэтому законопроекты — экономическіе и финансовые — вносились в Государственное Экономическое Совѣщаніе отдѣльными министрами, а затѣм уже из него шли в совѣт министров).

По нашему проекту единственным законодателем являлся Верховный Правитель, но он не мог принять закона до его разсмотрѣнія в проектировавшемся Государственном Совѣщаніи.

Наша «правая» не хотѣла никакой ломки. Ей хотѣлось путем давленія получить «своих» министров и только.

Часть «центра» из академической группы, большей частью из лиц, состоявших на государственной службѣ, предпочитала уклониться, отойти подальше от грѣха.

Нѣкоторые находили, что запросы несвоевременны.

Если наша записка была непріемлема для «правой», то не без колебанія подписал ее А. Н. Алексѣевскій: она для него была слишком умѣренной.

Трудным было также положеніе подписавшаго записку В. А. Виноградова, входившаго в состав Восточнаго Отдѣла Ц. К., относившагося рѣзко отрицательно к «парламентаризму». (Меня это не касалось, ибо я открыто «Азіатскаго Отдѣла» не признавал и дѣла с ним не имѣл).

Подписали записку всего 19 членов Государственнаго Экономическаго Совѣщанія, в том числѣ нѣкоторые, входившіе в состав «блока», и среди них один из столпов его, кооператор А. В. Сазонов. Было рѣшено, что записку адмиралу представит делегація. Получить аудіенцію было не просто; с назначеніем ея тянули. Мы рѣшили поэтому ждать возвращенія Гинса из отпуска.

Тѣм временем генерал Андогскій выступил в закрытом засѣданіи Государственнаго Экономическаго Совѣщанія с

докладом о положеніи дѣл на фронтѣ. Доклад был не из веселых. Он рисовал матеріальное состояніе арміи в весьма печальных тонах: армія была раздѣтая и босая. Подчеркивал генерал и отсутствіе лозунгов для арміи, в то время, как у большевиков они имѣются. Теперь нужны лозунги «от брюха», говорил генерал. Большевики их дают, а у нас их нѣт.

Доклад Андогскаго был весьма умѣлый. Он говорил много, но сказал очень мало. Так как из его объясненій видно было, что армія противобольшевистская во много раз превышает совѣтскую, то я задал ему вопрос, чѣм-же в таком случаѣ объясняется наше отступленіе?

«Старой нашей болѣзнью: незначительной численностью арміи на фронтѣ в сравненіи с арміей в тылу», отвѣтил Андогскій.

Задавали и другіе вопросы. Так, Алексѣевскій задал вопрос: вѣрно-ли, что придется отступать за Тобол?

Не помню, что отвѣтил Андогскій, но через пару дней стало извѣстно, что адмирал крайне раздражен и самым фактом доклада Андогскаго, что выходило за предѣлы нашей компетенціи, и вопросами (в особенности Алексѣевскаго), которые предлагались Андогскому.

Передавали, что в совѣтѣ Верховнаго Правителя адмирал стучал кулаком и кричал: «совдеп! разогнать!».

По окончаніи слѣдующаго засѣданія Государственнаго Экономическаго Совѣщанія нам передавали, что в зданіи была наготовѣ рота, чтобы нас разогнать. Это вызвало у нас смѣх. Для того, чтобы разогнать нас достаточно было много меньше роты. Достаточно было бы не только указа, но объявленія, вывѣшеннаго у дверей. Никто из нас народным представителем себя не считал, да и депутатской неприкосновенностью мы не пользовались.

С пріѣздом Гинса наступило успокоеніе. Гинс добился аудіенціи для делегаціи. Мы ждали ея возвращенія с нетерпѣніем. Вернувшись, делегаты сообщили, что их очень удивило, когда, войдя в кабинет адмирала, они застали в нем и Гинса. Адмирал, разсказывали делегаты, плохо понимал, чего, собственно говоря, мы хотим. Он объяснял всѣ неурядицы тѣм, что людей нѣт вообще, а честных — в особенности. Удовлетворило адмирала элементарное объясненіе Н. А. Вармунда, что представительный орган, главным образом, нужен для того, чтобы населеніе могло жаловаться через депутатов на акты произвола на мѣстах. В результатѣ адмирал заявил, что он согласен на преобразованіе Государственнаго Экономическаго Совѣщанія, что есть нѣсколько проектов по этому вопросу, и что они будут поставлены на обсужденіе.

Характером пріема делегація осталась в общем довольна.

Впечатлѣніе о политическом уровнѣ адмирала делегація вынесла весьма неблагопріятное: черезчур элементарен!

Обсудив доклад делегаціи, мы рѣшили, раз идет рѣчь о нѣскольких проектах преобразованія Государственнаго Экономическаго Совѣщанія, выступить и со своим.

3.

Работы в комиссіях Г. Э. Совѣщанія выясняли крайне печальное состояніе государственнаго управленія.

С санитарной частью обстояло болѣе, чѣм неблагополучно. Число больных в арміи росло с каждым днем. Почему?

— Армія разута и раздѣта,—отвѣчали врачи.

Перед нами в санитарной комиссіи сидѣла цѣлая шеренга представителей разных вѣдомств, крайне перепутанных между собой в дѣлѣ снабженія арміи.

— Итак, безусловно доказано, что министерством снабженія дѣйствительно куплено и доставлено по четыре комплекта бѣлья на каждаго солдата по списочному составу арміи. С другой стороны доказано, что солдат ни одного комплекта не получил, почему и производится принудительный сбор бѣлья с населенія. Наконец, на базарѣ продается казенное бѣлье. У кого же из вас пропало бѣлье? — обращаюсь я к представителям вѣдомств.

Слово берет главный интендант.

«Мнѣ особенно тяжело выступать, го

ворит он, так как знаю отношеніе к интендантам. Но я — строевой офицер, инвалид. Я только теперь стал интендантом. И я скажу, что ругали мы во время великой войны интендантство, но такого безобразія, как теперь, никогда не было. Что я такое теперь? — Бухгалтер! Я только записываю, что куплено по данным министерства снабженія и что отправлено по распоряженію штаба арміи. Товаров самых мы никогда не видим».

«Чтобы вы поняли что у нас творится, могу разсказать вам слѣдующій факт. Получаю телеграмму от интендантта из Тюмени. Спрашивает, должен - ли он исполнить телеграфное распоряженіе «Снабзапа» из Троицка. Ничего не понимаю: насколько знаю, «снабзап» — начальник снабженія западнаго фронта — упразднен. Поэтому рѣшаю телеграфировать в Троицк «снабзапу»: телеграфируйте, кто вы такой? Проходит мѣсяц, получаю письмо, что «снабзап» теперь — начальник снабженія западной арміи. А я и понятія не имѣл, что теперь такой существует».

«Другой случай: мѣсяца полтора тому назад получаю извѣщеніе, что должность Главнаго Полевого Интенданта упраздняется, и что его функціи возлагаются на меня. Жду передачи мнѣ дѣл. Раз приходят и докладывают, что привезли какіе то возы с «дѣлами» и спрашивают, куда складывать. Оказывается, в этом — вся сдача мнѣ управленія полевого интендантства. Вот уже мѣсяц, как сидят мои чиновники и разбираются в дѣлах, а я по сей день не знаю, какія обязанности мнѣ переданы». И главный интендант разрыдался до того, что ему стало дурно, и его пришлось успокаивать.

Добиться, гдѣ пропало бѣлье, так и не удается. Механизм снабженія арміи усложнен до невѣроятія. Среди представителей вѣдомств недостает одного — представителя ставки, но ставка для нас недосягаема. Злоупотребленія на лицо, но добиться толку нельзя. Выясняется наличность огромных злоупотребленій с медикаментами на Дальнем Востокѣ, доставка никуда негодных хирургических инструментов по бѣшеным цѣнам. Недостаток шинелей ведет к простудѣ. Тифозная эпидемія растет, и врачи рисуют нам кривую хода эпидеміи, указывают предусмотрѣнный медициной неизбѣжный рост ея и, с карандашом в руках, высчисляют, что скоро мы должны оказаться без арміи. Но главный военный инспектор непосредственнаго доклада у Верховнаго Главнокомандующаго не имѣет и ничего добиться не может.

Не лучшія свѣдѣнія доходят и из комиссіи по продовольствію и снабженію. Доходят слухи, что представитель Франціи протестует, что из 30,000 шинелей, присланных из Франціи, на плечи солдат попало всего семь тысяч: французскіе плательщики налогов не желают платить их для того, чтобы разворовывали.

В бюджетной комиссіи, при разсмотрѣніи смѣты государственнаго контроля, задаю вопрос государственному контролеру, Краснову, производится ли контроль на фронтѣ и как?

— У меня имѣются полевые контролеры, — отвѣчает Краснов.

— Как провѣряется снабженіе и продовольствіе, по списочному составу или по дѣйствительному?

— По списочному, так как провѣрять дѣйствительный состав на фронтѣ очень трудно.

— Но вѣдь вы можете от военнаго министра узнать дѣйствительный состав?

Краснов мнется и с трудом произносит:

— Военный министр сам на днях спрашивал меня, не могу ли я через моих полевых контролеров выяснить состав арміи на фронтѣ и сообщить ему.

— Если так, то не полагаете-ли вы, что между списочным и дѣйствительным составом существует разница?

— Не полагаю, а увѣрен.

— А как вы ее, хотя бы приблизительно, оцѣниваете?

Наступает длинная пауза, и Краснов угрюмо выпаливает:

— В пять раз!

Отвѣт этот, буквально, ошеломляет нас всѣх. Как? значит отпускается в

пять раз больше, чѣм нужно, и при всем том люди не одѣты, не обуты и не накормлены? Необходимо, значит, усилить контроль, увеличить его состав! Надо признать, что государственный контроль прямо бездѣйствует!

Всѣ удивляются, и тѣм болѣе, что Краснов, как рѣдкое исключеніе среди министров, пользуется общим уваженіем. Разводят руками.

Недоумѣніе Краснов разсѣивает:

— Хорошо говорить: усилить контроль! Надо понять положеніе полевых контролеров. На днях один из них сунулся произвести контроль, как слѣдует. Генерал, усмотрѣв в его дѣйствіях «оскорбленіе», арестовал его и предал военно-полевому суду. Контролеру грозил разстрѣл. Пришлось мнѣ поѣхать лично к Верховному, и только этим путем удалось с трудом спасти контролера от вѣрной смерти. При таких условіях не легко находить хороших людей для полевого контроля. Теперь по приказу адмирала начали устраивать инспекторскіе смотры, что позволяет болѣе или менѣе подсчитывать наличный состав.

И тут, в области контроля, мы упирались в тот военный произвол, который был альфой и омегой омской мудрости.

С перваго взгляда может показаться странным, как могли военныя власти не знать численности арміи. Объяснялось это очень просто: командующим арміями предоставлялось производить мобилизацію на мѣстах, а они освѣдомляли центр о результатѣ мобилизаціи, как Бог на душу положит. Моя попытка через генерала Шереховскаго, вѣдавшаго мобилизаціонным отдѣлом ставки, узнать, гдѣ находится один близкій мнѣ офицер, окончилась неудачей. Шереховскій откровенно говорил мнѣ, что в ставкѣ ничего не знают. Между тѣм в ставкѣ штат был невѣроятно велик. В ней насчитывали свыше 2,000 человѣк и эту цифру сравнивали со штатом ставки генерала Фоша, командовавшаго всѣми союзными арміями, в 180 человѣк.

Генералами и, в особенности, юными генералами Омскія улицы кишѣли. Столько генералов сразу я, по крайней мѣрѣ, нигдѣ и никогда не встрѣчал. И вмѣстѣ с тѣм серьезные офицеры в бесѣдах со мной жаловались, что опытные боевые офицеры не находят себѣ примѣненія на фронтѣ, несмотря на то, что они рвутся туда. Давать им мелкія части штаб находит неудобным, несоответственным их положенію, а давать крупныя части нельзя, ибо или мѣста заняты, или их надо давать «своим», хотя бы и молодым, чтобы они имѣли возможность отличаться. Непотизм играл огромную роль.

Штаты были раздуты в тылу не только в области военной и «морской» (было и самостоятельное Морское министерство), но и в гражданских органах управленія. Тут спасались и спасали от военной службы. Кромѣ того, Омскіе министры любили большіе штаты, чтобы их министерства казались похожими на «настоящія». Так, в министерствѣ иностранных дѣл Сукин развел 16 отдѣлов (по имѣвшимся свѣдѣніям, Нератов у Деникина обходился штатом в восемь человѣк, начиная с самого Нератова и кончая швейцаром). А Михайлов в министерствѣ финансов развел такой штат, что комиссія, под предсѣдательством Краснова, по сокращенію штатов нашла возможным сократить штат только в одном центральном управленіи финансов на нѣсколько сот (!) человѣк сразу.

Такая расточительность была внѣ всякаго соотвѣтствія с состояніем финансов. Единственное, что давало мало-мальски серьезный доход — это продажа казеннаго вина, которая была возстановлена. Жили за счет печатнаго станка, выпускавшаго с каждым днем все большее количество «обязательств государственнаго казначейства», купюрами начиная с 25 рублей, замѣнявших кредитки. Технически онѣ были настолько несовершенны, настолько отличались даже по цвѣту краски, что были случаи, когда Приходная Касса государственнаго банка отказывалась принимать, как фальшивыя, обязательства, только что полученныя от Расходной Кассы.

По мѣрѣ увеличенія выпусков обязательств, они, естественно, обезцѣнивались. Увеличенію же выпусков способствовала, помимо всего, совершенно нелѣ-

ная мѣра, предпринятая по отношенію к двадцати и сорока рублевым «керенкам», обмѣн которых на «сибирки» в опредѣленный срок был объявлен обязательным. Этим путем надѣялись отгородиться от наплыва «керенок», «по мѣрѣ продвиженія на запад».

Когда я впервые узнал из газет в срединѣ іюня о проектируемой Михайловым мѣрѣ, я рѣшил, что это — утка. Колебать в населеніи вѣру в тѣ или другія кредитки было абсурдом. Не даром Омском, как и правительством Урала, были признаны даже областныя совѣтскія кредитки, печатавшіяся в Екатеринбургѣ. Тѣм болѣе опасно было бы, подвигаясь вперед, аннулировать керенки и тѣм возбуждать опасенія в населеніи еще находящихся под совѣтской властью мѣст.

Оказалось, однако, что проект стал законом. И ударил он не только по тому мѣсту, котораго я опасался. По отзывам военных, закон этот отнял серьезный стимул у солдат: большевистскій комиссар и красноармеец перестали быть для них пирожками с начинкой из керенок. С другой стороны, на Дальнем Востокѣ принятая мѣра вызвала недовѣріе и к сибиркам, а с этим и сильнѣйшее паденіе курса нашего рубля. А отсюда произошло неизбѣжное слѣдствіе: усиленіе выпусков обязательств, новое паденіе курса и так далѣе. Мы попадали в заколдованный круг.

Паденіе курса рубля вело к росту цѣн на предметы первой необходимости, что больше всего отражалось на рабочем людѣ, оплата труда котораго всегда отставала от роста цѣн. Это не могло не волновать рабочих, и в особенности давало себя чувствовать со стороны желѣзнодорожных рабочих.

Послѣднее обстоятельство побудило министра путей сообщенія, Устругова, внести в Г. Э. Совѣщаніе законопроект, не лишенный оригинальности. В основѣ его лежали слѣдующія положенія:

Каковы бы ни были цѣны на предметы первой необходимости, неквалифицированный, наименѣе вознаграждаемый, работник должен получать вознагражденіе в такой суммѣ, чтобы имѣть возможность жить со своей семьей; значит, при измѣняющейся цѣнности рубля, он должен получать и измѣняющееся в размѣрѣ денежное вознагражденіе, за которое он мог бы пріобрѣтать необходимое. Таким минимумом вознагражденія является 1,6 «прожиточнаго минимума» 1 человѣка в зависимости от существующих цѣн на рынкѣ. Что касается вознагражденія квалифицированнаго труда, то он должен, разумѣется, вознаграждаться по степени своей цѣнности. Но градаціи оплаты, доступныя богатому государству, недоступны бѣдному. Поэтому, если до войны градаціи между двумя служащими послѣдовательных рангов была в пять рублей, т. е. в размѣрѣ половины «минимума» того времени, то, при обѣднѣніи и обезцѣнившихся деньгах, градацію приходится понизить и принять в один процент современнаго минимума. В цѣлом же вознагражденіе должно быть построено на таких основаніях, чтобы при пониженіи цѣнности рубля, разница в оплатѣ квалифицированнаго труда и неквалифицированнаго уменьшалась, при улучшеніи же курса рубля увеличивалась, возвращая служащих всѣх рангов почти к нормальному до военному соотношенію вознагражденія, при возстановленіи полной цѣны рубля и довоенных цѣн на продукты.

Этим положеніям соотвѣтствовала предложенная в законопроектѣ алгебраическая формула, по которой вычислялось вознагражденіе служащих.

Законопроект привлек общее вниманіе. Внесеніе его сразу вызвало успокоеніе в средѣ желѣзнодорожных рабочих. В финансовой комиссіи (предсѣдателем которой я был в это время) я выступил горячим защитником этого законопроекта, провел его в комиссіи и был избран докладчиком в пленумѣ Г. Э. Совѣщанія. Тут мнѣ пришлось выдержать страстную борьбу с торгово - промышленной группой, интересы которой законопроект, несомнѣнно, задѣвал. Законопроект мнѣ удалось провести. Горячая защита мною законопроекта создала то, что сибирскіе рабочіе круги стали поддерживать требованіе о введеніи «формулы Кроля». Я должен, однако, сказать, что

формула принадлежит не мнѣ, а математику Виноградову, служившему в министерствѣ путей сообщенія; я же для внесенной им в законопроектѣ формулы, как эмпирической, нашел лишь правильный математическій вывод.

Вышедшій из Г. Э. Совѣщанія законопроект был принят совѣтом министров, о чем Устругов сообщил по линіи желѣзной дороги. Недоставало только подписи Верховнаго правителя, чтобы законопроект стал законом. Но тут промышленники оказались сильнѣе рабочих. Были нажаты всѣ пружины, и адмирал. совершенно неожиданно для Устругова, к крайнему его и моему огорченію, отказал в принятіи закона. Своекорыстію промышленников был принесен в жертву закон, не только соотвѣтствующій соціальной справедливости, но имѣвшій и огромную политическую цѣнность. В будущем, может быть, историк оцѣнит, как отразилось отклоненіе законопроекта на дальнѣйшей жизни Россійскаго правительства, и в частности, на увеличеніи числа жертв эвакуаціи из Омска.

Не собираясь останавливаться подробно на дѣловой, будничной, работѣ Г. Э. Совѣщанія, касавшейся текущаго законодательства, отмѣчу работы, могущія имѣть цѣннось в будущем. Это — во первых, законопроект «О расширеніи бюджетных прав земств», вполнѣ разработанный в 17 засѣданіях финансовой комиссіи, и оборванный в прохожденіи в пленумѣ; во вторых, законопроект «О переходѣ имуществ безвозмездными способами», почти законченный в той же комиссіи.

Останавливаюсь также только вкратцѣ на министрах того времени, как они обрисовывались в выступленіях в Г. Э. Совѣщаніи.

Пепеляев, министр внутренних дѣл, выступил с настолько безцвѣтным докладом, что у меня от него ровно ничего в памяти не осталось.

Тельберг, министр юстиціи, главноуправляющій дѣлами верховнаго правителя и совѣта министров, член совѣта верховнаго правителя, произвел на всѣх членов Г. Э. Совѣщанія без исключенія опредѣленно отталкивающее впечатлѣніе своей надменностью, заносчивостью и докладом о том, как он насаждает юстицію: ни ему, ни его юстиціи никто не вѣрил.

Прекрасное впечатлѣніе своим докладом произвел Устругов. Он говорил откровенно и со знаніем дѣла. Его засыпали послѣ доклада вопросами. И на них он отвѣчал, как слѣдует.

Как раз вслѣд за ним выступил с докладом министр продовольствія, Неклютин. Красочно рисовал этот молодой человѣк, как блестяще обстоит дѣло продовольствія. И когда он кончил доклад, со всѣх скамей раздались возгласы: «перерыв!»

Этот перерыв длился недолго. По возвращеніи в зал засѣданія, ни один оратор не выступил. Была внесена и единогласно принята формула перехода: «Заслушав доклад министра продовольствія о прекрасном состояніи продовольственнаго дѣла и имѣя оффиціальныя свѣдѣнія о крайне неблагополучном состояніи продовольствія, Г. Э. Совѣщаніе постановляет отложить пренія по докладу до заслушанія доклада военнаго министра и переходит к очередным дѣлам».

Казалось бы, отвѣт для министра достаточный. Но на слѣдующій день распространился слух, что Неклютин на вопрос одного министра, как прошли вчера доклады, отвѣтил:

«У Устругова очень неудачно: тянул, мямлил; ну, и засыпали же его вопросами. А я сдѣлал обстоятельный доклад ясно, отчетливо, так что мнѣ даже ни одного вопроса не задали».

Военный министр, барон Будберг, произвел прекрасное впечатлѣніе своей непосредственностью и искренностью. Он был назначен недавно, только что вернулся с фронта и рисовал картину, крайне неприглядную.

«Очень извиняюсь, говорил он, что позволю себѣ с этой трибуны непарламентское выраженіе, но, если вы хотите понять, что я испытывал от видѣннаго мною, скажу кратко: так и хотѣлось дать в морду». И мы его понимали: его желаніе было психологически естественным. Барон Будберг, честность и искрен

ность котораго стояла внѣ всяких сомнѣній, оказался не ко двору и быстро исчез с горизонта.

Доклада министра финансов, Михайлова, ждали с большим нетерпѣніем, но он покинул пост раньше, чѣм он успѣл назначить свой доклад. Его взгляд на положеніе финансов был, однако, болѣе или менѣе извѣстен. Весь город облетѣл слух, что в засѣданіи Совѣта один из министров задал вопрос, нѣт - ли основанія безпокоиться о возможности финансоваго банкротства, на что Михайлов живо отвѣтил: «безпокоиться г. министру не о чем, ибо мы уже обанкротились».

ГЛАВА XXVI.

Частныя совѣщанія.—Назначеніе В. А. Жардецкаго.—Реакціонность омских к.-д.—Ухудшеніе положенія на фронтѣ.—Настроенія в населеніи.—Отставка И. А. Михайлова.—Отказ в пріемѣ делегаціи Г. Э. Совѣщанія.—Уход из Г. Э. Совѣщанія группы Алексѣевскаго.—Уход чехов на восток.—Грамата и рескрипт о Государственном Земском Совѣщаніи.—Переговоры с чехами о помощи.—Разжалованіе Гайды.—Смерть Бѣлоруссова.—Развал „блока".—Демократическій Союз в Омскѣ.—Бесѣды с Вологодским, Уструговым и фон-Гойером.

1.

Разработка проекта «Положенія о Государственном Совѣщаніи», предпринятая в частном порядкѣ группой членов Г. Э. Совѣщанія, быстро подвигалась вперед. Одновременно мы часто стали собираться в «частное совѣщаніе». Чтобы рѣзче подчеркнуть частный характер этих засѣданій, в них предсѣдательствовал А. В. Сазонов.

Во время одного из таких засѣданій вдруг в зал вошел В. А. Жардецкій.

— Вы ошиблись, повидимому, В. А., — обратился к нему Сазонов, здѣсь могут присутствовать только члены Г. Э. Совѣщанія.

— Никакой ошибки нѣт: указом Верховнаго Правителя я назначен членом Г. Э. Совѣщанія.

Это произвело фурор. О желаніи Жардецкаго попасть в Г. Э. Совѣщаніе было давно извѣстно. Но назначеніе в него человѣка, совершенно чуждаго вопросам экономики, представлялось маловѣроятным. Ходили слухи, что Гинс, обычно предлагавшій для проформы кандидатов в Г. Э. Совѣщаніе Совѣту Министров перед тѣм, как представить их на утвержденіе адмиралу, раз поставил в Совѣтѣ Министров вопрос: как отнесся бы Совѣт к кандидатурѣ Жардецкаго в Г. Э. Совѣщаніе? - Это, говорили, вызвало такое изумленіе в Совѣтѣ, что Гинс поспѣшил заявить, что он только вопрос поставил, а предложенія не вносил.

Теперь Жардецкій вступил к нам. Было ясно, что назначеніе его было в связи с политическим моментом. Ожидали, повидимому, что Жардецкій будет пользоваться у нас политическим вліяніем. Расчет этот, однако, не оправдался ни в какой мѣрѣ. Жардецкій только нас всѣх «объединил», как это в шутку говорили. «Объединеніе» заключалось в том, что, стоило выступить Жардецкому, как всѣ немедленно уходили из зала, оставляя Жардецкому двух — трех слушателей, в кулуары, гдѣ «объединялись» за чайным столом. Рѣчи Жардецкаго были всегда облеченным в весьма красивую форму пустословіем: взять нас этим было мудрено.

В частных совѣщаніях рѣзко намѣтились двѣ группы: «лѣвая», в основѣ требованій которой лежало скорѣйшее привлеченіе к дѣлу народнаго представительства и созданіе Совѣта министров, солидарнаго на демократической платформѣ, и «правая», для которой все сводилось к **персональному** составу Совѣта Министров. Объединило обѣ группы опредѣленное недовольство наличным составом Совѣта Министров. Обѣ группы разными путями, несомнѣнно, стремились к переходу от военной диктатуры к болѣе или менѣе правовому строю. Единственным, стоявшим за диктатуру и усиленіе ея, готовым оправдывать все и вся, был Жардецкій. Так называемый «Восточный Отдѣл Ц. К. партіи к.-д.» был в то время самым ярким проводником реакціи в Сибири, для чего он пользовался своей газетой «Сибирской Рѣчью».

Характер партіи в этот момент прекрасно схвачен стихотвореніем, напечатанным в одной из омских газет (сейчас не помню, какой именно):

КАДЕТСКІЙ ПАРУС.

О, парус корабля кадетскаго,
Тобою правит мелкій бѣс.
От Милюкова — до Жардецкаго,
Какой разительный регресс!

От Петрункевича — к лабазникам!
Внемли, читатель (да и вѣрь!),
«Сибирской Рѣчи» безобразникам
«Рѣчь» указала бы на дверь.

Омскіе «кадеты», точно слѣпые, ничего не видѣли, что творилось вокруг. Пораженіе арміи ничему не научало их. С усердіем, достойным лучшей участи, Клафтон усиленно занимался распространеніем реакціонной и погромной литературы, надѣясь этим поднять дух арміи и населенія. Тщетно старались воздѣйствовать на «азіатскій» Ц. К. входившіе в состав его В. А. Виноградов, а затѣм и прибывшіе с юга, в качествѣ представителей Деникина, Н. К. Волков и А. А. Червен-Водали. (В противоположность моему мнѣнію, что нужно отрясти от ног своих прах подобнаго «Центральнаго Комитета», они считали, что нужно бороться с его большинством внутри его). Даже А. С. Бѣлоруссов, и тот прозрѣвал. Он уже был далеко не тот, что в Екатеринбургѣ. При встрѣчах со мной жаловался на то, что он увидѣл в Омскѣ. В частности, он передавал мнѣ, что на вопрос И. А. Михайлову, какова же программа Совѣта Министров, он получил отвѣт: «У нас программы нѣт, и никакой надобности в ней мы не видим. Мы дѣлаем каждый день то, что нужно». И Бѣлоруссов призадумывался, и было над чѣм.

Дѣла на фронтѣ шли все хуже. Слѣдом за Екатеринбургом пали Тюмень и Тобольск. Оставалась одна Сибирь, территорія, сельское населеніе которой почти или вовсе практически не испытало совѣтской власти так, как ее испытала Европейская Россія, или испытало очень слабо. Эвакуировавшіеся крестьяне Пермской губерніи были встрѣчены сибирскими крестьянами далеко не радушно. Их разсказам не вѣрили. «Что вы разсказываете? И у нас были большевики, а ничего худого мы от них не видѣли. Вы просто врете!» Так, по словам моих земляков-крестьян, относились сибиряки-крестьяне к их разсказам о пережитом. Солдат у сибиряков-крестьян большевики еще не брали, налогами не облагали. А теперь шли мобилизація за мобилизаціей, налоги брали, тайное винокуреніе преслѣдовали, реквизировали лошадей и телѣги, и, в довершеніе всего, пороли! А с другой стороны недостаток в предметах фабричнаго производства чувствовали довольно остро, а деньги обезцѣнивались с каждым днем. И в крестьянствѣ с каждым днем усиливалось недовольство, переходившее мало-по-малу в возстанія, постепенно охватывавшія Сибирь. О рабочих кругах, при таких условіях, и говорить нечего, что не в них могло правительство Колчака искать опоры в борьбѣ с большевиками. В результатѣ вся полоса отчужденія желѣзнодорожной магистрали и прилегающіе города были объявлены на военном положеніи. На восток был командирован генерал Розанов, жестоко расправлявшійся с населеніем. А это в свою очередь, возстанавливало населеніе против власти. Возмущало это и демократически настроенную интеллигенцію. В концѣ-концов, в лучшем случаѣ власть имѣла за себя торговопромышленный класс, если можно только серьезно говорить о такой опорѣ в лицѣ класса, который и в самый острый момент не способен отрѣшиться от основной мысли — о барышѣ.

2.

Неудачи на фронтѣ всегда заставляют искать виновников, и в серединѣ августа в жертву общественному недовольству был принесен И. А. Михайлов. Он был отставлен, как наиболѣе одіозная фигура. Но и тут не сумѣли сохранить надлежащим образом тайны. Вслѣд за увольненіем Михайлова, адмирал поѣхал на фронт, и, когда он вернулся, стало извѣстно, что он жалѣет о совершившем-

ся, так как отставка Михайлова вызвала недовольство в военных кругах (Михайлов вскорѣ был назначен членом Г. Э. Совѣщанія и, послѣ одного весьма малоудачнаго выступленія по адресу своего преемника, Л. В. фон-Гойера, стушевался).

Во второй половинѣ августа, закончив проект «Положенія о Государственном Совѣщаніи», частное совѣщаніе членов Г. Э. Совѣщанія рѣшило направить к адмиралу делегацію с этим проектом.

Проект не удовлетворял нашу «правую», с одной стороны. С другой стороны, он не удовлетворял и Совѣт Министров, ибо совершенно отнимал у него законодательныя права. Единственным законодателем становился Верховный правитель, которому предоставлялось принять мнѣніе или большинства или меньшинства Государственнаго Совѣщанія. Не знаю, вѣрил ли искренно Совѣт Министров, что, сохраняя участіе в законодательствѣ, он «ослабляет» диктатуру, и тѣм самым он «демократичнѣе», чѣм наша «лѣвая», но Совѣт Министров был опредѣленно против нашего проекта.

Это, вѣроятно, имѣло извѣстное значеніе, и, когда наша делегація явилась к адмиралу, она не была принята. Так как Гинс входил в состав Совѣта Министров, то отказ в пріемѣ делегаціи был приписан ему, и это сразу охладило отношенія членов Г. Э. Совѣщанія и к нему, и к адмиралу, хотя в отношеніи адмирала все объясняли его слабой политической подготовкой.

Отказ в пріемѣ делегаціи оказал очень рѣзкое вліяніе на нашу крайнюю лѣвую с А. Н. Алексѣевским во главѣ. Для Алексѣевскаго наш проект «Положенія» был, разумѣется, крайней степенью уступки, на которую демократ мог итти. Но он шел на нее, как и нѣкоторые из нас, считая, что, может быть, при созывѣ немедленно народнаго представительства, хотя бы и с урѣзанной компетенціей, удастся еще исправить положеніе. Отказ в пріемѣ делегаціи, а слѣдовательно, и отсрочка созыва представительнаго органа вырывали послѣднюю надежду у Алексѣевскаго, уже выдвигавшаго среди лѣвой части Г. Э. Совѣщанія мысль о необходимости поиска путей примиренія с совѣтской властью. Теперь он считал карту окончательно битой и с другими дальневосточными членами Г. Э. Совѣщанія бросил его и уѣхал на Восток. Взгляд Алексѣевскаго на то, что ставка Колчака бита, раздѣляли среди нас многіе, и ряды наши рѣдѣли. Уѣхали домой нѣкоторые профессора из Томска, уѣхал во Владивосток В. А. Виноградов. Нѣкоторые из нас, в том числѣ и я, упорно оставались и пытались еще искать пути к спасенію положенія. К сожалѣнію, с отъѣздом Алексѣевскаго и его группы, наше положеніе стало труднѣе: оголился лѣвый фланг, и я очутился... в крайних лѣвых. И, если при существованіи группы Алексѣевскаго мои предложенія казались умѣренными, то теперь равнодѣйствующая не могла не итти правѣе меня, а спасеніе было не в этом.

Чехи, со времени переворота 18 ноября прекратившіе участіе в активных дѣйствіях против большевиков, теперь опредѣленно стягивались и уходили на восток. Уходили они и из Омска. Правда, распространяли слухи, что они пойдут не на восток, а на запад. Но их представитель в Омскѣ, майор Кошек, опредѣленно говорил мнѣ, что, если-бы даже политически было полезно для чехов бороться с большевиками, то нельзя не считаться с психологіей добровольцев (а армія была добровольческая), не желающих итти за одно с правительством Колчака, как реакціонным. Чехи поэтому опредѣленно пойдут на восток охранять желѣзнодорожный путь.

Оставалась послѣдняя надежда — на казачество. Оно и было поднято. В первой половинѣ сентября начались нѣкоторые успѣхи. Так, был обратно отбит Тобольск. Кое какіе успѣхи были в направленіи Челябинска.

Военный успѣх был найден основаніем для постановки вопроса о представительном органѣ, по иниціативѣ якобы, самой власти. Граматой Верховнаго Правителя от 16 сентября торжественно возвѣщалось о рѣшеніи со-

звать «Государственное Земское Совѣщаніе», которое, «составленное из людей, близких землѣ, должно будет озаботиться вопросами укрѣпленія благосостоянія народнаго». Одновременно в рескриптѣ на имя Вологодскаго сообщалось, что Государственное Земское Совѣщаніе должно состоять «по преимуществу из представителей крестьянства и казачества, на которых выпала главная тяжесть борьбы». Вологодскому поручалось «разработать проект Положенія о Гос. Зем. Совѣщаніи, как органѣ законосовѣщательном с правом запросов министрам и с правом выраженія пожеланій о необходимости законодательных и административных мѣропріятій».

Как представлял себѣ адмирал Колчак свои предположенія? Об этом можно судить по бесѣдѣ его с А. В. Сазоновым, которому адмирал очень довѣрял и котораго он вызвал к себѣ для совѣта. Адмирал просил Сазонова посовѣтовать, как сдѣлать, чтобы крестьянское представительство дѣйствительно отражало волю крестьян: «не могу-же я повѣрить, говорил он, что Кроль, дѣйствительно, является представителем крестьян, хотя они его и выбрали». Кстати, адмирала волновал и другой вопрос: и так уже много министров, а до него дошел слух, что в связи с вопросом о Государственном Совѣщаніи члены Г. Э. Совѣщанія предполагают ввести в Совѣт Министров еще двух—трех министров без портфелей; зачѣм это? И Сазонов, сам не особенно тонко разбирающійся в таких вопросах, с удовольствіем разсказывал нам, как он уяснил адмиралу, что мы хотим, чтобы были одни министры, занимающіеся дѣлом, а другіе — занимающіеся политикой. Это объясненіе вполнѣ удовлетворило адмирала. Нас это мало удовлетворило. Мы были увѣрены, что Жардецкій черезчур легко выяснит адмиралу всю слабость подобнаго объясненія.

Что дала торжественная грамата? Нам — очень мало. При искреннем желаніи, можно было уже мѣсяц тому назад использовать готовый наш проект, преобразовывавшій Г. Э. Совѣщаніе в представительный орган, постепенно превращающійся в выборный. Населенію? — Но оно уже достаточно слышало обѣщаній и мало вѣрило в них. Мало того, то, что населеніе, может быть, приняло бы с трудом по иниціативѣ Г. Э. Совѣщанія, при превращеніи его немедленно в представительный орган, оно принимало явно враждебно теперь: законосовѣщательный орган, да еще в будущем! Грамата никого не удовлетворила, возбудив лишь дополнительное недовѣріе.

Успѣхи на фронтѣ не особенно обманывали руководящіе круги. Военная помощь была необходима. И ее рѣшили искать у чехов, тѣх самых чехов, которым еще в свое время Гришин-Алмазов предлагал уходить, если им здѣсь не нравится, которых озлили переворотом 18 ноября и которых травила «патріотическая» печать. Чехов рѣшили привлечь путем обѣщанія им земельных участков в Сибири и денежных выгод. Переговоры однако налаживались. Главным камнем преткновенія был вопрос о травлѣ печати. И тут рѣшился пойти на большое самопожертвованіе А. С. Бѣлоруссов. Старик, много сил положившій на травлю чехов, рѣшил поѣхать в Иркутск упросить чехов пойти на помощь. От него получены были извѣстія, что соглашеніе налаживается. Но тут произошло новое обстоятельство.

Генерал Гайда, уѣзжавшій из Россіи, задержался во Владивостокѣ и вошел в какую-то комбинацію с мѣстными эсерами. Адмирал Колчак, узнав об этом, телеграммой отдал приказ о разжалованіи Гайды. Казалось бы, что чехам, рѣзко разошедшимся с Гайдой послѣ переворота 18 ноября, это должно было быть безразличным. Но чехи это приняли иначе: как-ни-как, но Гайда был для них своеобразным героем. Переговоры с Бѣлоруссовым были внезапно прерваны, и старик не вынес: скончался от разрыва сердца.

А военное счастье длилось недолго. Опять началось отступленіе...

3.

В соотвѣтствіи с граматой Верховнаго Правителя Совѣт Министров принял-

ся за разработку проекта Государственнаго Земскаго Совѣщанія. Так как у нас, как я уже говорил, был готовый свой проект, то в порядкѣ частнаго соглашенія было рѣшено создать комиссію, состоящую из министров и членов Г. Э. Совѣщанія в равном числѣ.

Пока эта комиссія работала, тѣ сдвиги, которые выяснились в Г. Э. Совѣщаніи, не могли остаться без выявленія во внѣ. В частности, они не могли не отразиться на «блокѣ», в котором с одной стороны видную роль играли торговопромышленники, опредѣленно стремившіеся к смѣнѣ Совѣта Министров, а с другой стороны, не менѣе видную роль играли кооперативы во главѣ с Сазоновым, пошедним в Г. Э. Совѣщаніи с лѣвым крылом, и, наконец, тянули опредѣленно реакціонную линію «кадеты» во главѣ с Жардецким. «Блок» трещал по всѣм швам.

Чѣм хуже шли дѣла на фронтѣ, тѣм болѣе чуждыми становились друг другу в «блокѣ» крайнія его крылья, и тѣм естественнѣе становилось тяготѣніе его лѣваго крыла к нам, «лѣвым». Результатом этого тяготѣнія явилось возрожденіе в Омскѣ, основаннаго в Екатеринбургѣ, Демократическаго Союза. Образовалась иниціативная группа, в которой нѣсколько человѣк, в том числѣ Чембулов и я, принадлежали к основателям Союза в Екатеринбургѣ. Из кадетов, кромѣ меня, приняли участіе в разработкѣ платформы Н. К. Волков и А. А. Червен-Водали.

С Н. К. Волковым, членом нашего Ц. К., меня связывала совмѣстная многолѣтняя партійная работа, причем мы оба принадлежали к лѣвому крылу. В 1918 году его отбросило вправо, но, внѣ его вѣры в спасительность диктатуры, как тактическаго пути борьбы с большевиками, в остальном мы оставались единомышленниками, и нам столковаться было не трудно. Он был далек от того, чтобы быть соціалистоѣдом, и был сторонником Демократическаго Союза.

С А. А. Червен-Водали я в Омскѣ познакомился впервые. Кадет не новѣйшей, мартовской, формаціи, он производил прекрасное впечатлѣніе своей мужественной прямотой. С ним можно было не соглашаться (он был кадетом умѣренным), но его нельзя было не уважать. И я с большим удовольствіем отдыхал в обществѣ его и П. А. Бурышкина (внѣпартійнаго радикала), людей искренно преданных странѣ, исходивших из ея интересов, а не лично своих, а это было большой рѣдкостью в Омскѣ. Они вмѣстѣ пріѣхали от Деникина для связи с Колчаком и с искренней грустью смотрѣли на окружающее. Они признавали, что в Сибири внѣшне «демократичнѣе», чѣм на Югѣ, но вмѣстѣ с тѣм говорили, что на Югѣ реальной законности больше чѣм в Сибири. Будучи сторонниками полной диктатуры в условіях момента, они тѣм не менѣе признавали, что в той обстановкѣ, что создалась в Сибири, представительный орган необходим.

Волков, Червен и Бурышкин, (а затѣм и позднѣе прибывшій Третьяков) возымѣли, повидимому, вліяніе на В. Н. Пепеляева, и к тому моменту (начало октября), когда образовался Демократическій Союз, мы знали от них, что Пепеляев относится с большим интересом к Союзу и не прочь был-бы, если бы Союз по своему характеру ему подошел, войти в него. Нельзя сказать, чтобы нам это извѣстіе доставило удовольствіе: В. Н. Пепеляев успѣл, к сожалѣнію, пріобрѣсти слишком одіозную популярность.

Выработанная Союзом платформа в общем была пріемлема для Волкова и Червен-Водали. Но на одном пунктѣ мы серьезно столкнулись: на вопросѣ об отношеніи к адмиралу Колчаку. Союз признавал власть его, как факт, с которым нельзя не считаться, и только. Волков и Червен считали необходимым, чтобы Союз выдвинул положеніе о власти Колчака, как власти, которую Союз считает необходимым поддерживать. На это мы не шли, и на этом мы разошлись. По выходѣ в свѣт платформы Союза, Восточный Отдѣл Ц. К.

запретил членам партии к.-д. входить в Союз.

Выяснив, что в проектѣ «Положенія о Гос. Зем. Совѣщаніи» предполагается допустить представительство от крестьян исключительно из их среды, Комитет Демократическаго Союза рѣшил выступить против этого. Мы считали, что совершенно недопустимо, чтобы крестьяне были поставлены в худшее положеніе, чѣм другіе классы, могущіе выбирать кого угодно в качествѣ защитников их интересов. Мы выработали поэтому записку в Совѣт Министров, в которой отстаивали право крестьян — выборщиков выставлять за подписью 5 выборщиков кандидатуры в Гос. Зем. Совѣщаніе и не крестьян и этих кандидатов допускать с совѣщательным голосом в собраніе выборщиков. Эту записку было рѣшено через делегацію вручить предсѣдателю Совѣта Министров, Вологодскому.

Делегація, в которую входил и я, была принята Вологодским. Он прочел записку, и завязалась бесѣда. Характер она носила очень вялый. Вологодскій производил впечатлѣніе человѣка, крайне усталаго, измученнаго, которому все надоѣло. Не помню, что он нам отвѣтил, но, кажется, обѣщал наши соображенія поддержать.

Кромѣ этого оффиціальнаго посѣщенія премьера было рѣшено, что отдѣльные члены Комитета посѣтят министров, симпатизирующих народоправству, и поговорят о поддержкѣ нашего предложенія. На мою долю выпало побесѣдовать с Уструговым и фон-Гойером. Устругов пользовался реномэ опредѣленнаго демократа, что же касается фон-Гойера, то его доклады и выступленія в финансовой комиссіи, хотя и по чисто дѣловым вопросам, производили на меня очень хорошее впечатлѣніе, как идущіе со стороны человѣка европейски культурнаго и симпатизирующаго широким массам. И к Устругову и к фон-Гойеру я пошел очень охотно.

Я не пожалѣл о своем посѣщеніи. Бесѣды с обоими носили очень хороший характер, но в обѣих бесѣдах выяснилась у обоих министров одна общая черта.

Устругов, сын крестьянина, как он сказал мнѣ, отнесся с большим интересом к вопросу, касавшемуся крестьян, но он задал мнѣ цѣлый ряд довольно элементарных вопросов, прося заранѣе меня не удивляться, так как он специалист-путеец, а не политик, и далек от тонкостей избирательнаго права. Чтобы голосовать по совѣсти в Совѣтѣ министров, он должен каждый раз предварительно знакомиться с предстоящим к разрѣшенію политическим вопросом.

Фон-Гойер еще рѣзче подчеркнул свой аполитизм. Он объяснил мнѣ, что 23-лѣтним юношей уѣхал из Россіи за границу и вернулся теперь, спустя 20 лѣт. Поэтому он мало отдает себѣ отчета в политическом положеніи во внутренних дѣлах, и считает своим дѣлом техническое и политическое руководство финансами в связи с иностранными дѣлами, которыя ему не чужды. В виду этого при рѣшеніи в совѣтѣ министров вопросов внутренней политики он большей частью от голосованія воздерживается. Поэтому и он просил меня не удивляться тѣм вопросам, которые он мнѣ задаст.

Обоим министрам пришлось отвѣтить на цѣлый ряд вопросов. Оба обѣщали обдумать и внимательно отнестись к возбужденному нами вопросу. Не знаю, как в результатѣ они отнеслись, но на меня большое впечатлѣніе произвел тот факт, что в такой острый період, какой мы переживали, могли быть в Совѣтѣ министров министры, которые отнюдь не считали себя призванными вершить политическіе вопросы. При таких условіях нѣт ничего удивительнаго, что, когда Вологодскій, чувствуя потерю своего вліянія, поставил в Совѣтѣ Министров вопрос о своей отставкѣ, записки, поданныя за кандидатов в премьеры, дали такой неопредѣленный результат между Вологодским, Пепеляевым и Третьяковым, что, не получив большинства, премьером остался... все тот же Вологодскій.

ГЛАВА XXVII.

Вопрос о премьерѣ.—„Подводная война“ —„Крестоносцы“.—Вопрос об эвакуаціи Омска Колебанія —Вѣсти о Совѣтской власти из Тобольска.—Эвакуація Г. Э. Совѣщанія.—В пути.—Вѣсть о паденіи Омска —Иркутск и эс-эры.—Чешскій меморандум.—Оторванность Колчака.—Пепеляев и земцы.—Новый Совѣт Министров.—Засѣданіе Г. Э. Совѣщанія 8 декабря.

1.

Разработка Положенія о государственном Земском Совѣщаніи подвигалась вперед туго. Одним из тормазов служило упорное отстаиваніе Совѣтом министров своего права на совмѣстное с Верховным правителем законодательство. В концѣ-концов нашли, как будто, выход в том, что закон из Гос. Зем. Совѣщанія направляется в совѣт министров и, в случаѣ разногласія между ними, Верховный Правитель утверждает один из двух проектов.

Параллельно с треніями в этой области шли тренія в вопросѣ о смѣнѣ совѣта министров и, в частности, премьера. Что Вологодскій политически выдохся, сознавали всѣ. Но в вопросѣ о том, кѣм его замѣстить, мнѣнія сильно расходились. «Лѣвая» общественность выдвигала кандидатуру С. Н. Третьякова. Как бывшій член Вр. Правительства Керенскаго (послѣдняго состава), он мог импонировать буржуазіи, как прямой ея представитель, с одной стороны, и радикальным кругам — с другой. Но эта кандидатура почему-то не подходила адмиралу Колчаку. Он ея рѣзко не отклонял, но по слухам, каждый раз, когда ему эту кандидатуру предлагали, он спрашивал у предлагающаго, а каково его мнѣніе о кандидатурѣ Пепеляева. А эта фигура пріобрѣла такой одіум в глазах широких кругов, что общественность, независимо от политических лагерей, считала кандидатуру Пепеляева совершенно непріемлемой. При таких условіях продолжал занимать мѣсто премьера Вологодскій, в общественных же кругах все росло недовольство...

А военныя дѣла шли все хуже и хуже. Опять пришлось оставить Тобольск, куда еще недавно ѣздил Колчак. Адмирал все меньше сидѣл в Омскѣ, все чаще ѣздил на фронт. К этим поѣздкам населеніе относилось совершенно опредѣленно. «Ну, теперь поѣхал Петропавловск сдавать», говорили в городѣ. И, дѣйствительно, каждая поѣздка адмирала сопровождалась тѣм, что, вскорѣ послѣ его отъѣзда, селеніе или город переходили в руки совѣтских войск. Характер борьбы получился особенный. Она в офицерских кругах получила названіе «подводной войны». «Красные» подвигались вперед на **подводах**, нагоняя отступающих пѣшим порядком «бѣлых».. Примѣру «красных» послѣдовали и «бѣлые». Отбив и задержав противника, «бѣлые» заставляли крестьян отвезти их на подводах верст за 50-60 и останавливались в ожиданіи противника. Вернувшиись домой, крестьяне на тѣх же подводах были вынуждены везти подошедших «красных» в догонку «бѣлым.»

Вѣсти доходили до населенія в Омскѣ, и населеніе считало приход большевиков в Омск неминуемым. Оффиціальная и оффиціозная пресса заявляла, конечно, очень твердо, что об эвакуаціи Омска не может быть и рѣчи, но в это никто не вѣрил. Издан был приказ о воспрещеніи выѣзда из Омска лиц, моложе извѣстнаго возраста. Формировались отряды «Крестоносцев» и в том числѣ отряды мусульман с полу-

мѣсяцем на их знаменах. Борьбѣ придавался характер религіозный. Но все это носило для мало-мальски наблюдательнаго человѣка характер бутафорскій. Вѣры в успѣх не было, и разговоры об эвакуаціи не прекращались.

В Тобольскѣ сосредоточилась масса бѣженцев из буржуазіи и интеллигенціи с Урала и из Тюмени. Недостаток перевозочных средств позволил вывезти из Тобольска в Омск и Томск только очень незначительную часть этих бѣженцев, при наступленіи на Тобольск красной арміи. Остававшіеся тщетно просили об эвакуаціи их. Они, вполнѣ естественно, опасались, что с ними, как с бѣжавшими от совѣтской власти расправятся.

Но вот, совѣтскія войска побыли в Тобольскѣ больше мѣсяца, ушли, и у бѣженцев пропала охота эвакуироваться, когда вторично началась эвакуація Тобольска. Настолько корректно держала себя в Тобольскѣ совѣтская власть. Она совершенно не преслѣдовала бѣженцев, да и мѣстные жители не страдали от нея. Даже с мѣстным духовенством, и в том числѣ с архіереем, у совѣтской власти установились корректныя отношенія. О поведеніи красноармейцев, как трезвых и подчеркнуто-вѣжливых, доходили самые лестные отзывы.

Что это означало? То-ли, что на совѣтскую власть произвели впечатлѣніе совершенно опустѣвшіе от буржуазіи, а в особенности от интеллигенціи города Урала? То-ли, что совѣтская власть рѣшила дѣйствовать на психологію Сибири вѣстями о ея кротости?

Что бы это ни означало, психологическое дѣйствіе извѣстія из Тобольска оказали на Омскую интеллигенцію огромное. Не бездѣйствовали в этом направленіи и большевитскіе агенты в Омскѣ. (Многіе из них проникали в Омск под видом возвращающихся из Германіи военнопlѣнных).

И эти агенты сообщали отдѣльным лицам из интеллигенціи, даже причастным к политической противобольшевитской работѣ, что они могут оставаться на мѣстѣ спокойно без опасенія репрессій. Подкрѣпляли они свои слова ссылкой на факты—на Тобольск. Это дѣйствовало, и тѣм болѣе, что существующій режим в значительной мѣрѣ опротивѣл. Лица свободных профессій рѣшали в случаѣ эвакуаціи оставаться на мѣстѣ: тяжелое положеніе бѣженцев из других мѣст и полное отсутствіе помощи им со стороны власти мало располагали к тому, чтобы бросать насиженныя мѣста. Эвакуироваться в случаѣ чего, рѣшали только чиновники, и то главным образом из бѣженцев, если их эвакуируют на казенный счет.

Омск эвакуируется.. Омск обороняется во что-бы то ни стало.. Так мѣнялись настроенія; было уже отдано распоряженіе об эвакуаціи, затѣм оно было отмѣнено, затѣм опять пошли колебанія. Рѣшили однако создать «запасный центр» в Иркутскѣ, передвинуть туда Г. Э. Совѣщаніе и совѣт министров. В концѣ октября занятія Г. Э. Совѣщанія были прерваны указом Верховнаго Правителя, и мы готовились к переѣзду в Иркутск. Делегація Г. Э. Совѣщанія в составѣ Червен-Водали, Щукина и Березовскаго посѣтила адмирала, принесла извѣстіе, что адмирал останавливает свой выбор премьера на Пепеляевѣ, возвращенія котораго он ждет из Сибири. Что касается Омска, то Дидерихс считает болѣе разумным эвакуировать его и начинает отводить армію.

Как смотрѣли на положеніе мы?— О военной обстановкѣ мы судить не могли, не будучи ни спеціалистами, ни в курсѣ дѣла. Общественная обстановка говорила за то, что карта бита.

— Ѣдете с нами в Иркутск, спросил я у Букейханова.

— Нѣт, отвѣтил он, я ѣду домой, в степь; лучше умирать дома, у себя.

Нѣкоторые из членов Г. Э. Совѣщанія, принадлежавшіе к Томской профессурѣ, ѣхали опредѣленно в Томск с твердым намѣреніем не ѣхать в Иркутск: незачѣм!

Числа второго ноября мы погрузились на Вѣткѣ. Мы ѣхали «богато»: для членов Г. Э. Совѣщанія был от-

веден один «классный вагон»... третьяго класса. Остальной состав поѣзда для высших чинов разных вѣдомств и для оффиціальной и оффиціозной прессы был из теплушек. А рядом красовался дѣйствительно богатый состав из вагон-салонов для гг. министров. Они должны были выѣхать вслѣд за нами.

Суток трое мы околачивались на путях, пока нас передвинули на магистраль да пока выпустили. Кто-то тормазил. С нашим поѣздом шла какая-то игра. Пріѣзжал провѣдать нас Гинс (он ѣхал с министрами). Выяснилось, что кто-то из высоких военных, обиженный за то, что в поѣзд отказались принять близкаго ему офицера, заявил: «посмотрим, как этот поѣзд пойдет». Пришлось прибѣгнуть к личному вмѣшательству Колчака.

Четвертаго или пятаго ноября мы, наконец, выѣхали. В это время генерал Дидерихс вдруг был смѣщен, всѣ распоряженія его об эвакуаціи были отмѣнены, главнокомандующим был назначен генерал Сахаров. Омск рѣшено защищать! Но мы прожили трое суток на вокзалѣ! И малоопытному глазу было видно, что при таких порядках не до обороны.

2.

Нѣсколько дней задержки нашего поѣзда на станціи имѣли свои послѣдствія: мы очутились в «лентѣ». Из опыта эвакуаціи Урала мы знали, чѣм это грозит. Поѣзд за поѣздом, с незначительными промежутками, подвигается крайне медленно один за другим, рискуя остаться то без воды, то без топлива, то без паровоза. При долгой затяжкѣ тут можно ожидать, чего угодно. И для многих из поѣздов, как вышедших из Омска незадолго до нашего, так и позже, «лента» закончилась трагически.

Выбиться из ленты, добиться перевода нашего поѣзда на лѣвый путь, было первоочередной задачей. В этом заинтересована была и власть, ибо наш поѣзд вез впереди нея «ея» общественность, ея прессу. Но по лѣвому пути нам шли навстрѣчу воинскіе поѣзда, еще недавно отправленные из Омска, в виду рѣшенной эвакуаціи его, а теперь возвращающіеся неожиданно обратно, в виду внезапнаго рѣшенія защищать Омск.

Только на пятый день пути мы выбились на привиллегированный, лѣвый, путь. Мы были однако далеко не первыми, и, значительно обгоняя поѣзда, шедшіе в лентѣ, мы задерживались на станціях. Мы двигались медленно.

Мы были оторваны от внѣшняго міра: ни газет, ни извѣстій. Свободнаго времени было много. Неудивительно поэтому, что по вечерам возникали дебаты на политическія темы, превращаясь в миніатюрные митинги. В них неизбѣжно выявлялись «правые» и «лѣвые». Моя позиція оставалась неизмѣнной: раз народоправства нѣт, то большевистскими методами большевиков не побѣдить; при одинаковых методах управленія, сочувствіе населенія — за большевиками, и антибольшевистская карта бита. При таких условіях я перестаю вѣрить в успѣх вооруженной борьбы с большевиками.

На правой сторонѣ твердо держался своей позиціи Н. К. Волков: нѣт пути, кромѣ вооруженной борьбы с большевиками, и на этом пути нужно итти с кѣм угодно, не исключая атамана Семенова. Крайней правой являлся Устрялов. О большевиках он говорил с пѣной у рта и отказывался понимать, как можно подходить к вопросу исключительно разсудочным путем, как я. «Борьба не на живот, а на смерть: борьба — до конца», вот что страстно проповѣдывал Устрялов.

Интересныя свѣдѣнія о царской семьѣ сообщил нам в пути Панкратов, бывшій при Вр. Правительствѣ комиссаром по надзору за царской семьей, во время ея ссылки в Тобольск. Панкратов относился к царской семьѣ мягко, сострадательно (заключеніе в Шлиссельбургѣ не озлобило его), а к молодежи и с симпатіей. Между прочим, он разсказал нам, что от него впервые услышали царскія дочери поэмы Некрасова, и очень удивлялись, что существуют такіе хорошіе русскіе поэты.

Газеты в пути, выходящія под стро-

гой военной цензурой, были пустыя. Все, что я видѣл из Томских, Красноярских и других газет, это — то, что Екатеринбуржцы и Пермяки разсѣяны по всей линіи Сибирской желѣзной дороги. Не помню, гдѣ мы узнали о паденіи Омска, внезапном, безтолковом. Помню, что это никого из нас не потрясло, не поразило неожиданностью. Мысль направлялась вперед. Возникал вопрос: пріѣдет правительство в Иркутск в качествѣ правительства, или застанет там уже другое?

На разстояніи полусуток пути от Иркутска (под конец мы шли уже быстро) нас обогнал на разъѣздѣ поѣзд Совѣта Министров. В ярко освѣщенном вагон-салонѣ видны были знакомыя фигуры. И у нас в вагонѣ нѣкоторые высказывали мысль, что, может быть, лучше, что мы ѣдем, хотя и с меньшим комфортом, но не с ними: кто знает, какая встрѣча ждет их?

3.

В Иркутск мы прибыли 18 или 19 ноября. Оказалось, что власть правительства Колчака еще существует. Первым затрудненіем было найти себѣ пристанище. Иркутск был перенаселен донельзя. К счастью, благодаря тому, что в квартирѣ высланнаго административным порядком моего отдаленнаго родственника М. А. Кроля, стараго эс-эра, нашлась комната, я болѣе или менѣе сносно устроился.

Р. И. Кроль, как и ея муж, была партійной работницей, и ее часто навѣщали эс-еры. В этой же квартирѣ занимали комнату редактор «Чехо-Словацкаго Дневника», Павел, и его помощник, Гербек. Я попал таким образом в дом, богатый информаціей.

Иркутск был городом сугубо эс-еровским. Разница между Иркутском и Омском давала себя чувствовать сразу. Политическіе ссыльные, осѣдавшіе в Иркутскѣ в теченіе столѣтія, создали из него бойкій, самостоятельный центр политической мысли. И каждая политическая группировка имѣла здѣсь настоящее свое лицо: эсер был эсером, меньшевик—меньшевиком, кадет — кадетом. Господствующее положеніе занимали эсеры. Несмотря на новый избирательный закон Колчака, основанный на мажоритарной системѣ, большинство в Иркутской Городской Думѣ было соціалистическим с преобладаніем эсеров.

Вполнѣ понятно, что, при таких условіях, об удовлетвореніи иркутян правительством Колчака не могло быть и рѣчи. Тут, наоборот, было рѣзко отрицательное отношеніе. И оно было таковым почти во всѣх слоях, не исключая буржуазіи: пусть приходит, кто угодно, как угодно; только—не то, что есть! Такому настроенію способствовали еще усиленные слухи, что большевики круто измѣнились, что они теперь —не тѣ, что были. Прекращеніе гражданской войны, примиреніе с большевиками — таков был лозунг момента в Иркутскѣ. Выражать открыто такія настроенія, при военном положеніи и цензурѣ, было, конечно, невозможно.

И вот, при такой атмосферѣ, 13 ноября чехами был вручен генералу Жанену и представителям остальных «союзников» рѣзкій меморандум. В нем они между прочим заявляли:

«Под защитой чехо-словацких штыков, мѣстные русскіе военные органы позволяют себѣ дѣйствія, перед которыми ужаснется весь цивилизованный мір. Выжиганіе деревень, избіеніе мирных русских граждан цѣлыми сотнями, разстрѣлы без суда представителей демократіи по простому подозрѣнію в политической неблагонадежности — составляют обычное явленіе, и отвѣтственность за все перед судом народов всего міра ложится на нас: почему мы, имѣя военную силу, не воспротивились этому беззаконію». Отсюда был вывод, что, при невмѣшательствѣ во внутреннія русскія дѣла, чехи являются потворщиками преступленій, и требованіе, как немедленной эвакуаціи чехов на Восток, так и предоставленія им «свободы к воспрепятствованію безправію и преступленіям, откуда бы они ни исходили».

Документ этот был за подписью Павлу и Гирсы. Документ имѣл, конечно, чисто дипломатическое значеніе. Во пер-

вых, чехи чувствовали, что прослойка между ними и наступающей красной арміей очень непрочна: бѣлая, правительственная армія, уже не представляла собой серьезной силы, с которой можно было бы считаться; а между нею и чехами, охранявшими желѣзнодорожный путь, были польскія и сербскія части, на которыя чехи смотрѣли, как на далеко не серьезную опору. Самим же вести арьергардные бои серьезнаго свойства солдаты—чехи отнюдь не были расположены, а принуждать их к этому их командованіе было бы безсильно, если-бы даже хотѣло. С другой стороны, в Чехо-Славіи, только что возродившейся к самостоятельной государственной жизни, дух царил радикально-демократическій, во главѣ ея стоял соціалист Массарик, и вернуться в Чехо-Славію с именем «антисоціалистов» вождям арміи было невыгодно. «Гайда, котораго мы признали реакціонером, вернется домой послѣ владивостокских событій демократическим героем, а мы реакціонерами? — Нѣт, этого мы допустить не могли», — так говорили позднѣе чехи, и в этом — один из ключей к меморандуму. Кличка «реакціонеров» была неудобна, а в октябрѣ Иркутская Городская Дума мотивированно отказалась привѣтствовать чехов по случаю годовщины их республики, обвиняя чехов в разстрѣлах и безчинствах при усмиреніи возставшаго населенія в желѣзнодорожной полосѣ. Меморандум, оффиціально опубликованный, имѣл для чехов значеніе дипломатическаго документа исключительно в их собственных интересах. Говорить серьезно о невмѣшательствѣ чехов в наши внутреннія дѣла, само собою разумѣется, нельзя было.

Меморандум был опубликован чехами в «Чехо-Словацком Дневникѣ» и его телеграммах на русском языкѣ. При полной подавленности русской прессы, появившійся меморандум был встрѣчен широкими кругами, как отзвук их собственных чувств, независимо от источника его выявленія, весьма сочувственно.

Экспансивный адмирал Колчак реагировал на меморандум по своему. Не входя ни в какія сношенія с Совѣтом Министров, он телеграфировал генералу Жанену протест против меморандума и требованіе принять мѣры к тому, чтобы Чехо-Славія замѣстила Павлу «представителем, умѣющим прилично держаться». По слухам, генерал Жанен сообщил в отвѣт, что в виду недопустимаго тона телеграммы Колчака, он отказывается дать ей ход. Телеграмма Колчака попала, однако, помимо генерала Жанена, в руки чехов, и она подняла в их средѣ бурю негодованія уже лично против адмирала. Уже через нѣсколько дней стало извѣстно, что поѣзд адмирала подвигается крайне медленно, так как чехи не дают для него паровозов. Дошел слух, что на одной станціи, когда адмирал потребовал лично к себѣ чешскаго коменданта по вопросу о паровозѣ, от коменданта послѣдовал отвѣт: «среди нас нѣт людей, умѣющих прилично держаться; пусть адмирал подождет, пока пришлют подходящих людей из Праги».

Верховный Правитель был оторван от Совѣта Министров. Законодательные акты, в том числѣ и о Государственном Земском Совѣщаніи, оставались без утвержденія. Обостреніе отношеній власти с чехами окрыляло эсеров. Вѣсти с фронта, доставляемыя чехами, говорили о том, что фронта нѣт, а есть сумбурное бѣгство. Настроеніе населенія в отношеніи правительства ухудшалось с каждым днем. Надо было дѣйствовать, быстро и рѣшительно перемѣнив курс политики. Но это, конечно, было не по плечу совершенно расхлябавшемуся премьеру, Вологодскому.

За дѣло взялся энергичный В. Н. Пепеляев. Он, видимо, понял положеніе и сдѣлал попытку столковаться с мѣстными эсерами, предложив им коалицію. На совѣщаніи с эсерами, на просьбу Пепеляева высказаться откровенно, предсѣдатель губернской Земской Управы Ходукин указал Пепеляеву, что он, Пепеляев, является самой одіозной фигурой, а потому меньше всего эсеры могли бы пойти в кабинет, возглавляемый им. Затѣм эс-еры отвергали зако-

но совѣщательный орган, требовали законодательнаго Земскаго Собора и отрицали моральное право правительства Колчака, потерявшаго всякое довѣріе населенія, даже на созыв такого Собора.

При отказѣ эсеров войти в коалицію, возглавленіе кабинета Пепеляевым было еще болѣе опасно. Его имя было синонимом реакціи. Совѣт Министров это понимал, но он считался с адмиралом, для котораго был пріемлем только Пепеляев.

Программа, выдвинутая Пепеляевым, несомнѣнно, порывала с прошлым. Главными ея положеніями были: 1) управленіе исключительно через посредство Совѣта Министров, приглашаемых премьером по его выбору; 2) отказ от системы военнаго управленія; 3) борьба с произволом и беззаконіем, кѣм бы они ни чинились; 4) расширеніе прав Государственнаго Земскаго Совѣщанія; 5) сближеніе с оппозиціей; 6) сближеніе с чехо-словаками.

В кабинет Пепеляева вошли С. Н. Третьяков, в качествѣ замѣстителя предсѣдателя Совѣта и министром иностранных дѣл, А. А. Червен-Водали — управляющим внутренними дѣлами (министром считался Пепеляев) и П. А. Бурышкин — министром финансов. Послѣдній мало вѣрил в возможность удачнаго исхода и шел, скрѣпя сердце, не желая отойти от двух своих друзей. С Третьяковым я был мало знаком, поэтому не знаю, как он себя чувствовал. Что касается Червен-Водали, то он или вѣрил в возможность успѣха дѣла или притворялся, идя на жертву.

Тотчас по назначеніи (в концѣ ноября), Пепеляев поѣхал навстрѣчу адмиралу Колчаку, с которым у него были перед этим довольно рѣзкія бесѣды по прямому проводу, а Третьяков рѣшил выступить с деклараціей перед Г. Э. Совѣщаніем, использовав его, как политическую трибуну.

Адмирал с трудом согласился на указ о возобновленіи засѣданій Г. Э. Совѣщанія, и 8 декабря оно открылось. Кворум едва набирался. Зато мѣст для публики не хватало.

Декларація Третьякова была блѣдной. Сильна была та часть, в которой он критиковал прошлое Омской власти.

Первому с отвѣтом на декларацію пришлось выступить мнѣ, и, при всем желаніи смягчить свою рѣчь, я не мог не сказать Совѣту Министров горькой правды:

«Я не могу не начать с констатированія того печальнаго факта, что Правительство выступает перед Экономическим Совѣщаніем, а не перед народным представительством. Мы — орган совѣщательный, не могущій отражать желаній и потребностей страны. Мы скорѣе всего — комиссія экспертов по экономическим вопросам, при обсужденіи которых на каждом шагу сталкиваешься с вопросами внутренней и внѣшней политики.

Нам, членам Совѣщанія, с первых шагов стало ясно, что Совѣщаніе не может замѣнять собой народное представительство. Не имѣя поддержки в народѣ, оно не может быть и опорой правительства.

Мы устраивали подчас закрытыя частныя совѣщанія, но то были собранія отдѣльных граждан, высказывающих свои личныя мнѣнія. Общество не знало, что мы в этих частных совѣщаніях говорим, что мы говорим правительству. И правительство подчас, когда ему становилось туго, прибѣгало к нашим частным совѣщаніям. Но стоило хоть чуть чуть улучшиться положенію, как оно старалось обойтись без этого плохенькаго суррогата народнаго представительства. Нашим требованіем созыва дѣйствительнаго народнаго представительства пренебрегали.

Если-бы перед нами выступил старый Совѣт Министров, я бы ему отвѣтил: вы не имѣете права выступать перед нами по политическим вопросам, и мнѣ с вами говорить не о чем.

Но перед нами выступает новый Совѣт. Есть-ли разница между ним и старым? Нѣкоторыя имена в новом кабинетѣ являются для меня гарантіей, что разница между новым и старым кабинетом есть. Когда министр Третьяков нам говорит, что новый кабинет будет «пра-

вительством чистой совѣсти», то я ему вѣрю и вѣрю, что ни он, ни Бурышкин, ни Червен-Водали не будут держаться за портфели и уйдут, если убѣдятся, что им своей программы не провести. Меня не пугает даже, что во главѣ правительства стоит В. Н. Пепеляев. Я увѣрен, что В. Н. Пепеляев, при свойственной ему искренности, с таким же рвеніем будет ломать реакціонную систему управленія, с каким он ее насаждал. Он — из людей, которые учатся на своих собственных ошибках, а на чем поучиться, у него есть. И этому кабинету я отвѣчаю.

Много перенесло населеніе Пермской губерніи от большевиков и с энтузіазмом встрѣтило сибирскую армію. Но это настроеніе длилось не долго. Оно скоро перешло в недовѣріе, даже в ненависть, благодаря исключительно агентам власти. Она страдала дальтонизмом. Вчерашніе антибольшевики очутились в тюрьмах; систематически и безнаказанно процвѣтало казнокрадство; шла порка. Крестьянину стало безразлично, как называется тот, кто его порет: комендант или комиссар. И мы видим, что лойальнѣйшее из земств, Пермское, требует немедленнаго созыва народнаго представительства, прекращенія своеволія и возстановленія гражданских прав. Если таковы стали настроенія в Пермской губерніи, прошедшей полный курс большевизма, то чего же ожидать в Сибири, совершенно не испытавшей его?

Из рѣчи министра я не вижу, чтобы Земскому Совѣщанію предполагалось дать законодательныя права немедленно. Между тѣм, политическій разум требует категорически немедленнаго изданія такого закона. Этим, может быть, еще будет вырвано жало у тѣх, кто питает другіе замыслы. Теперь — не время торговаться и ждать выясненія физіономіи будущаго Земскаго Совѣщанія, чтобы тогда рѣшить, стоит ли дать ему законодательныя права. Законодательный орган должен собраться возможно скорѣе.

Если министр Третьяков говорит, что нужны административныя реформы, то я скажу: необходима административная революція! Негодные администраторы должны быть устранены, преступные — преданы суду! Безсмысленные аресты и ссылки должны быть немедленно отмѣнены! Правительство должно проводить политику грубо - демократическую, чтобы населеніе ясно увидѣло новую эру, совершенно порывающую с прошлым!

Если говорить о помощи союзников, то она пріемлема только тогда, когда она совпадает с симпатіями населенія, и при условіи сохраненія русскаго суверенитета. Правительство не должно опираться на штыки, ненавистные населенію, как это было с правительством Скоропадскаго, чтобы не притти к такому же печальному концу.

Улучшеніе финансов возможно также лишь при честной демократической политикѣ. От огромнаго количества кредиток можно избавиться лишь принудительным займом, что доступно лишь правительству, пользующемуся довѣріем и поддержкой населенія. В противном случаѣ такая мѣра может вызвать только бунт, не дав ничего.

Красивых слов мы слышали много. Теперь — пора рѣшительных дѣйствій, но их пока не видно, хотя каждый час дорог. До сих пор еще не освобождены безсмысленно арестованные и сосланные, а явно преступные администраторы суду еще не преданы, хотя новый кабинет имѣл для этого цѣлую недѣлю времени.

Я вѣрю в искренность правительства, но не убѣжден, что оно располагает реальной властью для проведенія своей программы. Злые языки говорят, что, кромѣ двух оффиціальных властей, военной и гражданской, существует еще и третья — безотвѣтственная!

Если у вас есть реальная власть, проявите ее возможно скорѣе. Населеніе ненавидит в равной мѣрѣ лѣвый и правый большевизм. Истинный демократизм — лучшее противоядіе от большевизма. Но торопитесь, ибо бьет двѣнадцатый час»...

Из выступивших послѣ меня ораторов, ни один не заикнулся в защиту старой системы: она была слишком явно

битой. Раздался одинокій голос представителя кооперации Емелина в пользу мира с большевиками, но он был покрыт рѣзкой репликой предсѣдательствовавшаго Гинса.

Засѣданіе не вышло импозантным. Изобразить из Г. Э. Совѣщанія народное представительство не удалось. Не было в нем, и не могло в нем быть надлежащей авторитетности народных представителей. Правительство висѣло в воздухѣ...

ГЛАВА XXVIII.

Надежды на японцев и на атамана Семенова.—Назначеніе Семенова главнокомандующим.—Рост недовольства.—Совѣщаніе земцев.—Запрещеніе собранія.—Возстаніе в Черемховѣ.—Возстаніе в Глазковѣ.—Отношеніе „союзников".—Бесѣда с Павлу.—Возстаніе в Иркутскѣ.—Переход власти к Политическому Центру.—Выдача адмирала Колчака.—Арест Червена-Водали.—Положеніе Политическаго Центра.—Передача власти большевикам.—Разстрѣл адмирала Колчака.—Отъѣзд на Восток.—Рѣшеніе отойти от политической дѣятельности.

1.

В своей рѣчи я отвѣчал на упоминаніе Третьякова о помощи союзников. Это упоминаніе было так же не случайно, как не случайно было и то, что в мѣстах, отведенных дипломатическим представителям, сидѣл только японскій генерал Фукуда со своим адъютантом.

Вопрос о помощи японцев в борьбѣ с совѣтской властью был не новым; о непосредственном вооруженном участіи японцев были разговоры еще лѣтом 1918 года, когда на японцев расчитывали в образованіи противогерманскаго фронта; возобновились разговоры о помощи японцев в іюлѣ — августѣ 1919 года, по мѣрѣ ухудшенія положенія на фронтѣ и выясненія отхода чехов от борьбы с большевиками. Подробностей мы не знали, но, по слухам, переговоры с японцами велись; от этих пертоворов, однако, ничего не ожидали даже сторонники всяких уступок, учитывая японофобію адмирала Колчака. С другой стороны, японцы явно поддерживали в Читѣ независимость и самостоятельность атамана Семенова, что далеко не содѣйствовало Омску, а, наоборот, разваливало его власть.

Теперь, когда происходила на западѣ от Иркутска катастрофа, когда доносились слухи, будто Троцкій, пріѣхавшій в Омск, заявил: «а остальную Сибирь мы возьмем по телеграфу», взоры правых кругов обратились в сторону единственной реальной силы, могущей оказать помощь, в сторону японцев. Расчет при этом основывался не на японцах, которые еще когда-то откуда-то должны притти, а на японцах, которые имѣются тут на лицо, имѣют гарнизон в городѣ и охраняют желѣзнодорожный путь и тунели от Иркутска до Маньчжуріи. Легенда добавляла к этому, что, кромѣ японскаго гарнизона, в городѣ имѣется еще масса японцев штатских, которые в любой момент могут оказаться военными.

Если справа на японцев смотрѣли с упованіем, то слѣва их ненавидѣли. До Иркутска вопрос о японской интервенціи был частью одного общаго вопроса об иностранной интервенціи. Здѣсь, в Иркутскѣ, вопрос получал характер конкретный и психологическій. К нему подходили с точки зрѣнія національнаго чувства, и враждебность широких кругов населенія к японцам была совершенно ясной. Им ставилась в вину жестокая расправа с сельским населеніем, возстававшим в предѣлах территоріи желѣзной дороги. Даже лично к адмиралу Колчаку проявлялась особенная враждебность за телеграфный приказ, приписывавшійся ему: «расправляться по-японски», т.-е. совершенно уничтожать бунтующія деревни.

Для меня такая ненависть к японцам, ненависть непосредственная, была совершенно новым явленіем, но она рѣзко бросилась в глаза и я не мог не учитывать ея и не указывать на опасность даже расчета власти на японскую по-

мощь. Один расчет власти на эту помощь уже возбуждал населеніе против власти.

Второй реальной силой, на которую власть возлагала надежды, был атаман Семенов. Адмирал Колчак назначил его, совершенно неожиданно для Совѣта Министров (так увѣряли по крайней мѣрѣ министры) главнокомандующим всѣми вооруженными силами Дальняго Востока. Это сразу подбодрило правыя группировки, видѣвшія в атаманѣ Семеновѣ болѣе яркое выявленіе диктатуры, чѣм в самом адмиралѣ: в Читѣ военная диктатура была неограниченной, и правые в такую «силу» вѣрили. Но чѣм пріемлемѣе была Чита для правых, тѣм одіознѣе она была для лѣвых: она была для них символом реакціи. О читинских порядках ходили самые невѣроятные слухи, и в отношеніи Забайкалья не было такого слуха о расправах власти с населеніем, которому бы не повѣрили. Особенно славилась Даурія, гдѣ полным хозяином был барон Унгерн-Штернберг, о застѣнках котораго создавались прямо легенды. Так, дошел слух, что у бывшаго Начальника Края на Уралѣ, Посникова, в Дауріи нашли в вагонѣ скрытое им золото, и что не только конфисковали золото, но и дали 50 розог Посникову. Провѣрить этот слух и установить истину мнѣ не удалось, но в Иркутскѣ этот слух не возбуждал в публикѣ ни малѣйшаго сомнѣнія. Слѣва о Читѣ говорили с ужасом и ненавистью.

Назначеніе атамана Семенова главнокомандующим обострило еще болѣе отношеніе слѣва к правительству. А тут, через нѣсколько дней послѣ засѣданія Г. Э. Совѣщанія, Третьяков выѣхал в Читу, в чем усмотрѣли стремленіе Совѣта Министров договориться с атаманом.

Недовольство росло, а верхушки власти налицо не было: Пепеляев был гдѣ-то в поѣздѣ с Верховным Правителем, никак не могущим доѣхать; Третьяков был в Читѣ. В Совѣтѣ Министров предсѣдательство было передано Червен-Водали — даже не министру, а товарищу министра с правами управляющаго вѣдомством.

2.

Эвакуація Омска отразилась на выпускѣ кредиток: большая часть станков остановилась. А ухудшеніе положенія власти понижало и без того низкій курс рубля. Иркутск, питающійся хлѣбом и мясом из Маньчжуріи, особенно сильно ощущал вліяніе паденія курса рубля. Цѣны на все росли, кредитных знаков требовалось больше, а их было мало. Правительство выпустило в обращеніе на правах кредиток билеты выигрышнаго займа, заготовленные в Америкѣ во время правительства Керенскаго. Но и этого не хватало. Стали выдавать деньги из Государственнаго Банка в ограниченных суммах. К политическому недовольству одних прибавлялось все болѣе и болѣе экономическое недовольство почти всѣх остальных. Недовольство переходило в открытый ропот.

При таком положеніи вещей Губернская Земская Управа числа 18 — 20 декабря созвала на совѣщаніе всѣх пребывающих в Иркутскѣ земских и городских гласных послѣдняго созыва.

Гласных из весьма разнообразных мѣст Россіи оказалось не мало. Совѣщаніе было импонирующим. В числѣ прибывших оказались и Червен-Водали с Бурышкиным. Предсѣдателем был избран А. Н. Алексѣевскій. Недавно вышедшій из тюрьмы, с отпущенной бородой, он был почти неузнаваем, хотя с момента нашего послѣдняго свиданія в Омскѣ прошло не больше четырех мѣсяцев.

Как быть дальше? Таков был основной вопрос, поставленный иркутскими земцами. — И они выдвигали положенія: во-первых, замѣну власти новой; во-вторых, прекращеніе вооруженной борьбы с совѣтской властью и, наконец, связанное со вторым — созданіе государства-буфера между Японіей и Совѣтской Россіей, независимаго от послѣдней. На это, утверждали земцы-иркутяне, пойдут и совѣтская власть, и Японія: первая — из опасенія неудачнаго исхода вооруженной борьбы с Японіей и потери престижа внутри страны; вторая — из желанія избѣгнуть неминуемой войны при непосредственном сосѣдствѣ

с Совроссiей и возможных из-за этого осложненiй с Америкой. Одним словом, завѣряли нас, принципiально созданiе «буфера» не встрѣчает препятствiй.

Пренiя по вопросу развились широко. Принял в них участiе и я, и тщетно старался убѣдить собранiе, что никакого буфера не создать, что эсерам власти не удержать, что фактически все закончится приводом эсерами за собой большевиков, являющихся самым опасным из врагов народоправства, ибо они его отрицают идеологически.

Взяло верх эсеровское теченiе. Мало того, был поднят вопрос о привлеченiи к участiю в совѣщанiи представителей профессiональных союзов. Тщетно доказывал я, что нѣт надобности в собранiе гласных, куда входят и гласные-рабочiе, вводить еще особое рабочее представительство. Вопрос был рѣшен положительно и самое собранiе рѣшено было сдѣлать публичным.

23 декабря с разрѣшенiя Червена-Водали собранiе должно было состояться в городском театрѣ. Гласных собралось человѣк полтораста; для них был отведен партер. Публика переполняла всѣ ярусы. Особая ложа была занята дипломатическими представителями. Перед самым открытiем засѣданiя оно внезапно было запрещено. Командующiй войсками генерал Артемьев, ссылаясь на военное положенiе и на то, что разрѣшенiе должно было быть испрошено у него, чего сдѣлано не было, приказал собранiе закрыть.

Разошлись совершенно спокойно. Но запрещенiем собранiя наносился удар по Червену-Водали, разрѣшившему его. Вскрывалось, что Совѣт Министров, с которым могли еще вступать в переговоры, фактически совершенно безвластен. Запрещенiе собранiя истолковывалось как «разгон» земцев. Вопрос о путях выхода из положенiя изымался из области открытых дебатов, а, стало быть, и критики тѣх или иных путей. Он переносился в область скрытую, в область конспирацiи, в подполье, куда критикѣ умѣренных кругов доступа не было. Лѣвых земцев как бы умышленно толкнули с пути средняго, к которому они звали всѣх земцев, на путь единенiя с крайними лѣвыми. И это дѣлали (конечно, безсознательно) в такой момент, когда в Черемховѣ — угольных копях вблизи Иркутска, питающих топливом желѣзную дорогу и город — только что, 21 декабря, уже произошел переворот, а попасть туда войскам из Иркутска нельзя было, так как произошла изумительная «случайность»: «ледоходом» был сорван как раз в тот же день мост через Ангару.

Событiя не замедлили и в городѣ. 24 декабря произошло возстанiе в отрѣзанном от города, благодаря отсутствiю моста, предмѣстьи его, Глазковѣ, гдѣ находится вокзал. Власти в городѣ бросились арестовывать заговорщиков, что в отношенiи 17 человѣк и удалось. Повстанцы отвѣтили со своей стороны арестом высших чинов, живших в Глазковѣ, в том числѣ — министра земледѣлiя Петрова.

25 декабря стало извѣстно, что власть рѣшила на слѣдующiй день начать артиллерiйскiй обстрѣл Глазкова и предупредила об этом имѣвших пребыванiе на путях при вокзалѣ представителей «союзников», которые могли попасть под обстрѣл, а на это послѣдовал отвѣт генерала Жанена, что он в таком случаѣ прикажет обстрѣливать город. Такое заявленiе генерала, стоявшаго во главѣ всѣх «союзных» войск, сразу опредѣляло положенiе: «союзники» больше правительства адмирала Колчака не поддерживали. Повстанцы получали всѣ преимущества: желѣзнодорожный путь был в их руках.

Такое отношенiе «союзников» для меня не было неожиданностью. Приблизительно за недѣлю до этих событiй я побывал у Павлу, который уѣзжал, будучи отозван: он оказывался для чешскаго правительства слишком «правым» по моменту. Теперь, повидимому, нужен был представитель с болѣе лѣвым уклоном, болѣе прiемлемый для эсеров, а, может быть, и болѣе приспособленный к переговорам с наступающими большевиками. Павлу был в минорном настроенiи и опечален результатом начатой в свое время чехами с таким

энтузіазмом борьбы против большевиков. Он продолжал стоять на точкѣ зрѣнія заинтересованности Чехо-Славіи в сильной Россіи, чего он не ждал от нея при большевиках. При всем том он считал, что карта правительства Колчака бита, и изумлялся, как правительство этого не понимает, и само не ищет себѣ замѣстителя: «Всюду принято, что правительство само ищет, кому передать власть, раз почувствовало, что не имѣет опоры. А у вас, в Россіи, каждое правительство считает ниже своего достоинства уйти раньше, чѣм его зарѣжут.

Если так смотрѣл на положеніе вещей Павлу, то тѣм менѣе удивительным было, что так смотрят остальные «союзники». Отвѣт Жанена и невозможность дѣйствовать на другом берегу Ангары (пароходы захватили чехи, объявившіе, что не дадут ими пользоваться ни той, ни другой из борющихся сторон) ставили Совѣт Министров в необходимость вступить в переговоры как с «союзниками», так и с земцами.

С «союзниками» было достигнуто какбудто соглашеніе о нейтрализаціи желѣзнодорожной полосы, что же касается переговоров с земцами, то, по доходившим слухам, они закончились отрицательно, в виду полученнаго от Третьякова из Читы сообщенія, что он не согласен на компромисс и что атаман Семенов идет на помощь Иркутску.

Вечером 27 декабря началось возстаніе в городѣ: первым поднял знамя его отряд особаго назначенія, состоявшій при управляющем губерніей, захватив телеграфную и телефонную станціи. На слѣдующій день возставшие перенесли свою дѣятельность в Знаменское предмѣстіе. Толпы любопытных могли свободно наблюдать, как передвигаются цѣпи повстанцев по направленію к городу. Онѣ были так малочисленны, что только удивлялись, как власть не справится с таким ничтожным противником: было ясно, что власть сама ничѣм не располагает. Мало по малу свист пуль на улицах стал увеличиваться, а число любопытных на улицах — уменьшаться. Бои шли в самом городѣ, число раненых и убитых увеличивалось.

Ряды повстанцев росли за счет рабочих из предмѣстій. Ряды правительственных войск рѣдѣли: переходили на сторону повстанцев. На лѣвом берегу прибыли семеновскія части, вступили в бой с повстанцами и вынуждены были отступить. Стало извѣстно, что на помощь прибывают японцы. Эшелоны их прибыли, но японцев не видать было.

Звуки перестрѣлки стали нормальным явленіем. К нам в квартиру в окна, обращенныя к Знаменскому предмѣстью, влетѣли двѣ пули, к счастью не причинив никому вреда. Просыпаясь утром, удивлялись, если не слышно было стрѣльбы. На улицу выходили, по мѣрѣ возможности рѣже. Общаться во внѣ было трудно. Раза два я видѣлся с Волковым. Ничего опредѣленнаго сказать он мнѣ не мог. Информація Павла, сочувствовавшаго эсерам, казалась односторонней. И все таки, нужно сказать, что, оставляя в сторонѣ эсерствующих, почти не встрѣчалось мѣстных людей, которые бы опредѣленно сочувствовали правительству. Его к этому уже и ставили ни во что. Боялись наступленія власти Семенова; меньше этого опасались возможной власти большевиков; желали власти земской.

Так тянулось время, казавшееся безконечно долгим. От Павла я знал, что 2 января начались в поѣздѣ генерала Жанена переговоры Совѣта Министров с «союзниками» и Политическим Центром, на время которых должно быть установлено перемиріе. 24-часовое перемиріе было объявлено с 12 часов дня 3 января. На сутки наступает кажущаяся давно забытой тишина. По доходящим слухам, нейтралитет «союзников» опредѣленно односторонен в пользу Политическаго Центра. «Союзники» опредѣленно требуют отреченія адмирала Колчака.

Переговоры затягиваются. Всѣ нервно ждут их исхода. По доходящим слухам, шансов на достиженіе соглашенія между Совѣтом Министров, настаивающим на предоставленіи возможности эвакуироваться за Байкал, и Полити-

ческим Центром, требующим капитуляціи, нѣт.

Наступает 12 часов ночи 4 января. Извѣстій о возвращеніи с вокзала Червена, Бурышкина и других, ведущих переговоры в поѣздѣ Жанена, нѣт. На улицѣ совершенно тихо. Около часа ночи на нашей улицѣ появляются патрули Политическаго Центра. Иркутск оказался занятым без сопротивленія: правительственныя войска ушли из города до окончанія перемирія, до окончанія переговоров.....

3.

5 января на улицах появился «манифест» Политическаго Центра, манифест «послѣдовательно-демократической политики». Как и всѣ подобнаго рода акты, манифест, кромѣ парадной стороны, включал и программу. Харакерными чертами ея были: 1) полнота власти на мѣстах органов самоуправленія; 2) усиленное покровительство коопераціи; 3) національзація каменноугольной промышленности и средств передвиженія; 4) контроль над внѣшней торговлей, с участіем в нем представителей коопераціи, и контроль над всѣми областями торговли и промышленности, с участіем в нем представителей мѣстнаго самоуправленія и профессіональных союзов.

Населеніе встрѣтило переворот радостно. Но далеко не радостно были настроены члены Политическаго Центра. С нѣкоторыми из них, в том числѣ с предсѣдателем Политическаго Центра, Федоровичем, и членом его, Косьминским, я встрѣчался ежедневно за табльдотом. И уже на третій—четвертый день послѣ переворота они при мало знакомых людях (к числу которых относился и я) не скрывали, что их положеніе крайне тяжко. Они уже чувствовали, что произвели переворот чужими силами, большевистскими, и эти силы теперь насѣдали, становились требовательнѣе, толкали к непосредственному большевизму.

Через нѣсколько дней послѣ переворота произошло событіе, которое ошеломило буквально всѣх: союзниками был выдан Политическому Центру адмирал Колчак! Этого уже никто не ожидал, и я менѣе других. Я был случайно знаком с текстом постановленія Высоких Комиссаров. Он гласил почти текстуально слѣдующее (цитирую по памяти): «Высокіе Комиссары, учитывая создавшееся положеніе, предлагают адмиралу Колчаку отдаться под их покровительство, и, если-бы он этого пожелал, то поручить охрану адмирала чехо-словацким войскам и доставить его в мѣсто по его указанію. Если-бы адмирал Колчак не пожелал сейчас воспользоваться настоящим предложеніем, а обратился за покровительством позднѣе, то не отказать ему в нем, если это по обстоятельствам окажется тогда возможным». Вопрос был поставлен настолько ясно, что времени на размышленіе адмиралу не давали, и он, само собою разумѣется, отдался под покровительство «союзников». Выдать при таких условіях человѣка было актом высшаго позора, актом, к которому с презрѣніем относились даже тѣ, кому выдали адмирала. Между тѣм, выдача адмирала не была односторонним актом чехов: она состоялась с благословенія тѣх, кто предложили ему покровительство.

Члены Политическаго Центра эсеры были, как это чувствовалось, сами смущены своей удачей в требованіи выдачи адмирала. И тѣм не менѣе, чуть не на завтра послѣ этой выдачи, Политическій Центр принял закон о смертной казни за нѣкоторыя преступленія. И это — эсеры, для которых требованіе отмѣны смертной казни было одним из ярких лозунгов до революціи!

Постановленіе о возстановленіи смертной казни тѣм болѣе поразило многих, что дня через два телеграф принес извѣстіе об отмѣнѣ смертной казни Совѣтской властью. Эсеры оказались большими католиками, чѣм сам Папа. Политическій Центр явно поддавался требованіям толпы.

Не могу не упомянить и о печальной участи А. А. Червена-Водали. Как я уже указывал, в момент вступленія повстанцев в город Червен в поѣздѣ генерала Жанена вел переговоры с представителями Политическаго Центра и, естественно, остался там. Это нисколько не

помѣшало лѣвой прессѣ трубить на завтра, что Червен-Водали бѣжал, бросив все на произвол судьбы. И вот, благородство Червена преодолѣло в нем расчет: он счел нужным явиться к Политическому Центру и заявить, что он не намѣрен бѣжать. В результатѣ—арест, стоившій Червену впослѣдствіи, уже при большевиках, жизни.

Совершенно явная тенденція к прямой власти большевиков заставляла подумывать об отъѣздѣ из Иркутска. Правда, знакомые эсеры урезонивали меня, что самое лучшее — остаться в Иркутскѣ, гдѣ реакціонера во мнѣ не видят; меня убѣждали также в том, что большевики стали неузнаваемы, совершенно измѣнились: «сюда они придут уже вегетаріанцами», как выразился один эсер. Кромѣ того, они и не придут в Иркутск, ибо они согласятся на созданіе «буфера», о котором с Москвой ведет переговоры из Красноярска Колосов. Меня все это мало убѣждало; я рѣшил ѣхать.

Выѣхать, однако, было не просто. Единственный реальный способ выѣзда был в каком-либо чешском эшелонѣ. Пришлось потратить не мало хлопот, чтобы получить приказ генерала Сырового, предоставившій мнѣ право проѣзда в чешских эшелонах. Но такого приказа было мало. Надо было еще, чтобы в эшелонѣ было свободное мѣсто, а эпоха была такая, что не во всѣх эшелонах охотно брали частных пассажиров. Чехи торопились уходить, и уже далеко не так просторно ѣздили, как в былыя времена. С отъѣздом дѣло затягивалось.

Между тѣм, событія шли гораздо быстрѣе, чѣм даже я предполагал. С каждым днем большевики все сильнѣе насѣдали на Политическій Центр, требуя уклона от его программы к большевизму. Надо отдать справедливость эсерам, что в этом отношеніи они на уступки не шли. Чувствуя, однако, что реальныя силы на другой сторонѣ, они заявляли: «не нравится вам, берите власть вы». Это, в свою очередь, не подходило почему-то большевикам, и в таком неустойчивом равновѣсіи дѣло тянулось до вечера 20 января, когда предложеніе эсеров передать власть большевикам было внезапно принято послѣдними. Утро 21 января принесло нам прокламацію о передачѣ Политическим Центром своей власти Революціонному Комитету. На слѣдующій день пришла разгадка происшедшаго.

Мѣстные большевики получили телеграмму о согласіи Москвы признать власть Политическаго Центра в Иркутской губерніи и на восток от нея, а от Политическаго Центра телеграмма была скрыта. Мѣстные большевики, будучи противниками московскаго рѣшенія, и повели дѣло так, что телеграмма стала извѣстна Политическому Центру только послѣ передачи им власти, когда было уже поздно.

Цикл замкнулся. Я опять очутился на территоріи, подвластной большевикам. Я торопился уѣзжать и 23 января я получил мѣсто в теплушкѣ эвакуировавшихся польских граждан. Нас «отправляли» раза по три в день и прицѣпили, наконец, к поѣзду 7 февраля, когда мы и отправились. Это был день, когда неожиданно для всѣх был разстрѣлян адмирал Колчак. Я говорю «неожиданно», ибо, по доходившим безспорно точным свѣдѣніям, адмирал импонировал не только членам Политическаго Центра, но и большевистской комиссіи, допрашивавшей его. По всѣм данным, к адмиралу относились хорошо, с уваженіем; шла рѣчь о судѣ над ним в Москвѣ. Меньше всего кто либо думал о том, что возможен такой конец адмирала в Иркутскѣ, и не в судебном порядкѣ, а внезапно, внѣ всякаго даже самим ревкомом установленнаго порядка.

В чрезвычайно тяжелом настроеніи уѣзжал я из Иркутска. Кончалось трехлѣтіе со дня начала революціи, и что мы имѣли? Временное Правительство пало под натиском большевиков, оставшись без всякой поддержки. Учредительное собраніе, Комуч, Директорія пали, оставшись также без всякой поддержки. Пало теперь, наконец, правительство Колчака, имѣя массы опредѣлено против себя и будучи безсильным одолѣть ничтожную горсть повстанцев в городѣ.

Отсюда, конечно, нельзя было дѣлать

вывода, что массы стоят определенно за совѣтскую власть: онѣ возставали и против нея. Но за то можно было считать установленым: во первых, что всѣ происходившія мѣстныя возстанія, как против совѣтской власти, так и против диктатуры справа, были отвѣтом на становившийся невыносимым произвол, а не во имя какого либо опредѣленнаго государственнаго строя; во-вторых, что массы не желают длительной гражданской войны; в третьих, что, при прочих равных условіях, большевизм слѣва находит большій процент поддерживающих его, чѣм большевизм справа; наконец, что нечего расчитывать на успѣх организованной вооруженной борьбы с большевиками против воли широких масс.

Приходилось признать, что массы не осознали насущной необходимости для них подлиннаго демократизма. Онѣ еще ни разу его не ощущали, чтобы его цѣнить настолько, чтобы за него бороться. Массы выявили, чего онѣ не хотят, но пока не знают, чего хотят. Если навязывать силой диктатуру пролетаріата, коммунизм,—безнадежное стремленіе «загнать ослов дубиной в рай» (по удачному выраженію покойнаго А. И. Шингарева), то прямо химера — попытка заставить народ против его воли бороться за народоправство: в такой мысли кроется внутреннее противорѣчіе.

Что дѣлать при таких условіях нам, кадетам? Одни из нас пошли общим фронтом с реакціонерами, считая, что жертвуют своим «я», своими требованіями народоправства, во имя высшей цѣли одолѣнія большевиков, хотя бы путем диктатуры; другіе—пошли совмѣстно с соціалистическими группировками на борьбу за народоправство; третьи—положили всѣ силы на то, чтобы влiять на правых, внушая им необходимость демократическаго, а не реакціоннаго курса. И всѣ эти карты были биты! Приходилось признать, что народ не сознает, что мы ему нужны, а навязываться ему безнадежно.

Придя к этим выводам, я, не рѣшая вопроса для других, для себя вопрос рѣшил: устраниться от политической работы. С этим твердым намѣреніем я уѣзжал из Иркутска на восток.

ГЛАВА XXIX.

Недѣля в Читѣ.—Бесѣда с С. А. Таскиным.—В оккупированном Приморьи.—Мѣстная національная задача.—Отказ от рѣшенія отойти от политической дѣятельности.

Медленно подвигались мы вперед. Только через три недѣли со дня выѣзда из Иркутска, 28 февраля, прибыли мы в Читу. Тут, вслѣдствіе каких то недоразумѣній между польским комендантом и польской делегаціей, наш вагон был отцѣплен, а мы, его пассажиры, задержаны. Нас привели, прежде всего, в бронепоѣзд. Страшной славой пользовались читинскіе бронепоѣзда, не с легким сердцем вошел я в него и с удовольствіем услышал распоряженіе отправить нас в государственную охрану.

Здѣсь меня допросил офицер, по всему видимому, жандармскій еще царских времен, держал себя в высшей степени корректно и сравнительно скоро отпустил. Но тут начались мытарства. У власти было убѣжденіе, что мои спутники везут огромныя богатства. Производили обыск, болѣе походившій на разгром, чѣм на обыск. Кстати осматривали и мои вещи, ссылаясь на то, что в общей теплушкѣ трудно разобраться в принадлежности вещей. Кстати производили у меня личный осмотр и рылись в моих бумагах, все время очень извиняясь и объясняя мнѣ, что обыск ко мнѣ лично никакого отношенія не имѣет. Чувствовалось прямое издѣвательство.

Но обыск на меня произвел не такое впечатлѣніе, как результат его, когда два молодых офицера усѣлись тут же обсуждать вслух, что из найденных цѣнностей (найдено было очень немного) подлежит возврату и что нѣт: вернуть ли ребенку копилку с 8 рублями мелкой серебряной монетой, не слишком ли много на мужа с женой 5000 рублей романовских, и все ли им вернуть?

Задержали нас в Читѣ с повторными обысками цѣлую недѣлю, пока не удалось добиться включенія нашего вагона вновь в чешскій эшелон, что равнялось своего рода экстерриторіальности.

Перед отъѣздом я заглянул к однопартійцу, бывшему члену государственной думы от Забайкалья, С. А. Таскину. Теперь он был управляющим гражданской частью у атамана Семенова. Отзывы в Читѣ о нем были хорошіе: если бы не он, режим был бы много тяжелѣе.

Я разсказал Таскину о своих мытарствах, разсказал о довольно непріятном разговорѣ с одним из офицеров, знакомым с моей дѣятельностью и заявившим мнѣ, что из всѣх моих прегрѣшеній самое страшное то, что я с давних пор кадет. Я указал Таскину, что, вполнѣ понятное с большевистской точки зрѣнія отношеніе к частной собственности недопустимо для власти, признающей частную собственность, а то, что я видѣл при обыскѣ в вагонѣ—полное надругательство над понятіем о частной собственности.

Разсказ мой Таскина не удивил; удивило его то, что я давал себя подвергать непріятностям, не предложив вызвать к телефону его и не сообщил ему о моем задержаніи, что, конечно, избавило бы меня от всего, что я претерпѣл.

— Попав в эту исторію, я хотѣл посмотрѣть, что здѣсь дѣлается у вас, так как слышал я очень много; сослаться на Вас я рѣшил в крайнем случаѣ, —отвѣтил я.

— В крайнем случаѣ? Храбрый вы человѣк! У нас «в крайнем случаѣ» может быть слишком поздно.

Не знаю, был ли Таскин сам неточно освѣдомлен, что дѣлается во Владивостокѣ, или по каким либо соображеніям считал нужным не все говорить, но он определенно не говорил мнѣ, какая власть там: по его словам выходило, что во Владивостокѣ «как будто» власть большевиков. Настроеніе Таскина совершенно расходилось с моим. Он был настроен жизнерадостно и продолжал, несмотря на все, вѣрить в успѣх организованной вооруженной борьбы с большевиками; увѣрен он был и в японской помощи.

От Таскина я получил разрѣшеніе на выѣзд на восток. 7 марта я выѣхал и несмотря на полученную хартію, с опаской взирал на проѣзд через Даурію. Один из производивших обыск офицеров совѣтовал мнѣ не ѣхать дальше из Читы в той теплушкѣ, в которой я пріѣхал: в Дауріи, утверждал он, за эту теплушку возьмутся, и послѣ Дауріи обыск в Читѣ покажется мнѣ сущим пустяком. По мѣрѣ приближенія к Дауріи даже чехи нервничали. Эшелон был техническій, с ним шли мастерскія, и личный состав его был далеко не из боевых. Тѣм болѣе неспокойны были мы, и особенно облегченно вздохнули, когда поѣзд, совершено неожиданно для нас, прошел, не останавливаясь на страшном разъѣздѣ.

Так же медленно, как и до Читы, мы двигались дальше. В дорогѣ нас застала забастовка рабочих на Китайско-Восточной желѣзной дорогѣ, забастовка, окончившаяся сверженіем власти генерала Хорвата, власти наиболѣе мягкой в то время в Сибири. И тут повторилось то же, что и во всей Сибири: масса тянула *влѣво*. И тут подтверждалась моя оцѣнка, и подкрѣплялось мое рѣшеніе отойти от политической дѣятельности.

Только 26 марта я прибыл вь Владивосток, и тут я нашел совершенно неожиданную политическую обстановку.

Власть была номинально в руках Приморской Земской Управы, в руках эсеров. Фактическая власть была в руках коммунистов. Это обстоятельство очень удачно охарактеризовал позднѣе один из видных мѣстных коммунистов, Кушнарев: «мы вмѣсто себя подсунули эсеров». Здѣсь эсеры и не думали, как в Иркутскѣ, проводить что либо свое: они соглашались быть ширмой коммунистов.

Но за то и коммунисты себя выявляли ненормально.

Приморье было фактически оккупировано японцами; грозила потеря края Россіей, и коммунисты, учитывая это, вели себя здѣсь не по-большевистски. С другой стороны, управленіе ген. Розанова успѣло оставить по себѣ такую печальную память во всѣх слоях населенія без исключенія, что буржуазія относилась к новой власти без недоброжелательства, мирясь с ея нѣсколько большевистским запахом. Что касается лѣвых антибольшевиков, то они спокойно были на службѣ у новой власти, и она их допускала даже на весьма отвѣтственные посты. Так, А. Н. Кругликова (праваго эс-эра) я застал на посту министра внутренних дѣл, а генерала Болдырева—консультантом военнаго вѣдомства.

Не успѣл я оріентироваться в положеніи, как в ночь с 4 на 5 апрѣля японцами было совершено вооруженное выступленіе, военныя силы правительства разоружены, и встал вопрос о власти. И вот тут, задѣтый за живое національный вопрос высоко поднялся над партійными перегородками. Собравшаяся в Городской думѣ мѣстная общественность в лицѣ представителей всѣх без исключенія слоев населенія единодушно заявила о своей поддержкѣ приморскому вр. правительству—Приморской Земской Управѣ. Оцѣнила момент и другая сторона, и предсѣдатель совѣта министров, Никифоров, заявил, что раз в Приморьи необходимо сохранять буржуазный строй и бороться за національные интересы, то он, коммунист, покажет, как поддерживают національную промышленность и торговлю.

Приморье становилось на демократическій путь. Ставилась задача создать на Д. Востокѣ демократическій буфер. Созывалось народное представительство — «Народное Собраніе» — с обширными правами. Учитывалось, что при существовавших настроеніях буржуазія имѣет мало шансов на представительство, избирае-

мое в городах по пропорціональной системѣ. Поэтому 10 депутатских мѣст предоставили выборным от торгово-промышленой палаты, уравновѣсив их 10 депутатами от профессіональных союзов.

Приморье становилось на путь парламентаризма, с отвѣтственным перед палатой кабинетом. Борьба переносилась в плоскость иную, чѣм до сих пор—в плоскость парламентскую. Мои предположенія отойти от политической работы отпадали. Кадетам представлялась возможность принять участіе в борьбѣ, наиболѣе свойственной им, и они, в том числѣ и я, участіе в ней приняли.

Задача стояла перед нами, правда, мѣстная, но очень важная в общегосударственном смыслѣ: сохраненіе края за Россіей. Этой задачѣ подчиняли в тот момент все и всѣ, от коммуниста до капиталиста.

Этот момент и эти задачи объясняют весьма многое, мало понятное без знанія условій момента. Без этого трудно, несомнѣнно, было многим за границей и даже в Россіи понять, как Виноградов и я могли очутиться с одной стороны в общем кандидатском спискѣ с прогресивной, но весьма умѣренной, торгово-промышленой буржуазіей, а с другой, правая Народнаго Собранія — в коалиціонном кабинетѣ от торговопромышленника до коммуниста (во главѣ кабинета) включительно.

Этот період—період высокаго подъема в конвульсивных движеніях части государства в момент опасности быть оторванной в пользу другого государства — заслужит несомнѣнно вниманіе историка в будущем. К сожалѣнію, період этот еще слишком близок, чтобы мнѣ можно было излагать свои воспоминанія о нем без слишком существенных пропусков. Приходится поэтому отложить их до болѣе благопріятнаго времени.

КОНЕЦ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ПРЕДИСЛОВІЕ 3

Часть I: В Москвѣ

(январь—іюнь 1918 года).

ГЛАВА I. Центральный Комитет к.-д. в подпольи.—Разгон Учредительнаго Собранія.—Убійство Кокошкина и Шингарева . . . . 7—10

ГЛАВА II. Увѣренность в непрочности Совѣтской власти.—Учредительное Собраніе или монархія? . . . . 11—15

ГЛАВА III. Брестскій мир.—Москва в ожиданіи прихода нѣмцев.—Положеніе обывателей.—Внѣшній характер Совѣтской власти.—Возвращеніе петроградских узников и их впечатлѣнія . . . . 16—21

ГЛАВА IV. Разгромъ анархистовъ.—Моральный выигрыш Совѣтской власти.—„Союзники" и флирт с Совѣтской властью.—Вопросъ о борьбѣ с Совѣтской властью.—Вѣсти из деревни . . . . 22—26

ГЛАВА V. Вопрос об иностранной помощи.—Опасность японской интервенціи.—Необходимость объединенія противобольшевистской общественности.—Рознь у к.-д.—Союз Возрожденія, Правый Центр, Національный Центр.—К.-д. и диктатура . . . . 27—30

ГЛАВА VI. Переѣзд Совѣтской власти в Москву.—Положеніе интеллигенціи.—Сношенія с большевиками.—Совнархоз . . . . 31—36

ГЛАВА VII. Я. М. Свердлов.—Пріобщеніе науки к пролетаріату . . . . 37—43

ГЛАВА VIII. Поѣздка в Архангельск и Вологду.—Партія к.-д. и федерація.—Сепаратизм и экономика.—Партійная конференція.—Опять в подпольи.—Командировка на Восток 44—48

ГЛАВА IX. Внѣшняя жизнь в Москвѣ.—Маленькая Коммуна.—Моральный развал.—Матеріальное оскудѣніе.—Отъѣзд из Москвы.—Радужныя перспективы . . . . 49—51

Часть II: За Волгой

(іюль—сентябрь 1918 года).

ГЛАВА X. От Москвы до Казани.—Вѣсти из Екатеринбурга.—От Казани до Сѣрных Вод.—За предѣлами досягаемости . . . . 55—57

ГЛАВА XI. На территоріи Комуча . . . . 58—61

ГЛАВА XII. От Самары до Челябинска.—Комуч и Омск.—В Челябинскѣ.—Съѣзд „держав“.—Дипломатическая переписка.—Урал, Сибирь и Поволжье.—Совѣщаніе 16 іюля . 62—66

ГЛАВА XIII. В Омскѣ.—В. А. Жардецкій.—Омская общественность.—Омское правительство.—Осложненія с Самарой.—Отъѣзд.—Казачество и федерація . . . . 67—70

ГЛАВА XIV. От Челябинска до Екатеринбурга.—„Союзники“ в роли хозяев.—Сложность положенія промышленных предпріятій.—Вопрос о совѣтских декретах.—Образованіе правительства Урала . . . . 71—79

ГЛАВА XV. В Челябинскѣ.—В. Н. Пепеляев и директивы Центральнаго Комитета.—Тренія между правительствами Урала и Сибири.—Омск и чехи.—Предварительное Государственное Совѣщаніе . . . . 80—87

ГЛАВА XVI. Положеніе в Екатеринбургѣ.—Отношеніе населенія к правительству Урала.—Омская политика и правительство Урала . . . . 88—92

ГЛАВА XVII. В Уфѣ.—Взаимоотношенія правительств.—Засѣданія Государственнаго Совѣщанія.—„Болѣзнь“ Пепеляева и мое положеніе.—Деклараціи делегацій.—Омскій реализм . . . . 93—101

ГЛАВА XVIII. Совѣт Старѣйшин.—„Съѣзд“ членов Учр. Собранія.—Вопрос о контролирующем органѣ.—Отношеніе к Учр. Собранію и Съѣзду.—Программные вопросы . . . . 102—121

ГЛАВА XIX. Четвертое засѣданіе Государственнаго Совѣщанія.—В Совѣтѣ Старѣйшин: Предѣлы компетенціи областных правительств. Разногласія в вопросѣ о кандидатурах. Отказ от партійнаго давленія на членов Директоріи.—Торжественное засѣданіе.—Привѣтствія французскаго и англійскаго правительств.—Акт об образованіи Верховной власти 122—131

Часть III: Борьба за власть

(сентябрь 1918—іюнь 1919 года).

ГЛАВА XX. Вопрос о резиденціи Директоріи.—Убійство Новоселова в Омскѣ.—Избраніе Екатеринбурга резиденціей.

—Колебанія. —Приготовленія в Екатеринбургѣ. —Внезапное измѣненіе рѣшенія.—Встрѣча с Директоріей в Челябинскѣ.—Сэр Эллiот и Авксентьев . . . . 136—141

ГЛАВА XXI. Поѣздка в Омск.—В поисках Директоріи.—Слѣдствіе по дѣлу Новоселова.—„Блок".—Соглашеніе Директоріи с Административным Совѣтом.—Бесѣда с Авксентьевым.—Предупрежденіе Болдырева о готовящемся переворотѣ.—Вопросы продовольствія и финансов.—Безсиліе Директоріи . . . . 142—148

ГЛАВА XXII. Пріѣзд Вологодскаго.—Похищеніе В. Н. Моисеенко.—Конфликт на вопросѣ о составѣ Совѣта Министров.—Новоявленный „Ц. К.".—С. В. Востротин о кандидатурѣ адмирала Колчака.—Разрѣшеніе конфликта.—Соглашеніе правительства Урала с Директоріей.—Упраздненіе правительства Урала . . . . 149—155

ГЛАВА XXIII. Съѣзд членов Учр. Собранія в Екатеринбургѣ.—Прокламація Ц. К. партіи с.-р.—Екатеринбургскіе к.-д. о Директоріи и диктатурѣ.—Переворот 18 ноября — „Конституціонная диктатура".—„Семерка".—Ликвидація ея и „Съѣзда".—Генерал Гайда.—„Партія государственнаго переворота" . . . . 156—164

ГЛАВА XXIV. Національный Союз.—Адмирал Колчак в Екатеринбургѣ.—Военные успѣхи и черносотенная пропаганда.—Отношеніе крестьян к совѣтской власти и реставраціи.—Военный режим на Уралѣ.—Съѣзд промышленников.—Демократическій Союз.—Выборы от земства в Государственное Экономическое Совѣщаніе.—Земельный вопрос и крестьяне . . . . 165—176

Часть IV: Расплата

(іюль 1919—апрѣль 1920 года).

ГЛАВА XXV. В Омскѣ.—Оппозиціонное большинство в Государственном Экономическом Совѣщаніи.—Вопрос о расширеніи его компетенціи.—Отношеніе к нему адмирала Колчака.—Состояніе арміи.—Непомѣрные штаты.—Паденіе курса рубля.—Омскіе министры . . . . 179—188

ГЛАВА XXVI. Частныя совѣщанія.—Омскіе к.-д.—Настроенія в населеніи.—Отказ в пріемѣ делегаціи Г. Э. Совѣщанія и уход из него группы Алексѣевскаго.—Грамата о Государственном Земском Совѣщаніи.—Переговоры с чехами о помощи.—Развал „блока".—Демократическій Союз в Омскѣ 189—194

ГЛАВА XXVII. Вопрос о премьерѣ.—„Подводная война".—Вопрос об эвакуаціи Омска.—Вѣсти о Совѣтской власти.—Эвакуація Г. Э. Совѣщанія.—Иркутск и эс-эры. Чешскій меморандум.—Новый Совѣт Министров.—Засѣданіе Г. Э. Совѣщанія 8 декабря . . . .

ГЛАВА XXVIII. Надежды на японцев и на атамана Семенова.—Совѣщаніе земцев.—Возстаніе.—Отношеніе „союзников“.—Политическій Центр.—Выдача Колчака.—Передача власти большевикам.—Разстрѣл адмирала Колчака.—Отъѣзд на Восток . . . . 203—209

ГЛАВА XXIX. Недѣля в Читѣ.—В оккупированном Приморьи.—Мѣстная національная задача . . . . 210—212